

Епископ Варнава (Беляев)

**Основы искусства святости.
(опыт изложения
православной аскетики)**

2 – том.

Издание братства во имя
святого князя Александра Невского
Нижний Новгород
1998

*«Никто не может сказать, что указанный святыми отцами путь
недостижимо высок. Ибо каждый начинающий
шел по нему в молодости. Чтобы быть
святым, вовсе не нужно воскрешать мертвых,
быть пророком, нужно только сохранить
до последнего дня это настроение
горячности веры и любви к Спасителю».
(Епископ Варнава)*

Содержание

Отдел III. «Душевный» человек в борьбе со страстями (продолжение) 2

**Глава 1. Душевный и телесный состав падшего человека в страстном
устроении и деятельно-подвижническом (продолжение) 2**

**§ 5. Общее состояние тела у падшего человека. Наше отношение к телу по
учению Священного Писания, святых отцов и данным современной
медицинской науки. 2**

Приложение. Служение (культ) плоти. 36

**§ 6. Аскетическая физиология тела. (Телесные отделения. Пот. Слезы.
Истечения. Пищевые отделения. Слюна. Так называемое (в медицине)
пуэрперальное состояние: менструации, нормальные роды, послеродовой
период, выкидыш, кормление грудью.) 50**

Глава 2. Плотские страсти и их противоядия. 67

§ 1. Чревоугодие. 67

**§ 2. Наркотики: духи, чай, кофе, какао, шоколад, табак, алкоголь, опиум,
гашиш и прочее..... 74**

**§ 3. Сквернословие: «площадная матерная брань», «словесный
эксгибиционизм». 94**

§ 4. Любовь «первая» и любовь «мистическая»..... 102

**§ 5. Страстная (плотская) любовь. Блуд в собственном и широком
смысле. 112**

§ 6. Противоестественные пороки (рукоблудие, женолюбство, мужеложство, скотоложство).....	122
§ 7. Сребролюбие.....	130
Глава 3. Душевные страсти (с противоядиями).....	140
§ 1. Гнев.....	140
§ 2. Осуждение (злословие). Злорадство. Жестокость.....	149
§ 3. Уныние и леность.....	161
§ 4. Печаль.....	171
§ 5. Тщеславие.....	174
§ 6. Дерзость.....	186
§ 7. Ложь.....	198
§ 8. Гордость.....	203
Глава 4. Крайняя степень падения духовной сущности человека ..	207
§ 1. Прелесть у верующего христианина.....	207
Прелестное подвижничество и молитва.....	207
§ 2. Непосредственное общение с духами тьмы	218
и прямое служение сатане.....	218

Отдел III. «Душевный» человек в борьбе со страстями. (продолжение)

Глава 1. Душевный и телесный состав падшего человека в страстном устроении и деятельно-подвижническом.

§ 5. Общее состояние тела у падшего человека. Наше отношение к телу по учению Священного Писания, святых отцов и данным современной медицинской науки.

Мы уже видели, что вместе с грехом пришла в душу и тело человека смерть. И тело из здорового и прекрасного, каким оно было в раю, стало безобразным и болезненным¹. Так что и то юношеское, цветущее его состояние, когда оно носит название «здорового», в сущности — нездоровое. И у юноши тело устает, подвержено заболеваниям, а про девушек я уже и не говорю. Если же человек начинает жить по своим страстям и похотям, то вконец измощает себя и заживо начинает гнить. Тело страстного человека, будучи сластолюбивым и изнеженным или болезненным и привередливым, конечно, в этом состоянии страшится подвига и неспособно к нему. Понятны и страхи нынешних людей, боящихся постов, длинных церковных служб, отсутствия удобств на богомольях и прочего. Поэтому всякий, призванный благодатью Божией ко спасению, вскоре чувствует нужду заняться своим телом, чтобы оно помогало душе в борьбе со страстями, а не было бы для нее само наветчиком. Святые отцы давно уже выработали известные правила в отношении к своему телу. Они отвешивали ему все «мерой и весом». В меру пили, в меру ели, в меру спали, в меру занимались физическим трудом. Все в меру, ничего лишнего. В общем, их жизнь, конечно, была подвижнической, но это потому, что они сами обостряли свой труд и утончали эту меру. Но если откинуть в их аскетическом делании все крайности, на которые,

к тому же, и среди них не все были способны², то мы ясно увидим, что общий строй их внешней жизни был очень ровен, нормален, вполне соответственен

-7-

законам, положенным Творцом для бытия тварей, в высшей степени способствовал сохранению здоровья — душевного и телесного — и продлению самой жизни человека до наибольших пределов. Строгое отношение к телу у святых отцов не к самоубийству вело, а к чистоте жизни и здоровью³.

К сожалению, в настоящее время в обществе принято думать совершенно наоборот. Чуть-чуть где-либо раздастся голос пастыря или просто даже благоразумного члена семьи, что нужно-де жить более простой жизнью, сейчас закричат со всех сторон: «Вы в монахи хотите наших дочерей и сыновей записать», «Молоды они, им надо повеселиться, подкормиться», «Не всем быть подвижниками», подразумевая под этим, что все монахи наживают от постной пищи только малокровие и чахотку, а от недосыпания — мигрень. Я говорю, понятно, об истинных монахах. Не есть мяса, не пить вина, не курить и тому подобное для нынешних людей есть уже не только подвиг, но, повторяю, и самоубийство. Аскетика, в задачу которой входит, между прочим, указание лучших способов обращения со своим телом, потому что оно есть друг души и без него последняя не может спастись и приобретать добродетели, — аскетика, говорю, считается наукой (если только еще наукой!) необоснованной, странной, сумасбродной⁴. А лучше сказать — неизвестной. Даже в духовных академиях соответствующие кафедры только перед войной 1914 года открыли, и замещавшие их, конечно, ничего не успели сделать для этой науки, а надо бы выразиться — для спасения душ верующих.

Поэтому аскетический писатель, желая быть принятым и понятным в среде, если уж не неверующих, то интеллигентов, воспитанных на доверии к так называемым научным истинам, — я разумею ту часть из них, которая нелестно хочет спастись и идти ко Христу тесным Его путем, но не знает, где этот путь искать, — поневоле должен иметь опору для своих мнений во внешних источниках, в светских эмпирических науках, столь любезных культурным людям. Чисто святоотеческие доводы были бы для последних неприемлемы, невероятны, непонятны, недостоверны. Известно, что коза приманивается сеном, свинья — грязной лужей и пчелка — душистыми цветами. Каждому свое. Снисходя к немощи таковых людей, что делали в свое время и святые Василий Великий, Григорий Богослов и другие,

-8-

и показывая, что лучшие, то есть наиболее беспристрастные и неослепленные представители науки, не являются противниками основных точек зрения аскетики во взглядах на трактуемый предмет, аскетический писатель тем самым получает надежду заинтересовать и привлечь внимание и светских людей. Не погибать же им, и не из монахов только должно ведь состоять Царство Небесное. Когда они увидят, что наука, которой они так верят, одобряет все то, чему учит и аскетика, то сами уже возьмутся дальше за самостоятельную работу. По крайней мере, те из них, кто хочет искренне презреть мир и кто познал его суету. Вот почему я вообще часто привлекаю светские научные данные в качестве положительного или отрицательного доказательства в своих «Основах», чего до сих пор

богословы-аскеты не делали. А по какой причине, мне нет необходимости здесь говорить. У меня свой путь...

В дальнейшем изложении достаточно еще будут показаны и двойственность науки (то есть будет вскрыта оборотная ее сторона)⁵, и учение отцов-аскетов об отношении спасающихся к своему телу в целях его умерщвления. Здесь же я хочу обратить внимание читателя на то, что все излагаемое ниже не имеет отношения к подвижничеству. *Ни о каком подвижничестве здесь речи нет, ибо, во-первых, о подвижнических правилах будет говорено после специально, а во-вторых, врачи, чьи рецепты и методы лечения и охраны здоровья будут предложены читателю ниже, преподавали их не подвижникам, а всем людям, и не только здоровым, но и больным и маломощным. И последним чаще, чем первым.*

Я нарочно здесь не приведу ни одной цитаты из писаний подвижников, но предоставляю слово одним врачам-гигиенистам и представителям школы так называемых «естественных методов лечения» (Naturlichmethoden). И мы увидим любопытнейшую вещь — ученых, и притом докторов (ведь считается, что среди естественников наибольший процент принадлежит неверам и ненавистникам «постнических» обетов), в роли апологетов прямо-таки святоотеческого образа жизни! Это еще, конечно, не значит, что они и во имя тех же убеждений ратуют, но и то внушительно, для неверующих (или кричащих: «Мы — не монахи...») устыдительно, что их же вожаки и учителя с «научными» дипломами плетутся вслед за монахами...

-9-

Материал же, из которого я намерен почерпнуть краткие данные, относящиеся к поднятому мною вопросу, есть трехтомный труд М. Платена⁶, награжденный на различных выставках четырнадцатью золотыми медалями, шестью почетными медалями, тремя почетными крестами, выдержавший 38 изданий и разошедшийся за границей в сотнях тысяч экземпляров! Успех, которым могут похвалиться сочинения немногих ученых и профессоров и который о чем-нибудь да говорит...

Платен начинает свою книгу с выяснения причин болезней, которыми страдает весь культурный мир, и находит, что «человечество потому хиреет и болеет, потому подпадает влиянию сотен болезней, что оно почти совершенно отшатнулось от *естественного образа жизни*⁷ и живет жизнью, вполне противною законам природы». Среди этих причин: боязнь свежего воздуха (сравните наши спальни, которые на ночь плотно, со всех сторон, закрываются, чтобы в них не попала ни одна струя холодного воздуха, — многие из врачей это даже поощряют из боязни простудить своих пациентов), неправильное питание, непроницаемая и нерациональная одежда, укутыванье в постели, неправильное распределение движения и покоя, бодрствования и сна, и еще многое другое. Все это требует подробного рассмотрения, к которому Платен — и мы с ним — и переходит. Начинает он с выяснения вопроса о питании и о том, «каково оно должно быть и каким оно обыкновенно не бывает».

*Что мы должны есть?** (Подзаголовок Платена. — Прим, составителя.)

«Дорогой читатель, — поучает симпатичный (сужу по портрету) доктор, — если ты принадлежишь к среднему классу, если ты ремесленник или рабочий или вообще вынужден, в силу обстоятельств, ограничивать свой выбор пищи и питья и соблюдать некоторую экономию, то в большинстве случаев ты будешь

утверждать, что ты мог бы быть сильнее и здоровее и работать энергичнее, если бы, подобно богатым людям, мог есть много хорошего мяса и пить много пива и вина. Это воззрение тем глубже укоренилось в тебе, что сам ты, что весьма возможно, не получа-

-10-

ешь ежедневно к обеду мяса или даже в состоянии его иметь к столу лишь по праздничным дням. Далее, ты, быть может, принужден совершенно обходиться без вина, пиво пьешь довольно редко и в большинстве случаев прибегаешь к водке, чтобы, как ты думаешь, сохранить свои силы, а в зимнее время достаточно согреть свое тело.

В этом отношении ты ужасно заблуждаешься! Выдающееся брюшко более состоятельных людей, их красные, одутловатые и разгоряченные лица, обнаруживающие в них тяжелое состояние прилива крови, все это служит хорошим показателем того, какого рода это кажущееся здоровье. Поистине наружность обманчива, и за этим здоровьем и силой, которым ты завидуешь, глядя на зажиточных людей, скрываются два зловещих призрака — "подагра" и "удар".

...Итак, роскошный образ жизни дает первый толчок к развитию вышеуказанных страданий. К сожалению, однако, многие продолжают пить и есть так, точно у них несокрушимый желудок, а в запасе имеется второе здоровье... Не преувеличивая, можно утверждать, что добрая половина людей ведет борьбу со своим желудком. Появление большей части болезней можно отнести на счет расстройства пищеварения. Подагра, ревматизм, болезни мочевого пузыря, печени и почек, ипохондрия, пресыщение жизнью и многие виды нервных страданий обязаны своим возникновением болезненному состоянию органов пищеварения. Худосочие, неправильности кровообращения и малокровие развиваются вследствие нашей неумеренности и страдания желудка⁸.

...Знаменитый банкир и миллионер Ротшильд приехал однажды в Вёрисгофен, в Баварии, к не менее знаменитому пастору Кнейпу, лечившему согласно естественному методу, и просил его дать ему совет и помочь в его тяжелом болезненном состоянии. Ротшильд подробнее ознакомил пастора Кнейпа со своим образом жизни и сообщил, как часто и что именно он привык есть. Он подробно говорил о массе кушаний, которые он ежедневно поглощает во время четырех или пяти приемов пищи, и, наконец, изложив картину болезни, спросил, не может ли Кнейп ему теперь сказать, чем он, собственно, болен, так как врачи ставят то один, то другой диагноз. "Конечно, — сказал почтенный пастор, — я могу вам наверное ответить, чем вы больны: вы страдаете отсутствием второго желудка"».

-11-

«...Кнейп — католический священник и в то же время врач — последователь естественного метода лечения. Он вылечил массу людей, и успехи его лечения были иногда прямо чудесны, так что он приобрел славу как среди врачей, так и среди публики...

Пастор Кнейп родился 17 мая 1821 года... Он был сын бедного ткача, и ему предстояло пойти по стопам отца. Непреодолимое желание сделаться священником побудило молодого Кнейпа бежать на 21 году от ткацкого станка».

После многих странствований и лишений он надорвал здоровье, но в конце концов добился своего: получил сан священника. Случай или Промысл, кому как угодно, натолкнул его на водолечение. Он, прежде всего, сам себя избавил от смерти (физические силы его от переутомления были совершенно расшатаны, и он уже стал болеть грудью, так что и профессора медицины никак не могли ему помочь), а потом «основал и постепенно развил вполне своеобразную систему водолечения», посредством которой вылечил и бесчисленное множество других людей. Эту систему он изложил в быстро прославившемся сочинении «Мое водолечение; средства для излечения болезней и сохранения здоровья». Кнейп излечивал в короткое время тифозных и оспенных больных, потерявших голос и даже зрение и слух. Кратко сказать, он «излечивал все болезни, за исключением органических страданий, унаследованных или в раннем детстве полученных болезней, например эпилепсии (падучей)⁹, и некоторых болезней, ведущих к полному истощению, например сухотки и тому подобных.

Насколько проста его теория, настолько же прост и его метод применения воды. Холодная вода применяется им очень осторожно и весьма разумно: в большинстве случаев процедура длится от полуминуты до минуты и очень редко дольше трех минут. Растирание полотенцами или щетками и обсушивание после применения воды не имели места. После всякой процедуры пациенты должны были согреваться прогулкой на открытом воздухе, а если они не были в состоянии гулять, то согревались лежа в постели. Невытирание имеет свои неоспоримые преимущества, так как развивается приятная влажная теплота, а затем получается равномерное распределение крови. Пастор Кнейп рекомендует также перед применением холодной воды делать движение, чтобы при начале процедуры имелся запас нормаль-

-12-

ной собственной теплоты. "Кто приступает к водолечебному приему потным, поступает всего лучше", — говорил высокоуважаемый пастор, делая из этого правила обязательное исключение только при беспокойном сердце. В Вёрисгофене применялись всякие обливания, но самое обычное применение воды состояло в так называемом верхнем обливании. Две или три полные большие лейки холодной воды выливаются пациенту на спину, причем струе дается каждый раз другое направление... После применения верхнего обливания пастор Кнейп заставлял иногда пациентов стоять в холодной воде, доходящей до икр или колен. Эта процедура должна длиться 1-3 минуты. Подчас он заставлял ходить по воде 1-5 минут... Для всех процедур вода бралась прямо из источника, то есть совершенно холодная. Кнейп держался того мнения, что чем вода холоднее, тем лучше, и потому в зимнее время прибавлял к воде снег.

Все перечисленные двойные применения холодной воды замечательно ускоряют и регулируют кровообращение. Многие пациенты Кнейпа должны были утром во время росы ходить босиком по мокрой траве, по мокрым камням или по свежевypавшему снегу. Многих он заставлял даже целый день ходить босиком. В зимнее время *всякому* пациенту рекомендовалось ходить несколько минут по *свежевypавшему снегу*. Эти процедуры особенно хорошо укрепляют весь организм, оживляют нервную систему, регулируют кровообращение и благотворительно отвлекают кровь от головы к конечностям»¹⁰.

Кнейп сам исполнял то, чему учил. «Ежедневно утром он на минуту садился в холодную полуванну и при этом обмывал себе верхнюю часть тела. Как любитель свежего воздуха, он спал ночью даже и в зимнее время при открытом окне¹¹. Он был убежден, что легкое и равномерное покрытие тела наиболее полезно, и потому во всякое время года надевал только самую необходимую одежду¹². Он не терпел, чтобы его пациенты кутались и одевали лишнюю одежду. Кнейп почти не употреблял спиртных напитков и своим пациентам разрешал потребление таковых только в самом незначительном количестве». Но довольно и этих сведений, чтобы получить понятие о методе Кнейпа и о нем самом. Ручательством за правильность его учения служила его европейская, если не всемирная, слава, наличие у него на приеме нескольких сот больных ежедневно и его собст-

-13-

венное отличное здоровье, которого он добился, будучи первоначально слабым и хилым.

Никак нельзя опустить здесь в заключение самого главного кнейповского правила, с которым надо подходить к закаливанию себя по его способу. Это — соблюдение во всем меры, постепенности, терпения. Чисто святоотеческое требование¹³. Крайности и излишки ведут не к здоровью, а, наоборот, к расстройствам телесным и преждевременной смерти¹⁴.

Продолжаю прерванное изложение о том, что мы должны есть. Собственно, пока шло только введение — о пользе воздержания.

«Старинная, но вечно справедливая поговорка гласит: когда пища кажется наиболее вкусною, тогда именно надо остановиться есть. Как мало, однако, людей следует этой поговорке, и именно в тот момент, когда входят во вкус, они только и принимаются основательно за еду.

Попробуй хотя один раз прервать еду, когда пища тебе будет казаться наиболее вкусною, когда у тебя, так сказать, только что разыгрался аппетит к ней. За твое воздержание ты несомненно скоро получишь награду: после еды ты будешь чувствовать себя совершенно иначе, чем прежде. Вместо полноты в желудке и тяжести во всех членах, вместо сонливости и лени ты будешь чувствовать особую легкость во всем теле, охоту к работе и приятное веселое настроение. Не бойся того, что ты можешь повредить себе тем, что съешь слишком мало. Так легко ты не умрешь от голода и упущенное всегда успеешь наверстать. Но чрезмерной едой ты наверно повредишь себе, так как она явится излишним отягощением для твоего тела, и если это бремя не будет вовремя удалено при посредстве органов выделения (кишки, почки и кожа), то оно непременно вызовет дурной состав соков и отложится в каких-либо органах тела в виде посторонних веществ. Мы получаем силу, необходимую для поддержания жизни, не от того, что мы съедаем, а от того, что и как переваривает наш желудок. Если мы вводим в наш организм более пищи, чем требуется для его поддержания, то мы требуем от него такого напряжения сил, которое содействует лишь сокращению жизни... К сожалению, однако, есть немало людей, для которых желудок стал богом и которые желают жить только для чревоугодия... Болезни, дряхлость и преждевременная смерть — вот неизбежные последствия их невоздержанности. Они не просто умирают, они

-14-

убивают себя, они своими зубами роют себе могилу.

До сих пор я говорил тебе, дорогой читатель, лишь вскользь о пользе воздержания, но тебе будет небезынтересно узнать, как я докажу, что многие пищевые и в особенности вкусовые и раздражающие средства, как, например, мясо и спиртные напитки, приносят телу более вреда, чем пользы...

Начнем с мяса... Я приложу все старания, чтобы доказать тебе, что в мясе отнюдь нельзя видеть того укрепляющего средства, каким ты его считаешь... "Оно содержит такие составные части, как креатин, креатинин, мясомолочную кислоту и фосфорнокислые соли, которые несомненно вредны, действуют на организм возбуждающим образом и особенно неблагоприятно влияют на нервы" (Док). Лучше всего ты можешь заметить это на самом себе, если для пробы некоторое время воздержишься от мясной пищи и потом вновь начнешь есть мясо. Ты наверное заметишь тогда общее возбужденное состояние организма, усиленное биение артерий и беспокойный сон... Один известный врач сказал: "Диспепсия (плохое переваривание) находится в зависимости от желудка, которому доставляется обильное количество мясной пищи и пикантных соусов". Дальнейший вред, приносимый мясной пищей, состоит в том, что обыкновенно она вызывает потребность в других раздражающих веществах. И действительно, после хорошего бифштекса едва ли ты сможешь удовольствоваться стаканом воды, и стакан вина или пива покажется тебе особенно заманчивым. Сидя же за вином или пивом, тебе захочется выкурить хорошую сигару или трубку. Так одно раздражение влечет за собой другое... Если же ты вместо всего этого поел бы хорошего и питательного молочного супа с прибавкою хлеба, а потом плодов, то ты не почувствовал бы потребности ни в вине, ни в пиве, ни в табаке, и ты сберег бы и часть денег, и здоровье.

Ученые доказали, что мясная пища приводит в воспалительное состояние стенки желудка... Возбужденное состояние, испытываемое после приема в пищу мяса, бульона или после потребления спиртных напитков, считают ошибочным образом за проявление силы и, несмотря на то, что возбуждающее действие скоро исчезает и возвращается прежняя слабость, все-таки все продолжают считать эти раздражающие продукты первоклассными укрепляющими и питательными веществами.

-15-

О бедное, ослепленное, обманутое, больное человечество! Вечно увлекает его привычка подкреплять себя возбуждающими и раздражающими веществами, между тем, по неизменным законам природы, за всяким возбуждением нервов обязательно должно следовать их расслабление...

Я далек от того, дорогой читатель, чтобы убеждать тебя сразу сделаться вегетарианцем, но ты должен согласиться, что преимущественное питание мясом скорее вредит, чем приносит пользу. Мясная пища горячит. Это ты можешь видеть уже из того, что всякий доктор, найдя у тебя лихорадку, прежде всего запрещает тебе мясную пищу и спиртные напитки, чтобы не усиливать лихорадочного повышения температуры. Но, с другой стороны, ты должен ведь понимать, что те продукты, которые вредны больному, не могут быть полезны и здоровому. Даже в то время, когда тебе кажется, что ты здоров, у тебя, благодаря питанию мясом, скрытое лихорадочное состояние, и если ты не замечаешь этого,

то только потому, что обманчивое возбуждение организма принимаешь за выражение действительной силы и здоровья. Однако же, в один прекрасный день у тебя обнаружится либо более, либо менее сильная болезнь, что, впрочем, может случиться и довольно поздно, если твой организм обладает достаточной силой сопротивления. Известно, что люди, едящие много мяса и пьющие много спиртных напитков, легко заболевают болезнями, сопровождаемыми лихорадкой, как-то: тифом, воспалением легких и т. п. Известно также, что такие люди труднее выздоравливают и что их приходится лечить дольше, чем пациентов, живших до болезни проще и воздержаннее.

Я мог бы сообщить еще многое о вреде мясной пищи, указав, например, на то, что причина появления кариозных (гнилых. — Еп. Варнава) зубов зависит главным образом от порчи соков, вызванной употреблением мяса, что дурной запах изо рта бывает преимущественно у питающихся мясом и пьющих спиртные напитки (а не у постников, подвижников и святых. — Еп. Варнава), что столь распространенное малокровие именно и вызывается излюбленным теперь "укрепляющим" лечением, что, наконец, ряды нервных больных, истериков, ипохондриков, меланхоликов и душевнобольных пополняются почти исключительно из приверженцев мясной пищи и спиртных напитков, а также табака, чая, кофе и так далее...

-16-

Как доказали физиологи, в человеческом желудке переваривается только чисто растительная пища, тогда как при употреблении мяса только продолжается процесс разложения трупа животного... Потому-то гастрономы предпочитают мясо диких животных с *haut gout**, (с душком (франц.))

то есть в таком состоянии, когда процесс разложения подвинулся уже довольно далеко, так как при этих условиях мясо становится легче переваримым и желудку сберегается часть работы¹⁵.

...Поэтому не думай, что ты, будучи слабым и больным, увеличишь свои силы усиленным мясным питанием. Напротив, от такого питания ты станешь чувствовать себя только гораздо хуже, чем прежде.

Подумай только о большом числе детей богатых родителей, о бесконечной массе женщин и девушек, страдающих малокровием и бледной немочью, а их ли не откармливают всевозможными укрепляющими кушаньями и напитками (мясо, яйца, бульон, вино, баварское пиво и т. д.). И что же? Исчезают ли от этого их болезни? Не кажутся ли дети богатых людей, несмотря на укрепляющую пищу, зачастую болезненнее и слабее детей небогатых родителей?!

...Питание преимущественно растительной пищей делает нас выносливыми и дает возможность работать равномерно и без преждевременного утомления. Весь секрет заключается лишь в целесообразном выборе и смешении пищевых продуктов и во внимательном и правильном их приготовлении.

Бобовые растения — горох, чечевица и бобы — всего более превосходят мясо своею питательностью, не содержа в то же время вредных и возбуждающих составных частей этого последнего. Они содержат очень много альбуминатов (белковых веществ) и в общей сложности на 10-15 % более питательных веществ, чем имеется таковых в мясе, а с другой стороны, они беднее водой. Хорошо, — скажешь ты, — все это, быть может, и правда, но ведь плоды бобовых растений

трудно переваримы и вызывают развитие газов. Разумеется, — отвечу я, — они нелегко переваримы, если их неправильно готовят или если тому служит причиной неправильный, неестественный образ жизни, так как не только бобовые растения, но и вообще растительная пища несовместима с сидячим образом жизни. Растительная пища, как

-17-

естественная диета, требует много движения и работы на свежем воздухе, но зато она укрепляет тело положительно чудесным образом и в то же время сообщает необыкновенную энергию мозговой и вообще духовной деятельности.

Тем, кому плоды бобовых растений до сих пор казались слишком тяжелыми для желудка, я советую готовить их следующим образом, причем прилагаемый мною рецепт равно пригоден для приготовления бобов, гороха и чечевицы. Плоды бобовых растений обмывают водой и оставляют в воде же на целую ночь. Утром их варят в той же воде, то есть не сливают воды, в которой они размачивались, как это часто ошибочно делается; это важно потому именно, что часть питательных веществ переходит в воду при размачивании бобов и пр. Когда бобы и т. п. разварятся и сделаются мягкими, их протирают через решето для удаления шелухи, и тогда они готовы для еды. Для вкуса можно, еще во время варки, прибавить немного соли и масла.

Если плоды бобовых растений, считающиеся вообще тяжело перевариваемыми, готовить указанным образом, то даже *человек, ведущий сидячий образ жизни, может есть их без вредных последствий для своего здоровья* (курсив мой. — Еп. Варнава). Для рабочего, который должен до крайности напрягать свои силы, гораздо полезнее питание чрезвычайно питательными бобовыми растениями, чем излюбленная "водочно-картофельно-кофейная"¹⁶ диета".

Непосредственно за питательными бобовыми растениями по содержанию питательных веществ идут *хлебные растения: рожь, пшеница, рис, овес, ячмень, маис* и т. д. Зерна злаков содержат также все составные части, которые необходимы для питания, а именно: альбуминаты, или белковые вещества, большое количество крахмала, растительную слизь и следы жиров.

Важнейшую роль играют зерна злаков в деле приготовления хлеба. Разумеется, хлеб в том виде, как его пекут и едят, то есть подкисленный и соленый, не соответствует требованиям, которые предъявляет естественный образ жизни к столь важному пищевому продукту. Прежде всего, для приготовления теста не следует брать ни дрожжей, или кислого теста, ни соли. Затем отруби должны обязательно входить в состав хлеба, и в этих видах зерна перемалываются на особых мельницах в грубую муку. Последняя содержит в себе и отруби, важное значение которых для питания

-18-

и пищеварения, к сожалению, еще мало известно большинству людей. В так называемой клейковине, находящейся в отрубях, содержатся наилучшие и питательнейшие части муки и главным образом фосфаты¹⁷, так что надо считать прямой расточительностью удаление отрубей из муки, как это теперь, к сожалению, сплошь и рядом делают, откармливая отрубями скот.

Питание *хлебом Грэгема*¹⁸ или *хлебом с отрубями* (бывает ржаной и пшеничный отрубной хлеб) имеет еще следующие преимущества: оно усиливает отделение слюны, возбуждает деятельность желудка, усиливает отделение желудочного сока и, механически раздражая кишки, устраняет недостаточно энергичную их деятельность, что, в свою очередь, способствует более легкому удалению каловых масс.

...Послушаем еще, что говорит о хлебе Грэгема один известный врач. Это уже упомянутый выше доктор Док, много лет питающийся исключительно растительной пищей и своим здоровьем, энергиею в работе и свежее и цветущею внешностью блестящим образом опровергающий предубеждение против питания растительною пищею.

Доктор Док говорит: "Хлебу Грэгема подобает занимать видное, почетное место не только на обеденном столе, но и среди так называемых лечебных средств, так как он самым естественным образом излечивает всегда почти неприятные, а иногда и весьма тягостные явления запоров. Всем известно, что это весьма распространенное страдание весьма часто влечет за собой очень тяжелые болезненные расстройства, как-то: вялость кишок, брюшное полнокровие, геморрой, застой печени и даже тяжелые душевные страдания, до ипохондрии включительно. Как раз в этом отношении хлеб Грэгема часто нам давал поразительные результаты. Сотни людей обязаны ему тем, что без содействия аптеки излечились от вышеупомянутых страданий. Ввиду этого мы рекомендуем всем страдающим вялостью отправления органов пищеварения обратить особое внимание на этот хлеб. Хлеб с отрубями имеет неоценимые преимущества; он служит одновременно и питательным, и целебным средством: он не имеет вредного свойства большинства лекарственных средств, которые приносят нашему организму известный вред и потому непригодны для постоянного и непрерывного приема внутрь. Этот хлеб до такой степени полезен для нашего организма, что мы мо-

-19-

жем питаться им всю жизнь, и в то же время имеем в нем неизменно готовое к нашим услугам средство борьбы с недейтельностью кишок. Таким образом, он совершенно устраняет злоупотребление слабительными средствами, а ведь всем известно, какой вред они приносят; правда, они помогают на мгновение, неестественно раздражая кишки, но, вследствие этого излишнего раздражения, появляется еще большая слабость, то есть недейтельность кишок. В этом отношении мы не находим достаточно слов, чтобы рекомендовать Грэгемов или отрубной хлеб как врачам, так и неврачам. В большинстве случаев этот хлеб блестящим образом оправдывал возлагавшиеся на него надежды; я знаю лишь очень редкие случаи, когда он не приносил желанных результатов, и это обыкновенно случалось тогда, когда аптека успевала уже окончательно испортить дело"¹⁹.

...Когда мы едим хлеб с отрубями, мы должны обращать особое внимание на основательное пережевывание и пропитывание хлеба слюной. Вводимое этим путем значительное количество слюны оказывает двоякое благоприятное действие на отправления желудка. С одной стороны, щелочи слюны связывают часть находящихся в желудке кислот, вызванных брожением; с другой стороны,

бродильные ферменты слюны, превращающие крахмал зерна в сахар и камедистые вещества, попадают в желудок в таком количестве, что могут оказать значительное содействие процессу пищеварения.

Каких только вкусных, питательных, легко усвояемых и дешевых блюд мы ни можем сделать из риса, манной крупы, ячменя, овса и маиса, отчасти с молоком, отчасти и без него! Особенно *овес* является таким пищевым продуктом, для восхваления питательности которого не хватает выражений. Так, чистую овсяную кашу дают родильницам, потерявшим слишком много крови и нуждающимся в восстановлении сил, а также и в тех случаях, когда требуется усилить отделение молока.

А какую громадную роль играет овес при кормлении грудных младенцев и вообще детей! При некоторых поносах (диаррея) овсяный отвар или жидкий кисель являются положительно ничем не заменимым целебным средством.

Рис содержит более углеводов и менее альбуминатов; ввиду этого, он требует прибавки молока или яиц, или же лучше всего варить его вместе с плодами бобовых расте-

-20-

ний, которые богаче альбуминатами или белковыми веществами.

Молочные каши, ячменный отвар и т. д. — также прекрасные пищевые продукты для здоровых и лекарства для больных. Далее, *пшено*, *манная крупа*, *гречневая крупа*, *са-леп* и *саго* весьма питательны и пользуются всеобщим распространением.

Что касается *овощей*, то они являются прекрасным освежающим и охлаждающим пищевым продуктом. Они содержат, главным образом, сахар, крахмал и декстрин (камедь крахмала), но меньше белковых веществ. Ввиду этого, они составляют действительно хорошую пищу только в смеси с другими пищевыми продуктами; надлежаще приготовленные овощи можно с успехом рекомендовать хроническим больным. Шпинат способствует образованию крови, так как содержит много железа. С другой стороны, лицам, страдающим расстройством пищеварения, не следует есть некоторых сортов капусты.

Картофель состоит, главным образом, из крахмала и является необходимым дополнением к плодам бобовых растений, хлебным растениям и овощам. Крупный мучнистый картофель, жареный или вареный, является даже весьма тонким кушаньем. Подобно хлебу и овощам, мы можем есть его ежедневно, не опасаясь каких-либо неприятных последствий. Однако картофель, подобно рису, нуждается в приправе; лучше всего есть его с небольшим количеством растопленного масла, с молоком или пахтаньем.

Плоды (и ягоды), в сыром и вареном виде (компот), являются прекрасной и здоровой пищей и в вопросе о питании заслуживают гораздо большего внимания, чем то, какое им вообще уделяют. Плоды содержат, главным образом, сахар и декстрин и лишь немного альбуминатов. При употреблении их вместе с другими пищевыми продуктами их главнейшее преимущество состоит в том, что они несколько уменьшают питательность кушаний, богатых белками, например хлеба с отрубями, бобовых растений и т. п., и следовательно, препятствуют тому, чтобы в наше тело вводилось слишком много белков; нельзя упускать из виду, что белковые вещества, принятые в чрезмерном количестве, приносят безусловный

вред. Дети очень лакомы до освежающих плодов, да и взрослые едят их часто и весьма охотно. Плодам приписывают способность улучшать состав крови,

-21-

и это действительно имеет место, так как, скажем примерно, очевидно безразлично, дается ли материал для крови из пива и колбас или же из хлеба с отрубями и плодов. В первом случае мы получаем густую кровь, а во втором — жидкую. Плоды дают несомненно очень чистую и хорошую кровь, так как они содействуют пищеварению и усиливают обмен веществ. Питание плодами устраняет застой крови в органах нижней части живота²⁰ и побуждает к усиленной деятельности органы мочеотделения. При болезнях груди и органов брюшной полости виноградное лечение приносит прекрасные результаты. При хронических запорах, воспалительных состояниях органов пищеварения, ревматизме, подагре, болезнях печени, почек и мочевого пузыря плодовая диета заслуживает исключительного внимания. Нет достаточно выражений, чтобы рекомендовать питание плодами при всех этих болезнях²¹. Вследствие того, что плоды содержат много воды и кислот, они прекрасно освежают во время лихорадочного состояния, при котором и врачи по большей части назначают различное кисловатое питье...

В нашем климате одни плоды не могут прокормить человека, который для поддержания своего существования должен слишком много работать физически и умственно, но в тропических и вообще жарких странах есть немало людей, питающихся исключительно плодами. Плоды хлебного дерева, финики и винные ягоды могут уже одни вполне хорошо питать человека. Араб, странствующий со своим верблюдом по знойной пустыне, питается исключительно финиками и винными ягодами, запивая их небольшим количеством воды.

Автор этой книги (то есть Платен. — Еп. Варнава) жил несколько лет в Парагвае, в Южной Америке, и во время продолжительных и утомительных поездок верхом, длившихся ежедневно по 10-12 часов, питался исключительно жареной кукурузой, вареными корнями маниока²² и апельсинами. И как раз эта простая и невозбуждающая пища, состоявшая главным образом из плодов, делала его сильным и способным выносить все тягости пути под палящими лучами тропического солнца. Крайне сомнительно, был ли бы он в состоянии все это вынести при так называемом укрепляющем питании (мясо, яйца, вино).

Дорогой читатель, мой хвалебный гимн плодам затянулся, и я от всего сердца желал бы, чтобы ты постепенно все

-22-

более и более привык к их потреблению. Если у тебя есть основание быть недовольным своим пищеварением, если ты, быть может, страдаешь запорами, поставь себе за правило при всяком приеме пищи есть также и плоды. Попробуй, например, вечером, перед отходом ко сну, съесть две-три сушеные винные ягоды (в таком виде они обыкновенно продаются у нас на севере), и ты на следующее уже утро не преминешь заметить изменение в состоянии своего желудка. Полагаю, что тебе придется часа за два до времени обычного своего пробуждения встать, чтобы выполнить тот долг, от уплаты которого не избавлен в известные моменты ни один из смертных. На этом примере ты можешь видеть наилучшее доказательство "наглядного" действия плодов²³.

Среди пищевых продуктов важное место занимают *яйца, молоко, масло, сыр и сахар*. Молоко и яйца содержат, например, все питательные вещества, необходимые для молодого организма, для которого, собственно, и предназначены эти пищевые продукты. Молоко хорошо переносится людьми, ведущими воздержный образ жизни, делающими много движений, употребляющими мало мяса и не пренебрегающими питьем воды. Для детей это — наилучшая пища. Многие больные желудком отлично чувствуют себя при употреблении молока, для других оно не особенно пригодно. Страдающие болезнью печени или переполнением желудка слизью совершенно не переносят его.

Рекомендуется не кипятить²⁴ молоко, а только подогреть его перед употреблением. Процесс пищеварения, совершающийся в человеческом организме, есть процесс брожения, а потому, если отнять у молока заранее возможность подвергнуться брожению в желудке, то оно становится непереваримым...

*Кислое молоко (простокваша) и пахтанье*²⁵ также считаются хорошими пищевыми продуктами. Пахтанье особенно пригодно для больных желудком и не переносящих молока. Пусть больной пьет пахтанье, когда он голоден, и пьет его, когда чувствует жажду (Виль).

Сыр также очень питателен, хотя он и трудно переварим. Пословица говорит: сыр утром — золото, днем — серебро, вечером — свинец. Я признал бы трудную переваримость уделом более жирных сортов; хотя уже молодой сыр и даже творог считаются трудно переваримыми. Впрочем, эти последние заслуживают этого упрека лишь в

-23-

незначительной степени и достойны рекомендации более всех других сортов. По мнению проф. Реклама, творог с солью и с маленькою прибавкою толченого тмина, растертый с небольшим количеством молока, должен быть признан по питательности продуктом, стоящим не ниже вареного мяса, а по переваримости даже превосходящим его. Творог является прекрасным добавлением к картофелю или каше.

Профессор Реклам, выдающийся гигиенист, говорит дальше: "Молодой, еще белый и лишь снаружи пожелтевший сыр может вполне заменять мясо и в этом отношении заслуживает особого внимания. Старый, сплошь пожелтевший сыр служит лишь вкусовым средством (раздражающим средством! — Платен) и добавлением к пище, якобы способствующим пищеварению для взрослых; для детей он прямо вреден".

Коровье масло, то есть жир, добытый из молока, здорово, если только оно свежее и не посолено. Рекомендуется есть его лишь в умеренном количестве. Впрочем, теперешние высокие цены на масло даже не дают возможности есть его слишком много. "*Масло*, а равно растительные жиры, кокосовое, оливковое, *льняное* (подсолнечное, конопляное)²⁶. — Еп. Варнава), маковое и другие масла особенно полезны для поддержания здоровья у лиц, занятых тяжелой работой, долго остающихся на открытом воздухе, едящих грубую пищу и вообще тех, чье тело подвержено охлаждающему влиянию окружающей среды" (Реклам).

Сахар есть безусловно необходимый пищевой продукт, добываемый из сока сахарного тростника, а еще чаще из сахарной свекловицы. Он вводится в наш организм и с другими пищевыми средствами, в которых он также находится в известном количестве; таковы: овощи, корнеплоды, плоды, молоко, зерна злаков, мясо и т. д. Сахар является не только сладкой приправой для наших кушаний, но также очень легко переваримым, прекрасным, питательным веществом. Употребление его только ради лакомства, не в качестве добавления к другой пище, приносит вред как зубам, так и желудку. Уже ввиду этого ни в коем случае не следует ежедневно есть сладкие пирожки и печенье.

Мед в такой же мере здоров, как и сахар, если только его употреблять в умеренном количестве; лучше всего есть его, намазывая на хлеб.

-24-

Яйца, сырые или вареные, следует считать одним из лучших и полезнейших пищевых продуктов. Крутые яйца считаются обыкновенно тяжело переваримыми, но если хорошо их пережевывать и не глотать большими кусками, то они так же легко перевариваются, как и сваренные всмятку. Этот факт, к сожалению, еще слишком мало известен...

Теперь я перечислил тебе, любезный читатель, употребительнейшие пищевые продукты... для того, чтобы ты мог разумно относиться к господствующей ложной теории питания и не верил в то, что мясо есть единственное средство, могущее укрепить твое тело. Мясо было и будет раздражающим продуктом.

...Доктор Нихольс в своей книге «Die Dätkur» говорит следующее: "...Коршуны и вороны едят падаль, а гастрономы, столь падкие до дичи "с душком", следуют их примеру, но трупы животных нельзя признать самой чистой, естественной, а следовательно, и самой здоровой пищей для человека. Последний чувствует себя лучше всего, когда ест пищу, наиболее соответствующую его природе. В той же мере, в какой уклоняется от такой пищи, он удаляется и от целей здоровья; всякое же отклонение влечет за собой различные расстройства и нарушения в жизни человека. Противоестественная пища трудно переварима и вызывает слабость пищеварения, за которою следуют воспалительные процессы и приливы крови. В кишках обнаруживаются всевозможные расстройства вследствие запоров и чрезмерного раздражения, а усилия организма освободиться от избытка пищи или содержащихся в ней раздражающих веществ вызывают лихорадочное состояние. Грубая и жирная животная пища обуславливает болезненное состояние почек и печени. Кожа также не в состоянии удалять излишние вещества. Лица, злоупотребляющие мясной пищей, заболевают подагрой и получают предрасположение к удару. Нечистая кровь, образованная противоестественной, часто нездоровой пищей, вызывает скорбут, золотуху, заболевание легких, чахотку, кожные сыпи и рак²⁷. Одним словом, нет ни одной болезни, разрушающей человеческий организм, которая не могла бы быть вызвана неразумной диетой. Все, что мы вводим в наше тело, вдыхаемый нами дурной воздух, плохая пища, грязная вода, возбуждающие и опьяняющие напитки, все это делает нас больны-

-25-

ми, заволакивает рассудок, разжигает наши страсти и укорачивает нашу жизнь. *Мы обезображиваем сей лучший из миров; мы наполняем его болью и болезнями,*

*грехами и преступлениями, несчастием и преждевременной смертностью. Мы убиваем себя нашими собственными пороками и, как если бы этого было еще мало, убиваем друг друга на войне, зверства и ужасы которой мы привыкли считать нашим обычным, мирным положением*²⁸.

Что мы должны пить?

Дорогой читатель, если ты спросишь меня, что ты должен пить для утоления жажды, то, раз ты только прочел внимательно предыдущую главу и обратил внимание на мои указания, касающиеся естественной диеты, ты не можешь ожидать иного ответа, кроме следующего: *воду*, здоровую, чистую воду, так как все спиртные напитки — вино, пиво и водка, равно как и все наркотические напитки — кофе, чай и шоколад, являются лишь возбуждающими, раздражающими и одуряющими средствами.

...Всего целесообразнее пить утром, восстав от сна, стакан хорошей ключевой или источниковой воды, повторив залпом то же самое *через час или полтора после обеда и на ночь*... Вода, попавшая в желудок, содействует удалению из него находящихся в нем загрязнений, способствует растворению еще не переварившейся пищи, охлаждает слизистую оболочку желудка и усиливает деятельность желез, выделяющих желудочный сок. Затем вода поступает в кровь и удаляет из нее болезнетворные начала через легкие, кожу и почки. Разумеется, только хорошая питьевая вода обладает такими растворяющими качествами²⁹.

...Итак, дорогой читатель, когда ты чувствуешь жажду, пей только чистую, прозрачную ключевую воду, раз ты можешь иметь таковую. Это — самый естественный напиток из всех существующих в мире³⁰. Конечно, есть много людей, настолько удалившихся от естественного образа жизни, что их желудок не может переносить свежей воды. Такие люди должны начинать пить воду маленькими глотками, постепенно увеличивая количество выпиваемой воды до тех пор, пока они не будут в состоянии выпивать ежедневно по 3-4 стакана без всяких неприятных последствий и не отягощая своего желудка³¹.

-26-

Когда, сколько и как мы должны есть и пить?

...Для людей здоровых, не производящих особенно большой физической работы, а более занятых умственным трудом, вполне достаточно есть три раза в сутки. В первый раз — утром в 7-8 часов, причем завтрак этот должен состоять из легких кушаний... Во второй раз следует есть между двенадцатью и часом дня... В третий раз надо есть лучше всего в 7-8 часов вечера; по количеству и качеству съедаемого, ужин должен быть подобен завтраку, состоя из легкоперевариваемых кушаний.

...При известного рода расстройствах пищеварения иногда бывает слишком много и трех приемов пищи в сутки. В таких случаях полезнее всего бывает есть *два раза в день*: приблизительно в 11 часов утра и в 5 часов вечера. Доктор Нихольс, в особенности лицам, страдающим расстройством пищеварения, советует есть в 8 часов утра и в 4 часа пополудни. Такое распределение времени еды, пожалуй, полезно и для здоровых... *Обедом, собственно, должна завершаться дневная работа. Ужин оказался бы тогда излишним*. Какое необычайно важное гигиеническое и экономическое преимущество! Таким путем

человеку был бы обеспечен покойный, хороший сон, желудок в часы сна мог бы вновь набраться сил, всегда имелся бы прекрасный аппетит.

Доктор Нихольс говорит (на стр. 19 своего "Dídkur"): "Бесчисленное множество несчастных, страдающих расстройством пищеварения (а все хронические болезни — диспепсического характера), могли бы выздороветь, если бы они решились есть *один* или много *два раза в сутки*. На деле же, по совету малосведущих, беспринципных врачей, они едят чуть не через каждые два часа, притом всевозможные смеси — мясной экстракт Либиха, крепкие бульоны, заливное, рыбу, мясо, дичь и т. д., в промежутках употребляя крепкий "питательный" портвейн, а может быть, и водку, наряду с обычными успокаивающими и укрепляющими средствами. Приходится удивляться, что люди вообще еще не умирают от такой диеты. Человечество еще поразительно живуче". "Аллопатия, — говорит далее доктор Нихольс, — в тысячах случаях прямо убивает пациентов и всегда в большей или меньшей степени замедляет выздоровление"³².

-27-

...Начинать обед жидким супом, да еще в большом количестве, вредно³³, так как желудочный сок, приготовленный для пищеварения, теряет тогда должную концентрацию...

Пей мало во время еды и то лишь тогда, когда почувствуешь жажду! Ты можешь влить в желудок известное количество жидкости только после того, как пищеварение подвинется уже настолько вперед, что содержимое желудка будет представлять густую кашу. Это даже полезно, так как пищеварение требует некоторого разжижения "пищевой кашицы" (доктор Виль). Питательные вещества имеют значение лишь в растворенном состоянии, а *лучшим растворителем является вода*. Испытываемая тобою жажда определит сама, сколько воды ты должен выпить. Если ты во время еды или вскоре после нее будешь пить, не имея жажды, то твой желудок будет неестественно растянут, а желудочный сок разжижится настолько, что не будет в состоянии проявить достаточно пищеварительной силы...

Далеко не безразлично, сколько ты съешь во время приема пищи... Если ты съешь или выпьешь слишком много, то ты повредишь своему желудку и всему организму. *Переутомляя свой организм пищеварительной работой, ты уменьшаешь как умственную, так и физическую свою производительность*. Итак, никогда не ешь больше, чем необходимо для утоления голода и для поддержания твоего организма до следующего приема пищи. *Прекращай еду в тот момент, когда пища начнет тебе казаться особенно вкусной*³⁴ Больные желудком должны себе поставить за правило — *никогда не есть до полного насыщения*. Большие количества пищи отягощают желудок и кишки... Поэтому никогда не сожалей о том, что раз-другой тебе пришлось поесть лишь в очень умеренном количестве. Если ты съешь "слишком мало", то такую ошибку легко поправить, но за "слишком много" тебе придется расплачиваться всякого рода неприятными последствиями. Если же, дорогой читатель, ты уже привык есть слишком много, то *начинай медленно и постепенно уменьшать количество принимаемой пищи...*

*Приемом пищи ты должен утолить голод, но ни в коем случае не уничтожать аппетита*³⁵

— Как так? — спросишь ты. — Разве голод и аппетит не одно и то же?

— Нет! Голод и аппетит — два совершенно различных понятия.

-28-

Аппетит есть раздражение нёба и возникает благодаря желанию попробовать кушанье или напиток ради вкусового ощущения. Здоровый³⁶ человек всегда имеет аппетит, даже и тогда, когда не ощущает голода, но, само собою разумеется, пока он не почувствует голода, он, в согласии с законами природы, не должен есть только ради того, что у него есть аппетит.

Голод, наоборот, есть состояние раздражения желудка, возникающее вследствие сокращения стенок последнего. У некоторых людей сокращение это (судорожное движение) представляется слабым, и у них голод обыкновенно бывает не силен; у других же сокращение бывает сильнее, и такие лица испытывают уже сильнейшее чувство голода ("сосет под ложечкой").

Итак, заметь себе, дорогой читатель, надо утолять голод, но не уничтожать аппетита. Аппетит будет всегда налицо, если ты только будешь соблюдать важное правило — переставать есть в тот момент, когда пища будет казаться особенно вкусной. *Если ты не будешь поступать так, то и аппетит будет исчезать с окончанием еды, а это будет лучшим доказательством того, что ты съел больше, чем нужно»³⁷.*

Так наука вплотную подходит к воздержанию и постам монахов. Но приведу и еще более разительный пример, в котором все названо своими именами.

«Мы все едим слишком много! — восклицает один французский врач в популярной гигиенической брошюрке и продолжает далее: — Возьмите пример с траппистов. С 14 сентября до шестой субботы поста они едят только один раз в сутки. Эта единственная трапеза назначена в 2 с половиной часа пополудни, то есть через 12 часов после пробуждения от сна (они встают в 2 с половиной часа пополудни). Эти 12 часов заняты молитвой и рукоделием. При таком образе жизни трапписты чувствуют себя превосходно: расстройства пищеварения и другие болезненные явления наблюдаются у них крайне редко. Пища траппистов состоит из хлеба, картофеля, нежирного супа, блюда зелени или кореньев, отваренных в воде. Мясо, рыба и яйца здоровым запрещены, оливковое или иное масло разрешается только для салата. Обычный напиток составляет яблочное вино (1/2 литра). Трапеза заканчивается сырыми или вареными плодами. И такой пищевой

-29-

режим очень далек от того, чтобы сокращать жизнь, наоборот, он приносит здоровье и долголетие, в особенности в соединении с подвижным образом жизни монахов этого ордена и чистым воздухом, которым они пользуются. Подагра неизвестна в монастыре траппистов; в течение 28 лет монастырский врач не мог констатировать ни единого случая удара, водянки, судорог, каменной болезни или рака. Даже ужаснейшие эпидемии, опустошавшие всю страну, не переступали порога монастыря. С этим описанием поста и состояния здоровья французских траппистов вполне сходятся сообщения о здоровье траппистов в Эльзасе, Бельгии, Боснии и Южной Африке, так как ни один путешественник или посетитель не мог не заинтересоваться их образом жизни и его последствиями. Трапписты рассказывают, что сплошь и рядом слабые и болезненные лица,

поступившие в их монастырь, становились впоследствии сильными и здоровыми братьями ордена.

С другой стороны, всякий опытный врач может удостоверить, что значительное число болезней происходит от чревоугодия. Знаменитый проповедник Bourdaloue пользовался великолепным здоровьем до глубочайшей старости. Врач спросил его, какой образ жизни он ведет.

— Я ем лишь раз в сутки, — был ответ.

— Не говорите только этого никому, — сказал шутя врач, — а то мы лишимся совсем заработка».

«Не снабжай кушанья никакими острыми приправами, а для улучшения вкуса и увеличения питательности прибавляй сахара и соли (последней бери немного!)³⁸.

*...Разжевывай пищу медленно и хорошо.*³⁹ Многие расстройства пищеварения зависят от неправильного способа еды: недостаточное разжевывание пищи, малое смачивание ее слюной, слишком поспешное глотание — все это, к сожалению, случается на каждом шагу. "Хорошо разжевано — наполовину сварено", — говорит известная пословица. Недостаточное разжевывание не только возлагает на желудок двойную работу, но еще необычайно затрудняет растворение пищи желудочным соком. Грубые куски сильно раздражают стенки желудка. Многие люди, потерявшие зубы и лишенные возможности жевать остатками зубов, стали хорошо жевать лишь после того, как вставили себе искусственные зубы, и этим путем избавились от желудочных страданий, на которые они раньше жаловались. Слюна

-30-

обильно выделяется при разжевывании пищи и смешивается с нею, что и является первым шагом к превращению пищи в материал, годный для усвоения организмом. Так, например, крахмал хлеба превращается слюной в сахар и декстрин. Без примеси слюны пища попадает в желудок не подготовленной для переваривания и является излишней тяжестью для желудка. Вследствие этого *супы, каши* и вообще мягкие кушанья часто бывают *трудно переваримы*, так как их обыкновенно сразу проглатывают, не перемешивая со слюной. Ввиду этого, употребляя жидкую или кашеобразную пищу, надо одновременно жевать и хлеб; еще лучше придерживаться таких пищевых средств, которые по своей консистенции требуют разжевывания и смешения со слюной, чтобы попасть в желудок, не вызывая в нем расстройства.

Никогда не пей и не ешь ничего слишком холодного и слишком горячего! Это очень важный диетический закон... Горячие супы, кофе, чай и проч. приносят желудку такой же вред, как и ледяная вода, холодное пиво и т. п., в особенности при глотании большими глотками; при этом безразлично, разгорячено ли тело или нет. В результате получают катары желудка; желудочные спазмы и даже обмороки после потребления таких "противоестественных" вкусовых средств представляют явление обыденное... Но и внезапный переход от горячего к холодному равным образом вредит как зубам, так и слизистым оболочкам рта, пищевода и желудка. Поэтому после горячего супа никогда не пей ни единого глотка холодной воды или пива. Избегай также мороженого, которым в жаркие дни так охотно лакомятся для "прохлаждения".

...После еды воздерживайся также от всяких напрягающих телесных движений и от всякой умственной работы. Лучше всего лечь немного вздремнуть после обеда. "У здорового человека глаза сами слипаются после обеда, — пишет доктор Виль, — и если ты взглянешь на домашних животных, то ты увидишь то же самое". Однако спать после обеда больше часа не следует, иначе, вместо свежести и бодрости, ты будешь чувствовать усталость и будешь дурно настроен. Напротив, страдающим желудком не всегда можно рекомендовать спать после обеда, так как после такого сна, если вообще он наступает, они всегда чувствуют себя по пробуждении расстроенными и в сквернейшем располо-

-31-

жении духа. Такие больные должны следовать старинной поговорке, гласящей: "После еды надо стоять или пройти тысячу шагов". С другой стороны, весьма важно не ложиться спать тотчас после ужина. Надо подождать 2-3 часа и только тогда идти спать...

Как мы должны одеваться?

...Первое и главнейшее требование гигиены по отношению к одежде состоит в том, что верхняя и нижняя одежда должна быть пористой, то есть легко проницаемой.

...Мы дышим при посредстве кожи, как и при посредстве легких, хотя, правда, это кожное дыхание ускользает от нашего субъективного ощущения... Достаточно известно, что через кожу выделяются ядовитые продукты разложения (стоит лишь вспомнить о зловонных потовых отделениях некоторых людей, о сильном и тяжелом запахе под мышками, о зловонной потливости ног и т. п.); с другой стороны, вполне доказано на опыте, что продукты выделения человеческого тела вообще действуют, как яд, если они будут задержаны в организме и начнут в нем скопляться и отлагаться. Таким образом, задержание деятельности кожи весьма опасно для человека и может повести к самым тяжелым последствиям.

Итак, одежда должна быть легко проницаемой, чтобы не затруднять кожного дыхания, чтобы не преграждать доступа воздуха к поверхности кожи и давать свободный выход выделяющимся и собирающимся выделиться через кожу уже использованным веществам.

...Одежда должна быть не слишком узка, но и не слишком широка... Узкое платье стесняет движение, вызывает неправильности кровообращения и иные болезненные явления, задерживает обмен веществ и испарение с поверхности кожи⁴⁰.

...Весьма важно поговорить еще о головном уборе и об обуви. ...То обстоятельство, что женщины лысеют гораздо реже, несомненно зависит от их более гигиеничного головного убора; он не только легче, воздушнее и проницаемее мужского, но, кроме того, покоится только на прическе, так что между кожей головы и шляпой всегда происходит беспрепятственное передвижение воздуха... Конечно, лучше всего было бы вовсе не покрывать головы, но против этого.

-32-

восстают люди, обычай, а во многих случаях и погода. Поэтому, прежде всего, надо рекомендовать мужчинам носить легкопроницаемые шляпы... Их следует

делать без подкладки и снабжать несколькими дырочками по бокам и сверху. Кожаной подшивки у основания шляпы безусловно не следует делать⁴¹: она препятствует правильному испарению... Нельзя также рекомендовать войлочных, суконных и меховых шапок даже в сильные морозы. Они слишком греют голову и нередко вызывают на ней испарину. При таких условиях легко простудить голову при снятии шляпы, так как внезапно может произойти охлаждение кожи... Следует, насколько возможно, больше ходить с открытой головой или постепенно приучаться к этому. Воздух и свет окажут лишь благотворное влияние на кожу головы и на рост волос.

Говоря об *одежде для ног*, следует иметь в виду как сапоги, так и чулки. И те, и другие для удовлетворения требованиям гигиены должны быть легко проницаемыми... Это необходимо, во-первых, чтобы избежать "холодных ног", что происходит от оттока крови из них, а во-вторых, потому, что ноги вообще играют чрезвычайно важную роль в деле распределения крови по всему организму...

Самая лучшая обувь, однако, это — отсутствие обуви. Иначе говоря, нужно ходить босиком... Даже и в зимнее время оно не только не вредит, но, наоборот, приносит пользу...

Как мы должны спать?

...Гигиена требует от постели того же, чего и от одежды: постель должна быть проницаемой.

...Как известно, перья сильно греют, и потому в такой постели перегревается все тело. Человек самой природой предназначен для жизни в чистом воздухе, богатом кислородом, теперь же, благодаря нерациональной одежде и постели, он является существом, наиболее удаленным от своего жизненного элемента, и днем и ночью тело его пребывает в миазматической атмосфере собственных испарений...

Родители и воспитатели должны помнить, что столь часто наблюдаемые "тайные пороки" у детей обоего пола в

-33-

значительной степени зависят от спанья на перинах или под перинами, от разгорячающего действия пуховиков, которые во время сна создают своего рода тропический климат и по физиологическим законам⁴² вызывают конгестии, то есть приливы крови к половым частям, а вместе с тем и преждевременное появление половой зрелости.

Половые излишества лиц, состоящих в браке; равным образом в большинстве случаев зависят от горячащего влияния пуховиков

"Подушки, набитые перьями, безусловно следует изгнать из употребления, — говорит Фалькенгорст в своей книге "*Gesunde und praktische Wohnung*".— Не парадоксально ли (противно разуму), что человек в течение дня не задумывается подвергать свою голову, которая всегда должна быть прохладной, действию воздуха, солнца и непогоды, а ночью зарывает ее в пуховые подушки, оказывающие на нее горячащее действие. С другой стороны, спящему приносит большой вред еще то, что обильно выделяемая им углекислота не в состоянии улетучиваться вполне из глубоко вдавленной подушки, а уже 1 % углекислоты делает воздух негодным для дыхания. Проф. доктор Леманн в Вюрцбурге,

производивший исследования у постели спящего, находил в углублениях пуховых подушек до 7% углекислоты!" Итак, последний из упомянутых фактов нам прекрасно объясняет, как возникают легочные болезни, малокровие, анемия, нервная слабость и прочие страдания. *Человек не умирает теперь естественной смертью — он отравляет себя!* "Зарывание головы в пуховые подушки, покрывание их кисеею, устройство пологов, все это средства для само-

отравления и источники разнообразнейших болезней и недомоганий, и, к сожалению, на них вовсе не обращают внимания, а если и обращают, то слишком поздно" (доктор Гартман-Гиггер

...Как же должна быть устроена нормальная постель, отвечающая всем требованиям гигиены? Во первых, если ты для блага здоровья хочешь преобразовать постель, расстанься со своими перинами и пуховиками! Если твое материальное положение вынуждает тебя быть очень расчетливым в расходах, то возьми для подстилки мешок с соломой... Поверх этого ты можешь постлать дешевую шерстяную покрывку (попонку), на которой

-34-

тебе удобно и тепло лежать... Для изголовья берется подушка набитая конским волосом и обтянутая шерстяной наволочкой, подушка, набитая овечьей шерстью ("система Иегера"), или подушка из конского волоса, обтянутая трико ("система Штейнера"). Для покрывания следует брать одеяла из овечьей или верблюжьей шерсти или стеганые одеяла... Для наволочек и простынь следует брать шерстяное или бумажное трико. Кровать лучше всего выбирать железную...

Вот еще некоторые правила, касающиеся самого сна.

Ложиться следует в подходящее время. Для взрослых это время будет от 10 до 11 часов вечера. *Два часа сна до полуночи укрепляют и освежают лучше, чем 8 часов сна после полуночи или в течение дня.*

Не следует класть голову на высокие подушки, так как от этого нарушается правильность кровообращения.

Продольная сторона кровати не должна прилегать к стене. Кровать надо ставить ногами к стене, а головой - к середине комнаты... Необходимо заботиться о том, чтобы в спальне был чистый, хороший воздух. Днем надо оставлять открытыми все окна, ночью также можно допускать в спальню чистый воздух, открывая для этого одно или несколько окон в самой спальне или в соседней комнате, в последнем случае дверь из соседней комнаты должна оставаться открытой. Итак, днем и ночью свежий воздух для нашего тела! Он самой природой предназначен для этого, а потому окна настежь!

Профессор доктор Реклам говорит следующее о проветривании жилых помещений:

"Если одна половинка окна (форточка. Еп. Варнава) была открыта утром в течение часа, то многие воображают, что комната была проветрена. Это все равно, как если бы мы вздумали *налить чайную ложку чистой воды в стакан грязной болотной воды*; от такой прибавки вода в стакане не будет ни чище, ни здоровее, и всякий понимает это, потому что видит мутную воду. С воздухом же дело обстоит иначе,

так как обыкновенно видеть его нельзя, а носы взрослых и детей слишком мало привыкли отличать хороший воздух от дурного, и большинство не задумываясь, принимает последний за неизбежное зло.

Кто хочет поддержать у себя обмен веществ в полной силе, то есть сохранить здоровье и способность к работе, тот должен заботиться о чистоте воз-

-35-

духа в своем жилище, должен возможно чаще отправляться за город, лучше всего — в лес⁴³, и, наконец, *так проветривать свою квартиру, чтобы по возвращении с прогулки ни в передней, ни в комнатах нос не чувствовал воздуха*".

Для спальни следует выбрать лучшую комнату в квартире, просторную, высокую, сухую и легко проветриваемую. В ней не должно ставить лишней мебели, и особенно не следует ее делать складом грязного белья и т. п. Не надо также оставлять в спальнях ночных горшков, наполненных мочой, сильно пахнущих цветов и остатков еды. К сожалению, надо констатировать печальный факт, что ни в какой другой комнате наших квартир (за исключением отхожих Мест) не бывает такого плохого воздуха, как в спальне, и что она является очагом для развития всякой гнили и продуктов разложения... В частных квартирах обыкновенно для спален, для работы и проч. отводят самые плохие комнаты, а Лучшие комнаты предназначают для приема, устраивая В них целый мебельный магазин ради нескольких посетителей, которые иногда появляются всего 2-3 раза в год. Таким образом, живя и спя в нездоровых, маленьких, тесных и душных "чуланах", предпочитают жертвовать своим здоровьем для показной жизни и стремления выказать себя перед другими в блестящем виде при помощи прекрасной мебелировки "парадных комнат" или "салона"... Итак, дорогой читатель, вынеси поскорее мебель из "парадных комнат" и устрой там спальни для себя самого и твоей семьи...

Здоровый человек не должен спать слишком долго. Долгий сон вреден для здоровья. Здоровому человеку довольно 6-8 часов сна. Раннее вставание есть средство для сохранения здоровья и продления жизни, поэтому вставай, как только проснешься утром, и не переворачивайся на другой бок, чтобы вновь уснуть. Утренний час — золотой; кто встает, тому Бог подает — гласит народная мудрость»⁴⁴.

О многом еще говорит Платен, о чем небесполезно бы

упомянуть здесь. Но довольно и сего. Важно показать, что тот путь внешнего поведения христианина, который будет раскрываться мною постепенно на дальнейших страницах моих «Основ», не совсем уж непонятен и неприемлем для людей науки и вообще интеллигентного человека в хорошем смысле этого слова. Лучшие из этих людей не считают

-36-

для себя унижительным приближаться к святоотеческим взглядам и даже хвастаться, как своими учителями, духовными лицами. Такого рода врачи, как Платен, хотят уверить погибающих кругом людей в следующем: чтобы не хворать, надо жить согласно с природой, то есть воздержанно. А если ты заболел, то лечись не лекарствами, то есть ядами (чего и сама официальная медицина не скрывает), а естественными средствами — иными словами, помогай самой природе бороться за тебя с болезнью. Никакой медицины, в том смысле, в каком

она восхваляется у культурных людей, не должно быть. Она не пользу приносит, а только вред, а в тех случаях, когда человек выздоравливает, происходит настоящее чудо — человеческий организм борется и побеждает не только самую болезнь, но и разрушительные действия прописываемых ему лекарств!.. Из длинных доводов на этот счет вышеупомянутого Платена выпишу только следующую цитату (вывод): «...таким образом, очевидно, что лекарства (за исключением целебных растений — трав, корешков, побегов, листьев, цветов, плодов, действие которых на человеческий организм хорошо изучено и испытано) не могут излечивать никакой болезни. Случай наступления полного выздоровления после употребления лекарства доказывают только, что целительная сила природы была настолько велика, что могла одолеть одновременно и болезнь, и вредное влияние лекарства. Можно с уверенностью сказать, что такой больной выздоровел не благодаря лекарству, но вопреки ему, исключительно обязанный этим своей жизненной силой. К сожалению, подобная благоприятная случайность наблюдается не часто. Обыкновенно же болезнь с ее явлениями подавляется лекарствами, и организм подвергается затяжной хилости, которую многие принимают за "здоровье"⁴⁵. Болезни, вызванные лекарствами, — различные хронические отравления (морфинизм, кокаинизм, отравление хинином, салициловыми, йодистыми, карболовыми, ртутными и другими препаратами) — составляют ныне заурядное явление. Больной, у которого подавленная лекарствами болезнь сравнительно скоро проявляется вновь в той же или иной форме, может почитать себя еще счастливым...»⁴⁶

Медицина во все времена столько имела (и будет постоянно иметь)⁴⁷ недостатков, что против нее ополчаются и самые ярые из ценителей культуры и даже сами врачи⁴⁸.

-37-

Реклю,⁴⁹ известный ученый, анархист по убеждениям, ненавистник христианства и воспеватель цивилизации, то есть человек, который бы прежде всего должен был радоваться успехам всякой науки, так говорит против нынешней, как он выражается, "спекулирующей новыми методами лечения и патентованными средствами, придумывающей и деятельно популяризирующей новые болезни" медицины:

"Что бы ни говорили, но маги и кудесники, наследники древних волхвов и шаманов (только откуда у них такая сила?! - еп. Варнава), не все шарлатаны; традиционные средства, сохраняющиеся в некоторых семьях против той или иной болезни, не всегда являются вредными микстурами, хотя они и не подписаны первоклассным аптекарем: травы, пластыри добрых старушек или дикарей могут иногда дать исцеление там, где оказываются бессильными новейшие средства медицины. Терутак, "лекарь" с острова Апемама (архипелаг Жильберта), лечил Р.Л. Стивенсона от насморка. Какой дипломированный ученый мог бы поступить более просто и в то же время более радикально?⁵⁰ Священная ограда, несколько магических пассов, глубокий сон и больной просыпается вполне здоровым. "

"Дипломы - это гарантия", - говорят нам, но не являются ли они скорее мистификацией, давая призрак знания невеждам, умеющим только изложить фразу из учебника. Сами экзаменаторы считают испытания пустой формальностью, лишённой смысла".

Разоблачить эту "мистификацию" брались и другие авторы. Во Франции много шуму наделал в свое время Альфонс Додэ своим романом "Morticoles", у нас - врач Викентий

Смидович, ассистент инфекционной больницы имени Боткина⁵¹ (литературный псевдоним - В.Вересаев). Его "Записки врача" - это была "какая-то литературная бомба, внезапно выпущенная из "Мира Божия" (в 1901 году)*. Когда она разорвалась, то осколки ее разбросались по всем концам России и отовсюду слышались крики раненых".** (Россия. 1 января 1902. № 963) Действительно, вопросы, затронутые здесь, самые жгучие. Автор от первого лица шаг за шагом, день за днем обнажает свои душевные тайны, думы, чувства, настроения

-38-

со времени своего студенчества и кончая зрелыми годами. Но кроме этого психологического материала, его исповедь давит и кошмарными фактами. Вересаев разоблачает⁵² гнусное отношение студентов и профессоров (в университетских клиниках) к женщине, которой приходится терять всякую стыдливость, раздеваться перед целой аудиторией, выносить грубое прикосновение десятков лиц, и все это только в силу того, что она сделалась жертвою болезни, не имеет средств заплатить достойному частному врачу и так далее⁵³. Описывает «поругание»⁵⁴ трупов в анатомическом театре, что приводит в бешенство даже «мещанина-сапожника» (заставшего врачей за этим занятием над его собственным ребенком) и заставляет его кричать на них: «Что вы тут делаете, разбойники?! Ребят здесь свежуете,, а?!»,»⁵⁵ Рассказывает, как он сам делал неудачные операции, после одной из которых у него «иногда в сознании вдруг ярко вставала мысль: "Да ведь я убил человека!"» «И тут нельзя было ничем обмануть себя: дело не было бы яснее, если бы я прямо перерезал мальчику горло... Он лежал... а я, его убийца, смотрел на него... Осиротевшая мать рыдала в углу.,»⁵⁶ Возмущается тем, что, так как «венерические болезни составляют специальный удел людей, и ни одна из них не прививается животным, то многие вопросы, которые в других отраслях медицины решаются животными прививками, в венерологии могут быть решены только прививкою людям. И венерологи не остановились перед этим»⁵⁷, забыв «о различии между людьми и морскими свинками...»⁵⁸ Много еще чего можно рассказать⁵⁹. В конце концов, все это заставляет Вересаева разочароваться в своей душегубительной деятельности ординарного врача и прийти к следу-ющим мрачным выводам и заключениям: «...Какой смысл может иметь врачебная деятельность? Для чего эта игра в жмурки, для чего обман общества, думающего, что у нас есть какая-то "медицинская наука"?.. Сказал когда-то средневековый арабский писатель, Аверроес: "Честному человеку может доставлять наслаждение теория врачебного искусства, но его совесть никогда не позволит ему переходить к врачебной практике"... И для чего мне продолжать служить этой бессмыслице?»⁶⁰ «"Наши успехи идут через горы трупов" (— с грустью сознается Бильрот»⁶¹. «Врач, целитель, убивающий больного! Ведь это такое вопиющее противоречие, которое

-39-

допустить прямо немыслимо. А между тем никто этого противоречия как будто и не замечал. Я испытывал такое ощущение, как будто попал в школу к авгурам. Мы — те же будущие авгуры... стесняться нечего...» «Разговаривая о

медицине с немедиками, я многозначительно улыбался и говорил, что, сознаваясь откровенно, "вся наша медицина" — одно лишь шарлатанство...»⁶²

Даже кратко передать все то, что было написано по поводу «Записок врача», нет никакой возможности⁶³, и потому я ограничусь лишь двумя-тремя цитатами, чтобы показать, насколько законны были упреки печати и что, собственно, общество желало бы видеть во врачах.

«Прочтите "Записки врача", и вас невольно охватит холодный ужас, — писали в одной газете⁶⁴. — Совершенно спокойно доктор, пользуясь своим положением, прививает больным различные болезни и с любовью следит за их развитием. Казалось, убедившись, что прививка удалась, он должен был бы торопиться уничтожить содеянное им зло, но этого нет. Он дает болезни развиваться, и до такой степени, что она уже угрожает опасностью самой жизни, но зато ею могли полюбоваться его коллеги, которым он давал возможность изучать столь интересный и редкий пример болезни. Хорошо это или нет?

Зачастую опыты делаются без всякого смысла и основания, так только, чтобы сделать опыт... Другой вопрос — довольна ли его жертва, которой он причинил страдание?... Но это ему решительно все равно. А что же больные? — спросите вы. — Они обыкновенно умирают. — Как, и ничего? — Ничего. Они умирают во славу науки, потому что сам Бильрот еще говорил, что медицина добивается успехов через груды трупов⁶⁵.

...Но спрашивается тогда — успехи ли это?... Мы оказываемся в полной неволе у этих жрецов науки, которые нас, доверчиво относящихся к их знаниям, приносят в жертву какому-то Молоху, бесстрастно ее принимающему. Вдумайтесь в это — и вы невольно воскликните: не пора ли? Не пора ли... положить резкую грань между научными и преступными опытами? Не пора ли прокурорскому надзору, с мечом Фемиды в руках, стать на защиту тех, кто идет лечиться... в клинику, содержащую на наш счет... Наука не требует преступлений, она не дает права совершать их, и потому: не пора ли?»

-40-

Вот еще одна страстная филиппика⁶⁶: «Несмотря на столь громадные человеческие жертвоприношения, "врачебная" наука в теперешнем ее состоянии, — по словам доктора Вересаева, — очень несовершенна; мы многого не знаем и не понимаем, во многом принуждены блуждать ощупью...»⁶⁷

...Несмотря на это, аллопатическая медицина лечит болезни так, как будто знает их подлинные причины. Доктор Самуэль Ганнеман говорит по этому поводу, что аллопаты «легкомысленно игнорируют духовную природу человека и духовно-динамическую силу причин, вызывающих болезнь; они унизились до ремесла пургаторов и, поставив себе задачей уничтожение "болезненного вещества", будто бы присутствующего в больном теле, на самом же деле не существующего вовсе, естественно пришли к тому, что своим "лечением" только вредят здоровью».

Медицина теперешняя рассматривает народные массы как предмет для своих опытов, с которым можно делать все — сдирать кожу, выпускать кровь, рвать на части, которые растаскиваются студентами по домам, бросаются в ватерклозеты; прививать чахотку, чуму, холеру — и все для того, чтобы наилучшим образом применять свои методы на пользу богатым классам.

Спрашивается, как ответило на все это общество? Ничем иным, конечно, как страстным взрывом негодования и обиды по адресу разоблаченных и прикрывающихся высоким именем «авгуров» и «шарлатанов». За свою поруганную честь, доверчивость, самолюбие, достоинство, право человека, наконец... Врачи, дипломированные и не дипломированные, в свою очередь, стали защищаться до смерти, как захваченная «шайка разбойников на работе», по выражению одного страстного протестанта, не принадлежащего к этим двум ссорящимся лагерям.

Современная медицина, как и прежняя жреческая, стала поощрять и распространять разврат. Наводнила рынок патентованными средствами из разного рода заячьих сперматозоидов, пустила в ход массу косметических помад, жидкостей, презервативов, предохраняющих от беременности, наводнила миллионами акушеров, докторов, частных родовспомогательных заведений, которые не столько занимаются своими «науками», сколько совершают прокалывание детских пузырей, совершая выкидыши...

-41-

Каждое суеверие, тем более прикрытое маской «научности», переживает века. Так и современная медицина со своими мнимыми рациональными способами будет еще долго морочить народные массы, долго будет уверять в своей необходимости и годности, как силы якобы целебной и «научной»...

Здесь опять-таки хорошо сказано про «духовную природу» человека и «духовно-динамическую силу» причин, вызывающих болезнь, но не договорено и не выяснено, что под этим разумеется. А сказать многое бы можно. Если бы я был на месте доктора Ганнемана, то договорил бы так свою речь.

О «духовной природе» скажу дальше. А «духовно-динамические силы»⁶⁸ — это ангелы или бесы. Дело в том, что никакие болезни и никакие бактерии не могут повредить человеку, если не будет на то воли Божией⁶⁹ или Божьего попущения. Тому мы в Библии находим замечательные примеры: 2 Пар. 21, 12-14; Иов. 2, 6-7 и другие. Эти добрые и злые духи и являются, по повелению или по попущению Божьему, главными возбудителями болезни⁷⁰. А когда Промыслом Божиим не положено нам страдать, то те же бактерии не причиняют нам вреда. Сколько мы их глотаем ежедневно вместе с воздухом, с пищей, через прикосновение, но заражаются только те, кому положено. Старца схииеримандрита Гавриила Спасо-Елеазаровского врачи*(*Враги, а не врачи.) из ненависти нарочно заражали потихоньку дурной болезнью, да ничего не вышло. Многое бы, повторяю, можно сказать на эту тему, но не позволяют место и время.

Прибавлю только несколько слов о признаках, по которым можно отличить, какая болезнь от Бога, а какая от дьявола. Если в болезни страсти не беспокоят человека, то такая болезнь от Бога, ибо она уничтожает телесную брань, и телу в этом случае можно оказать послабление, не боясь блуда или чревоугодия. А если, несмотря на то что тело мечется от боли и жара, действует одновременно и страсть в нас⁷¹, то дело ясное — болезнь от бесов, и в этом случае поблажки телу не должно быть, потому что снисхождение еще более увеличит брань. На болезнь здесь нечего смотреть, иначе, помогая телу, повредим душе. Если же, наконец, причина изнеможения телесного очевидна, например от ран, тяжелого труда, переутомления и прочего, то можно

-42-

успокоить тело, но осторожно, помня, что бесы рядом наблюдают за нами и примешивают свое⁷²

...На этом можно бы и кончить. Но вопрос о значении медицины и дозволительности некоторых отдельных ее дисциплин настолько важен и столько возбуждает недоумений у современного человека, что я разовью его дальше самостоятельно, под, углом, зрения .Священного Писания и святых отцов, положения коих для нас, христиан, собственно только и авторитетны.

Сперва разберемся в том, имеет ли медицина, право на существование, не грешно ли лечиться, освящена ли Священным Преданием , сама профессия врача? И выясним этот вопрос с общей, принципиальной точки зрения, не касаясь пока самих методов лечения, которые в настоящее время, конечно, разнятся от тех, что применялись во времена библейские, и которые нисколько не влияют в данном случае на существо дела⁷³.

Все эти вопросы вытекают из одного главного: откуда взялась сама медицина, или, ближе к делу, болезнь? Ведь если бы не было последней; не было бы и никакой медицины, а с нею вместе и всех вышепоименованных искушений. Уже было отмечено, что болезнь есть наследие греха⁷⁴. Теперь остается только, это под углом требований нашей нынешней темы.

Нам все кажется, что если Адам и Ева когда-то согрешили и понесли наказание, то мы здесь ни при чем. Я не хочу этим сказать, что мы не верим в тайну первородного греха; нет, верим, но этот догмат сознается нами только чисто теоретически, не затрагивает всего нашего существа и наших чувств, хотя они каждую минуту и находятся под гнетом последствий грехопадения.

А дело обстоит просто. Грех, живущий в нас, который мы не хотим выкинуть вон, но который всячески питаем и которым улаждаемся, несмотря на это, мстит за себя. И болезнь есть один из видов наказания за грехи. Никаких болезней с нами де приключалось бы, если бы мы не грешили. А если бы почему-либо и случилось с нами нечто подобное, то врачей звать не нужно было бы. Сам Бог бы нас исцелял непосредственно. Порукой в том Он Сам:

"И сказал Господь:

Если ты будешь слушаться гласа Господа, Бога твоего

-43-

и делать угодное перед очами Его

и внимать заповедям Его,

...то не наведу на тебя ни одной из болезней,

...ибо Я Господь (Бог твой), *целитель* твой,

יָרֵם, ἰατρεὺς , sanator».

(Исх. 15, 26.)

В Новом Завете Господь снова подтвердил это и указал ясно на зависимость между грехами и болезнями. Не грехи — и не заболеешь: Мф. 9, 2 (= 9, 6); Ин. 5, 14. Некоторые свидетельства из святых отцов на сей счет будут приведены впоследствии⁷⁵. Есть, понятно, и исключения из настоящего правила, но они не отменяют его⁷⁶.

Итак, болезни — от грехов. Но грехи бывают разные, плотские и духовные. А духовные, в свою очередь, также имеют много подразделений: непослушание,

нерадение, нечистые помыслы и прочее. Если человек сильно пьет и после наживает цирроз печени, то грех, за который он несет наказание от Бога в виде болезни, ясен. Также и обжорам любой доктор, не ошибаясь, предскажет хронические болезни желудка. Но грехи иных видов, вызвавшие болезнь, не могут быть так легко различаемы. Разобраться здесь в каждом отдельном случае может лишь человек духовный, точнее сказать духоносный. Одна и та же болезнь может случиться у одного человека за непочтение к родителям, у другого за воровство; и даже у одного и того же один раз — за один грех, в другой — за иной⁷⁷.

Пример. Однажды к авве Амуну, знаменитому египетскому подвижнику⁷⁸, принесли скованного цепями отрока, находившегося в бешенстве, которое открылось в нем от укушения бешеной собакой. От несносной боли отрок всего себя искусал до крови. Святой Амун, видя родителей его, пришедших просить о сыне, смиренно сказал им: «Что вы меня утруждаете, требуя того, что превышает мои силы? У вас в руках готова помощь. Вознаградите вдовицу, у которой вы тайно закололи вола, и отрок ваш будет здоров». Пораженные уликою, они с радостью исполнили, что было велено. И по молитве Амуна отрок стал здоров⁷⁹.

Здесь мы видим, прежде всего, ближайшую причину болезни — укус мальчика бешеной собакой. Если бы родители в наше время обратились в этом случае к врачу, то он нашел бы у мальчика *rabies canina* либо «водобоязнь», смотря по тому как больше ему понравилось бы назвать, разъяснил

-44-

бы (и то неуверенно), что возбудителем болезни являются особые тельца (*negri*) в центральной нервной системе (в Аннониевом рогу), и только. Отсюда понятны и меры лечения: прижигание щелочами или дымящейся азотной кислотой, прививки (пастеровские). А в общем — я уже за него скажу, — наука не знает действенных и спасительных средств от этой болезни.

Но на самом деле есть еще здесь другая, с виду сторонняя, но по существу более прямая причина — что даже, как будто, противоречит мирской логике — это грех родителей. О ней знали на основании Священного Писания (Исх. 20, 5; Быт. 5, 9) апостолы, когда спрашивали Спасителя о слепорожденном (Ин. 9, 2). Но Христос, как совершенный Бог и совершенный человек, открыл им, что, кроме личных грехов и грехов родителей, есть и другие причины болезней. Духовная причина требует и духовного врачевания. Недостаточно желания исправить согрешение, но надобны еще и молитвы праведников за нас, чтобы Бог принял покаяние.

На эту тему, как и по другим духовным вопросам, можно говорить без конца, ибо *широка заповедь Твоя зело*, — восклицает святой пророк Давид (Пс. 118, 96). Но мое дело только указать тропинки ищущим спасения, а дальше пусть сами идут. В руководители не берусь себя предлагать, да и время и место не позволяют это сделать...

Раз болезни посылаются человеку за грехи, то отсюда следует, что если ты захворал, то есть страсти, добровольно нажитые тобой, произвели беспорядок в теле и нарушили даже, видимо, правильные взаимоотношения между его частями, то надо перетерпеть это болезненное состояние. Тело долго бесчинствовало, что хотело, то ему и давали. Теперь пусть оно научится, посредством физического

страдания, вести себя прилично; пусть, благодаря истощению телесному, страсти в нас умалются, улягутся немножко. Не забудем, что за всем следит Бог, что не без Его воли и сама-то болезнь с нами случилась. Если так будем рассуждать, то скорее будем считать последнюю за милосердие Божие⁸⁰, чем за наказание (Иак. 1, 2, 12; Евр. 12, 6-12).

Великие подвижники и святые поэтому никогда не лечились и скорее желали, чтобы болезнь продолжилась, чем окончилась. Тому много примеров. Приведу лишь некоторые.

-45-

1. Преподобный Пимен Многоболезненный (Печерский) сам просил себе у Бога пожизненной болезни и, получив просимое, двадцать лет лежал на одре, не вставая. Поучительно наставление его одному брату, которое передаю вкратце: «Терпение убогих не погибнет напрасно: но тем, которым здесь — скорбь и печаль, малый недуг, там - им будет радость и веселие... И потому-то, брат, я терплю все. Бог, исцеливший тебя через меня от болезни, может и меня восстановить от сего одра, но я не хочу: *Претерпевый же до конца*, - сказал Господь, - *той спасен будет* (Мф.10,22). Лучше мне в этой жизни всему сгнить, лишь бы в той плоть моя была нетленной, лучше терпеть здесь смрад; только бы там исполняться неизреченного благоухания..."⁸¹

2." Когда преподобного Варсонофия Великого братия попросила помолиться о здравии его любимого ученика, их игумена, то он ответил: «О здоровье сына моего могли бы помолиться Богу некоторые из находящихся здесь святых (о чем я и известил его), чтобы он не был болен ни одного дня, - и это исполнилось бы; но тогда он не получил бы плодов терпения. Разве он не знает, что претерпел я? - Болезни, горячки, скорби, пока пришел в это благонадежное пристанище. Болезнь эта весьма полезна ему для терпения и благодарения"⁸²

3. Великая подвижница, преподобная Синклитикия Египетская, поучения которой почитались Древним наравне с писаниями святых отцов, говорит: «В том состоит истинный подвиг, чтобы терпеть в болезнях и воссылать благодарственные песни к всеблаговому Богу⁸³. Лишаемся ли мы очей? — Перенесем это без отягощения, потому что через это мы лишаемся органов ненасытности и просвещаемся внутренними очами; Оглохли ли мы? Будем благодарить Бога; что мы совершенно потеряли суетный слух. Руками ли ослабели? — Но мы имеем внутри себя руки; уготованные на борьбу с врагом. Немошь одержит все тело? - но от сего, напротив, возрастает здравие по внутреннему человеку»⁸⁴

4. Кратко сказать, подвижники почитали болезни необходимым условием спасения. Один из древних святых старцев выразил это общепринятое тогда положение в следующих словах:

«Как воск несогретый и неумягченный не может при-

-46-

нять наложенной на него печати, так и человек, если не будет искушен трудами и болезнями, не может принять силы Христовой»⁸⁵ (2Кор. 12, 8-10).

Итак, достигшие совершенства предоставляли все дело Богу и, как бы им ни было трудно, просили у Него терпения, но не исцеления. Это и понятно. Ибо кто такой совершенный? Это человек, до смерти научившийся отсекал свою волю.

Только совершенные могут без лжи молиться: «Да будет воля Твоя!» И иначе они не молятся⁸⁶. Как же после этого такой человек будет настаивать на своем хотении? Будет просить о исцелении, когда самый факт болезни говорит за то, что такова воля Божия, чтобы он хворал (особенно, когда достиг бесстрастия и грехов не имеет таких, чтобы быть наказанным сильно)?

Но есть еще случай, когда человек, и не достигший совершенства, отказывается в страдании от врачевания: это бывает при сильной вере⁸⁷.

Кто действует согласно вышеуказанному, тот блажен. Господь — целитель его, и похвала ему от Бога. Великие венцы непорочного мученичества приобретает он⁸⁸.

Но... *не во всех вера*, — скорбел еще апостол Павел (2 Фес. 3, 2). Как же тогда быть? Перейдем теперь к рассмотрению тех положений и состояний, в которых пребывает большинство людей — людей маловерных, мнительных, немощных, боязливых, нетерпеливых, неблагодарных. Господь и о них заботится, снисходит и к их немощам. Лишь бы они были *смирены* и надеялись опять-таки на Него, а не на врачей.

Так, еще в Ветхом Завете⁸⁹, через закон Моисеев, Господь допустил медицинскую практику, которую и отдал в руки жрецов (Лев. 13,3-59). Конечно, познания врачебные у последних были еще несовершенны но известной опытности нельзя у них отрицать. В эпоху же царей медицина уже широко распространилась: 4 Цар. 8, 29; 9, 15; Ис. 1, 6; Иез. 30,21. Случаи излечения были настолько многочисленны, что к ней стали уже пристращаться и впадать в нынешнюю ошибку, то есть приписывать излечение не Богу, а самой врачебной науке. В этом отношении характерно замечание Библии об иудейском царе Асе, заболевшем подагрой: «И сделался Аса болен ногами на тридцать девятом году царствования своего, и болезнь его поднялась до верхних частей тела. *Но он в болезни своей взыскал не Господа, а*

-47-

врачей.. Не замедлило и наказание: «И почил Аса с отцами своими, и умер на сорок первом году царствования своего» (2 Пар. 16, 12-13).

В Новом Завете⁹⁰ употребление медицинских средств также не вызывало запрещения со стороны Христа (Мф. 9, 12; Лк. 10, 34; Откр. 3, 18). Один из Его учеников (из числа семидесяти), святой Лука, сам был врачом⁹¹ (Кол. 4, 14).

Среди занятий первых христиан мы встречаем и профессию врача. Святые мученики Косма и Дамиан (+ 284) были врачи-бессребренники, святой великомученик Пантелеимон (+ 303) также изучал медицинскую науку (был студентом, сказали бы теперь)⁹². Церковный историк Ев-севий описывает страдания в Галлии святого мученика Александра, который был «по происхождению фригиец, по науке врач»⁹³.

Выяснению вопроса о профессии врача у первых христиан может служить и катакомбная эпиграфика. Любопытна в этом отношении одна из намогильных надписей:

ΕΝΘΑΔΕ ΚΕΙΤΑΙ ΑΛΕΞΑΝ
ΔΡΟΚ ΙΑΤΡΟΣ ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ
ΚΑΙ ΠΝΕΥΜΑΤΙΚΟΣ

«Здесь лежит Александр,

врач христианский, вместе и духовный»⁹⁴.

Эта новая черта, когда врач духовный и телесный совмещается в одном лице, — у первых христиан не редкость. Священники и даже епископы занимались врачеванием телесных недугов своих пасомых⁹⁵. И как это хорошо, не к язычникам же было тем идти! Но, понятно, духовные лица не брали на себя те разновидности медицинской деятельности, которые были несовместимы с их саном⁹⁶.

На этом я историю медицины, поскольку она не противоречит заповедям Божиим, и кончу.

Но есть врачи и врачи. Их нельзя смешивать. Те имена врачей, которые я сейчас упоминал, святы. Их специальность не помешала им быть совершенными христианами. Однажды авве Антонию Великому даже было открыто Богом в пустыне: «Есть в городе (то есть в Александрии. — Еп. Варнава) некто *подобный тебе*, искусством — врач, который избытки свои отдает нуждающимся и *ежедневно поет с ангелами трисвятое*⁹⁷. В Библии отличительным качест-

-48-

вом богоугодных и богобоязливых (ср.: Исх. 1, 21) врачей служит то, что «они молятся Господу, чтобы Он помог им подать больному облегчение и исцеление к продолжению жизни» (Сирах. 38,14). Но есть, как мы видели, и иные врачи, которые и в Бога-то не веруют, которым до больных как братьев во Христе дела нет (ибо больные для них только «объекты» опыта), врачи, которыми даже сам мир возмущается. Понятно, что они не могут подать никакого исцеления больному, но приводят его — как кровоточивую в Евангелии — «еще в худшее состояние» (Мк. 5, 26). Исключения бывают только тогда, когда благодати и Промыслу Божию нужно для чего-нибудь подействовать через недостойные руки, то есть когда сам больной уже умоляет за себя Бога или окружающие люди молятся за него.

Понятно, почему у современных врачей бывают неудачи. Первого рода врачи не сами лечат, а Бог через них лечит. «Мы только руки на вас возлагаем, — говорили больным святые Косма и Дамиан в объяснение своих поступков и способа лечения, — *силою же своею ничего не можем сделать. Все действие производит всемогущая сила Христа, Единого Истинного Бога, в Которого если несумненно уверуете, тотчас же выздоровеете...*»⁹⁸ А врачи второго рода, не будучи проводниками силы Христовой, беспомощны и всецело зависят от пресловутой науки, внешних обстоятельств, обуславливающих болезнь пациента, от собственного опыта и смекалки. Пытаются и они теперь «накладывать руки» (разумею лечение гипнозом, гипнотическими пассами), но лучше, если бы они этого не делали. Нельзя отрицать, что они проводят при этом силу, но силу — бесовскую.

Вот почему св. Иоанн Златоуст так категорически, особенно в последнем случае, утверждает о таких врачах: «...только кажется, что вылечивают, а на самом деле и не вылечивают, — совсем нет»⁹⁹. Но говорить так, скажут некоторые, значит идти против очевидных фактов ежедневного выздоровления многих тысяч больных благодаря существующим больницам и врачам? Увы, последние и сами не все так думают. По этому поводу доктор Э. Вернадский, совсем не наш сторонник, говорит откровенно: «Лечение болезней существует,

несмотря на большие недочеты в их познании, но только потому, что болезни, в сущности, излечиваются сами собою». И еще: «Львиная часть всякого излечения, а часто и все излечение, приходится на долю

-49-

самоисцеляющей силы природы, а наше участие оказывает, в сравнении с нею, крайне ничтожное действие»¹⁰⁰. Это все равно что сказать: Бог лечит. Так и будем говорить.

У меня речь может идти, конечно, только о христианских, церковно настроенных врачах, а внешних — что мне судить? *Внешних же Бог судит*, — говорит апостол (1 Кор. 5, 13). О врачах-христианах и о лечении у них я и поведу дальше свои рассуждения.

Служение больным, даже в качестве санитаря или сиделки, — превосходная и полезнейшая для души вещь. Лишь бы оно совершалось с *разумной целью*¹⁰¹. Приведу слова старца Иоанна Прозорливца известной Серидовой обители, который говорит: «Сострадать же больным и помогать им врачеваниями — доброе дело» и «Врач, пекущийся о больном, получает награду»¹⁰² от Бога. Но для всего этого надобно, чтобы он был благочестив, чтобы как сам питался таинствами святой Церкви, так и своим пациентам не только не запрещал того же, но и первым делом советовал бы¹⁰³. Он должен быть смиренным и думать не о своей славе, а о Бо-жией, помня, что «для того Он и дал людям знание, чтобы прославляли Его в чудных делах Его» (Сирах. 38, 6). Врач должен свои отношения с больным и предписания ему постоянно контролировать заповедями евангельскими и церковными, не насилуя без нужды его совести в отношении нарушения постов, целомудрия и тому подобного (раздеваться, например, во многих случаях совершенно излишнее дело — за границей существует целая медицинская школа, производящая диагнозы по одному лицу больного). Если врач будет так поступать, то сам увидит, что некоторые вещи — которыми, как мы видели, соблазнялось и возмущалось общество — личной совестью ему запретит. И в них легко ему разобраться. Например, случай, рассказанный Вересаевым про неудачную, со смертельным исходом операцию горла, он сам приравнивает к так называемому (в церковных канонах) *невольному убийству*, караемому епитимией в *пять* лет и более; случай с американским доктором Нитусом — есть уже «вольное», то есть сознательное, убийство. Епитимия ему — двадцать лет и более¹⁰⁴. Сюда же относятся аборт, употребление таких средств, которые влекут за собою выкидыш и тому подобное, хотя наказание за них несколько (вполовину) и уменьшено¹⁰⁵. Совесть доброму врачу подскажет, где он действует по долгу, а где по страсти.

-50-

Но ведь практически, скажут, все это невозможно выполнить. Для истинных своих рабов — а таких мало — Бог всегда найдет место и случай, чтобы они смогли без труда исполнить Его заповеди. Невозможно только для неверующих и не желающих спасаться, они сами создают себе эту невозможную обстановку, которая им приятна, с которой они и не желают расстаться. Что из того, что невозможно? Если невозможно, делай то, что возможно. Если и это совесть не позволяет тебе исполнять, уйди и делай то, к чему душа твоя стремится (вплоть до ухода в монахи). Поэтому правильнее вопрос задавать не о возможности или

невозможности быть в настоящее время врачом, знакомым со всеми правилами науки, и одновременно истинным христианином, а о возможности и необходимости каждому исполнять заповеди Христовы в *данном* положении и *по мере* своих духовных сил (а брат Церкви под свое покровительство все без исключения современные дебоширства медицины, конечно, не годится).

Что же касается больных, то их дело менее ответственное пред законом Божиим. Их за перенесение скорби, мучений, страданий только венцы ожидают. Лишь бы они были смиренны. Во всяком случае греха нет лечиться. В ответах св. Варсонофия Великого одному мирянину читаем: «Касательно же того, чтобы показывать себя врачу, скажу: предоставить все Богу есть дело совершенного, хотя это и трудно, а немощнейшего дело — показать себя врачу, потому что сие не только не грех, но и знак смирения, когда он, как немощнейший, пожелал показать себя врачу. Но и тогда надобно признавать, что без Бога и врач не может ничего сделать; если же угодно будет Богу, Он подаст здравие больному»¹⁰⁶.

Величайшие из святых сами в некоторых случаях не отказывались от медицинских средств. Стоит вспомнить только, как св. Василий Великий писал из пустыни (по нашему сказать — с курорта¹⁰⁷), не без иронии над собой, к некоему большому гражданскому чиновнику, извиняясь за свое отсутствие в городе и невозможность встретить того как подобает: «Целый уже месяц лечусь водами самородно-теплыми, чтобы получить от этого какую-нибудь пользу. Но понапрасну, видно, тружусь в пустыне, или даже многим кажусь достойным смеха, не слушая пословицы, которая говорит, что мертвым не доставит пользы и теплое»¹⁰⁸.

-51-

Припомним еще, как светильник Церкви св. Иоанн Златоуст писал из ссылки в письме к Олимпиаде (своей духовной дочери), благословляя ее позаботиться о своем здоровье и побуждая к тому собственным примером: «...твою честность умоляю и как величайшей милости прошу больше заботиться об излечении болезни твоего тела. Правда, и уныние¹⁰⁹ производит болезнь; но когда еще и тело исстрадалось и совершенно ослабело и остается в большом пренебрежении, не пользуется ни врачами, ни благорастворенностью воздуха, ни обилием необходимых вещей, то сообрази, что отсюда бывает немалое приращение опасности. Поэтому прошу твою честность пользоваться и разными опытными врачами, и лекарствами, которые могут устранять такого рода болезни. Так и мы, за несколько дней перед этим, когда, вследствие состояния воздуха, желудок у нас был расположен к рвотам, воспользовавшись и другими родами попечения, а равно лекарством, присланным от госпожи моей, благопристойнейшей Синклитии, устранили болезнь, не встретив при этом нужды употреблять его больше трех дней. Поэтому прошу тебя и самой пользоваться им и позаботиться, чтобы нам опять послали его, потому что когда мы снова стали чувствовать расстройство, то опять воспользовались им и все исправили»¹¹⁰.

Такие примеры не единичны, их можно удвоить. Все они показывают, что и у подвижников даже есть известная свобода в отношении к своему телу, изможденному подвигами и скорбями, но что этой свободой надо пользоваться умеючи. Не имеющие разума Василия и Златоуста или даже просто доброго христианина, то есть новоначальные, должны и в дозволенном спрашивать

благословения своего старца и духовного руководителя. «Кто имеет какую-либо болезнь, — учат древние святые¹¹¹, — тот должен вопрошать о ней одного из отцов и делать все по его совету. Ибо иногда случается, что старец имеет дарование и тайно подает исцеление, так что и телесные врачи не всегда бывают нужны больному»¹¹². Вопрошать старцев тем более необходимо, что нет таких определенных правил, по которым ясно было бы, кому и когда надо лечиться, а когда нет. Пол, возраст духовной и телесной жизни, обстоятельства и прочее видоизменяют ответ, который, как мы видели выше, может уклоняться как в сторону лечения болезни, так и наоборот. Впрочем, так и во всякой иной добродетели.

-52-

Желающие подвизаться должны все-таки помнить, что для них *общий уклон* должен быть в сторону воздержания от лечения, ибо часто бесы обманывают нас. Бывает так, что когда надо стать на молитву, кажется человеку, будто смерть пришла, а пересилит себя, моментально все как рукой снимет¹¹³. Поэтому тот же святой отец, который разрешал в одном случае лечиться, в другом — когда замечал у кого-нибудь излишнее пристрастие к телу — учил: «Брат! Вижу, что ты много заботишься о врачевании телесных болезней, и думаю, что отцы не заботились о сем. Второй помысл твой (предоставить все Богу. — Еп. Варнава) лучше первого, ибо второй заключает в себе совершенную веру в Бога, а первый (обратиться ко врачу. — Еп. Варнава) — неверие. Один заключает в себе терпение, от которого происходит искусство (опытность), а из сего рождается упование, не посрамляющее (Рим. 5, 4-5); другой заключает в себе (душевное) изнеможение — сестру малодушия, в которой живет маловерие — матерья сомнения, отчуждающая от Бога и низводящая людей в погибель. Один помысл делает людей друзьями Божиими, другой — врагами Божиими. Один есть ходатай Царствия Небесного, а другой — геенны... Один (помысл) руководится таким рассуждением: "Видящий сокровенные недуги может исцелить и мою болезнь"; другой же исполнен неразумия относительно Бога, что Он, может быть, исцелит его, а может быть, и нет»¹¹⁴.

Но раз уж человек решил во что бы то ни стало позвать врача, то, исходя из всего предыдущего, мы должны, по крайней мере, держаться следующего порядка:

1) раскаяться в душе своей во всех прежних грехах, без всякого самооправдания и самовыгораживания;

2) дать торжественное обещание исправить свою жизнь к лучшему;

3) призвать священника (а где можно, еще лучше епископа) и закрепить, освятить эти новые душевные расположения в таинствах *покаяния, елеосвящения и святого причащения*¹¹⁵;

4) наконец уж, чтобы не понуждать Господа на явное чудо и не давать повода к возрастанию в себе скверного тщеславия и гордости («Бог мне Сам поможет»), смириться под крепкую Руку Всевышнего и призвать к постели земного врача. Не мешает при этом освящаться и благословенным маслом от святых мощей и чудотворных икон, святой

-53-

водой, особенно богоявленской, освященной на мощах и у святынь ватой, кусочками камней (преп. Серафима Саровского) и прочими предметами из благодатных мест (опять-таки, если речь идет о сильном духом человеке, то благодатными средствами можно и ограничиться). Через них, при умиленной молитве и вере, святые, которым принадлежат эти вещи, помогут нам. По крайней мере, лекарства (порошки, микстуры и прочее) нужно разводить и разбавлять святой водой, ею же кропить постель больного, углы его комнаты, всю квартиру. Не забудем кадить ладаном, служить заздравные молебны дома и в церкви и тому подобное. Тогда есть несомненная надежда на выздоровление, хотя все в руках Божиих.

На сем я этот параграф кончу. Многие вопросы в нем остались невыясненными, но это, как не раз я уже упоминал, неизбежное свойство моих «Основ». *Ars longa, vita brevis (est)** (Искусство обширно, а жизнь коротка (лат.)) — к месту будет здесь привести афоризм знаменитого врача древности Гиппократ. Если это должно сказать о врачебном искусстве и прочих науках, то что говорить о бездонной глубине безбрежного моря «Искусства святости»...¹¹⁶

Приложение. Служение (культ) плоти.

Человек в меру должен заботиться о своем теле (Еф. 5, 29). Но диавол, во всяком деле мешающий человеку, старается напортить ему и здесь. Вместо необходимого создает излишество, вместо апостольского: *имеюще пищу, одеяние, сими довольны будем* (1 Тим. 6, 3) — внушает жадность, желание многого и роскошного, вместо заботы о душе велит холить и украшать каждый член тела до срамных включительно.

До чего здесь может дойти дело, показывает пример из жизни И. Тургенева, известного писателя.

Вот что рассказывает почитатель Тургенева поэт Полонский¹.

«Тургенев был очень чистоплотен — ежедневно менял фуфайку, белье и весь вытирался губкой — одеколоном с водой или туалетным уксусом. Что касается до прически

-54-

волос, то это была довольно длинная история. Не раз случалось мне ночевать с Тургеневым, и не раз при мне Тургенев совершал свой утренний туалет и при мне чесал свои волосы. *Раз он был очень доволен, что процедура эта повергает меня как бы в некоторое изумление.*

— Видишь, — говорил он, — я беру эту щетку... теперь я начинаю чесать ею вправо: раз, два, три... и так до *пятидесяти* раз; теперь начну чесать влево, и тоже до *пятидесяти*... Ну вот, теперь со щеткой кончено... Беру этот гребень — им я должен до *ста* раз пройти по волосам... Чему ты удивляешься?.. Постой, это еще не все... Погоди, погоди! За этим гребнем есть еще другой — с частыми зубьями...»

И это все, прибавляет Полонский, «при седых волосах и несмотря на то, что уже *глубокие морщины* бороздили лицо его».

Можно еще прибавить, что почти во всех своих письмах Тургенев сообщает друзьям о своем состоянии здоровья, о том, в каком положении его подагра, каково было его пищеварение и прочее².

Враг рода человеческого не мог не подметить этой слабости нашей к своему немощному телу и возвел ее во всеобщий культ плоти. Заботу о теле узаконили, стали считать необходимостью в порядочном³, «культурном» обществе, придумали форму для ее развития — гигиену, спорт, моду. Кто на что клонет.

Любящие во всем доверять науке и слушаться ее дрожат над своим плотским здоровьем паче душевного, по правилам медицины; легкомысленным же предоставляется разнообразить свое отношение к плоти по прихоти общественных вкусов и в зависимости от «духа времени». Я здесь коснусь только последнего, а именно моды, как порока в высшей степени неразумного, превращающей своих рабов и рабынь в стадо баранов. Напрасное дело неверующей науке стараться открыть тут какие-либо законы и смысл⁴.

До тех пор пока будет искать причину *на поверхности* — в социальных, экономических и тому подобных условиях, а не *в глубине* человеческого духа, искупленного Богом Спасителем нашим, она никакой «философии» и «психологии» не постигнет. Всегда останется нерешенным вопрос: ну, а сами-то социально-экономические и другие факторы откуда берут свои направления? Это как насчет основания земли: земля на китах, киты на слонах, слоны на черепахах... или, по нынешней терминологии: земля вертится по-

-55-

тому, что всемирное тяготение существует, а тяготение существует потому, что все светила вертятся, а вертятся они потому, что... Впрочем, хотя Ньютон и открыл всемирное тяготение, но не открыл, что оно такое и откуда. И подумать только, все это круговерчение мозгов и хватание за мелочи, от которых еще Василий Великий⁵ просил своих слушателей отходить подальше, происходит только потому, что люди не хотят смириться перед главной Причиной — Богом и в своем грехопадении, в служении диаволу сказать единое слово: «Увы, согрешили, Господи, помилуй нас падших!»

Мода — явление допотопное⁶ и повсеместное⁷. Уже древние греки любили *ασχημονειν*, щеголять. И все, что есть худшего и лучшего в современном костюме и обычаях женщин, перешло к нам в наследие от древних гетер, римских публичных женщин. Так, начиная с тех искусственных средств, которыми дамы пользуются для восполнения того, чем их обидела природа⁸, у вышеупомянутых кокеток широко практиковались уже корсеты⁹, фальшивые зубы¹⁰, окрашивание волос в различные цвета¹¹, шиньоны¹², разнообразные прически¹³, *depilatio pubis*¹⁴, употребление духов, румян, белил, мушек на лице, подкрашивание бровей, подводка глаз и прочее и прочее.

Не отставали от женщин и мужчины. Тип щеголя, высмеянный еще Марциалом, несколько не видоизменился и в XX веке. И в прежнее время, до Рождества Христова, так же тщательно выскабливали бороду, как и теперь¹⁵.

Понятно после этого, как должна относиться ко всему этому Церковь.

Против *безнравственности* моды выступали даже такие покладистые люди, как профессор Р. Косман. «Прозрачные ткани, умышленная гладкость плотно прилегающего платья на особенно сильно выдающихся частях тела, приспо-

соблечение одежды таким образом, что кажется, будто она вот-вот свалится с обнаженных плеч, и разные другие подобные же средства придумываются женщинами, которые ставят свою гордость в возбуждении половой похоти...»¹⁶.

«Фишер в своей "Эстетике"¹⁷, с точки зрения *художественности*, не находит слов, чтобы изобразить достаточно все безобразие наших модных одежд, переделанных из грубых готфских. Самую парадную нашу одежду — фрак — он представляет самую смешною и безобразнейшею из

-56-

всех мыслимых одежд: без нужды и без цели урезанный спереди, он имеет хвост позади, и этот хвост назначен для прозаического кармана, который в средние века гораздо изящнее носили как особую привеску, на красивом ремешке или цепочке; кривая линия хвоста или разреза, идущая по бедрам, безобразным манером перерезывает органическую форму тела... Немного лучший отзыв заслуживают у него и другие принадлежности нынешнего европейского костюма. По его словам, форма, данная модой нашей одежде, такая урезанная, "жалкая, голодная, холодная и неприглядная, что самый последний нищий из народа может чувствовать побуждение подать пфеннинг, или копейку, самому богатому из нас для сооружения более приличного костюма..."»

И после всего этого, какая красота и целомудрие в духовном платье монашества!

О роскоши и сребролюбии

Учитель Церкви II века Климент Александрийский пишет¹⁸:

«Употребление серебряных и золотых со вставленными в них драгоценными камнями кубков бесполезно и представляет собою оптический обман... Пропадите, следовательно, все вы, Терикловы бокалы и Антигоновские, и канфары, и вы, лавронии, и вы, лепасты, и все другие, тысячу иных форм имеющие, и вы, холодильные сосуды, и вы, для вина ковши разливные. Золото и серебро, состоит ли оно имуществом частным или общественным, вовсе не составляет собственности завидной, если они излишни; приобретение их сопряжено с оскудением средств, сбережение их требует забот, в ежедневном обиходе они не необходимы. И суетную склонность к шлифованным стеклянным сосудам, кои от искусной обработки становятся еще более хрупкими, художественность которых при питье из них лишь страх внушает вам, в своей благоупорядоченной жизни должны мы ограничить. Серебряные же стулья, чаши, уксусницы, тарелки и блюдечки, вообще золотая и серебряная столовая посуда, а также сосуды, назначение которых стыжусь я и назвать... равно как столики о трех ножках для безделушек, сработанные из слоновой кости, кресла, имеющие серебряные ножки с инкрустацией из слоновой кости, ларцы с крышкой, которая обложена работой из зо-

-57-

лота и черепахи, пурпурные одеяла и <одеяла> других драгоценных цветов, все эти отменности, свидетельствующие лишь о высокомерной роскоши и составляющие предмет сластолюбивой и тупой зависти, из употребления нами должны быть изгнаны; они того не стоят, чтобы из-за обладания ими хлопотать (да и некогда об этом нам заботиться), потому что *время коротко*, как говорит апостол (1 Кор. 7, 29)... Посему Писание особенно прекрасно говорит в одном

месте: *Где князья народов и владевшие зверями земными, забавлявшиеся птицами небесными и собиравшие серебро и золото, на которые надеются люди и стяжаниям которых нет конца? Где те, которые занимались серебряными изделиями и которых изделиям нет числа? Они исчезли и сошли в ад* (Варух. 3,16-19). Так карается высокомерная гордость... В вещах, в которых необходима мера, не должно быть никакой роскоши. Прошу тебя, скажи мне: столовый нож не будет резать что ли, если рукоятка его не будет обложена серебряными иглами и оправлена в слоновую кость? Между тем, идет на приготовление вещей режущих индийское железо, как если бы дело шло о вызове противника. Как? Если умывальник будет сделан из глины, то он тогда не примет что ли отмытой с рук грязи и ножной таз с ног? Не в состоянии что ли будет стол на себе держать грошевой булки, если ножки его не будут выложены слоновой костью? Светец вокруг себя света не будет распространять что ли, если он будет произведением горшечника, а не золотых дел мастера? Я очень хорошо знаю, что и весьма скромное ложе не служит причиной более дурного сна, чем кровать из слоновой кости. И далее: только из нечестивой роскоши, этой матери всех зол, грубым косматым покрывалом по причине его дешевизны пренебрегают, хотя оно совершенно удобно может служить и ложем, так что не будет нужды при этом ни в пурпуровых, ни в финикийских покрывалах. Что это за мечтательство, что за воображаемое чувство красоты! Наблюдайте! Господь ел из обыкновенного блюда и повелел Своим ученикам возлечь на земле на траве; их ноги Он омыл, подпоясавшись льняным полотенцем (Ин. 13, 4). Бог и Господь вселенной, Он смиренно, без серебряного умывальника сошел с неба; у самарянки, черпавшей из колодца глиняным сосудом, просил Он пить; и не из царского золота утолял Он жажду, но учил делать это легкими способами. Мерилом поставлял Он потребность, а не равнодушие к до-

-58-

бу и к лучшему... Вообще пища, одежда, домашняя утварь, короче, все в дому должно быть согласовано с законом христианской жизни, иметь отношение к лицу, возрасту, призванию и времени. Служителям Единого Бога идет к лицу, если и имущество, и вся домашняя их утварь носят на себе печать исключительно нравственной жизни и если каждый отдельный человек во всем вообще обнаруживает дышащий единством порядок жизни, соответствующий и сообразный с никого не различающею верою, этим одноформенным нравственным законом. Что не тяжело приобрести, то с легким сердцем и употребляется, то беречь легко, расставаться с тем легко; этого рода полезное есть лучшее; дешевое, следовательно, лучше, чем дорогое. Вообще богатство, дурно управляемое, есть целая укрепленная гора греха и злодеяния. Многие на него зарившиеся не могли войти в Царство Небесное (Мф. 19, 23, 24); до болезненности страстно добываясь вещей этого мира, они потонули в своих порочных пожеланиях. К спасению же стремящиеся тотчас же должны освоиться с мыслью, что всякое имущество существует лишь ради употребления его и что удовлетворению потребности служит только то, что приобретается малым. Безумцы те, которые в своей ненасытимости сокровищами услаждаются. *Кто золото собирает, говорится, тот собирает в прорванный невод* (Агг. 1, 6)... Лучшее богатство есть не иметь никаких пожеланий, и истинной гордостью должна быть

эта, чтобы богатством не чваниться, а им пренебрегать. Позорно гордиться домашней утварью; не следует хлопотать о приобретении вещей, которые всякий, кому угодно, может купить на рынке».

Еще сказал¹⁹: «Не должно составлять необходимости для нас также и употребление духов. Оно со стезей правых может уклонять на путь вожделения и легкомыслия, особенно по соседству с ночью... Бесчисленны сорта этих духов. Есть бренфийные духи*, есть Мегалловские**, есть духи царские***, духи Плангоновские****, есть египетские

*Название получили по одному приятно пахнущему цветку из Лидии. <Здесь и далее примечания Н. Корсунского.>

**По имени изобретателя.

***Употреблялись и были любимы особенно в придворном кругу в Парфии.

****Плангон из Элиды — изобретатель их.

-59-

псагда*. (* И слово наравне с духами египетское) Симонид не затрудняется о них и ямбами рассказывать:

Маслами я себя опрыснул и духами Ибаккаром**.(**Особый заграничный сорт духов.)

И если пришел продавец, то берут у него и из лилий добытые благовония, и из кипра цветка духи, масло и помаду; в славе у них нардовое миро и розовое и иные, употребляемые женщинами то в жидком виде, то в сухом, то в форме капель для опрыскивания, то в форме порошка для окуривания. Вседневно изобретается в этой сфере нечто новое в удовлетворение ненасытимой этой страсти окружать себя бесконечным разнообразием благоуханий. Вследствие питания страсти к прекрасному в сфере запахов, страсти в своем развитии однако же вовсе не прекрасной, люди, ей служащие, поражают обоняние других распространяемым от себя благоуханием. Женщины же окуривают и опрыскивают свои одежды, постели, душат в комнатах; среди этой ароматической атмосферы даже ночные горшки чуть-чуть не пропитываются с необходимостью теми же благовониями. Поэтому, мне кажется, хорошо те делают, которые в гневе на разрушающих такую роскошь и этой страстью к духам мужественность чувства приготовителей сих благовоний и торговцев ими, а также и подкрашивателей шерсти из хорошо упорядоченного общества изгоняют. Это не в порядке вещей, чтобы по городу, где живет чистота образа мыслей и поведения, ходила испорченность нравов, обнаруживающаяся в подкрашивании одежд и в употреблении помад и духов. Наши мужчины должны благоухать не помадами и не духами, а добродетелью. Женщина же должна благоухать Христом, этим миром истинно царским, а не запах помад и духов от себя издавать; постоянно она должна быть умощена ароматическим миром скромности, находить свою радость в мире священном, во Святом Духе. Это благоуханное миро Господь дарует людям, исполняющим Его заповеди, составляя оное из ароматов небесных. Этим миром Господь и Сам помазан, как возвещает о Нем Давид: *Посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих. Все одежды Твои — как смирна и алой и кассия* (Пс. 44, 8-9). Впрочем, мы не питаем, подобно кор-

-60-

шунам и навозным жукам (говорят, что последние околевают, если их помазать розовым маслом), к благовониям отвращения. Некоторыми из этих благовоний, у мужчин головы не отуманивающими, женщины могут пользоваться... Довольно и простого масла, чтобы поверхность кожи умащать, чтобы некоторые неблагоприятные испарения тела заглушать, в случае если кто для достижения и таких целей пожелал бы пользоваться маслом; более же обильное пользование благовониями есть возбуждающее чувственные пожелания увлечение уже легкомыслием. Человека, неспособного к самообладанию, все манит: и еда, и постель, и разговор, и предносимое зрением и слухом, и всходящее на челюсти, и ноздрями обоняемое. Как быков увлекает кольцо и веревка, так неводержного духи и помады... Но так как сладострастие, не связанному ни с какой жизненной потребностью, подлежащей действительному удовлетворению, не отводим мы места в своей жизни, то расстанемся и с парфюмерией и будем и в этой сфере держаться лишь необходимого... Нужно благовонными маслами пользоваться лишь как лекарствами и средствами, способствующими освежению ослабевших сил, например против обмороков, недомогания».

Еще сказал²⁰: «Удивляться темноцветным и бледно-зеленым камням или пузырькам океанской пены (жемчужинам, перлам) или иным земным высевам» (* Также и Тертуллиан, чтоб показать свое презрение к драгоценным камням, называет их крошками земли (*Tertullian. De cultu feminarum. 1, 6*))

представляет из себя нечто детское. Питать склонность к прозрачным камешкам, к странного цвета одеждам и разноцветному стеклу свойственно людям глупым, в то одевающимся, что в глаза бьет. По этой же причине дети, увидев огонь, тянутся к нему: его блеск приманивает их и в своей неопытности не обращают они внимания на опасность прикосновения к нему. Подобное нечто для глупых из женщин представляют из себя драгоценные камни, на нитки нанизанные или же в цепи составленные: аметист, опал, яспис и топаз, потом милетский

Смарагд, драгоценнейший из всех товаров.

Но драгоценному жемчугу особенно посчастливилось; он нашел особенно легкий доступ себе в уборные женщин.

-61-

Он образуется в устричной ракушке, имеющей сходство с пинной (* Особый род раковин.)

величиной он будет с большой рыбий глаз; и околдованные столь жалкой ракушкой женщины не стыдятся столь страстно добиваться ее, между тем как они могли бы украшать себя драгоценнейшим священным камнем, Божественным Логосом, Который в некоторых местах Писания (Мф. 13, 46) и называется жемчужиной. Это блистающий столь ясным светом Иисус, называющее сие Око воплощенное; это лучи от Себя испускающий Логос, плоть нашу чрез возрождение ее водою соделавший драгоценною... Неразумные же жены... алчут и жаждут драгоценных камней и в защиту себя высказывают такого рода странные положения: "Почему же нам не употреблять того, что создано Богом?" Или: "У меня есть они; почему же я не должна себе доставлять удовольствие ими?" Или: "Для кого же они и существуют, как не для нас?" Это голоса,

совершенно не обращающие внимания на волю Божию. Ближайшим образом Бог оставил открытыми вещи, необходимые для всех, какова вода и воздух**(** Ср.: *Tertullian. De corona militis. VIII.*) А что не необходимо, то сокрыл Он в воде и в земле... Вы же добиваетесь того, что вовсе не необходимо. Смотри, вот все небо открыто и вы не ищете Бога; золото же, сокрытое в земле, и драгоценные камни у нас копают в горных рудниках осужденные на смерть преступники***(***) Смертная казнь у римлян, как и у нас теперь, заменялась часто пожизненной каторгой.). Вопреки Писанию вы действуете. Оно ясно взывает: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33). И хотя все нам даровано и все дозволено****, (**** См. также: *Тертуллиан. О женских украшениях. Гл. 10 <Творения. Ч. 2. СПб., 1849>; Киприан Карфагенский. Книга об одежде девственников <Творения. Ч. 2. Киев, 1891. С. 127>.*) говорит апостол, *но не все полезно* (1 Кор. 10, 23)... Знаю, что Бог дал нам право наслаждаться, но только в пределах необходимого, и по Его воле наслаждение должно быть общим. Это не в порядке вещей, чтобы один в изобилии жил, тогда как многие терпят нужду. Как много славнее быть благодетелем многих, нежели в великолепном доме жить! Куда умнее свое имущество на людей издерживать, чем на золото и драгоценные

-62-

камни! Как много полезнее украшать себя друзьями, чем бездушными, хотя и ценными, вещами! Кому расширенное поместье принесет столько пользы, сколько расточение благодетельных!

В заключение должны мы еще и то возражение отклонить: "Кто же будет наслаждаться богатством, если все бедность выберут?" Люди, отвечаю я, делающие употребление из богатства бесстрастно и без различия. И если нельзя достичь того, чтобы все благоговели пред мудрой умеренностью, то должно, по крайней мере, к тому стремиться, чтобы это происходило согласно с потребностями и чтобы отказывались от излишества. Вообще, к такого рода пустякам, как женские наряды, следует пренебрежительно относиться, подобно тому как вообще и всем миром мы пренебрегаем. Жена должна внутри украшенною быть, и женская красота должна изнутри обнаруживаться (Рим. 7, 22; Еф. 3, 16)... Потому только добродетельный есть "человек" поистине "прекрасный и добрый", и в качестве единственно прекрасного должно быть признаваемо лишь доброе; лишь добродетель своей красотой проливает свет и на тело; она, цветок, собою украшает его; она обнаруживает очаровательность умеренности, потому что добрые нравы, как луч света, освещают собою и форму. Красота каждого растения и каждого животного заключается в свойственных им преимуществах; человека же преимущество состоит в справедливости, умеренности, возвышенности чувств, богобоязненности. Прекрасен, следовательно, праведный, умеренный, вообще человек добрый, а не богатый.

Даже солдаты ныне желают уже золотые украшения носить; неизвестны им слова поэта:

*Он и в битвы ходил, изукрашенный златом,
как глупая девочка*.
(*Илиада, 2, 872.)*

Но страсть к нарядам, не заботящаяся о добродетели, занимающаяся только телом и обращающая чувство красоты на ничтожные вещи, совершенно должна быть изгнана из нашего общества. Предъявляя притязания на украшение тела тем, что к его существу не относится, она порождает собою лживость и развивает обманность характера. Не нечто честное, простое, истинно детское она представляет со-

-63-

бой, нет, а высокомерие, чувственность, надутость. Жены по-темняют истинную красоту, когда они накладывают на нее тень золотых украшений. Они сами не знают, что делают с собой, сами себя сковывая тысячью золотых цепей... Или разве эти кольца не представляют из себя ошейников, и на грудь ниспадающие цепи разве не заменяют собою оков?..

И как змей Еву обольстил, так золотые украшения обольщают ту и другую из женщин; и здесь образ змия играет роль приманки; в восхищении совещаясь относительно нарядов, покупают они украшения с фигурами мурен и змей. Комик Никострат перечисляет множество их: цепи, ожерелья, перстни, браслеты, змеевидные брошки, серьги. Много порицает женщин за все эти украшения Аристофан, перечисляя их в своей комедии "Фесмофориянки" (*Более правильное название: «Женщины на празднестве Фесмофорий». — Прим, составителя.) Приведу самые слова сего комика, которыми он открыто порицает неприличную надутость вашего высокомерия. Вот, по нему, ваши наряды и к ним принадлежности:

Шляпки, галстучки, душистое мыло, ножички и ноженки, Пемза, подгрудник, турнюр,

Спинные накидки, белила, румяны и другие краски, ожерелья, Инструмент для подведения глаз, платья из дорогих мягких материй, на голову плетения, Пояс, тонкая верхняя одежда, с пунцовою каймою

верхняя (одежда) претекста, Прозрачная одежда, сорочка, юбка, кофточка. Да, важнейшего-то я и не сказал. Что еще такое? Двойные золотые серьги, жемчуг, ушные подвески,

розовое платье,

Жемчужный головной убор, в котором жемчуг Играет ягод виноградных роль, шпильки, ленты, На шею бусы, бубенчики на ноги, погремушки, Цепочки, перстни с печатями и изображением Фигур различных, неразъемные цепочки, Кольца, пудра, стклянки, Увядшие головные, олисбы, сердолики, веера,

змеевидные запястья.

Мне утомительно и противно и перечислять такое множество украшающих вещей. Дивно мне, что наши жены не изнемогают под такую тяжестью. О, к чему эта погоня за

-64-

пустым! О, суетное хвастовство! По примеру непотребных женщин наши жены осыпают себя драгоценностями для своего собственного стыда; при недостатке чувства приличия они гонятся вместо даров Божиих за фальшивою монетой и подражают в украшении себя искусству злого духа. Но богача, который собирал в амбары и говорил себе: *Ты имеешь много благ; их сложено у тебя на многие годы; ешь, пей и веселись*, Господь ясно назвал безумцем: *В эту*

ночь возьмут душу твою у тебя и что ты собрал кому достанется? (Лк. 12, 19-20)... Питомцы Христа должны украшать себя не золотом, а Логосом; лишь Он один составляет истинное золото... Вашими ожерельями и цепями должны быть стыдливость и умеренность... Уши жен не должны противоестественно быть прокалываемы для ношения в них колечек и серег: несправедливо вопреки воле Божией причинять насилие природе. Нет для ушей лучшего украшения, как катехизис истины, проникающий в душу естественным путем слуха».

Об одежде и обуви

Климент Александрийский²¹ пишет:

«Восхищаюсь я древней республикой Лакедемонской и удивляюсь ей. Здесь разноцветные платья и золотые украшения позволялось носить лишь гетерам, женщинам же безупречным и приличным наряжаться и искусственным образом прихорашиваться было запрещено. Только женщинам дурного поведения позволялось ходить разодетыми и пускать другим пыль в глаза разукрашенностью... Люди, занятые нарядами, преследуют в сем лишь мечтательный образ прекрасного, а не самую красоту, и как новые идолослужители, лишь прикрывающиеся прекрасно звучащим именем, должны быть изгоняемы из нашего общества, потому что в своей лживой мечтательности они грезят о природе прекрасного неразумно; их жизнь есть глубокий сон неведения. Мы же из сего сна проснувшись и стараясь об украшении себя истинною красотой, должны (чтобы заснуть нам при конце сей жизни сном мирным) этому миру, услаждающемуся лишь мирскими прикрасами, сказать уже теперь "прости". Я утверждаю, что в одежде мы нуждаемся не для другой какой цели, как для прикрытия тела, для защиты

-65-

его от холода и жара, чтобы докучливая изменчивость природы нам не причиняла вреда. Но если такова цель одежды, то к чему из особенных материалов одежды у мужчин и из особенных у женщин? Не одна ли и та же потребности прикрытия тела обща и тем и другим, подобно как потребность еды и питья? Но одинаковой потребностью обуславливается и одинаковый образ удовлетворения... Но если женский пол вследствие своей слабости гораздо большего желает, то причина сего в той же дурной воспитанности, вследствие которой и мужчины, вырастая в наихудшем образе жизни, часто женственнее жен становятся; значит, не следует и женам потакать в этом деле. Если в чем желания их и следует принимать в соображение, то только разве в позволении носить им одежды из материалов сравнительно более мягких, но и то с тем условием, чтобы чрезвычайно тонкие материи, сработанные высшей глупостью чрезмерно хитро и трудолюбиво, и любопытные на тканях узоры и искусные складки с них были как можно радикальнее устранены; шитью золотом, опушкам из индийских зверьков и заботливо вырабатываемому червячками шелку мы должны сказать "прости"... Употребление столь необычной и при этом столь прозрачной материи выдает собою лишь не очень твердый образ расположений, сказывающийся в легком прикрытии частей тела, обнаружения которых должно бы стыдиться. Столь мягкая одежда вовсе не представляет собою никакого прикрытия; скрывать формы, какие имеет нагое тело, она вовсе не может. Такая одежда, плотно прилегая к телу, огибает собою формы его, отпечатлевает на себе вид тела, с ним как

бы срастаясь; формы женского тела она выдает столь пластично, что линии тела бывают видимы, хотя оно и не обнажено и наготы его хотя не видать. Оставлено должно быть нами ношение такого рода одежд, а также крашенных. Для людей, которые невинны и в душе правы, пристойнее одежды белые и простые... Одетыми в такие одежды видел души Господень тайновидец: *Я увидел души исповедников под жертвенником, и даны были каждому из них белые одежды* (Откр. 6,9,11). А если кто хочет носить одежды и иных цветов, то носи, по крайней мере, не изменяя естественного их цвета. Тем более должно быть оставлено употребление цветных одежд, расшитых разными финтифлюшками вакхического культа и культа мистерий... Средством для увеселения глаза служат такие одеж-

-66-

ды, а не средством для защиты тела... Оттого и Писание*(*У Климента Александрийского: «Педагог». — Прим, составителя.) напоминает внятно: *Не хвались облекшись в твои одежды и не всякой славой хвастайся* (Сирах. 11, 4). И в Евангелии, осмеивая разодетых в богатые одежды, говорит Христос: *Вот сидят на тронах земли одевающиеся в великолепные одежды и в роскоши живущие* (Лк. 7, 25). Тронами называет Он палаты земных Царей, местопребывание земных расположений, где господствуют воображаемая красота, погоня за пустыми почестями, лесть и ложь. К небесному же придворному штату относящиеся, к свите Царя вселенной, наблюдают за чистотой платья душевного, то есть и за чистотой телесною, свое тело освящая и таким образом облекаясь в одежду бессмертия... Обнаруживают тупость чувства красоты и нечувствительность к более тонким приличиям те, которые в изумление приходят при виде богато расшитых длинных и широких с многочисленными складками платьев из материй чрезвычайно тонких и легких... Поистине стыжусь, думая о том, сколько денег тратится на прикрытие стыда... Блаженный Иоанн (Предтеча) и об овечьей шерсти, отзывающей роскошью, ничего знать не хотел, а выбрал для себя верблюжьей волосы и во власяницу из них одевался, будучи представителем простого образа жизни... Илия носил прикрытие из овечьей шкуры, придерживая его около чресл волосным поясом. Другой же пророк, Исайя, ходил вовсе нагим и без обуви... Высота души и величие обнаруживаются всего яснее, если тело не будет прикрываемо разными нарядами и украшениями. А ношение одежд, волочащихся по земле, спускающихся даже до пят, представляет собою верх высокомерия и гордости. Такой одеждой как бы метлой какой заматывается и пыль с поверхности почвы... Конечно, было бы не в порядке вещей, если бы кто стал носить платье, только до колен достоящее, как у спартанских девиц** (** По закону Ликурга, гимнастикой должны были заниматься не только юноши, но и девушки. В целях большей свободы движений на палестре последние носили туники только до колен.) У женщины ни одна из частей тела не должна оставаться обнаженной. Особенно прилично будет привести здесь тонкий разговор между одним мужчиной и женщиной***: (***) Женщина эта была Феано, пифагорейка, по другим — жена самого Пифагора (Stromata. IV, 522; Plutarch. Praecept. conv))

-67-

— Прекрасный локоть!..

— Да, но не для глаз публики он назначен.

— Прекрасно развитая ножка!..

— Но собственность моего мужа.

— Красивое лицо!..

— Но только для моего супруга.

Но я не одобряю, когда честные женщины дают повод мужчинам расточать им подобного рода комплименты, которыми мужчины если и не обесславить их хотят, то по крайней мере лестью подкупить... Телесная красота их не должна быть для мужчин предметом охоты... Как Божество лучше храма, душа — тела, так и тело должно быть для нас ценнее одежды. А ныне все наоборот. Если которая-либо из женщин захотела бы свое тело продавать, то за него никто не дал бы и тысячи аттических драхм, а себе платья они покупают такие, что одно у них стоит до десяти тысяч аттических талантов, чем доказывают ясно, что лично-то они ни на что не годны и дешевле тканей, из коих сшиты их одежды. К чему эта погоня, следовательно, за редким, дорогим и предпочтение его обыкновенному, дешевле стоящему и легче доставаемому? Не то ли это значит, что с истинно прекрасным и действительно добрым незнакомы вы? Преследование реальной действительности вы оставляете, чтобы озабочиваться вместо того внешностью, уподобляясь тем безумцам, которые белое за черное считают».

Еще сказал²²: «Подобным же образом тщеславные женщины и в обуви обнаруживают свою крайнюю глупость. Поистине постыдно украшать сандалии золотыми цветами... Равнодушно посему будем относиться к художественно сработанным сандалиям, к аттическим и сикионским башмакам, к персидским и этрусским сапожкам... Ничего лишнего не носил Господь на ногах, Он, Собою представлявший первообраз истинной добродетели и умеренности».

Еще пишет²³: «Будем беречься, чтобы смешно не одеваться, так как на праздничных процессиях часто можно видеть людей в удовлетворение наружных приличий приглашенных, примазанных, раздушенных и изумительно разряженных, внутренне же бедных... Посему говорит Господь: *Продай что имеешь, раздай бедным и приходи и следуй за Мной* (Мф. 19, 21; Мк. 10, 21; Лк. 18, 22). Следуй за Господом, освободившись от суетности, от блеска скоропреходящего. Истинная твоя, твоя славная, неотъемле-

-68-

мая собственность, это — вера в Бога, исповедание *Мужа скорбей* (Ис. 53, 3), благотворительное человеколюбие». Еще сказал: «Не к принадлежностям жены, но к принадлежностям гетеры относятся бесстыдные хлопоты о различных прикрасах. Заботливость о домохозяйстве совместно с мужьями таких женщин занимает мало. Они опоражнивают денежный кошелек мужа и все материальные средства его издерживают на свои прихоти, лишь бы казаться красивы- I ми и иметь возможно большее количество поклонников своей красоты. По целым дням просиживают они за своим туалетным столиком... Днем они в уборных скрываются, хитроумно подкрашивая, холя и наряжая плоть свою, вечером же эта фальшивая красота как бы из темных нор каких выползает на свет ламп, ища вашего расположения. Пьяное состояние мужчин и тусклость света содействуют чарам наводной их красоты... Несчастные эти женщины, они и не замечают, что наводя на себя фальшивую красоту чужеродными материалами, чрез то губят

свою красоту естественную... А по смерти они отдадут отчет Творцу за нарушение благоговения к Нему, как если бы Он одарил их не тою красотою, какой они заслуживали*...(*Тертуллиан (De mulieribus fucatis) говорил то же: «Не угодно Богу употребительное у них искусство: на себе самих обличают и укоряют Творца вселенной, ибо порицают Его, когда поправляют, когда нечто присоединяют») Они не знают никаких границ своей жадности и впадают в бесстыдство. Везде им нужно быть: и в театре, и в процессиях, и на гуляньях; они совершают прогулки в храмы и останавливаются на площадях, чтобы здесь все их видели. Затем они и рдятся, что другим желают нравиться, блистая, впрочем, лишь своим лицом, а не сердцем. Как бежавших рабов обличает клеймо, так женщину легкого поведения разноцветные платья**. (** Еще по закону Солона предписывалось τὰς εταῖρας αὐθιὰ φορεῖν (Artemidorus, II, 3). Диодор Сицилийский подобное же постановление приписывает Селевку, законодателю локрян, а Плутарх (см.: *Athenaeus. Deipnosophistas*, XII) сиракузянам. Из цветов женщины порока любили особенно пунцовый, красный.)

Но *хотя и в ярко-красный пурпур одеваешься и золотыми украшениями себя убираешь, хотя ты свои глаза красками подводишь, твоя красота суетна*, говорит Господь у пророка *Иеремии* (Иер. 4, 30).

Волосные сетки, и именно различных сортов, замыс-

-69-

ловатое заплетание волос и прочее на тысячу манер завивание локонов и дорогой аппарат зеркал, пред которыми они наводят свою красоту, чтобы ловить безрассудных ребяческих почитателей своего появления: все это принадлежности жен, потерявших всякий стыд, которых можно называть гетерами, потому что они из своих лиц маски делают. Нам же заповедует Логос *не к видимому, но к невидимому стремиться, потому что видимое непостоянно, а невидимое вечно* (2 Кор. 4, 18)».

Еще сказал²⁴: «И до того испорченность нравов доходит, что не только женщин сокрушает суетная забота о кокетстве и модничанье, но и между мужчинами эта болезнь неистовствует. Да, болезнь — потому что кто от этой склонности к показному и рассчитывающему па обольщение других выхорашиванию себя несвободен, тот болен. Ухаживая старательно за своим телом и достигая выхоленности его, становятся такие мужчины женоподобными, заставляют себе подстригать волосы на тот манер, как носят их кокетки, мажутся благовонными помадами, натираются благовонными маслами, душатся духами. Что сказать при виде таких мужчин? Физиогномик уже по наружному их виду определит, что это за люди. Это преступные заискиватели у чужих жен преступной склонности... безбородые, страх в себе питающие к сему цвету мужественности, головные волосы даже и причесывающие-то прямо на манер женщин... В наших городах множество народу занято... бритьем... этих мужчин. Ужели же не пошло это — мужчиной быть и заставлять сводить волосы с своего тела и на него вместо того лоск наводить?.. Уроды, крася себе волосы и подмолаживая себя, живут мечтою, что для них, как для змей, возможно старую кожу с головы скинуть. Волосы они и действительно себе хитро подцвечивают, но морщин с лица свести все-таки не могут; а также и смерти они не избегнут, прикрывая искусством старость. Между тем, в образе старца нет ничего

ужасного, решительно ничего, и усилия прикрывать зрелый свой возраст совершенно напрасны. Чем ближе кто подходит к границам своей жизни, тем поистине тот становится лишь достопочтеннее, потому что в высшем возрасте человек только Бога одного имеет старше себя. Бог состоит ведь вечным Старцем, пророк называет Его Ветхим днями (Дан. 7, 9)... Если же какой мужчина оказывается очень занятым своими волосами,

-70-

постоянно причесывает их, подстригает перед зеркалом, поправляет их, подбирает и выщипывает, себе лицо лоснит, то не бабеней ли он становится? И подлинно, нужно раздеть такого донага, чтобы не счесть за женщину*.(* В древности вечерняя одежда мужчин и женщин была почти одинакова.)

...Нечиста эта страсть собой рисоваться и собой прельщать; она-то, собственно, и состоит седалищем непотребства. Бог восхотел, чтобы женщина имела кожу гладкую и чтобы только голова ее украшена была самородным и роскошным этим нарядом волос; мужчину же Творец бородой украсил и сообщил ему вид мужественный... И эти волосы, дарованные мужчине, Творец ставит столь высоко, что наравне с разумом указывает в них преимущество мужа; и Сам, будучи достоудивителен в своем величии, представительность вида мужчины украсил Он в высшем его возрасте достопочтенною сединою. Разум, добрые расположения, становясь от глубины как бы седыми, зреют лишь со временем и постепенно; и предносясь видимо в образе седины, являют они в советах старости вескую многоопытность, представляющую собой достолюбезный цвет почтенного разума, даруемого верой. Характерная принадлежность мужчины — борода, обнаруживающая в нем мужа древнее Евы, и состоит символом природы более сильной... *Но и все волосы вашей главы изочтены*, — говорит Господь (Мф. 10, 3); значит, и волосы подбородка, и волосы всего тела. Итак, исчисленные Богом волосы сводить, вопреки Его воле, не следует... *Если Бог в избранных по Его предопределению наперед признал подобных образу Своего Сына*, ради которых, собственно, по Апостолу, Он и указал Сыну *быть первородным между многими братьями* (Рим. 8, 28-29), то не нечестивцы ли те, кои телесный подобный отобраз Божий растлевают? Если мужчина желает быть прекрасным, то должен он развивать прекраснейшее в человеке, разум; этот должно изо дня в день украшать все достойнее и очевиднее. И не волосы должно исторгать у себя, а пожелания... Непозволительно, следовательно, бороду брить — это самой природой данное убранство, истинное украшение».

Еще сказал²⁵: «Впрочем, эту строгость должно немного ограничить. Женам, живущим в достаточной брачной обстановке, иногда можно и снисхождение оказывать и позволять наряжаться с целью мужу нравиться. Но пределом

-71-

их желаний при сем должно оставаться именно желание только своему мужу нравиться. С личным же моим вкусом несогласно, когда женщины хлопочут много об украшении своего тела; лучше пусть они очаровывают своих мужей искренней любовью, этим действительнейшим и столь естественным волшебным средством. Однако же, так как многие мужья о своей душе мало заботятся, то задача женщин, если они желают быть честными их женами, неразумные страсти и пожелания своих мужей укрощать, их постепенно к простоте обращать, к

несложным потребностям и умеренности приучать. Значение жизни состоит ведь не в обладании грубыми материальными благами, а в очищении себя от излишнего. Подобно подрезыванию маховых крыльных перьев должно подрезывать, следовательно, и затеи жен, отзывающие роскошью; они доставляют им удовольствие преходящее и радость суетную, а между тем, увлекаясь и занятые ими, они часто из клетки брака улетают. Поэтому жены, хотя и могут в известное время наряжаться, но должно при этом оставаться в границах, руководясь чувством приличия, чтобы от истины чрез спесь не уклониться. Но надлежит также, чтобы и мужья своим женам доверяли и все домохозяйство им предоставляли, потому что они именно для этой цели и даны им, чтобы быть в сем деле помощницами».

Еще сказал²⁶: «А если кто бороду подстригает, то не следует, по крайней мере, совершенно ее до гладкости состригать; мужчине сообщается этим вид отвратительный, и состригание бороды даже до кожи напоминает собой выщипывание и выглаживание. Псалмопевец говорит: *Как драгоценный елей... стекающий на бороду, бороду Ааронову* (Пс. 132, 2). Чрез повторение слова *борода* радостно воспевают он украшенное бородою лицо, блистающее елеем радости Господней... А усы должно подрезывать, чтобы при еде они не пачкались, но не следует их все остригать, — это было бы некрасиво, — а только немного ножницами. Бороду же, которая никоим образом не может беспокоить, должно без малого цельною оставлять; она сообщает лицу достопочтенность и некоторого рода отеческую авторитетность».

Еще сказал²⁷: «Для жен достаточно волосы слегка причесывать и косу на затылке какой-нибудь простой и деше-вой булавкой сдерживать; и при простой прическе длинные волосы для жены разумной служат истинным украшением.

-72-

Завиваньем же волос в букли на манер, как это делается у гетер, и распусканьем их по плечам локонами и косичками лицо бывает обезображено... Из страха прическу испортить такие женщины до своей головы дотронуться не смеют... Накладывание же чужих волос на голову совершенно должно быть оставлено; украшать свою голову волосами другого, накладывать на нее мертвые косы поистине нечестиво; потому что на кого же пресвитер тогда возложит руку, кого благословит он? Не украшенную жену, а чужие волосы и из-за них другую голову».

«Одежда не есть случайное, произвольное, не имеющее никакого значения облачение человека, — говорит уже современный автор. — Она связана с внутреннею жизнью человека или народа. Ее характер определяется не одними климатическими условиями, но вместе с тем и еще более тем духом, которым живет тот или другой человек или народ... Изменение ее человеком или народом свидетельствует об изменении начал их внутренней жизни и является следствием того изменения и, с другой стороны, ведет к изменению внутреннего строя жизни. Недаром реформаторы, подобные Петру Великому, замышляя обновление народной жизни и привитие к ней новых чуждых начал, между другими средствами к тому считали нужным делать особые узаконения касательно изменения одежды и привычного убранства, употребляемого в народе, и даже с изменения костюма начинали проведение в жизнь своих реформаторских планов. Их инстинкт или

государственный ум подсказывал им, что разрушение привычной привязанности в народе к своей одежде и к наследованному от дедов убранству внешнего вида непременно поведет к разрушению старых начал жизни и к изменению ее строя, и они не обманывались в своих надеждах и расчетах. Гонение Петра Великого на бороды и навязывание русским его подданным европейского костюма нельзя считать капризом гения, не имеющим для себя оснований. Недаром и люди, дорожащие внутренними основами жизни, не поддавались охотно воле реформаторов, нападавших на стародавнюю одежду, и готовы были скорее платить штрафы и терпеть гонения, чем расстаться с тем, с чем свыклись они, как с своею душою: им чужалось, и не совсем без основания, что душу их хотят выворачивать, когда заставляют изменять их внешнее облачение, служащее дополнением и выражением их нравственной личности»²⁸.

-73-

§ 6. Аскетическая физиология тела. (Телесные отделения. Пот. Слезы. Истечения. Пищевые отделения. Слюна. Так называемое (в медицине) пуэрперальное состояние: менструации, нормальные роды, послеродовой период, выкидыш, кормление грудью.)

Если вообще все внешнее имеет большое значение для духовной жизни человека,¹ то даже малому ребенку должно быть понятно или, вернее, известно, что вышеуказанные в заголовке стороны нашего телесного существования должны иметь значение еще большее, чем всякие другие. Ведь если мир погибает от похоти (1 Ин. 2, 16), то понятно, что те русла, по которым она изливается в мир, подвергаются ее влиянию сильнее всего, и понятно отсюда, что спасающемуся, прежде всего, нужно оберегать себя с этой стороны. Об этом и божественный апостол Павел учит (1 Кор. 12, 22-25). Что же касается тех сторон деятельности нашего организма, которые не имеют отношения к половой сфере, то и их нужно заставить служить нам на пользу душевную. Даже больше — их должно преподнести в дар Богу, наперед, конечно, от страстей и очистив, как прилично божественному дару, освятив молитвою.

1.Пот

При изгнании Адама из рая Бог сказал ему: *В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят* (Быт. 3, 19). Насколько душа предпочтительнее тела и хлеб духовный важнее материального, настолько, следовательно, и забота о снискании первого должна быть сильнее у человека, чем о приобретении последнего. Где больше страданий, там больше и потов. Но если труд по добыванию духовного хлеба несравненно выше простой заботы о завтрашнем дне и составляет заповедь Божию (Мф. 6, 31-34), то и поты от этого труда много ценнее пред очами Божиими и привлекают на человека милость Божию.

Посему-то *главотяжи и убрусцы**(платки и опоясания (слав.)) *промокишие от пота тела* апостола Павла, будучи возлагаемы на больных и бес-

-74-

новатых, исцеляли последних (Деян. 19,12). Потому-то все святые трудились до великих потов, подвизаясь против грехов собственных и грехов своих

ближних. «Много *пота* пролил я, умоляя о сем Бога», — отвечал некогда св. Варсо-нофий Великий одному брату, просившему его молитв и впавшему в грех хулы².

Когда св. Пахомий Великий к утру оканчивал свою ночную молитву, то под ним оказывалась *целая лужа от пота*, что не будет казаться нам слишком невероятным, если мы примем во внимание тропическую жару Египта, сильную внутреннюю горячность подвижника и, кроме того, обильные его слезы при молитве³. Наконец, Сам Господь всем Своим последователям подал пример молитвенного подвига до пота. И поскольку все подвиги у Него во всем были всегда совершеннее любых людских подвигов (конечно, так рассуждать можно только в приложении к Его человечеству), то и здесь молился он не до простого пота, а до кровавого. *И быв в подвиге*, — говорит св. евангелист Лука (Лк. 22, 44), — (Господь) «*прилежнее* моляшеся. Бысть же пот Его *яко* — *одеи*, все равно как, — *капля крове*, каплущи на землю». (Очевидно, от разрыва, под влиянием чрезмерного душевного напряжения, кожных сосудов — капилляров.)

Для тех, кто привык уверять себя данными науки, можно привести как справку в объяснение евангельского текста случай, рассказанный доктором Handfield Gones.

Один матрос, здоровый датчанин тридцати лет, с белым цветом лица, во время страшной бури *пришел в такой ужас*, что упал безгласным на пол и, что всего удивительнее, у него выступил *кровавый пот*. Сначала думали, что у него кровь идет из носу или что он поранился во время падения, но, вытирая блестящие капли, хирург Паулини (Paulini), который, собственно, и принял его на судно, был удивлен, видя, как они заменялись тотчас же новыми. Этот окрашенный пот вытекал из различных частей лба, щек и подбородка, но дело не ограничивалось этим, потому что когда расстегнули одежду, то увидели, что то же самое было на шее и груди. Вытирая и исследуя старательно кожу, хирург ясно видел, что жидкость выступала из отверстий потовых желез. Платок, которым вытирали матроса, был весь в крови⁴.

Итак, *будем трудиться до изнеможения и пота*, и последний из физиологического явления обратим в благо-

-75-

датное, сделаем так, чтобы он тек не по причине животного ужаса, от страха будущих мучений, а от боязни оскорбить Спасителя своими грехами. Кратко сказать, он должен быть от трудов послушания, а не корыстолюбия и тщеславия, и тогда он будет спасителен. И, повторяю, *обязателен* также.

2. Слезы

Еще драгоценнее и вожделеннее Богу наши слезы, но опять-таки не от злости, зависти, жадности и прочих страстей, а от сокрушения и плача о грехах. Ангелы такие слезы собирают. Преподобный Феофил, чудотворец Печерский, когда молился и плакал о своих грехах, имел обыкновение подставлять сосуд под падавшие слезы. В продолжение многих лет он наполнил ими сосуд доверху, ибо Господь даровал ему великий и непрестанный источник слез. И когда получил откровение о своей скорой кончине, то еще умиленнее стал плакать о том, чтобы его горькие слезы о своих грехах сделались приятными Богу. И вот явился ему ангел Господень, показал ему еще больший, чем у него, сосуд, наполненный

слезами и столь благоуханный, как будто миро в нем было налито, и сказал: «Это — твои же слезы, которые в молитве к Богу проливал ты от сердца и вытирал рукою, или платком, или одеждою, или ронял на землю, — все это я собрал в этот сосуд и сохранил, по повелению Владыки моего и Творца. И ныне я послан поведать тебе радость об отшествии твоём к Сказавшему: *блажени плачущии, яко тии утешатся*» (Мф. 5, 4). И, оставив сосуд свой, ангел стал невидим. На третий день преп. Феофил, по бывшему ему откровению, преставился в жизнь славную и достоблаженную для вечного лицезрения Трисиятельного Божества. Слезами же святого из двух сосудов омыли преподобное его тело⁵.

Но вопрос о слезах *основной* во всей аскетике и требует особого рассмотрения, которое в своем месте и будет предложено для руководства⁶. Здесь же я упоминаю только о его внешней стороне, не входя в изложение причин и следствий слез, указываю, что и эта область телесного существования очень важная и требует от человека всяческого попечения и внимания. Собирать, конечно, их в кувшин не надо, не нашей высоты духовной это дело, но хоронить следы их от людей всячески надобно стараться.

-76-

3. Истечения*

(* Об отделениях предстательной железы — это, конечно, тоже блудное, но не погрешительное.)

Это так называемые (в медицине) *поллюции*, как у мужчин, так и у женщин⁷. В церковных номоканонах и богослужебных книгах они носят наименование осквернений. Как уже само название показывает, они оскверняют человека, главным образом не тело его, а душу, потому что излишек соков в организме сам по себе ничего не значит⁸, но, вызываемый *похотью*, делает душу повинной греху и наказанию. То же самое нужно сказать о половых сношениях (разумеется законных, в благословенном браке)⁹. Так как здесь степень скверны еще больше, ибо похоть, вызывающая выделения из половых желез, добровольно и сознательно возбуждается (допустим, даже в добрых целях, для деторождения, а не удовлетворения сластолюбия), то понятно, что и молитвы тем необходимее.

Поэтому после подобных состояний положено Церковью особое покаянное *Правило от осквернения*, печатаемое в «Иерейском молитвослове», «Следованной Псалтири», канонике¹⁰. Оно состоит из тропарей, пятидесяти поклонов с молитвою: «Боже, милостив ми буди, и прости мя блуднаго за имя Твое Святое», и еще из пяти особых молитв, из которых две составлены св. Василием Великим специально для этого случая, две взяты из вечерних молитв и одна из утренних (ко Пресвятой Богородице: «Пресвятая Владычице моя Богородице...»).

Св. Варсонофий Великий вместо этого правила дает другое (собственно, это же, но еще более сокращенное, чем в нынешних канониках) — это правило удобно исполнять и всем мирянам, не имеющим нужных книг, но желающим, насколько возможно, отрешиться от вещественности и грязи. Именно, святой отец велит класть *семь раз по семь земных* поклонов, то есть всего сорок девять, с молитвою на каждом: «Господи, прости меня имени ради Твоего Святого!» Если искушение случится во время болезни или в день воскресный, когда не следует делать земных поклонов, то вместо коленопреклонений должно произносить вышеуказанную молитву семьдесят раз.

Публичный, гласный характер очистительных молитв в настоящее время остается только по отношению к родиль-

-77-

ницам, но сравнительно не так давно, в царствование Алексея Михайловича, когда Россия была еще «Святою Русью», у нас молитвы эти и над лицами, имевшими ночное искушение или супружеское сношение, читались в церкви открыто.

В «Путешествии Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века» находятся на этот счет очень любопытные и поучительные сведения. Вот что записал в своем дневнике очевидец, иностранец:

«Если случится с кем-либо из них (русских того времени. — Еп. Варнава) осквернение, тот отнюдь не входит в церковь, но становится *вне ее*. Если муж имел сообщение с женой, то они тотчас омываются, но не входят в церковь, не прикладываются к иконам и не касаются их, как мы это видели своими глазами в Москве, у торговцев иконами, *пока священник не прочтет над их головой молитву, нам неизвестную, и не благословит. Тогда они входят в церковь*. Мы наблюдали это, краснея за них. В особенности накануне воскресений, бывало, что все они, придя, становились *вне церкви*; священники выходили к ним и читали над ними молитву, дабы они могли войти в церковь»¹².

Какое благочестие было у наших предков, не утаивающее от надзора Церкви и ее предстоятелей ни одного шага своей жизни! Какое ненасытимое желание к освящению себя после всякого поползновения и поступков, над существом которых в настоящее время никто не задумывается! Какое смирение! Да, то была воистину святая, несравненная, благочестивая, никогда уже не могущая быть восстановленной, набожная Русь!..

Но не всегда человек в одинаковой степени виноват, подвергаясь этим искушениям. Это зависит от тех причин, по которым они в каждом случае происходят. В зависимости от этих причин аскетика предлагает и соответственные лекарства, с помощью которых спасающийся мог бы не только избавиться от этих нечистот (потому что и не спасающиеся иногда бывают свободны или мало подвержены им), но и уничтожить в корне причину их, сделаться совершенно *мертвым* по телу, воскреснув прежде всеобщего воскресения¹³ душою, так что, если у такого человека и искусственно со всем прилежанием возбуждать плоть ко греху, она была бы неподвижна¹⁴.

Таких причин, от которых случаются истечения, имеется шесть, причем *первые* три из них являются *греховными*,

-78-

а последние три безгрешными, но все они показывают, что человек не освободился еще от влияния бесов и те делают с ним, что хотят.

1. *Чревоугодие*. «Насыщение есть мать блуда», — сказал св. Иоанн Лествичник¹⁵. Предаваясь объедению, человек легко подвигает к искушению свою телесную природу, и без того падкую на греховную сласть.

Сюда же надо отнести и вообще излишнее упокоение своего тела (мягкая постель, теплое одеяло, лежание на спине). Недаром врачи и подвижники сходятся на пользе содержания своего тела в некотором утеснении, чтобы сон проходил нормально¹⁶. Из слов подвижников я приведу здесь только цитату из

«Патерика», печатаемую обычно в *канонике после молитв на сон грядущим* (в самом конце отдела)¹⁷:

«Если подушка под головою у тебя мягка, отвергни ее и положи под голову камень. Если будет холодно в твоей келий, потерпи, скажи сам себе: у иных вовсе нет келий» (вариант: «яко инии отнюдь не спят»).

2. *Беспечность духовная и допущение нечистых помыслов.* Многие — боюсь, все-таки, сказать «все» — поставляют дело спасения в одной исправности внешнего человека. Сходил в церковь, не поел скоромного в посты, а если немножко поподвижничал, положил несколько лишних поклонов, то и вовсе уж, по их мнению, сделал все, что требуется от христианина. А то, что в душе у них полный беспорядок, постоянные собеседования с блудными помыслами, до этого им дела никакого нет. Но таковых еще Сам Христос обличал (Мф. 15,1-20). Бывает, что подобные люди даже измощают свое тело великими трудами, но оно все равно предаёт их. Ибо подвижничество внешнее само по себе бессильно освободить человека от осквернений и дать ему чистоту. Надо следить за внутренним порядком души.

3. *Гордость и осуждение.* Осквернения от этих причин происходят только с людьми, приближающимися к совершенству и святости, по попущению Божьему, в наказание, чтобы они не думали о себе, что достигли этого собственными трудами. У этих лиц все страсти уже отошли и только вышеуказанные — мать со своим любезным исчадием — приближаются к дверям клетки их души. Рядовые христиане не могут к себе относить этот случай, и упоминая о нем я здесь только для порядка, как и во втором пункте.

-79-

Лишнее прибавлять тому, кто хоть немного смиренен (ибо он и сам понимает это), что если по этим трем причинам случится ему ночью искушение *накануне причащения*, то лучше бы ему в этот день не приступать к св. причастию. Если же нужда или долг требует это сделать (например служащему священнику), то, скажу словами св. Варсонофия Великого¹⁸, «приступим, как уязвленные, не как пренебрегающие, но как имеющие нужду во враче, и Тот, Который исцелил кровоточивую, исцелит и нас». В этом же смысле (по этому же поводу) ответил св. Григорий Великий Августину, епископу Английскому¹⁹. Также говорит и св. Тимофей, епископ Александрийский, в своем двенадцатом каноническом ответе²⁰. Понятно, что предварительно надо совершить вышеприведенное *правило от осквернения*.

Это, повторяю, относится к лицам, которые, хотя и грешат, но — *смирены* и падают потому лишь, что связаны долгим худым навыком и привычкой, приобретенными еще в то время, когда они работали не Христу, а диаволу.

Но тем, которые не по немощи впадали в грехи, а сознательно, с услаждением, упивались *накануне* весельем, шутками, смехом с лицами другого пола, воспалялись к ним похотным чувством, давали полную свободу своему чреву, вместо того чтобы воздержаться *накануне*, хотя бы с вечера, — этим нужно напомнить страшные слова апостола: *Ядый бо и пийй недостойне, суд себе яст и пьет, не рассуждая тела Господня. Сего ради в вас мнози немощни и недужливы, и спят* — ко́мѡнта, засыпают сном смерти, умирают, - *доволни* (1 Кор. II, 29-30).

Вот источник неожиданных смертей и болезней среди христиан!..

4. *Естественный избыток накопившихся телесных влэг.* Если в этом случае «помысл не слагается с блудными прилогами и без мечтаний случается по временам во сне истечение», то это — «начало чистоты», по определению св. Иоанна Лествичника²¹. Впрочем, иногда эти случаи происходят и от слишком большой слабости и болезненного состояния организма человека и, таким образом, не являются следствием духовного подвига, а составляют болезнь.

5. *Болезнь.* Здесь хотя и нет греха, но и приобретения также нет. Поправится человек, и осквернения уже могут сопутствоваться страстным чувством.

-80-

6. *Зависть бесовская.* Причина эта, как и вышеуказанная (3), есть достояние совершенных. В таком случае св. Иоанн Лествичник²² называет человека *блаженным*, ибо Бог это «на него попускает для того, чтобы безгрешным злоключением приобретал высочайшее смирение».

Понятно, что от слез, плача, сокрушения и, в частности, церковного правила эти случаи так же не освобождают человека, как и первые. Если бы не было залогов страстей и не была бы ранее подготовлена почва плохой жизнью, всего этого бы не было. Посему будем плакать и каяться²³.

4. *Пищевые отделения*

Сам Бог в Ветхом Завете и воплотившийся Сын Божий, Господь Иисус Христос, в Новом Завете, святые отцы, церковные правила — все устремляют свое внимание на те естественные нужды телесные, отправления которых человек стыдится и результаты коих прячет от себя самого. Почему же он так делает? Потому что, хотя он и потерял по грехопадении великие божественные дарования и знаки своего духовного могущества, какие имел в раю, и даже не верит в то, что обладал ими (!), но все же — пусть даже из гордости — чувствует себя господином и царем на земле, и, выводя в настоящее время свою родословную от обезьяны и прочих скотов, он, однако, равнять с ними себя вовсе не намерен. Не веря в духовный мир, он проповедует «духовную» культуру; не признавая у себя души, не хочет, чтобы материальные вещи вокруг него были тленны и скоро гибли, но устраивает себе искусственное бессмертие, в виде памятников архитектуры, искусства, науки. Тайком от себя все хочет *одухотворить*, украсить, сделать прекрасным. И вот как раз в самом себе находит страшных врагов для своей гордости, низлагающих ее самым простым, наглядным и неистребимым способом. В себе самом человек видит доказательства своей тленности, ничтожества, грязи, полной непригодности к чему-либо. И вот он принужден смириться и прятать от других и от себя свой позор, обличающий его в том, что он когда-то потерял свое первобытное достоинство, при котором ничего подобного не было. И то, что он стыдится и прячет, — хорошо делает. Если это от смирения и целомудрия, то вдвойне хорошо, если от гордости и «приличия» только, то опять-таки хорошо: по крайней ме-

-81-

ре, этим пресекается соблазн для немощных, вырастающий на почве бесстыдства.

Но увы, горе роду нашему! Это бесстыдство открыто выносятся на свет Божий людьми, которые не только не считают нужным стыдиться своего скотского состояния, но еще и хвалятся этим. Апостол сказал о таковых: *Их конец* —

погибель, их бог — чрево, и слава их — в сраме (Флп. 3, 19). Начинается оно с испещрения похабными надписями общественных уборных — в клубах, вокзалах, театрах и так далее — и кончается случаями полного нравственного развращения, граничащего с сумасшествием, когда отправляют свои нужды публично, в обществе (ср. философию Диогена*(*О его поступках см.: Асо. Отдел III. Гл. 2. § 6. Противоестественные пороки.)), после чего приходится помещать человека в психиатрическую лечебницу²⁴. Не делая из последних фактов никаких выводов в отношении культуры (ибо с так называемым прогрессом они не убывают, а увеличиваются²⁵), я рассмотрю их и вообще эту сторону нашей жизни с христианской точки зрения, ибо к тому обязываюсь теми божественными примерами, о которых я упомянул вначале.

Но поскольку во всей книге я стараюсь проводить, в основном, *практическую* точку зрения, то есть стараюсь доставить читателю необходимое руководство для самого *дела* созидания, спасения, а не дать очередную занимательную книгу для получения знаний и вострения ума, то и здесь я коснусь данного вопроса также со стороны внешней приложимости его к нашим духовным потребностям.

Разве не знаете, — говорит апостол, — что вы храм Божий — ναός Θεού — и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы (1 Кор. 3, 16).

И в другом месте:

«Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы — не свои?» (1 Кор. 6, 19).

А отсюда что следует?

Все, относящееся к нашим естественным телесным нуждам, мы должны упорядочить, уцеломудрить. Хотя сами по себе эти отправления не оскверняют человека (Мф. 15, 17-18; Мк. 7, 19), но если они сочетаются с худыми поже-

-82-

ланиями сердца, то превращают тело человека из храма Божьего в свиной хлев и тем навлекают гнев Божий. Вот почему Церковь такую молитву вкладывает в уста христианину при обращении его к своему ангелу-хранителю: «Христов храм сущее сердце мое, страстями свиней умных житие соверших; но укрепи мя, помощнике души моея, очисти сие, покадити, окропiti ароматы и миры *молитв и чистоты*, да паки будет храм Христов благоуханен»²⁶. А без молитв и чистоты, какие бы мы гигиенические и санитарные меры ни употребляли, все равно и тело человеческое и необходимые места для него будут не храмом, повторяю, Божиим, а храмом — приличнее сказать капищем — диавольским. Демоны поселяются тогда в них и внушают людям вести себя бесчинно. Человек, если закоснееет в этом и погрузится в нечистоту, делается бесноватым, то есть вместо Духа Божьего, по апостолу, начинает в нем жить дух лесчий, бес. И это — необходимый результат культурного «просвещения» и безбожного «прогресса». Поэтому нужно стараться себя не духами опрыскивать и не озонирующие средства употреблять, а самое тело упорядочить, чтобы от него самого шло благоухание, как это мы видим теперь на мощах и телах святых угодников²⁷. «Думаю, что человек не может быть назван совершенно святым, — говорит преподобный Иоанн Лествичник, — *если прежде не освятит сего брения* (то есть тела) *и некоторым образом не преобразит его*, если только возможно такое

преображение во временной жизни»²⁸. И это — упорядочение, освящение, святость, преобразование тела — необходимый плод божественного просвещения и законченного духовного развития.

Перейду теперь к частностям, покажу, что нужно соблюдать человеку, чтобы по-христиански, а не по-язычески относиться к низшим проявлениям своего существа.

Прежде всего, о самом месте, которое нам потребно для наших нужд. Отдельные помещения при наших домах и квартирах мы должны *кропить святой водой*, начиная с богоявленской. Ибо почему всякие непотребства совершаются в публичных местах? Потому что последние не освящаются (отсюда необходимость и польза церковных крестных ходов по улицам и площадям городов и селений). Как я сказал, в них заводятся демоны. Хотя они физического смрада не ощущают, потому что бестелесны²⁹, но так как страсти наши разгораются часто в таких местах,

-83-

то они и живут там, чтобы тревожить нас еще больше³⁰. А если будем кропить святой водой, изгоняя всякую нечисть бесовскую оттуда, то и сами, приходя по своим надобностям, будем вести себя приличнее и со страхом, боясь осквернить приобщенное нами к святыне место.

Да не подумает кто, что это кропление святой водой и великою агиасмой (крещенской водой) будет кощунством. Мы все порядки у себя перевернули под влиянием демонских внушений: чего бесы боятся, о том они нам внушают, чтобы мы не делали сего, якобы из-за оскорбления Божьего величия, а что им сладостно и удобно, про то они говорят нам, что ничего не может быть лучше, как сделать это, хотя бы по виду оно было и грешное (а оно и на самом деле таково). Так и здесь. Если мы ведем себя не только в отхожих местах, но и в обществе бесчинно, то нисколько не задумываемся, какой великий грех совершаем, заботимся лишь об одном, чтобы «приличие»³¹ нам не забыть или чтобы дозволяла это распущенность собеседников, а когда хотим во избежание греха принять соответствующие меры благодатные, то вдруг начинаем проявлять такое благочестие, которого у нас раньше не было и подозревать было нельзя и которому мы не можем придумать никакого основания, будучи невежественны в богословском отношении и убоги в духовном. Но *Церковный Устав* так отвечает этим лицам на их смущение и так учит поступать:

«Известно же буди всем о святой воде, яко неции суть отлучающе себе от святыя воды [речь идет о богоявлен-ской], вкушения ради [то есть из-за того, что, мол, мы поели уже и чаю напились], не добре творят, ибо благодати ради Божией дана бысть на освящение миру и всей твари. Тем-же во всяких местех и скаредных, и всюду кропится, яже и под ногами нашими суть». «И где есть сих разум, еже не пи-ти сея? — возвращается опять Типикон к прежней своей мысли. — Но да увеси, яко не вкушения ради ястия нечистота в нас есть, *но от скверных дел наших*, очищени же от сих, прием без сомнения сию святую воду»³².

Итак, да не будет у нас того, чтобы пить святую воду, поев — считать за грех, а натошак делать непотребные вольности разные — пропускать без внимания. И неужели мы думаем, что если живем нечисто и блудно, то, принимая в себя

святую воду утром до еды, менее грешим, чем поливая ею в отхожих местах? Если так думаем, то напрас-

-84-

но, ибо тело наше в этом случае (хотя бы от него несло духами Брокара, амброй и ароматами Boubigant, Piver или «White Rose» Аткинсона) в тысячу раз паскуднее и грязнее, чем загаженный нужник.

Теперь о поведении. Всегда и везде надо быть целомудренным — находимся ли мы в специальных помещениях, или одни в комнате, или на улице. Нужды свои надо отправлять с внутренним страхом пред Богом и с сознанием собственной вины в том, что мы должны подчиняться этой скотской необходимости, вместо того чтобы пребывать нетленными в раю. Нужно всегда помнить, что на нас смотрят Бог и все святые, что ангелы ходят рядом и, в силу своего послушания, должны следить за нашим поведением и отдавать отчет за нас Богу (Евр. 1, 14). Неужели после этого нам не должно стесняться и тем давать повод своему ангелу-хранителю к великому плачу о нас и стыду за наши поступки?³³ Что он скажет о нас Богу, какой отчет даст Ему?

Совість нынешних людей очень немощна, и если человек даже глух, слеп и имеет насморк, то и тогда воображение его старается прицепиться к чему-либо и нарисовать картину, особенно относительно человека, к которому он равнодушен. А это бывает у молодежи в отношении всякого постороннего лица другого пола. Мы должны щадить душу и помыслы, как свои собственные, так и посторонних, ибо малейшего недосмотра нашего достаточно, чтобы погубить иной раз случайно, как говорится, подвернувшегося человека. Не забудем того, что за *соблазн* других полагается страшнейшее наказание. *«Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской, — говорит Спаситель. — Горе миру от соблазнов: ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит»* (Мф. 18, 6-7).

Если нам приключится какая-либо нужда, то и совершим это как нужду, не делая из него события, о котором пусть-де знают посторонние; даже больше — мы должны стыдиться самих себя и наблюдать, чтобы выбираемое нами место — если это на улице — не было священным (например кладбище, церковная ограда, я уже не говорю сама церковь), а положение тела и приемы не были бесчинными. Вести себя надо так, чтобы нас не слышно и не видно было и чтобы вновь приходящие после нас люди ничего не нахо-

-85-

дили, ни малейшего следа, насколько это возможно (Втор. 23, 12-14). Если в древности, как известно из покаянных епитимейников, люди каялись на исповеди даже в том, что иногда повертывались лицом на *восток* при этом, то что может освободить нас от подобного исповедания священнику теперь? — Конечно, ничто. И потому в этом также надо каяться³⁴.

Христианин за каждую мысль должен быть (да и будет на Страшном Суде) в ответе, также и за каждый поворот и движение тела (1 Кор. 4, 5). Не будем потому думать, что это вещи маловажные, недостойные рассуждения³⁵, даже неприличные. Неприличного в деле спасения нет ничего, кроме одних грехов, а здесь речь идет, наоборот, о том, как от них избавиться. А если мы пренебрегаем

этими вещами, как ничтожными и недостойными, то как бы нам не навлечь на себя гнев Божий. Не давая себе труда серьезно продумать всю свою внешнюю жизнь с точки зрения божественных заповедей, мы иногда по необдуманности, иногда по неразумию или по забвению совершаем такие поступки (и даже находясь на молитве, крестных ходах и проч.), которые достойны великих казней. Иногда они таковых людей и постигают еще здесь, на земле.

В житии святых мучеников Кира и Иоанна, врачей-бессребренников (+ 311 год по Рождестве Христовом), рассказывается следующий случай.

Один юноша, по имени Феодор, *«после причастия Св. Тайн, идя в храм святых мучеников, — передает святитель Софроний, впоследствии славный Патриарх Иерусалимский³⁶, — не знаем почему, обижен ли кем был, в сильном гневе, не только поносными словами, несчастный, оскорбил святыню, как бы против сослужителя какого-то износя порицание, но и, извергая воздух, издал такой громоподобный звук, что все, бывшие при этом, вздрогнули. Известно, что язычники подобными звуками умилоствовали своих*

богов, и кто из них побеждал такими звуками других, тот наиболее нравился демонам³⁷.

После такого гнусного поступка Феодор, принимая пищу, *лишился зрения.* Все, бывшие при этом, пришли в страх и стали молиться за себя и за него со слезами, умилоствляя Христа и мучеников. Мученики явились ему во сне и сказали: — Кто

тебя, несчастный, вынудил на такое гнусное дело? *Его надобно и всегда воздерживаться, как языческого и*

-86-

приятного демонам, а тем более после причастия Св. Тайн. И вот, если ты на третий день, когда эконоом пойдет с кадилом и будет кадить храм³⁸, увидишь уголья в кадиле и восходящий от него дым, то освободишься *от наказания* и получишь зрение, как и прежде, а если ничего не увидишь, то останешься навсегда слепым...»

Дальнейшее изложение опускаю. Юноша был исцелен на глазах св. Софрония и многочисленных молящихся в церкви.

Но пора уже мне приступить к святоотеческим назиданиям. Они научат верующего осмотрительности в вещах, в которых ранее ему помогали руководствоваться лишь собственная совесть да пресловутые правила приличия (но мы уже видели, чего они иногда стоят, а если бы что и значили, то в очах Божиих не имеют никакой цены, ибо Господь судит только по Своим заповедям, а не по тем началам, которые сами для себя установили люди).

«Если выйдешь ради необходимой потребности, — говорит преп. авва Исайя, отшельник египетский³⁹, — не неради о себе, а помни, что Бог взирает на тебя».

«С целомудрием приступай к исполнению необходимой нужды, как бы стесняясь хранящего тебя ангела, и совершай дело со страхом Божиим, и принуждай себя до самой смерти, хотя бы и неприятно это было сердцу твоему», — учит великий во святых преп. Исаак Сириянин⁴⁰.

И еще он же:

«Да будет *целомудренно* сидение твое во время удовлетворения естественной нужды. Наипаче же во время сна своего будь целомудрен и чист и строго наблюдай не только за помыслами, но и за членами своими»⁴¹.

Разрешу в заключение некоторые недоуменные вопросы. Христианину сказано: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17).

Но «возможно ли непрестанно петь и читать Слово Божие или рассуждать о нем, так чтобы не было пережки и ради встречающейся иным необходимости исправить низкие потребности тела?» Этот вопрос задали однажды св. Василию Великому. И этот законодатель иноческих уставов такой дал ответ⁴²:

«На сие дает правило апостол, сказав: *вся же благообразно и по чину да бывают* (1 Кор. 14, 40). Почему должно более заботиться о благообразии и благочестии относительно ко времени и к месту».

-87-

Но бывают случаи, когда приходится все-таки нарушить это правило. Однако, прежде чем излагать дело, я предпошлю в объяснение его — в виде *леммы*, как говорят математики и философы, — несколько пространную выписку из «Лествицы» преп. Иоанна, игумена Синайского, о значении внешних, телесных молитвостроений при обращении новоначальных к Богу⁴³.

«Тем, которые еще не стяжали истинной сердечной молитвы, — говорит святой отец, — в телесной молитве *способствует подвиг понуждения*, например: *распростертые руки, биение в грудь, умиленное взирание на небо, глубокие воздыхания и частое преклонение колен*. Но как часто случается, что они в присутствии других людей не могут сего делать, то бесы и стараются тогда на них нападать; а так как они еще не в силах противиться им мужеством ума и невидимою силою молитвы, то, может быть, по нужде и уступают борющимся. В таком случае, если можно скорее отойти от людей, скройся на малое время в тайное место и там *воззри на небо*, если можешь, душевным оком, а если нет, то хоть телесным; *прости крестовидно руки и держи их неподвижно*, чтобы и сим образом посрамить и победить мысленного Амалика (Исх. 17, 11-13). Возопий к могущему спасти и возопий не красноречивыми словами, но смиренными вещаниями, начиная прежде всего сим воззванием: *Помилуй мя! Яко немогущен есть* (Пс. 6, 3). Тогда опытом познаешь силу Всевышнего и невидимою помощию, невидимо, обратишь в бегство невидимых (врагов). Кто обучился таким образом с ними бороться, тот вскоре начнет и *одною душою* отгонять сих врагов, ибо Господь дает делателям сие второе дарование в награду за первые подвиги. И справедливо!»⁴⁴

Не могу утерпеть, чтобы не сделать одного постороннего замечания. Святые отцы рассуждают о невидимой брани с бесами так, как будто речь идет о видимых состязаниях с неприятелем посредством пушек, аэропланов, танков и прочего. А в нынешнем веке у нас постоянно перед глазами люди, которые в самих бесов-то не верят. Увы и горе роду нашему! Ведь это неверие не есть простая глухота и слепота физическая, с которыми как-никак, а жизнь безбедно прожить можно, а слепота духовная, конец коей — мука вечная в негасимом огне геенском без всякой надежды на милосердие Божие, на прекращение мучений через неко-

-88-

торое время и все прочее, что внушают те же демоны людям, чтобы они больше грешили и не боялись Страшного Суда. Но нет, и мука будет вечная, и милосердия Божьего не будет, потому-то и называется последний Суд *Страшным*. А то почему бы ему таким быть?.. (Откр. 14, 11.)

Ввиду вышеуказанных свойств внешних действий при молитве, когда не находится при нападении блудных бесов на нас в обществе укромного уголка, о котором говорит святой отец, чтобы нам против них помолиться, приходится прибегать даже и к скаредным местам. Тот же прозорливец — св. Иоанн Лествичник — передает такой случай:

«Бывши негде в собрании, я заметил, что на одного тщательного брата напали нечистые помыслы. И как ему не нашлось приличного места, где бы тайно от других помолиться, то он вышел, как бы по естественной нужде, и там произнес усердную молитву на этих супостатов. И когда я ему выговаривал за неприличность места к молитве, он отвечал: "О прогнании нечистых помыслов я и молился в нечистом месте, чтобы очиститься от скверны"»⁴⁵.

Поэтому, если демоны на нас нападут в самом сем месте, склоняя на какой-либо грех, метнем из сердца молниеносный взгляд на небо и закричим мысленно, прося Бога защитить нас от лукавого и простить в то же самое время за молитву в неприличном состоянии.

5. Слюна

Мимоходом замечу, что у нас принято соблюдать только приличия, а наедине можно и в церкви не стесняться плевать. Но не так поступали святые отцы. Современник знаменитого Макария Александрийского, близко знавший его, — славный Палладий, епископ Еленопольский, написавший «Лавсаик», говорит про него:

«С того времени, как [Макарий] крестился, он никогда не плевал на землю, а теперь уже шестьдесят лет минуло, как он принял крещение. Крестился же верный раб Христов и бессмертный Макарий на сороковом году своей жизни»⁴⁶.

Мы же не будем плевать — я не говорю уже про землю — по крайней мере в храме и не будем плевать, полоскать и чистить зубы во весь день после причащения Св. Таин.

-89-

6. Месячные очищения (менструации, регулы)

В Ветхом Завете Бог чрез пророка Моисея определил для женщин, находящихся в этом состоянии, каждый их шаг и движение (Лев. 15, 19-33). Также и мужчин, случайно по неведению прикоснувшихся к их нечистоте (во время совокупления), подверг подобному же взысканию. Тех же, кто сознательно презрел это болезненное состояние своей жены или посторонней женщины, Господь повелел предавать смерти вместе с этой же женщиной (Лев. 20, 18). Впоследствии, ближе к новозаветным временам, наказание за это преступление Бог еще увеличил, по крайней мере резче подчеркнул (через пророка Иезекииля), что повинные в этом грехе не только потеряют жизнь телесную, но и душевную, что, конечно, страшнее и важнее (Иез. 18, 4, 6, 9, 13). Над детьми, зачатыми при подобных обстоятельствах, явно тяготело преступление этих родителей как наказание Божие и сказывалось в болезнях половых органов, из-за чего прекращался им доступ в священные собрания⁴⁷ (Лев. 15, 1 и след.).

После дней очищения закон предписывал омовение. Местом для таких омовений иногда служили особые помещения в доме (2 Цар. 11,2) или при синагоге (так называемые «миквы» для женщин), иногда просто речки, ручьи, источники⁴⁸.

Новый Завет ничего не говорит прямо об этом, потому что занимается предметами духовными, он хочет, чтобы христиане были выше этого состояния⁴⁹. Что такое совершенство стало возможно при помощи благодати, мы увидим ниже. Начало этой чистоте положила Сама Богоматерь, Приснодева Мария. Но пока в женщине этот закон природы действует, действуют для нее и предписания ветхозаветного закона, но только еще с большей ответственностью для нее, потому что вещи, которые ее теперь окружают, не простые, а святые, благодатные. Я разумею здесь иконы, мощи, храмы, Св. Тайны... Потому Церковь строго судит об этом и на все это время отлучает жен не только от св. причащения, но и от храма.

Второе каноническое правило св. Дионисия Александрийского (+ половина III века) гласит:

«О женах, находящихся в очищении, позволительно ли им в таком состоянии входить в дом Божий, излишним по-
-90-

читаю и вопрошать. Ибо не думаю, чтобы они — если суть верные и благочестивые, — находясь в таком состоянии, дерзнули или приступить к святой трапезе, или коснуться Тела и Крови Христовых. Ибо и жена, имевшая двенадцатилетнее кровотечение, ради исцеления прикоснулась не Ему, но только воскрилию [одежды].

Молиться, в каком бы кто ни был состоянии и как бы ни был расположен, помянуть Господа и просить помощи не возбраняется. Но приступать к тому, что составляет Святая Святых, да запретится не совсем чистому душою и телом»⁵⁰.

По правилу св. Иоанна Постника⁵¹:

«В течении сущая жена, сиречь обычно свое имущая, не причащается в Пасху, дондеже очистится, ниже входит в церковь до семи дней».

Дерзкое нарушение этих правил, без сомнения, повлечет за собою соответствующее наказание свыше. В одном древнем сказании (рукопись XV века) «О женщине, вошедшей в церковь в нечистом виде» повествуется, как дух нечистый на глазах всех молящихся внезапно поразил ее и «сотвори ю беситися» за то, что дерзнула приступить в таком состоянии к мощам святого мученика Севастиана⁵².

В настоящее время, когда вера и благочестие ослабели и когда не только мужчины, но и женщины бывают в церкви только по праздникам и воскресеньям (а в будни ходят только ради необходимой требы: похорон, крестин, поминовения, именин и прочего), можно, думается, допустить жен, находящихся в очищении, к слушанию службы церковной, с тем чтобы они стояли в притворе или у входных дверей, не заходя далее и не прикладываясь ни к какой святыне. Неудобно таковым и дома касаться икон, зажигать пред ними лампады, пить святую воду.

Некоторые, приезжая на богомолье куда-нибудь и заставая себя в таком положении, не знают, как им поступить; иногда же, считая как бы обидным для

себя уехать из святого места, не приложившись к святыне, дерзают на последнее. Но им лучше смириться и признать себя недостойными сего. Ибо если бы мы были достойны, то Бог всячески устроил бы так, чтобы мы оказались чисты и свободны в желаниях и действиях. Во-вторых, они забывают, что не само прикосновение к святыне сообщает благодать, а *вера* наша. Не потому кровоточивая в Евангелии

-91-

исцелилась, что прикоснулась к Спасителю, а потому, что веровала в Его чудодейственную силу (Мф. 9, 21-22). Поэтому верою можно получить ту же самую благодать, приложившись не к самим мощам святого или святой, а только, например, к порогу церковному, косяку дверей того храма, где находится их рака. Наши беспорядочные желания только обнаруживают в нас гордость, а не смирение — мы недовольны малым, нам подавай всегда великого. Преподобный авва Дорофей говорит про себя: «Я и *двери кельи его* [своего старца, св. Иоанна, называемого Пророком] *лобызал снаружи с таким же чувством, с каким иной поклоняется честному кресту...*»⁵³ А мы своими поползновениями показываем, что для нас и самый Крест неважен и что святой должен быть нам еще благодарен за оказанную услугу (что паломничество к нему совершили) и благословить нас лично.

Конечно, христианке, которая *на опыте* познала *силу* освящения от ежедневного вкушения святой воды, лобызания святых икон и мощей, не без труда приходится переносить такое ежемесячное отлучение от святыни. Понять этого никак не могут те, кто проводит светскую беспорядочную жизнь и сам себя добровольно отлучает от благодати, получаемой от мощей, великой агиасмы и от Св. Тайн. Последних нужно только пожалеть, ибо то, что Церковь считает наказанием, в иных случаях⁵⁴ и преданием сатане (1 Кор. 5, 5), они сами на себя навлекают!..

Итак (возвращаясь к прежней мысли), трудно истинной христианке в это время, но если она подвижница, то имеет надежду некогда избавиться от сего состояния (раньше времени, разумеется).

Христианин, будь то мужчина или женщина, вообще говоря, должен помнить, что ему предназначено еще на земле состояние бесстрастное, которого он может достигнуть при помощи *добродетелей*, но которое есть *дар Божий*, так как это состояние выше обычной природы человеческой. «Конец чистоты, — говорит св. Иоанн Лествичник, — умерщвление тела (то есть телесных движений), предваряемое умерщвлением нечистых помыслов»⁵⁵. Тогда человек может «в одинаковом устроении пребывать при виде существ одушевленных и бездушных, словесных и бессловесных»⁵⁶.

Все вышеуказанные физиологические отправления, как у мужчин, так и у женщин, на этой степени совершенства человеческого прекращаются полностью и окончательно.

-92-

Надежду на это ангельское состояние дает, исходя из собственного опыта, св. Василий Великий. «Я изведаль, — говорит он⁵⁷, — что по благодати Христовой и мужи и жены достигают сего искреннею верою в Господа».

Вот в надежде-то на это подвизающийся легко может переносить всякие трудности. Если же мы не живем и не идем путем святых отцов и жен и подвигов не совершаем, то будем, по крайней мере, смиряться и считать себя недостойными не только приближаться и касаться святых мест, но и быть в общении со всеми людьми, хотя бы некоторые из них считались и великими грешниками. И тогда милость Божия нас покроет.

В настоящее время медицинская наука вынуждена подтвердить истину только что сказанных вещей. Теперь она точно указывает случаи, когда подобное прекращение периодических отделений бывает и от естественных причин, но все-таки на почве аскетизма и известного воздержания, хотя бы и вынужденного⁵⁸. Так, при первичной психической апорексии профессор Дежерин отмечает случаи, когда молодые девушки из-за воздержания от пищи, по обету ли, или еще по какой причине, не выделяясь ничем другим от окружающих, «с физической стороны представляют только один важный симптом, именно прекращение регул»⁵⁹.

...Писано до революции. Теперь, при советской власти, я нередко встречал случаи, когда женщин и молодых даже девушек (студенток) посылали на тяжелые работы и от непосильного труда они впадали в такое же состояние. Думаю, на основании подобных случаев, что у древних подвижниц и святых жен это происходило отчасти и естественно, вследствие многолетних тяжелых подвигов и истощения, чего указанные у нас лица достигали за какое-нибудь лето тяжелых колхозных работ или после погрузки угля и тому подобного.

7. Нормальные роды

Се бо в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди — ילמפ', «йехаматни»; LXX: ἐκίσσησεν — *я мати моя*, — говорит пророк (Пс. 50, 7).

Святой Афанасий Великий делает к сему примечание: «Первоначальным намерением Божиим было, чтобы мы рождались не чрез брак и тление⁶⁰; преступление же запо-

-93-

веди ввело брак вследствие беззакония Адама, то есть вследствие уклонения от данного ему Богом закона. Итак, все рождаемые от Адама, зачинаются во грехах, подпадая осуждению прародителя.

А сказанное: *и во гресех роди я мати моя* означает, что общая всем нам мать — Ева — первая породила грех, как *возжелавшая удовольствия*. Потому и о нас, подпавших осуждению матери, говорится, что и мы рождаемся во грехах. Давид показывает, как человеческая природа изначала в преступлении Евы подпала греху и как рождение стало подлежать проклятию»⁶¹.

Чтобы яснее уразуметь мысль Афанасия Великого, почему рождение стало подлежать проклятию, нужно обратить внимание на отмеченные мною выше слова, что Ева породила грех тем, что *возжелала удовольствия*, и на самый священный текст псалма. В русско-славянском переводе не передан оттенок ни подлинника, ни перевода Семидесяти, как раз объясняющих, что именно греховного в человеческом рождении и почему. Непонятно поэтому, зачем нужно женщину после родов очищать молитвами, как это делает св. Церковь, и вообще, как смотреть на брак правильно⁶².

В греческом тексте стоит выражение, как раз не соответствующее слову *роди* (тогда бы надо: *εὐενήσεν*), а поставлено *ἐκίστησεν*. Последнее происходит от *ἡ κίσσα* — буквально «отвращение беременных женщин от нормальной пищи и болезненный позыв к особенной, кислой, соленой»⁶³. Отсюда *ἐκίστησεν* — «страстно захотела, возжелала» (ср. выше у Афанасия Великого: Ева, «возжелавшая удовольствия» от плода с запрещенного дерева). Этот же смысл дает и еврейский подлинник (от глагола *אָחַם*, *йахам* — буквально «разгорячаться», откуда уже происходит *зачинать* ребенка; но теми же словами и о скоте говорится: Быт. 30,41; 31,10).

Таким образом, проклятие и нечистота оскверняют роды и делают женщину виновной потому, что им предшествовала и являлась обуславливающим началом *похоть*. «Похоть же, зачав, рождает грех, — говорит апостол Иаков, брат Господень, — а сделанный грех рождает смерть» (Иак. 1, 15). Отсюда все люди смертны, отсюда же необходимость очищения родильницы от нечистоты рождения, которое само по

себе, конечно, не должно содержать греха, Посему-то св. Церковь молится Богу за родильницу:

«Владыко Господи Боже наш... помилуй и прости воле-
-94-

нал и невольная ея прегрешения... и очисти ю от телесныя скверны... Прости рабе Твоей (имярек), днесь родившей, по множеству щедрот Твоих... прости... и всему дому, в немже родися отроча, и прикоснувшимся ей, и zde обретающимся всем»⁶⁴.

Таким образом, скверна касается не только самой родильницы, но и помещения, в котором она находится, и всех окружающих⁶⁵. Поэтому Церковь повелевает читать молитвы, очищающие эту заразу греховную, у роженицы *на дому* (у постели). Но и это еще не все. В сороковой день сама мать, уже очистившаяся и омовенная (отложив ложный стыд, если он у нее есть), должна прийти вместе с младенцем в храм, и здесь им читаются молитвы, после которых она может невозбранно ходить в церковь и приступать к Св. Тайнам (а до сорокового дня и без молитв и то, и другое совершать нельзя), а младенец — *воцерковляется*, то есть заносится в число верных христиан и причисляется к Церкви.

Таковы вкратце обязанности христианок, желающих, чтобы на них самих и на их детях почил благословение Божие. Только одна Богоматерь и Приснодева Мария, как «нескверная, неблазная, нетленная, пречистая, чистая» (из Великого Повечерия), не нуждалась в этих молитвах⁶⁶, потому что не испытала во всю свою жизнь никакой нечистоты, но и Она все-таки, по Своему великому смирению, подчинилась Закону и пришла в сороковой день с Богомладенцем в храм⁶⁷ как бы для очищения (Лев. 12, 1-8; Лк. 2, 22).

8. Выкидыши

Здесь достаточно для тех, у кого еще сохранились хоть капля страха Божия и любовь к Церкви, выписать только правила соборные и канонические святых отцов по этому поводу. В настоящее время некоторые не хотят их и совсем признавать, но что из того? Апостола Павла побивали камнями, вытаскивали за мертвое за город, почитая его уже умершим, но он после вставал, шел опять в

город (Деян. 14, 19-20) и не переставал проповедовать. Больные — особенно душевно — не понимают своей пользы, и этим их противлением никому не должно смущаться...

«*Умышленно* погубившая в себе зачатый плод подлежит наказанию за убийство, — говорит св. Василий Великий в

-95-

Первом каноническом послании к Амфилохию⁶⁸. — А образовался ли или еще не образовался плод, сие не разыскивается у нас в точности. Ибо виновная наказывается в этом случае не только за плод, который бы она родила, но и за злоумышление против самой себя: потому что женщины всего чаще умирают от таковых покушений. К сему же присоединяется и истребление зачатого плода — это, по умыслу, отваживающихся на сие, другое убийство. Впрочем, время покаяния их не должно продолжать до смерти, но надобно принимать их по истечении десяти лет, уврачевание же определять не временем, но образом покаяния».

Таким образом, божественный Василий находит здесь два смертных греха: детоубийство и самоубийство (хотя бы в форме только покушения на него). Но он смягчает наказание: вместо двадцатилетнего отлучения от Св. Тайн, полагающегося за умышленное убийство⁶⁹, святой отец назначает *только половину его*, да и эти годы ставит в зависимость от раскаяния и сокрушения болезнующего сердца совершившей грех. Очевидно, принимаются здесь за смягчающие обстоятельства страшные муки совести и стыд от имеющего открыться позора, страх перед угрозами и гневом родителей и старших и прочее.

Это правило подтвердили после соборы⁷⁰ — VI Вселенский (правило 91) и поместный Анкирский (правило 21).

Те жены, которые извергают младенца *непроизвольно*, тоже несут епитимию, но меньшую.

В обоих случаях читается прежде всякого наложения наказания таким лицам особая молитва⁷¹. Хотя она не имеет такой силы, чтобы простить совершенный грех, но составляет первую ступень умилоствления Бога со стороны Церкви за убийцу, а для последней есть получение благословения и дозволения вступить на путь покаяния. Ни выводить из употребления этой молитвы нельзя, ни отказываться от нее, ибо на все надо спрашивать благословение у Бога, даже и на покаяние: позволит ли, хотя Он и Щедр, Долготерпелив и Многомилостив? Ибо если *неумело*, дерзко и несмирненно приступит человек к покаянию, то без сомнения услышит над собой тот приговор, который услышал Исав, о коем апостол Павел говорит, что он *отвержен бысть: покаяния бо места не обрете, аще и со слезами поискал его* (Евр. 12, 17).

Со слезами не получил покаяния! И не только плакал,

-96-

но и *искал* его и все-таки не нашел...⁷² Итак, не будем самочинны в спасении: самочинность только демонами восхваляется и внушается.

9. Кормление грудью

Это первая и важная обязанность молодой матери-христианки в отношении новорожденного. И исполнять ее она должна сама, подражая в этом великим

библейским женам Сарре, Анне-пророчице, матери пророка Моисея и другим (Быт. 21, 7-8; 1 Цар. 1, 23; Исх. 2, 7-9; 3 Цар. 3, 21; 1 Фес. 2, 7).

Причем аскетика, со своей стороны, здесь должна указать на крайнюю необходимость для кормящей матери соблюдать себя в удалении от всяких страстей — сладострастия, печали, уныния, ревности, гнева и всего прочего, ибо на ребенка все это действует.⁷³

-97-

Глава 2. Плотские страсти и их противоядия.

§ 1. Чревоугодие.

«Началом всему худому служат упокоение чрева и расслабление себя сном», — говорит св. Исаак Сирий¹, потому что, как объясняет преп. Иоанн Лествичник², «насыщение есть мать блуда... Впадшие в ров беззаконий, о которых я не хочу говорить, понимают, что я сказал». И «в какой мере кто работает чреву, в такой лишает себя вкушения духовных благ»³. Поэтому-то св. Василий Великий и говорит⁴: «Видал я, что многие, одержимые страстями, исцелялись, но не видал между ними ни одного, привыкшего есть тайно от других, или чревоугодника».

Обжорство отвратительно. Во-первых, с внешней стороны: вечные заботы и суетня, почти всегда с обременением собственной совести и своих близких лишними трудами. Еще св. Григорий Богослов⁵ осмеивал пресловутые «нравственность» и «воздержание» греческих богов, наперегонки «бегущих с прочими демонами» на «тучный пир, на запах тука и возлияний». Наши писатели, классики и рядовые, чуть ли не каждый из них, тоже немало страниц уделили описанию чревоугодия. Стоит только припомнить всем известную Обломовку Гончарова, Петра Петровича Петуха во втором томе «Мертвых душ» Гоголя, «Сирень» Чехова и так далее вплоть до Тэффи⁶, автора (не без таланта) юмористических журналов недавнего времени. Во-вторых, так как обжорство, подобно блуду, только в меньшей степени, принижает человека, низводя ум⁷ его в плоть и гной⁸, и приравнивает тем самым к скотам, то, естественно, оно отвратительно и изнутри. Неумение «культурными» людьми *вкушать* пищу⁹ (чему учит, прежде всего, внутренний страх Божий, которого у них нет), проявляющееся даже внешне в антихудожественной форме, говорит об еще более антихудожественном¹⁰, то есть порочно-грешном, внутреннем содержании. Этого не могут не замечать и они сами, почему и *стыдятся* своей еды.

Так, мистер Монтфорд в «Идеальном муже» Оскара Уайльда ответил г-же Марчмонт на ее предложение посидеть с ним за столом, пока он будет ужинать, и быть зрителем-

-98-

ницей: «Я, знаете, не особенно люблю зрителей, когда я ем...» А все, что нелепо, неуправлено, непрекрасно в *духовном* отношении, есть тем самым грех, расстройство души, ее бессилие. И так как дух непосредственно связан с плотью, то последнее переходит на все: на самих людей, которые от непомерного своего жранья делаются дряблыми, болезненными, на их дела, слабые и непостоянные, на пищу, вредную и часто являющуюся для людей ядовитой. Напротив, воздержание сообщает благодать пище и вкушающим ее. Воздержник силен

духом и крепок в немоющем своем теле, у него нет расслабления, *еще и что смертно ищит, не вредит ему* (Мк. 16, 18). «Простой хлеб с трапезы непорочного, — говорит св. Исаак Сирин¹¹, — очищает душу ядущего от всякой страсти¹². Трапеза пребывающего всегда в молитве — сладостнее всякого благоухания от мускуса и благовония от мира¹³; боголюбивый возделевает оной, как бесценного сокровища».

Гений русского народа проникновенно изобразил все это в своих былинах. В них характерной чертой идеального, духовного человека является *воздержание*, а плотского, страшного по умственно-бесовской силе представителя заморской культуры — каковой в народном сознании воплощается в «проклятое чюдишше» — характеризует, наоборот, *жадность* ко всякой похоти (в широком смысле).

Замечательно особенно то место, где главный вопрос, интересующий представителя этой культуры, был вопрос о количестве еды для «калики перехожей», под видом которого скрывался русский богатырь Илья Муромец.

Говорит проклятое чюдишше:

«Ииша много ле он хлеба к выти съес?»* (*то есть за один раз. — Еп. Варнава.)

Говорит калика перехожая:

«От ковриги краюшецу откушаёт,

А и той краюшкой троё сутки живет».

На это заморский «сверхчеловек» с бесстыдством и презрением отвечает:

«По сторублевому быку да я ведь к выти ем!»

Народ, видевший красоту подвига в воздержании и желавший ее находить даже в своих богатырях, по достоинству

-99-

оценил скотские наклонности «проклятого» представителя цивилизации. Калика говорит:

«У нас, у попа была коровушка обжориста,

Да много жорила, ей и розорвало!.,»

В конце концов, по былинам, эта *сила религиозного подвига* побеждает иноземную культуру; по крайней мере, сердце русского народа говорило ему, что только в этой силе его спасенье от последней¹⁴.

Но что же такое само чревоугодие? Что значит принимать пищу по прихоти, чревоугодию и что — по требованию естества?

«По прихоти — значит хотеть принять пищу не по телесной потребности, но для угождения чреву, — объясняет св. Варсонофий Великий. — Если же видишь, что иногда естество охотнее принимает какой-либо из овощей, нежели сочиво, и не по прихоти, а по легкости самой пищи, это надо различать. Одни, по естеству своему, требуют сладкой пищи, другие соленой, иные же кислой; и это не есть ни страсть, ни прихоть, ни чревообъядение. *А любить какую-нибудь пищу (особенно) и похотливо желать ее — это есть прихоть*, служительница чревообъядения. Но вот из чего познавай, что ты одержим страстью чревообъядения, — *когда она обладает и помыслом твоим*. Если же *противишься* сему и *благочинно* принимаешь пищу, *по телесной потребности*, то это не есть чревообъядение»¹⁵.

Физиологическая страсть чревоугодия сказывается в сильном действии слюнных желез («слюнки начинают течь»), мучительно-сладоэротических спазмах гортани, в особой требовательности вкусовых нервов языка и даже скул¹⁶.

Чтобы было понятнее, в чем состоит эта страсть, покажем, в каких формах она борет человека. Их — пять (по св. Григорию Великому, *Moralium libri XXXI*, 27).

«Чрево искушает нас таким образом:

1. Иногда побуждает нас без нужды есть ранее установленного времени.

2. Иногда, хоть не прежде времени, но чрево желает пищи более дорогой, лакомой.

3. Иногда не разбирает пищи, какова бы она ни была, только желает, чтобы лучше была состряпана.

4. Иногда погрешает в количестве пищи, превышает меру потребности. Это бывает чаще всего.

-100-

5. Иной ест с жадностью всякую грубую пищу; слишком торопливо или часто»¹⁷.

Некоторые из святых виды проявления этой страсти сокращают до трех или даже до двух.

Таким образом, можно дать следующую схему разветвлений этого «запрещенного древа».

I. *Плоды*:

1) Еда прежде времени

2) «Разносолы и деликатесы»

3) Все равно, что есть, но лишь бы «повкуснее и послаще»

4) Еда «до отвала»

5) «Жрание», «прожорливость», «ест инда давится», «за скулами трещит»

II. *Листья*¹⁸ 1) «До законного часа». 2) «Лакомство, 3) «Наполнение чрева».

любовь к смачному».

III. *Ветви*¹⁹ 1) «Гортанобесие» (лемаргия). 2) «Чревобесие» (гастримаргия).

IV. *Корень*: 1) Чревоугодие.

История и наука жестоко бичуют все виды чревоугодия, жития же святых передают вещи, которые должны приводить богобоязненную душу в великий страх. Вот несколько примеров.

Относительно многократной еды в течение дня европейцев еще в «Корабле дураков» Гейлера фон-Кейзерсберга (1445-1519) приводятся следующие стихи:

*Qui semel est deus est, bis homo, sed bestia qui ter,
Est daemon quater, quin quies est sua mater.*

*Тот бог, кто ест на день однажды,
Человек — кто ест дважды,
А трижды кто — скот,
кто четырежды — бес,
А пять — его мать лишь ест*²⁰.

Но предел скотоподобного состояния человека показали нам римские комики и сатирики. Они беспощадно бичуют разных лукуллов, тримальхионов своего времени и блюдолизов-гостей при их чудовищных столах, давая им позорные клички «мух», «котов», «паразитов», «саранчи». Гладиаторов и борцов не только за физическую силу, но и

-101-

за обжорство называли саркастически «непобедимыми, непреодолимыми». И действительно, Милону Кретонскому, знаменитому атлету древности²¹, нужно было в день двадцать фунтов мяса, столько же хлеба и без малого два ведра вина. Император Максимин (235-238), известный гонитель христиан, мог в один день выпить пять с половиной ведер вина и съесть пуд мяса. Нечего удивляться поэтому, что он одним ударом кулака перешибал ногу у лошади и пальцами растирал в порошок камни²². Но, кстати сказать, получил и законное возмездие в седалищах этих своих страстей за преследование христиан. Где удовлетворяется чрево, там и подчревость ублажается; так и у Максимиана было. И вот, говорит св. Григорий Богослов в обличительной речи на гонителей христиан, он потерпел «ужасную казнь, гнусную язву телесную (как известно, Максимин умер от зловонных ран на половых органах. — Еп. Варнава), которой знаки изображены, как на позорных столбах, на его статуях, стоящих и доныне в публичных местах»²³. Хороши же были и культура, и общество, допускавшие такие статуи!

В новое время известные психиатры взяли под свою опеку в этом отношении и записали, как выражается один из них, «под рубрикой очень лестной, хотя и безжалостной — *вырождение высшей интеллигенции*», — даже таких знаменитых личностей, как Виктор Гюго, Шопенгауэр²⁴ и другие.

Всякая страсть от демонов. И в предыдущих примерах, конечно, не без их внушения дело обстояло. Но иногда, в наказание за грехи, страсть становится уже настоящим терзанием человека со стороны демона, вселившегося в него.

Так, в «Лавсаике»²⁵ рассказывается, как однажды к преп. Макарию Великому (Египетскому) был приведен бесноватый юноша. «Демон, обитавший в нем, имел такую силу, что съев три меры хлеба и выпив киликийское ведро воды, то и другое извергал и обращал в пар». Съеденное и выпитое им было истребляемо как огнем, а когда он не получал достаточного количества пищи, то часто ел свое извержение и пил свою мочу. «Макарий, взяв к себе юношу, усердно помолился о нем Богу, — и через день или два демон перестал мучить его. Тогда святой Макарий сказал матери юноши: "Сколько, хочешь, чтобы ел сын твой?" Она отвечала: "Молю тебя, вели ему есть по десяти фунтов хлеба". Святой, сильно упрекнув ее за то, что она назначила много, сказал: "Что ты

-102-

это сказала, женщина!" Помолившись об юноше семь дней с постом и изгнав из него лютого демона многоядения, святой определил ему меру пищи до трех фунтов хлеба, которые он должен был употреблять, делая свое дело».

«Итак, кто желает очиститься от грехов своих, — скажу словами преп. аввы Дорофея, — тот должен с большим вниманием остерегаться и избегать сих видов чревоугодия; ибо ими удовлетворяется не потребность тела, но страсть, и если кто предается им, то это вменяется ему в грех. Как в законном браке и блудодеянии действие бывает одно и то же, но цель составляет различие дела, —

ибо один совокупляется для рождения детей, а другой для удовлетворения своего сладострастия, — то же можно найти и в отношении пищи: есть по потребности и есть для услаждения вкуса — дело одинаковое, а грех заключается в намерении»²⁶.

Если бы дело было только в указанных видах чревоугодия, тогда спасение было бы очень просто — завел себе определенный час, определил известный род пищи, простой и неблазнительной, назначил меру для нее и успокоился. Но в том-то и дело, что если человек положил себе таковой порядок *ради Христа* (а не ради сбережения здоровья, хорошего пищеварения и тому подобного), то демоны ни за что не дадут ему его выполнить сразу. Нужно много слез пролить, Бога просить, подвизаться, всегда быть начеку, контролировать каждый помысл свой, прежде чем сесть за стол, — тогда только будешь в состоянии победить сию страсть. А сколько людей на свете, которые и не подозревают даже, что они одержимы чревоугодием! Но не о них у нас речь; ты же, досточудный, содержи в памяти следующие козни врагов, которыми они тщатся обманым образом вовлечь спасающегося в ров этой пагубы.

Говорит св. Иоанн Лествичник²⁷:

1. «Когда пришел странник [гость], чревоугодник весь движется на любовь, подстрекаемый чревонеистовством, и думает, что случай сделать брату утешение есть разрешение и для него. Пришествие других считает он за предлог, разрешающий пить вино, и под видом того, чтобы скрыть добродетель [то есть чтобы не сочли его постником и подвижником], делается рабом страсти».

2. «Часто тщеславие враждует против объедения... Объедение понуждает разрешать, а тщеславие внушает показывать свою добродетель...»

-103-

«Однажды, когда я был еще молод, пришел я в один город или селение, и там во время обеда напали на меня вдруг помыслы объедения и тщеславия. Но, боясь исчадия объедения, я рассудил лучше быть побежденным тщеславием [то есть преподобный решил: пусть называют его лучше особенным постником], зная, что в юных бес объедения весьма часто побеждает беса тщеславия. И это неудивительно: в мирских корень всех зол есть сребролюбие, а в монахах — объедение».

3. «Чревоугодник... во время поста считает, сколько осталось до Пасхи, и за много дней до нее готовится снеди. Раб чрева рассчитывает, какими снедями почтить праздник, а раб Божий помышляет, какими бы дарованиями ему обогатиться».

4. «Видал я престарелых священников, поруганных бесами, которые юным, не находившимся под их руководством, благословением разрешали на вино и прочее на пиршествах. Если они имеют доброе о Господе свидетельство, то можем с их позволения немного разрешить; если же они нерадивы, то нам не должно в этом случае обращать внимание на их благословение; а особенно, когда мы еще боремся с огнем плотской похоти».

Приведу еще кое-что из преп. Нила Синайского²⁸:

5. «Если кто воздерживается от яств и питий, но возбуждает в себе раздражительность лукавыми помыслами [что у христиан часто бывает, когда пост начинается, и поговорка составила даже — «чего поститься, еще злей будешь»], то подобен он кораблю, который переплывает море, имея кормчим

демона. Потому, сколько есть сил, должно обращать внимание на этого нашего пса [то есть гнев] и обучить его терзать одних волков [разумеется демонов и всеваемые от них злые помыслы], но не поедать овец [наших близких], оказывая *всяку кротость ко всем человеком* (Тит. 3, 2)».

Вообще нужно заметить, что бесы часто перепродают работающих им друг другу, вследствие чего человек сейчас горит как в огне от какой-либо страсти и не видит выхода из нее, но через минуту забыл и думать о ней, увлекшись другим, еще худшим²⁹.

Упомяну еще об одной козни вражеской:

6. «Когда демон чревоугодия после великих и усиленных борений не возможен» расстроить уже налаженного чина

-104-

умеренно воздержной жизни, «тогда ввергает ум в вожделение высочайшего подвижничества». Внушает спасающемуся, что все, что он делал доселе, мало, мизерно, ничтожно жалко в сравнении с подвигами великих святых, что и ему нужно подражать им. Не разобрав, с какой стороны ветер дует, многие после этого *взялись за непосильные подвиги телесные, подвизались в них некоторое время, а после принуждены были, по расстройству здоровья, отказаться от них и спуститься даже ниже того состояния, в каком были раньше*. Демону остается только радоваться³⁰.

Поэтому св. Исаак Сирин³¹, сам величайший подвижник, постник и воздержник, предостерегает всячески других: «Остерегайся, чтобы не изнемогло слишком тело твое и от того не усилилось против тебя нерадение и не охладило в душе твоей вкуса к ее деланию. Всякому надлежит как бы на весах взвешивать житие свое».

И преп. Серафим Саровский³² также говорит: «Если *самовольно* изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное, *хотя бы сие делалось для снискания добродетели*. Буде же Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения. Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога».

Но, конечно, отсюда далеко еще до того, чтобы при первом телесном утомлении нарушать посты, установленные святой Православной Церковью, бояться отказать себе во всяком лишнем куске, опасаться, как бы не повредить здоровье, не нажить малокровие³³ и прочее.

Окруженный множеством демонских козней и имея на-ветницей даже собственную плоть, человек должен крепко вооружиться против невидимых врагов и предохранить себя от них средствами, которые в силах были бы его защитить. Святые отцы указывают для сего следующие правила (понятно, здесь я могу привести только самое существенное):

1. Прежде всего, желая вступить в подвиг борьбы, нужно установить определенное время для еды и не позволять себе вовсе, «без какой-нибудь уважительной причины»³⁴, принимать пищу прежде назначенного срока и общего часа обеда. Да и по окончании обеда не позволять себе хоть сколько-нибудь брать из пищи и питья³⁵.

2. «Тело, изможденное подвигами или болезнями, должно подкреплять *умеренным* сном, пищею и питием, *не на-*

-105-

блюда даже и времени. Иисус Христос, по воскрешении дщери Иаировой от смерти, тут же повелел *даты ей ясти* (Лк. 8, 55)»³⁶

3. Если *здоровье* (а не мнительность наша!) нуждается и в более *частом* приеме пищи, чем это принято уставом церковным (два раза в день), то смиримся и снизойдем к нему. «Давай телу столько, сколько ему нужно, и не получишь вреда, хотя бы ты ел и три раза в день. Если человек и один раз в день ест, но безрассудно, то какая ему от того польза?»³⁷

4. Можно человеку перенести время <приема пищи> ради гостеприимства. «Старцы говорят, что успокоить ближнего есть добродетель, и притом *великая*, особенно же когда кто сие делает *не потому, чтобы побеждаем был чревоугодием*³⁸, или не по невоздержанию»³⁹. Преподобный Иоанн Кассиан передает, что по всему Египту в его время святые отцы нарушали свой пост ради прихода гостя. И когда преподобный, придя туда с братьями, спросил у одного из них, «почему они так равнодушны к *ежедневным* постам [нельзя смешивать с нашими церковными!], то тот отвечал на это так: "Пост всегда со мною, а вас не могу навсегда удержать при себе. Притом, хотя пост полезен и непрестанно нужен, впрочем он составляет приношение произвольного дара, а дело любви есть необходимое требование заповеди, которое должно исполнить. Посему, принимая в вас Христа, я должен напитать Его; по отпуске же вас, сделанное ради Его снисхождение могу вознаградить строжайшим постом; ибо не могут сыны брачнии поститься, дондеже Жених с ними есть..." (Лк. 5, 34-35)»⁴⁰.

Не лишнее будет указать, как умеренно и воздержно вели себя святые при приеме гостя. Некий старец, угощая одного из пришедших, просил его еще немного поесть. Тот отказался, сказав, что не может. На это старец сказал: «Во время прихода разных братии я уже шесть раз предлагал пищу и, угощая каждого, со всеми принимал пищу и *еще чувствую голод*, а ты теперь однажды поел и говоришь, что больше не можешь»⁴¹.

5. Нужно наблюдать также за родом пищи. «Отсечем, прежде всего, *утучняющую* пищу, потом *разжигающую*, а после и *успокаивающую*⁴². Если можно, давай чреву твоему пищу достаточную и удобоваримую, чтобы насыщением отделяться от его ненасытной алчности и чрез скорое переварение пищи избавиться от разжжения, как от бича.

-106-

Вникнем и усмотрим, что многие из яств, которые пучат живот, возбуждают и движение похоти»⁴³.

6. Особенно грешно выделяться. Что подали, то и ешь. «Древнейшие отцы говорили, что кто употребляет пищу не такую, какую все употребляют... тот заражен тщеславием и гордостью»⁴⁴. Ибо он выставляет свое дело воздержания и поста как бы всем напоказ, а добродетель требует, наоборот, чтобы последние были, сколь возможно, скрыты от людей (Мф. 6, 16-17).

7. Наконец, надо умеючи есть, чтобы избежать возбуждения страсти. *Если последняя борет в самый момент принятия пищи, то бросать тотчас же есть не должно* (св. Варсонофий Великий), но нужно постараться сперва побороть помысл вожделения помышлением о будущем огне, о смерти, о Страшном Суде, об оцте и желчи нашего Владыки, добровольно вкусившего их за нас, грешных,

между прочим и ради того, чтобы избавить нас от страстей⁴⁵, о том зловонии, в которое обращается пища⁴⁶. «Когда же страсть одолеет тебя так, что не в силах будешь есть благочинно, то оставь пищу; а чтобы другие, сидящие с тобою, не заметили, *принимай понемногу*. В случае голода ешь хлеб или другую пищу, к которой не чувствуешь брани»⁴⁷.

8. Но если ты и поползнул, «употребил ли пищи много или что другое подобное сему, сродное слабости человеческой, сделал, *не возмущайся сим и не прилагай ко вреду вред*, но мужественно подвигни себя ко исправлению, а между тем *старайся сохранить мир душевный*, по слову апостола: *блажен не осуждая себе, о немже искушается* (Рим. 14, 22)»⁴⁸.

А как боролись со страстью чревоугодия, прежде чем победить ее, сами святые — это подвиг выше разума нашего слабого века. Довольно сказать, что они подвизались до смерти и не уступали врагу ни одной пяди. Посему борьба их со страстью нередко сопровождалась чудесными знамениями, откровениями, явлениями самих демонов и так далее. Это была не простая мысленная борьба, а великая война, о которой больше нигде нельзя прочесть или узнать, как только в жизнеописаниях святых. И почитать о ней хотя бы только для того, чтобы, восстав из глубины своего сердца, укорить себя, как ничего не сделавшего, и чрез то смириться, — очень полезно⁴⁹.

-107-

§ 2. Наркотики: духи, чай, кофе, какао, шоколад, табак, алкоголь, опиум, гашиш и прочее.

Я несколько раз уже повторял мысль, что диавол пытается подражать Богу, во всем поступая наоборот. И самый величайший божественный дар — *рай*, будущее блаженство и общение с Богом, которому нет ничего подобного в этом мире (2 Кор. 12, 4), он также старается подделать. Но дать свое «блаженство» и «рай» диавол может, конечно, только *здесь*, потому что *там* будет для его почитателей не рай уже, а *ад*. Впрочем, рай демонский — по названию только «рай». Неверующие и полуневерующие люди часто не стыдятся употреблять в своей речи наши христианские понятия, в частности слово «рай», хотя и вкладывают в него совсем иное значение. Примеры читатель может сам отыскать в этой моей книге (не говоря уже о мировой литературе) и даже в этом параграфе.

Диавол достигает своей цели различными способами. Я начну с наиболее невинных, которые, собственно, в обществе и не считаются вредными для физического здоровья или чем-либо предосудительным для здоровья нравственного. Но, конечно, не так дело обстоит на самом деле.

Возбуждение себя духами (благовониями)

Это самое тонкое средство, которое употребляет сатана для обольщения людей, возбуждая в них влечение к якобы чему-то прекрасному, а на самом деле — скотскому. И вопрос этот довольно сложен. «Невинное» желание барышни «надушиться» — о котором и говорить-то много нечего, как может кто-либо подумать, — имеет и свою длинную историю, и свои основания, по начальной природе своей, чисто *догматического* характера — догматического в полном, то есть богословском, смысле. С них я и начну.

I. Небесное происхождение благовоний и ароматов

Если на земле упоение тонкими и прекрасными запахами доставляет наслаждение, а употребление духов, вплоть до фонтанов из них, составляет необходимую принадлежность роскошных общественных собраний (на вечерах, ба-

-108-

лах, раутах и так далее), то жилище Бога можно ли представить себе, в противоположность этому, с каким-либо недостатком, мрачным и неблагоухающим? Сама мысль, без принуждения извне и не справляясь с Божественным Откровением, естественным образом приходит к тому, что тот *рай*, в котором живут небожители и который обещан всем верным христианам, не может быть иной, как полный неземных ароматов, несказанного благовония и сладости, ибо все противоположное сему принадлежит материи, тлению, греху.

Так оно и есть на самом деле. Те откровения, которых удостаивались избранники Божий, и видения рая, бывшие им, и те явления благодати, что сопутствуют некоторым событиям, при которых, так сказать, приоткрываются двери Церкви торжествующей в Церковь воинствующую, наконец, те состояния духовного возраста христианина, которые делают его наполовину человеком, а наполовину ангелом, наполовину оставляют его в условиях телесной действительности, а наполовину освящают и сообщают ему благоуханные и нетленные свойства потустороннего мира, — говорят нам постоянно, что одно из блаженств и красот последнего составляют непостижимые ароматы и благоухания, понимаемые, конечно, не в нашем грубом, материальном смысле, а в духовном и тонком.

Из многих описаний рая приведу то, которое сообщает блаженный Андрей, Христа ради юродивый. К нашей теме относятся следующие строки:

«...Было же там много садов... и чудное благоухание исходило от них... Веяли же с четырех стран тихие ароматные ветерки, и от дуновения их ветви деревьев тех садов колебались и листьями своими производили дивный шум...»¹

И всякий, кто приходит из рая, приносит с собой благоухание; и всякая вещь, попавшая оттуда к нам, в мрачное земное обиталище, распространяет аромат нетления.

Из великого множества примеров возьму один — явление Пресвятой Богородицы преподобному Серафиму².

Старица Евпраксия, бывшая при сем, с простотою рассказывает:

«...Сделалось светло — белее дня, и благоухание наполнило келью, похожее, но лучше, на запах росного ладана...»

О вещах, принесенных из рая, рассказывается тоже немало случаев.

-109-

Ради тех, кто веселится духовным веселием и ненасытно жаждет описаний чудных дел Божиих, приведу здесь одно из таковых, хотя оно и несколько длинновато, в качестве доказательства.

Когда святую мученицу Дорофею после допроса и мук повели на казнь, советник правителя, язычник Феофил, насмехаясь, закричал ей вдогонку:

— Слышь, невеста Христова, пошли мне яблоч и роз из рая Жениха твоего!..

— Воистину сделаю это, — отвечала святая.

Когда пришли на место казни, она упросила палача позволить ей немного помолиться своему Богу. По окончании молитвы предстал ей ангел Господень в образе прекрасного маленького мальчика; в платке у него были три замечательных яблока и три пунцовых розы.

— Молю тебя, отнеси их Феофилу, — обратилась к нему святая, — и скажи ему: «Вот, получи то, чего просил».

И преклонила главу под меч.

А Феофил, смеясь над обещанием Дорофеи, рассказывал своим знакомым и приятелям:

— Дорофея называла себя все невестой Христовой и хвалилась в рай Его попасть. Сейчас, когда повели ее казнить, я и говорю ей: «Эй, невеста Христова, когда придешь в рай Жениха твоего, пошли мне оттуда роз с яблоками». А она мне: «Хорошо, непременно пошлю».

И рассказывая это, он заливался безудержным смехом. И вот, внезапно предстает ему ангел с яблоками и розами и говорит:

— Это посылает тебе, как обещала, святая дева Дорофея, из рая Жениха своего...

Феофил, увидев цветы и яблоки и взяв их в руки, вдруг воскликнул громким голосом:

— Христос есть истинный Бог, и нет неправды в Нем ни единой!..

— Ты что, беснуешься, Феофил, или глумишься? — сказали ему приятели³.

— Не беснуюсь и не глумлюсь, а здравый разум велит мне верить, что Иисус Христос есть истинный Бог.

— Да чего ради ты перешел сразу на этот крик? — спрашивают те.

Феофил спрашивает их в свою очередь:

— Скажите, какой теперь месяц?

-110-

— Февраль.

Феофил продолжал:

— Во всей Каппадокии⁴ сейчас зима, снег и мороз, и нет ни одного дерева или травинки, которые бы листьями своими украшались, а откуда эти цветы и яблоки, с сучками и листьями!? Как вы думаете?..

С этими словами он показал им яблоки и розы. Приятели стали рассматривать их, ощупывать и, *вдыхая их дивный аромат*, в удивлении говорили:

— Даже в обычное для плодов и цветов время мы никогда не видели таких.

Феофил же рассказал им подробно о бывшем ему видении ангела, и как он стал вдруг невидим.

И начал опять взывать во весь голос, обращаясь к проходящим по улице (разговор его с приятелями происходил у дверей, при выходе из здания суда):

— Блаженны верующие во Христа и страждущие за имя Его, ибо Он есть истинный Бог, и всякий, верующий в Него, действительно премудр!⁵

После этого святого мученика Феофила, презревшего жену, детей, положение в обществе ради Христа, подвергнув жестоким пыткам, казнили той же казнью, что и св. Дорофею⁶.

Если прекрасны вещи того мира, то как прекрасен Сам Творец их!

Имя Твое — как разлитое миро!

— восклицает Невеста-Церковь Нетленному Своему Жениху-Христу — и продолжает описывать Его:

Щеки Его — цветник ароматный, Гряды благовонных растений; Губы Его — лилии, Источают текучую мирру...

(Песн. 2, 3; 5,13.)

Действительно, я уже приводил выше дивный рассказ из жития св. Онуфрия Великого (память 2 июня) о благоухании, исходившем от Св. Тела и Крови Христа Спасителя, принесенных ангелом для причащения пустынножителей с неба⁷. На этот раз я ограничусь сим кратким замечанием и перейду к дальнейшему — к некоторым следствиям обожения человека, когда при вселении в не-

-111-

го Самого Христа (Ин. 14, 24) он делается и причастником только что упомянутых Его качеств.

Когда человек, очистив себя при помощи благодати от страстей, переходит из состояния раба или наемника в состояние боговозлюбленного сына, то есть делается святым, то он начинает благоухать и душою, и телом. И это благоухание распространяется от него при жизни, распространяется в момент смерти, исходит даже от бездыханного тела его и по смерти.

Естественно, что Пречистая Дева Богородица, как никто иной после Христа, обладала этим даром. Святой Дионисий Ареопагит, ученик апостола Павла, отправившись спустя три года после своего обращения (Деян. 17, 34), с благословения своего учителя, в Иерусалим повидать Всеблагословенную Деву — ибо сильным желанием этого горел он, — прислал своему божественному наставнику и духовному отцу оттуда письмо, в котором подробно описывает и свое посещение Богоматери, и духовную радость (выше всяких слов и представлений) от этого. В письме говорится, между прочим, нечто и по интересующему нас предмету.

Вот отрывок из этого благоуханного памятника перво-христианской древности:

«...Снова и снова исповедую пред всемогуществом Бо-жиим, пред благодатию Спасителя и пред великою славою Девы, Матери Его, что когда я введен был Иоанном, первым среди евангелистов и пророков, который, живя во плоти, сияет как солнце на небе, пред лицом благообразной Пресвятой Девы, то меня облистал не только снаружи, но и особенно внутри такой великий и безмерный божественный свет, и *окружило такое благоухание предивных различных ароматов*, что ни мое немощное тело, ни даже дух мой не могли вынести столь дивных знамений и начатков вечного блаженства. Изнемогло сердце мое, изнемог дух мой во мне от славы Ее и божественной благодати...»⁸

Кто из читавших жития святых и отеческие творения не помнит умилительной и трогательной истории преп. Марии, племянницы затворника, блаженного Авраамия, друга св. Ефрема Сирина? Как она, подвизавшись долгое время в келье, рядом со своим дядею, пала, пошла в мир и сделалась блудницею; как ее равноангельный дядя вышел из затвора, переделся в одежду воина, явился в непотребный дом, где

-112-

она жила, и — по словам преп. Ефрема, — «в продолжение пятидесятилетнего подвига не вкушавший хлеба, теперь ел мясо и пил вино...» И как наконец, когда блаженный разговаривал с нею, «она, встав и обняв [не зная, что это ее дядя и бывший духовный отец], целовала шею его; лобызая же его, *обняла от кожи его ангельское житие его...*»⁹. И как, продолжая словами св. Ефрема, «тотчас вспомнила о своем подвижничестве и, вздохнув, сказала: "Горе мне одной!"»¹⁰.

Смерть — это великое таинство, когда и для окружающих заметно присутствие потустороннего мира, куда теперь отправляется душа лежащего пред ними, все внешние движения которого как нельзя яснее показывают, как он приготовился за свою жизнь к этому страшному моменту. Человек отбрасывает тогда все свое лицемерство пред людьми и, если был неверующий, часто кричит и отвращает глаза от пришедших за душою бесов, не стыдясь уже и не обращая внимания ни на кого. Для праведника же смерть — время желанное, дорогое, время получения венцов и награды за труды. И так как в это время мир горний как бы соприкасается с дольным, ибо часто к одру умирающего праведника приходят святые и ангелы и даже Сама Богоматерь со Спасителем, то, понятно, Они приносят с Собой и благоухание рая. Посему-то мы и читаем в житиях святых строки, подобные нижеследующим:

«...И предал [Сисой Великий] дух, и был светл, как молния, и вся храмина исполнилась благоухания»¹¹.

Еще: «...Ангелы Божий пели [когда несли тело блаженного Симеона, Христа ради юродивого, на кладбище], и дивное благоухание наполняло воздух»¹².

И опять: «Просветилось [в момент смерти преп. Кирилла Белозерского] лице его святолепное, и благоухание от тела [мощей] его изыде»¹³.

II. Преломление небесных вещей в земной действительности

Ароматы в церковном употреблении

Жизнь истинного христианина, жизнь в Церкви должна быть отражением небесной. Душой этого возможно достигнуть, кажется, в совершенной степени, но телом христианин никак не в силах уподобиться небожителям по той простой причине, что этой дебелой плоти, которую

-113-

обложен человек, у них совсем нет. Остается ему одно: в свои внешние поступки и действия вложить некий духовный сокровенный смысл, чтобы, насколько то возможно, все окружающее напоминало ему о Боге и будущей жизни, становясь иногда даже проводником божественной благодати, чтобы, наконец, толковать все вещи, которые сами по себе безразличны в отношении религии, в духовном смысле¹⁴. Отсюда — символизм. Он пронизывает все богослужение и всю жизнь некоторых истинных христиан (блаженных, Христа ради юродивых, — ибо их поступки всегда глубоко символичны).

В частности, относительно благовоний мы не знаем, каково существо их на небе. Знаем только, что Тайнозритель видел там в руках двадцати четырех старцев *фиалы златы полны фимиама*, и это были — молитвы святых (Откр. 5, 8). Отсюда можно сказать, что и всякая добродетель есть благовоние, и, чем больше у человека добродетелей, тем благо-воннее его душа. Во всяком случае, небесные ароматы — не наши тленные, материальные ароматы, и когда при видениях человек обоняет их *чувственно*, образ этого восприятия для нас непостижим¹⁵.

Но про наши земные ароматы мы знаем, что они тленны, грубы, а некоторые и не совсем чисты (опрятны), несмотря на всю их приятность. Следовательно, по существу своему, они не стоят того, чтобы к ним пристращалось сердце, а тем более недостойны быть приносимыми Невидимому, Нетленному Богу (да и невозможно просто чествовать Его неподобающими средствами: Пс. 49, 13; Деян. 17, 24) и могут быть употребляемы посему только как *символы*, в *символическом* смысле. Это надо иметь в виду в каждом отдельном случае, будь то при церковном их употреблении или домашнем. Что не сами они по себе действуют, показывает уже одно то обстоятельство, что сила отгнания злых духов становится им присущей только после молитв над ними¹⁶, а без молитв благовония, как увидим ниже, имеют обратное действие, то есть свойство *привлекать* демонов.

• **Благовония за богослужением**

В это время они употребляются только в виде *курений*. Происхождение сего божественное: еще в Ветхом Завете Бог повелел Моисею: *скажи сынам Израилевым, чтобы они сделали Мне приношения... ароматы для елея помазания* и

-114-

для благовонного курения (Исх. 25, 2, 6). Моисей приготовил таковые для того и другого употребления, причем пропорции составных веществ были указаны опять-таки Самим Богом (Исх. 30, 22-25, 34-38; 37, 29). В качестве курительного материала при Моисее брались стакионих, душистый халван и чистый ливан; впоследствии к ним прибавили еще другие (Исх. 43, 24; Иер. 6, 20; ср.: Сирах. 24, 7).

Каждение благовонными веществами в новозаветной Церкви также употребляется с самого начала ее основания. О нем говорят уже творения св. Дионисия Ареопагита, Постановления Апостольские, литургии св. апостола Иакова и св. Иоанна Златоуста¹⁷.

В богослужебном обиходе для каждения употребляются следующие принадлежности:

Кадило (кадильница) и *кация*. Разница между ними в том, что первое держат при каждении за цепочки (числом в три, четыре или одну; понятно, с мистическим значением так делают, а не из-за прихоти мастера), а вторую — за ручки. О «кациях — вещи церковной» упоминается в русских летописях уже 1146 года, в древнехристианской же археологии изображения кадила и кации встречаются, конечно, гораздо раньше¹⁸.

Ладоница — сосуд, из которого священнослужители берут ладан перед тем, как положить его в кадило* (За архиерейским служением (перед чтением «Апостола») это действие представляет собой целый чин; и в других случаях Устав Церковный всегда указывает, когда диакону класть ладан при подаче священнику кадила, когда иерею обходиться без услуг диакона и т. д. См.: Служебник. Проскомидия. Литургия св. Иоанна Златоуста (по малом входе); Типикон. Гл. 2. Вечерня.)

На старинных фресках в катакомбах, откуда это перешло в современную иконопись, диаконы изображались обычно с кадилом в одной руке и с ладоницей в другой. Так, например, изображен архиерей Лаврентий на мозаике в Киево-Софийском соборе¹⁹.

Особые сосуды, большие (род жаровни), поставляемые в определенных местах для наполнения благоуханием всего храма. Церковный Устав предписывает это делать в Пасхальную заутреню. «И вшед [параекклисиарх — по-теперешнему пономарь] во храм, — говорится здесь, — устроит сосуды два со углем горящим, и влагает в них *фимиама*

-115-

много благовонного, и поставляет един сосуд среди церкви, другой же во святом олтаре, яко да исполнится церковь вся благовония»²⁰.

Совочек, или ложечка, которым берет архиерей ладан из ладоницы. Они употреблялись уже у первых христиан, о чем говорят некоторые образцы их, хранящиеся в музеях и древнехранилищах²¹.

Каждение всегда соединяется с молитвою и имеет таинственное (мистическое) значение.

• *Благовония при совершении таинств*

Здесь ароматы прибавляются к священному елею. Полученная таким образом смесь после молитв становится святым миром, которое употребляется для таинства миропомазания при освящении антиминсов, церковей, помазании царей на царство. Как мы видели выше, оно также имеет божественное происхождение* (Право помазывать св. миром принадлежит епископам и пресвитерам (а миряне даже в случае смертной опасности этого делать не могут), освящать же — только одним епископам (Правило 6 Карфагенского Собора). От помазующего требуется, чтобы он умел незапинательно выговаривать священно-таинственные слова помазания «печать дара Духа Святаго» и помазывал бы не кое-как, а точно те места, где нужно, — чело, очи, ноздри, уста, уши, перси, руки, ноги, то есть вместо, например, уст не водил бы стручком по подбородку и так далее.

Нельзя ли объяснить несоблюдением последнего условия и то обстоятельство, что многие уже с детства (шести-семи лет) приучаются крепко сквернословить и употреблять матерные выражения или что, например, те, кому бы надо иметь дар слова, не имеют его (имея, кстати сказать, в то же время прекрасную бороду)? Так и в других случаях.)

У нас в России освящение мира совершалось всегда в известные годы (смотря по надобности, чрез 2-3-4 года) в Великий Четверток в Московском Успенском соборе и в Киево-Печерской Лавре²².

Определенного числа благовонных веществ, входящих в состав мира, как в греческой, так и в русской Церкви не было назначено, и оно не всегда бывало одно и то же. Внимание, главным образом, обращалось на то, чтобы вещества были как можно благоуханнее. В настоящее время, с 1853

-116-

года, в состав мира входят следующие вещества: елей, вино белое виноградное, стиракса, ладаны — росный, простой белый и черный, мастика, сандарак, розовые цветы, *базилика* (травя), корни — фиалковый, белый, имбирный, ирный, калганый, кардамонный, масло мускатное густое, бальзам перувианский, терпентин венецианский, благовонные масла — бергамотовое, гвоздичное, майоранное, померанцевое и мускатное жидкое²³.

Таким образом, сие священное благовонное масло не символическое только значение имеет, как в предыдущем случае курение (каждение), но и служит проводником благодати и даров Св. Духа, как вода, соответственно, в таинстве крещения.

Замечу здесь мимоходом еще об употреблении у нас *благовонного* (в большинстве случаев) масла за всенощным бдением под большие праздники (по уставу, в каждое воскресенье), когда бывает лития²⁴. В народе (и даже среди интеллигенции иногда) оно неправильно называется «миропомазанием», хотя это есть просто «елеопомазание» (но *не елеосвящение*, которое тоже есть *таинство*).

Ароматы в христианском быту

• При погребении

Обычай употребления ароматов при погребении умерших уходит в глубокую древность. В Библии рассказывается, как Асу, царя иудейского (ок. 955 г. до Рождества Христова), по смерти «положили на одре, который наполнили благовониями и разными искусственными мастями, и *сожгли их* для него великое множество»²⁵ (2 Пар. 16, 14). Также смотри у пророка Иеремии (Иер. 34, 5). Впоследствии это было заменено *помазанием* тела ароматами (Ин. 19, 39-40; Мк. 16, 1), в отношении же простых людей ограничивались простым омыванием (Деян. 9, 37), каковой священный обычай сохранился и доселе. Кроме вышеуказанных двух случаев, благовония употреблялись также при *бальзамировании* тела умершего. Последнее также древнего происхождения и, как в древности, так и теперь, совершается над лицами царственного достоинства (Быт. 50, 2-3, 26). Но *помазание* ароматами тела допускалось у первых христиан и в отношении простых людей, даже монахов, при жизни от них всячески отказывавшихся. Так, в житии преп. Пелагии — в миру знаменитой куртизанки из

-117-

Антиохии, — подвизавшейся под видом монаха-затворника в горе Елеонской, рассказывается, что после славной ее кончины «прииде патриарх Иерусалимский со множеством иных отец и *по обычаю начение помазovati тело ароматы*», благодаря чему и открылось, «яко естеством жена бе»²⁶. Отсюда же, очевидно, сохранился до нашего времени обычай усопших священников и епископов не омывать водою, а помазывать только маслом.

• В домашнем и церковно-общественном обиходе

Церковь в некоторых случаях дает своим чадам благословение на употребление ароматов даже и в домашнем обиходе. Лишь бы это было не на угождение и питание страстей, а на пользу душе и телу и делалось во славу Божию, то есть с призыванием Его святого имени. Таким образом, в Требнике мы имеем чин, «еже освятити какое-либо благовонное зелие», причем после указанной молитвы благоуханные травы и семена трижды окропляются святой водой с обычными словами окропления и освящения. В молитве по этому поводу, между прочим, говорится:

«Господи Боже Вседержителю... благослови и освяти Духом Твоим Святым и рабов Твоих сих, приемлющих зелия сия с семенами, от всякия скверны очисти, и дома их всякаго благовония исполни, во еже быти сим и всем верою *хранящимся*, и *кадящимся* ими в соблюдение и избаву от всех вражиих прилогов и во отгнание всякаго мечтания, от действия диавола находящаго, дневнаго и ночнаго, на

благословение же душам и телесем, верным Твоим людям и скотом, домовом же и местом...»²⁷

Отсюда видно, что св. Церковь дает при освящении трав вместе с тем и свое благословение тому, кто их принес, что еще более усиливает их действие. Полезно обратить внимание и на то, что среди видов употребления благовоний (принятие внутрь, внешнее окуривание, и не только человека, но и всего его жилища, до хлебов и скотов в них включительно!) упомянуто и простое *хранение*. И оно пользу приносит. Отсюда, сохранить с верою душистый цветок, полученный в благословение, например, от чудотворной иконы Богоматери или принесенный из святого места, уже значит — приобщиться некоей благодати: он охраняет дом и возбуждает душеспасительные чувства²⁸. То же, конечно, надо сказать и о всяких других реликвиях: песочке с могил

-118-

подвижников благочестия, камушках оттуда же, воде из святых кладезей и прочем.

Всем этим объясняется и следующий случай из перво-христианской практики (в эпоху Третьего Вселенского Собора), имевшей, конечно, силу обычая. (О нем передает сам св. Кирилл Александрийский, председатель этого Собора.) Когда, по осуждении Нестория, отцы святейшего Собора расходились по местам своего пребывания в городе, то жители Ефеса провожали их по улицам до дому с зажженными факелами, а женщины при проходе их *кадили фимиамом*²⁹.

Так, кстати сказать, почитали первые христиане своих епископов и духовных отцов!

Незаконное употребление благовоний в «церкви» диавольской, то есть в миру

Как у Бога есть *церковь святых*, или *церковь преподобных* (Пс. 88, 6; 149,1), так и у диавола есть своя *церковь лукавнующих* (Пс. 25, 5), то есть мир, где он, как обезьяна, по выражению учителя первохристианской Церкви Тер-туллиана, копирует все, что видит в Церкви Божией, только извращая все и во всем поступая наоборот. Истину заменяет ложью, святость — нечестием, воздержание — страстями, веру — неверием, добродетель — грехом, ду-ховное — телесным, благовоние — зловонием, и наоборот, зловоние греха прикрывает благовонием искусно приготовленных его служителями ароматов.

Эту противоположность (полярность) можно проследить по всем предыдущим пунктам, что я для наглядности и большей убедительности и сделаю.

• *Гнусность диавольской природы*

и его местопребывания — ада

Как Господь прекрасен и все, что окружает Его, благоуханно, так диавол, напротив, гнусен, вонюч, смердящ³⁰, так же как и ад, в котором он находится вместе со своими демонами. Но чтобы обольстить людей, он нередко пользуется при своих прелестных явлениях им благоуханием, окружая ароматами себя и тех, кого пытается соблазнить, ибо, говорю, не может прельстить душу, если не скопирует чего-либо из небесного благочиния.

-119-

• *Ароматы в языческом культе*

Возможно, предание об употреблении благовоний как жертвы сохранилось и у язычников от тех времен, когда они еще жили в единой общей человеческой

семье, не различаясь в ней по вере (в первое время после потопа). Законное употребление ароматов могло быть известно и Ною, хотя в Библии и говорится о принесенном им *всесожжении* из животных (Быт. 8, 20). Но диавол, отторгнув от ветхозаветной истинной Церкви большую часть человечества и сохранив некоторые сходные (по внешности) формы богослужения, извратил существо последнего, подставив для поклонения людям вместо Бога себя самого. Таким образом, и благовония сохранили свое видимое значение в религиозном культе. Памятники древнего Египта, Финикии, Греции, Рима во множестве доставляют тому примеры³¹.

• **Употребление духов и благовоний**

в туалетном искусстве и вообще в светском обществе

Из предыдущего видно, что благовония, служащие Церкви как средство для прогнания бесов, в области мира князя сего, наоборот, стали средством их привлечения и религиозного, выразимся так, почитания.

Но на этом дело не остановилось. Бесы, раз начав подталкивать человека к бездне гибели, не успокаиваются до тех пор, пока он в нее не сверзнется. И в данном случае, им было мало того, чтобы люди извратили чисто религиозное назначение благовоний, демоны надоумили людей употреблять ароматы еще в качестве «афродизиака» (aphrodisiac), то есть средств, повышающих половую возбудимость и вызывающих похотные чувства. Для этого ароматы из сферы религиозной, где применение их было, в общем, ограниченное и влияние на толпу поверхностное, были перенесены в повседневную общественную и домашнюю обстановку; способность их воздействовать на половую область хорошо изучена, количество (разнообразие) их умножено, а качество (острота и сила запахов), с помощью бесовских подсказок и внушений, бесконечно усовершенствовано; нервная система у людей чрез постоянное применение подобных вещей была расшатана и сделалась легко возбудимой от малейшего, едва уловимого запаха, донесшегося от прошедшей мимо наду-

-120-

шенной женщины. В настоящее время дело (или искусство) дошло до того, что люди не оставили, кажется, ни одного уголка в природе внешней и человеческой в поисках того, нельзя ли откуда-либо еще извлечь какой-нибудь «пикантный запах», изобретая их один за другим, — по выражению Гюисманса — вплоть до «человеческой и... кошачьей эссенций, пахнущих юбками»³².

Это имеет, конечно, свою историю, и о некоторых этапах ее небесполезно будет кое-что сказать здесь, ибо и библейские авторы не проходили молча мимо этих вопросов.

Начиная с времен царя Соломона, то есть эпохи наибольшего блеска Израильского царства, когда оно достигло высшей славы и могущества и когда завязались оживленные сношения ветхозаветных иудеев с тогдашними соседними культурными народами, — благовония впервые нашли себе широкое применение в качестве наркотических, возбуждающих человека средств. Среда светских и публичных женщин, понятно, в особенности представляла восприимчивую и тучную почву для последних.

Но в других государствах давно уже увлекались парфюмерией. Памятники Древнего Египта, Персии, Индии и Финикии, которые ученые только недавно

стали разбирать и научились читать, во множестве доставляют случаи убедиться, как прилежно почиталась богиня любви изделиями и практикой этого искусства.

Так, в Египте парфюмерия имела применение настолько широкое и до того разнообразное, что у изобретательных египтянок она простиралась даже и на тайные части тела³³. О духах в качестве афродизических средств хорошо говорит нецеломудренный рассказ «Целомудренная Тбубуи» (у Г. Масперо в «Народных сказках древнего Египта»)³⁴.

То же самое мы видим и в Финикии. «Купцы из Савы и Раемы торговали с тобою всякими лучшими благовониями... кассия и благовонная трость шли на обмен тебе...», — обличал последнюю пророк Иезекииль (27, 19, 22). В позднейшую эпоху при персидском дворе в Сузах туалетные предписания дошли до чудовищных требований. Известное место из Книги Есфири (Есф. 2, 12-13) говорит, что дни «притирания их», то есть одалисок царского гарема, были «шесть месяцев мировым маслом и шесть месяцев (!) ароматами и другими притираниями женскими. Тогда девица входила к царю».

-121-

Израильтяне хорошо усвоили всю эту практику. Та «женщина, в наряде блудницы, с коварным сердцем, шумливая и необузданная», про которую Приточник говорит дальше:

Она схватила его [юношу],
Целовала его,
И с бесстыдным лицом говорила ему:
«... Коврами я убрала постель мою,
Разноцветными тканями Египетскими;
Спальню мою надушила смирною, алоем и корицею.
Зайди, будем...» и проч. (Притч. 7, 6-18),

— эта женщина, как видно, отлично понимала значение и силу духов для того дела, описание которого излишне приводить.

Понимали толк в этих вещах и те иерусалимские модницы, которых обличал пророк Исайя за то, что они носят «красивые цепочки на ногах и звездочки, и луночки, серьги, и ожерелья, и опахала, увясла и запястья» и прочее и прочее и не могут расстаться с флакончиками духов (Ис. 3, 18-19). Понятно, что уже нечего было у них искать скромности и целомудрия, и гневный приговор Божий был истинен, когда объявлял им мщение:

«И будет вместо благовония — зловоние» (Ис. 3, 23).

В аду, конечно, — можно добавить для *нынешних* модниц и модников. Впрочем, и действительно, пора уже поговорить и о последних.

Но кто же лучше расскажет об этом уродливом порождении культуры, как не ее же представители в лице писателей-художников? А они говорят нам, что вкусы менялись в каждом веке сообразно с убеждениями и мировоззрениями эпохи и история парфюмерии шла нога в ногу с историей языка и литературы. Ж. Гюисманс проследил это в отношении своей нации.

«Стиль духов Людовика XIII, составленных из ирисовой пудры, мускуса, порея, миртовой воды, едва был в состоянии выразить рыцарскую грацию, несколько вольный колорит времени, который сохранил нашему веку в своих уверенных сонетах Сен-Аманд. Позже с миррой, лучшим ладаном, сделалась

возможной» кощунственная передача мистических переживаний в соответствии с возвышенным слогом Боссюэ и других католических учителей того времени.

-122-

«Усталая грация французского общества времен Людовика XV нашла своих выразителей в франжипане и марешале. Затем после пошлости первой империи, злоупотреблявшей одеколонами, парфюмерия бросилась вслед за Виктором Гюго и Готье к странам солнца: она создала восточные благовония, сверкающие пряностями». Чем далее, чем культура делалась сложнее, а другие искусства ее становились тоньше и замысловатее, тем живее развивалось и это искусство, не желая отставать от уровня века. «Покоряясь желаниям любителей и художников», последнее последовательно бросается на китайскую и японскую парфюмерию, «изобретает целые альбомы благоуханий, имитирует букеты цветов Такео-ка, получая от соединения лавенды и гвоздики запах *Rondeletia*, от сочетания пачули и камфары — особенный аромат китайской туши; из состава лимона, гвоздики и померанцевого эфирного масла — запах *Hovenia du Japon*».

До какой виртуозности доходят современные люди в расшатывании своей нервной системы и в искусстве возбуждать феерическую работу воображения посредством этих наркотиков, то есть духов, красочно и картинно изображает цитированная мною выше глава из романа Гюисманса. Хотя и не ко всем людям она приложима, но ведь любая «барышня»-подросток и последняя публичная женщина, если и ничего не понимают в тонких ароматах Аткинсона и Любэна, Лёграна и Писса, все же не меньше светских «львов» и «львиц» восхищаются водой, настоянной ремесленниками на розмарине и продаваемой по четвертаку в бакалейных лавках и на базарах. И они со страстью «душат» у себя носовые платки и под мышками.

На этом можно бы и кончить, но скажу еще два-три слова ради тех, кто любит ссылаться в оправдание своих страстей на Евангелие. И в данном случае, такие места, как Мф. 6, 17 или Лк. 7, 37-38, ничего не говорят в их пользу.

В первом случае, «словами *помажи главу твою*, — говорит св. Иоанн Златоуст³⁵, — Господь не заповедал, чтобы мы непременно намащали себя, — не это повелел Он. У древних был обычай помазывать себя во время радости и веселия, как это видно из примера Давида и Даниила (2 Цар. 12, 20; Дан. 10, 3). И Христос заповедует сими словами только всячески скрывать свой пост. Что это так должно понимать, Он показал самым делом, когда, по-

-123-

стившись сорок дней и постившись втайне, не помазывал головы и не умывал лица и все это совершал без всякого тщеславия. Это самое Он и нам заповедует».

Во втором — не время и не к месту Христу было учить высшей морали блудницу, от всего сердца принеся то, что ей казалось наиболее подходящим*, (* Она могла следовать обычаю, твердо укоренившемуся на Востоке (вследствие гигиенических причин), натирать тело маслом, ибо там кожа от жары терпит немалый вред. Для Христа, постоянно путешествовавшего, какой дар мог бы более подойти? Но оказывается, в сем случае действовал, как Сам Господь сказал, и Промысл Божий (Мф. 26,12). (По мысли отцов, лицо, упоминаемое в Лк. 7, 36-50, в Мф. 26, 6-13 и в Мк. 14, 3-9, одно и то же.)) и, наверное, смущавшуюся от осуждающих речей присутствовавших при этом лиц

(Мф. 26, 8). Да и принесла-то она (или, в другой раз, Мария, сестра Лазаря: Ин.12, 3-8), драгоценное миро в дар не как обыкновенному смертному, не как простому человеку, а как пришедшему Мессии — Богу, в очищение собственных грехов, а не в знак личной симпатии и привязанности. Да не будет этой хулы!

Для доказательства того, что последние слова мои действительно соответствуют истине, приведу несколько строк из стихиры службы Великой Среды, как раз посвящаемой св. Церковью памяти этой великой жены. Здесь Церковь вкладывает в ее уста следующие слова: «Ароматы богатею, добродетельми же ниществуя, яже имам, Тебе приношу: даждь Сам, яже имаши... Миро у мене тленное, миро у Тебе жизни, миро бо Тебе имя, изливанное на достойных, но ослаби ми и остави... Разреши долг, якоже и аз власы, возлюблю любящую, праведно ненавидимую, и близ мытарей Тебе проповем, Благодетелю Человеколюбче»**. (** См. также стихире «Слава на хвалитех»)

Отравление чаем, кофе, какао и шоколадом

Выражение «отравление» приведет, может быть, некоторых в удивление, вызовет сомнение, неверие, даже насмешливую (выражаясь мягко) улыбку на устах читателя, наконец, заставит усомниться как в доброкачественности рассуждений, так и в способности автора к рассуждению, однако я его оставляю. Пусть немножко сильно сказано, но

-124-

существо дела остается тем же. Ведь очень многое и другое во всех моих книгах должно смущать, а может быть, и возмущать некоторых, что из того? — я не для популярности пишу и не для *чесания слуха* (2 Тим. 4, 3). Итак, вникнем лучше в дело.

В благочестивом простом народе не так уж давно чай почитался, как многим должно быть известно, прямо-таки *грехом*³⁶. В лучшем случае — «баловством». Так или иначе, чай не считался необходимостью, и в сохранении нашей жизни ему не приписывали чудодейственной или хотя бы просто лекарственной силы. Остальные напитки неизвестны были даже и по названию. Я не привел бы этих неубедительных для культурных людей доводов, если бы не так же смотрела на эти вещи современная наука.

Медицина считает «кофе, чай, какао и шоколад скорее возбуждающими, чем питательными веществами, хотя они и содержат в себе *кое-что*, годное для питания³⁷. Кофеин — главная составная часть кофе — есть наркотическое вещество, то есть, попросту сказать, яд. Чай содержит теин — вещество, сходное по качествам с кофеином. Оба яда оказывают возбуждающее действие на мозг и нервную систему и ускоряют деятельность сердца. Какао содержит кокаин.

По данным, сообщаемым доктором И. Вилем («Диетическая поваренная книга»), освобожденный от шелухи шоколадный боб состоит из следующих веществ:

Теобромина (кокаин)	2 %
Клейковины	20%
Жиров (масло какао)	51%
Крахмала, камедистого вещества	22 %
Воды	5%
Итого:	100%

"Из этих данных, — пишет доктор Виль, — видно, что шоколад обладает большой питательностью".

...Разница в действии чая и кофе зависит от качеств их летучих ароматических составных частей... Кофе возбуждает главным образом кровеносную систему и таким образом ускоряет прилив крови к мозгу. Отсюда — способность к более оживленной, легкой беседе и излюбленная у светских дам "болтовня за чашкой кофе". Наоборот, чай по преимуществу действует на нервную систему и "повышает способность перерабатывать впечатления" (доктор Мун-

-125-

де), то есть усиливает склонность к более серьезному мышлению. Отсюда — так называемые "эстетические беседы за чашкой чая".

Молешотт дает еще более уничтожающий отзыв о чае и кофе. "Чрезмерное потребление кофе, — говорит он, — вызывает бессонницу и возбужденное состояние, подобное опьянению, во время которого в мозгу проносятся с невероятной быстротой всевозможные картины, мысли и желания. Появляются чувство беспокойства, ощущение жара, тоска, головокружение, дрожание в членах и стремление выйти на свежий воздух. Последний бывает обыкновенно лучшим средством для устранения этого состояния, которое, продолжаясь долго, может поистине совершенно свести человека на нет. Летучее масло чая обуславливает тяжесть в голове, которая при опьянении чаем сначала сказывается головокружением, а потом оглушением. Зеленый чай, содержащий в себе гораздо большее количество эфирных масел, чем черный, производит и несравненно более сильное и вредное действие"».

«После всего, что я сообщил тебе, дорогой читатель, о действии кофе и чая, — заключает со своей стороны знаменитый врач*(*Платен. — Прим, составителя.) Европы, — ты не можешь требовать от меня, чтобы я рекомендовал тебе эти напитки для ежедневного обихода. Я могу лишь посоветовать тебе *совершенно бросить их потребление* или, по крайней мере, по возможности ограничивать таковое. Ты, пожалуй, возразишь мне, что пьешь только жидкие кофе и чай, прибавляя к тому же к первому еще цикорий, и что до сих пор ты чувствовал себя прекрасно. Все это ничего не значит. Я утверждаю на основании фактов, что эти раздражающие вещества, даже в малых дозах, приносят тебе вред, хотя бы ты непосредственно и не ощущал этого вредного действия. Ведь ты, дорогой читатель, вполне здоровым считать себя не можешь, что бы ты ни говорил: где-либо у тебя, в твоём организме, обстоит неладно, то мигрень, то пищеварение не в порядке; ты, хотя и не сильно, но часто жалуешься либо на холодные руки и ноги, либо на сердцебиение и одышку, либо на тяжесть во всех членах и так далее, а между тем все-таки утверждаешь, что ты, собственно говоря, здоров. Смело считай кофе** (** Кофе — у немцев, у нас — чай. Но в особенности причиной болезней являются спиртные напитки. — Прим. еп. Варнавы.)

-126-

виновником большей части твоих недугов. Если же ты пьешь его с цикорием, то тем хуже для тебя, так как суррогат присоединяет и с своей стороны вредное побочное действие...

Доктор Мунде говорит: "Нечего удивляться тому, что род человеческий хилеет все более и более. С тех пор как молочный, картофельный и мучной супы

уступили свое место кофе, чаю и шоколаду, с тех пор как даже рабочие классы поддерживают себя не столько питательными, сколько раздражающими и возбуждающими средствами и тратят на табак, пиво и водку те деньги, которые должны бы были пойти на здоровую пищу, с тех пор как говорят очень много об образовании, а в действительности его совершенно исказили, — сила и красота человечества быстро идут под гору. Один Бог знает, до чего дойдет дело, если новые и искусственные потребности будут все более и более вытеснять естественные. Естественный метод лечения слишком слаб для того, чтобы остановить это ужасающее стремление к гибели, и поневоле должен ограничиваться посильной ролью помощника в деле пресечения этого зла. *Представители патентованной медицины плывут обыкновенно по течению. Они пьют кофе, чай, шоколад, вино, пиво и водку, курят табак и даже пишут книги, чтобы доказать, что все эти искусственные потребности являются благодеянием для человечества*"*. (*Курсив автора; я, со своей стороны, тоже обращаю внимание читателя на эти строки, показывающие, что и среди представителей самой культуры (и в частности медицины) есть немало лиц, возмущающихся ее порядками и не полагающихся на безнравственных ее вожаков, оправдывающих свои поступки «научными» средствами. — Прим. еп. Варнавы.)

Детям следует, безусловно, воспрещать пить кофе, а также и чай. В настоящее время нервные болезни у детей считаются уже обычным явлением, и в этом виновато главным образом потребление кофе, чая, мяса, вина и пива. Лица с слабыми нервами должны безусловно избегать кофе; равным образом вреден он и при всех болезнях сердца, при различных желудочных заболеваниях и т. д.»

Перейдем теперь к табакокурению.

Отравление никотином

«Табак, подобно кофе и чаю, принадлежит к наркотическим, то есть оглушающим веществам, — говорит тот же Платен. — Всем известно, какой сильный яд, именно никотин, содержится в табаке. Одной капли никотина, попавшей на пол комнаты, достаточно для того, чтобы сделать негодным для дыхания воздух последней».

Примечательна история табакокурения. Она показывает, что никакие *пытки и смертные казни* не могли отвлечь людей от этой скверной, поистине убийственной привычки. История табака так недавна и свежа в памяти человечества, что ее можно проследить с малейшими подробностями, но с другой стороны, благодаря тому же, она производит и в высшей степени удручающее впечатление — слишком, повторяю, уж явны обычно скрытые козни демонов в разжигании страсти у людей к этому проклятому зелью.

...Когда двенадцатого октября 1492 года Колумб пристал к острову Сан-Сальвадору, то он и его спутники были поражены невиданным зрелищем: краснокожие жители острова выпускали клубы дыма изо рта и носа!.. Дело было в том, что индейцы справляли священный праздник, на котором курили особую траву* — до полного одурения, надо прибавить, причем в этом состоянии они входили в общение с демонами и после рассказывали, что им говорил «Великий Дух»³⁸. По приезде на родину наших мореплавателей, те, которые нашептывали в уши индейцам, шепнули и этим, чтобы они познакомили европейскую публику с

новым «удовольствием». И вот, при благосклонном участии и тайном возбуждении от бесов, по всей Европе и даже Азии началась буквально повальная горячка табакокурения. Чего правительство и духовенство ни делали, чтобы прекратить это зло, — ничего не помогало!

Так, в 1623 году папа Урбан VIII издал буллу, в которой грозил отлучением нюхающим табак в церкви; Амурат IV в Турции, в 1625 году, велел виновных в курении водить по улицам с петлею на шее, потом казнить, а отрубленные головы с трубками во рту выставить напоказ; в 1638 году, во время похода в Персию, солдат, пойманных в курении, четвертовали, вешали, сажали на кол... В Персии шах Аббас Великий велел в наказание за курение отрезать губы и носы, а торговцев табаком сжигать живьем вместе с товаром.

-128-

Даже в Швейцарии, этой вечно свободной (конечно, не в евангельском смысле) стране, в 1661 году аппенцельский магистрат определил за торговлю табаком, *как за грех, запрещенный Самим Богом*, точно такое же наказание, как и за убийство...

Суровые меры не могли сдержать все более и более нараставшую страсть к новому, дотоле неведомому, плоду. Запрещенный, тот казался еще слаще... И вот — курили тайком, уходили для этого в леса, забирались в подвалы, но привычки не оставляли до тех пор, пока сами власти не сдались.

У нас на Руси за табак (привезенный впервые англичанами и, кстати сказать, самого плохого качества, какого в Англии никто уже не курил) царь Михаил Федорович в Указе 1634 года повелевал «чинити наказанье большое без пощады под смертной казнью». Алексей Михайлович, в Уложении 1649 года, подтвердил указ своего отца, и тех, у кого табак «объявится», велено «бити кнутом на козле по торгам», «пороти ноздри и носы резати», а после пыток «ссылать в дальные города, чтобы на то смотря иным так неповадно было делати».

Петр I, ненавидевший все доброе, ко всем своим другим страстям прибавил и эту: в 1697 году он не только снял всякие запрещения с табака, дозволив свободную торговлю им и курение, но и сам, будучи в Лондоне (1698 г.), заключил договор с маркизом Кармартеном о торговле табаком, причем последний должен был уплатить Петру вперед двенадцать тысяч фунтов стерлингов и давать казне каждый год тысячу фунтов табаку, причем пошлина (ввозная) была назначена по четыре копейки с фунта.

С тех пор дело пошло в заданном направлении полным ходом.

* * *

Но в обществе и народе никогда не переставали находиться люди, старавшиеся так или иначе умерить это, охватившее весь мир, зло и выяснить всю пагубность этой привычки³⁹. Они создают общества (таково British Anti-Tabago Society в Англии; Sociйтй contre l'abus de tabac во Франции; у нас в свое время Межов пытался было основать нечто подобное); издают журналы, печатают брошюры, назначают конкурсы и премии за лучшие сочинения о зловредности табакокурения.

-129-

И действительно, вред от табака (листьев *nicotiana tabacum*) велик, как твердо установила наука.

«В табачном дыме, — говорит доктор Мунде, — кроме синильной кислоты, находятся еще: сероводород, серная кислота, сернистый свинец, окись углерода, углекислота и так далее. Вполне доказано, что все эти яды при известных условиях попадают через посредство воздуха в кровь»⁴⁰.

«15 миллиграммов никотина, принятых внутрь с водою, уже вызывают первые явления никотинного отравления, — читаем у другого известного западного гигиениста⁴¹. — Сигара весом приблизительно в четыре грамма в 1/2-3/4 часа отдает телу семь-десять миллиграммов никотина... Сильные курильщики обыкновенно страдают катаром зева, а нередко и нервными расстройствами, неврастеническими явлениями, сердцебиением, состоянием возбуждения, головной болью, головокружением, неясным зрением, слабостью памяти и т. п. У более нежных лиц, не привыкших к табаку, одного вдыхания табачного дыма может быть достаточно, чтобы вызвать головную боль, чувство стеснения или обморочные припадки».

Табакокурение притупляет аппетит и расстраивает пищеварение. Последнее понятно, так как курение «вызывает усиленное отделение слюны, которую сейчас же приходится выплевывать, то есть терять, а слюна служит для переваривания целого класса питательных веществ (крахмала). Далее, табачный дым, если только он проглатывается, производит вредное раздражение слизистой оболочки желудка». А как часто можно наблюдать отвратительное для некурящих явление, когда у человека за обедом в одной руке папироска, в другой — ложка или вилка и когда за непрожеванным еще куском пищи следует уже затяжка дымом. «Никотин, правда, не обуславливает непосредственно смертельного исхода, но уменьшает охоту и способность к работе, силу мышления и жизненную энергию. Правда, иные утверждают, будто они лучше работают и думают во время курения. Но они просто принимают возбуждение, вызванное никотином, за проявление силы и, так сказать, не живут на проценты, но растрачивают капитал их жизненной силы». Наконец, табак особенно действует вредно на половые органы. Таковы выводы о вреде табакокурения, к которым пришла современная наука⁴².

-130-

Отравление алкоголем

• ***История появления алкогольных напитков*** Одурающие и опасные для нравственности свойства

вина впервые стали известны людям через оплошность и неопытность Ноя, который, по незнанию тех качеств, которыми обладает выжатый из винограда сок, неумеренно его испробовал и опьянел (Быт. 9, 20-21). В Библии еще много раз говорится о вине, но уже о сознательном использовании людьми этих его качеств в целях самозабвения (1 Цар. 25, 36-37; 3 Цар. 16, 9; 20, 16; 1 Фес. 5, 7).

Скоро виноградное вино показалось слабым, и появились другие опьяняющие напитки (Ис. 5, 22). Они распространялись у всех народов. Древние египтяне фабриковали жэипт, крепкое вино из ячменя, индусы — «сому», китайцы, едва ли не первые в этом деле, — крепкое питье из финиковой пальмы. Через арабов рецепт этих напитков был доставлен в Европу и разработан здесь в средние века

сперва в пресловутое снадобье якобы от всех страшных случаев и болезней (до чумы, холеры и старости включительно), в так называемую «воду жизни» (aqua vitae, l'eau de vie), или *спирт* по-теперешнему, а потом, когда люди узнали, что гораздо интереснее прописывать его себе как средство для «расширения человеческой личности»⁴³ в более легких случаях и жизненных затруднениях, чем предсмертные болезни и старческое бессилие, то алкогольные напитки получили самое широкое распространение.

• *Степень влияния*

Если и всегда страсть к вину была распространенной⁴⁴, мало кто укрылся от этого «зелия» (как назывались возбуждающие напитки у нас в Древней Руси), когда к нему приложила свою руку посредством современных знаний и изобретений культура. Даже гениальные ее «светочи» и «двигатели» не устояли. Примеры:

1. Гете в знаменитом погребке Ауэрбаха в Лейпциге пишет несколько сцен из Фауста, а Гейне — свое знаменитое обращение к бременскому ратскеллермейстеру.

2. Расин часто засиживается в кабаре «Белого барашка», где хозяйкой была знаменитая «la veuve Bertin»*. (* вдова Бертэн (франц.))

-131-

3. Виктор Гюго, Тьер, М. Фурнье, Беранже и другие сходятся за этим же делом у «la mire Saguet»*⁴⁵. (*мамаша Сагэ (франц.))

4. Наш славный Пушкин⁴⁶ следующим образом заканчивает письмо к Ф. Вигелю из Одессы (1823 г., ноябрь), по обыкновению уснащенное кошуновствами и площадными выражениями: «...У нас холодно, грязно — обедаем славно — я пью, как Лот Содомский, и жалею, что не имею с собой ни одной дочки. Недавно выдался нам молодой денек — я был президентом попойки, все перепились и потом поехали по <...>».

Так образуется неразрывная цепь порока, внутренние связи между отдельными звеньями которой столь хорошо вскрыты всеми святыми отцами: 1) чревоугодие, или — по приемлемой терминологии Лескова — «жратва»⁴⁷, 2) вино и 3) женщины — но их наименование в терминологии Пушкина уж вовсе непристойно.

• *Вред и последствия пьянства, духовные и телесные*

Уже после всего вышесказанного должно быть понятно, почему Священное Писание и святые отцы и учителя Церкви так восставали против этого порока: потому что пьянство отягчает сердце (Лк. 21, 34), заставляет человека терять ум (Притч. 20, 1), забывать закон, попирает права бедных и угнетаемых (Притч. 31, 5), привлекает на голову человека наказание (Мф. 24, 49-51) и исключает из Царства Небесного (1 Кор. 6, 10; Гал. 5, 21). Святые отцы не находят слов для изображения мерзости и тяжести этого порока. Вот несколько отрывков из знаменитой беседы св. Василия Великого «На упивающихся»⁴⁸. Пьянство вредно —

1. Для души.

«Чем отличен от бессловесных ты, человек? Не даром ли разума?.. Поэтому лишивший себя смысла опьянением *приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс. 48, 13). А я сказал бы лучше, что упившийся несмысленнее и

скотов: потому что все четвероногие и звери в определенные сроки имеют стремление к совокуплению; но у кого душа связана упоением и тело наполнено неестественным жаром, те во всякое время, во всякий час стремятся к нечистым и срамным объятиям... Бессловесные знают уставы естества, а упившиеся ищут в мужеском теле женского и в женском — мужского...»

-132-

2. Для тела.

«Они не только чахнут и тают от излишества удовольствий, которые разжигают к похотливости, но и при самой тучности тело у них наполнено влаг и мокрот и лишено жизненной силы. Глаза у них поблекшие, лицо бледное, дыхание трудное, язык нетвердый, произношение неясное, ноги слабые, как у детей, отделение излишеств производится само собою, вытекая, как из мертвого».

3. Для христианского общества.

«Скажи мне: ужели ты смеешься и услаждаешься постыдным наслаждением, когда надлежало бы плакать и стенать о предшествовавшем? Поешь любодейственные песни, отринув псалмы и песнопения, которые выучил. Движешь ногами и скачешь, как помешанный, плясешь непристойно, когда надобно прегибать колена для поклонения? Кого стану оплакивать? Дев ли, не вступивших в замужество, или тех, которые уже носят иго супружества? Одни пришли домой, не имея уже девства; другие не возвратились к мужьям целомудренными. Ибо, если некоторые избежали греха телесного, то, без сомнения, приняли растление в душу. То же самое должно сказать мне и о мужчинах».

Ненормальный и противоестественный характер пьянства отмечают и светские писатели. Замечательное подтверждение высказанной мною в начале мысли о диаволе как злом изобретателе худого, использовавшем для сего естественное тяготение человека к Богу и всему премирному, мы находим даже у Бодлера, знаменитого главы декадентов. Кого-кого, а уж его-то никак нельзя обвинить в приверженности к «поповским бредням» и склонности к «мещанской», как принято выражаться у подобных людей, морали.

Пьянство в качестве доказательства бытия Божия в устах такого человека! Это — ново и оригинально... «Ах, человеческие пороки, — восклицает он, — несмотря на все ужасы, которые мы в них усматриваем, доказывают (уже самой своей распространенностью) неудержимое влечение человека к Бесконечному... Но, увы, влечение это часто сбивается с пути!.. В своем ослеплении он забывает, что играет с более лукавым и более сильным, чем он сам, и что Дух Зла, получив один его волосок, завладеет его головой. И вот этот видимый Владыка видимого мира (я говорю о человеке) захотел создать себе Рай при помощи фармацевтических средств и возбуждающих напитков,

-133-

уподобляясь маниаку, который вздумал бы заменить солидную мебель и настоящие сады — рисунками на холсте, вставленными в рамы. Этим извращением влечения к Бесконечному и объясняются, по-моему, все преступные эксцессы — от уединенного, сосредоточенного опьянения писателя, который случайно прибег к опию для облегчения физических страданий и, открыв в нем

источник убийственных наслаждений, сделал его светилом своего духовного мира и подчинил ему весь склад своей жизни, — до самого последнего пьяницы предместий, который с душой, объятый пламенем славы и величия, валяется в грязи на проезжей дороге...»⁴⁹

Приводить научные данные в доказательство вреда от потребления спиртных напитков — излишнее дело. Особенно много свидетельств против алкоголя можно найти у психиатров.

Как вредно, например, потребление пива при лечении душевных болезней, говорят опубликованные важные наблюдения английского специалиста по психическим болезням, доктора Claye Shawe. Он сообщает, что в заведомом им заведении для душевнобольных выздоровела почти половина (46,97 %) поступивших в него, как только была прекращена выдача пива больным. Как после этого не сказать было известному германскому психиатру профессору Гитунгу, что «пьянство есть душевная болезнь и 4/5 всех убийств обусловлены этим пороком». Ведь примеры у них, а впрочем и у нас всех, — перед глазами.

Цитаты, повторяю, приводить считаю излишним, потому что пьянство — это такой порок, при котором не только слова, но и телесные наказания не действуют. Одна только благодать Св. Духа сильна избавить человека от этого смертельного недуга.

Отравление опиумом, гашишем и тому подобным

1. Пропуская описание всей невозможной по цинизму и разврату обстановки притонов, в которых проводят время заправские восточные курильщики опиума, и описание существа самого наслаждения — обо всем этом можно прочесть хотя бы у К. Фаррера⁵⁰, — приведу из его книги только краткую выдержку из заключительной главы, в которой описываются душевные и физические мучения сла-

-134-

дострастника, заканчивающиеся полным сумасшествием, — мучения, которые ожидают его как расплата за все...

«Конец, конец всему... О, какие муки я испытываю! Огонь добела раскалил мои внутренности. Внутри у меня рана, от глотки до пяток. Сплошная рана, ничего не щадящая рана, ни вен, ни кишок, низвергающая вечное пламя. Все реки, озера, моря, океаны не могли бы затушить этот огонь. И так все время, все время, без остановки, без передышки, без сна... А жажда, а голод при опиуме! Я подобен осужденному, у которого для утоления пожирающей его жажды остался один расплавленный свинец... Осужденный! Да, да, осужденный. Геенна, в которую я ввергнут, имеет две казни, к сознанию прибавляется отверженность, к страданию плоти — страдание духа, к огню — кошмар... Кошмары! Никто, кроме курильщиков опиума, не знает, что такое кошмар... [Следует описание последнего, и все заканчивается галлюцинациями наяву и диким безумным криком.] А! А! А! Помогите!»

2. Гашиш, как и все прочие яды (много еще осталось у меня неперечисленных, например кокаин, морфий и другие), дает свои наслаждения и приносит свои мучения и наказание. Описывать их нет необходимости. За нас это сделали уже другие⁵¹.

Со своей стороны, сделаем только одно замечание: безмерна ненависть дьявола к роду человеческому, который он ввергает, вместо обещанного рая, в ад еще здесь, на земле, и велики заблуждения и неразумие людей, платящих за этот обман собственными невыразимыми мучениями и добровольным отказом от вечного и истинного блаженства!..

-135-

§ 3. Сквернословие: «площадная матерная брань», «словесный эксгибиционизм».

Сквернословие — гнусный порок, который в Священном Писании приравнивается к *смертному* греху (Еф. 5, 4-5). От него стонет мать-земля Русская, им растлены души и уста великих философов и писателей, которые еще стараются учить других добру и произносить вслух прекрасные слова, но никак не могут справиться с этой пагубной привычкой, оставаясь наедине, в кругу друзей, когда ничто уже не заставляет сдерживать себя.

Умалилась духовная жизнь — умалилась и проповедь церковная. По ложному ли стыду, по боязни ли упреков за упоминание в храме такого «неудобь сказаемого» — да и несоответствующего — обстановке предмета, по отсутствию ли сознания его важности и приносимого им вреда при строении духовной жизни христианина или, наоборот, с отчаяния, что все равно ничего не сделаешь против моря греха, но только подобная проповедь прекратилась. Где прежние Павлы, Киприаны, Василии, Златоусты? Где они, беспощадно, неумолчно обличавшие эту гнусность, из-за которой невозможно положить самое начало спасения? Ведь есть растление тела и есть растление души, и поскольку душа превосходит тело, а слово есть самое ценное и высокое в человеке, отличающее его от скотов и уподобляющее Богу (сравни: Бог-Слово), постольку растление души и осквернение слова — великий грех в сравнении со всем прочим. Все остальное уже ему сопутствует.

Срамословие — болезнь, которой заболевают, впрочем, добровольно. И как болезнью им занимаются психиатры¹, и о происхождении его строят свои гадания историки культуры, этнографы, антропологи. Даже филологи (и кажется, больше всех — тоже «науку двигают») заинтересовались данным явлением. В настоящее время на Западе существует целая литература, переводная и оригинальная, на этот счет: многотомные описания всего одной только вещи — полового акта у различных народов и во все времена, естественного и противоестественного, в сопутствующей обстановке которому иногда думают находить условия происхождения срамословия; затем различные словари,

-136-

сборники матерных слов и выражений и тому подобное².

Конечно, скажут, это ведь в «научных» целях делается, а не ради удовлетворения страстей безнравственных людей, скупающих порнографические стихотворения, описания, картины, фотографические карточки и прочее. А я скажу: в том ли заключается ваша пресловутая наука, чтобы, надев профессорский вицмундир с докторским значком на нем и вооружившись для приличия латынью, заниматься изучением того, о чем стыдятся говорить между

собою и проститутки, когда они не заняты своим ремеслом? Не значит ли это под видом высокой цели заниматься тайком самым гнусным и тонким развратом? Дьяволу, конечно, вовсе не нужно, чтобы писатель или великий ученый непременно по публичным домам шатался и растрачивал тем свое здоровье — хотя, как видели мы, и этим он не брезгует.

— но ему гораздо интереснее, чтобы талантливый деятель, благодаря своим помраченным способностям, растлевал людские массы. Если он погибнет, то погибнет только один, а если пустит в народ свои сочинения, отравленные тонким ядом греха, то погубит многих. Дьяволу есть чему порадоваться... А вещи такого рода можно делать только под видом важного дела или даже добродетели. Вот и здесь

— наука-де, нужда, хорошая цель преследуется. Но если бы это было так, показать бы надо не только, в чем мерзость порока, но и как от него избавиться, да и религию бы надо к делу привлечь, послушать, что и она скажет. Ведь это ее больше всего касается. Но ничего подобного не наблюдается. Следовательно, и все построение от демонов — сперва тонко обольщаются и растлеваются вожаки «культурного» человечества: ученые, поэты, писатели, а чрез них и общество, читающая публика. А может быть, даже и взаимно.

Срамословие присуще всем векам, местам и народам. Порок этот есть наследие чисто языческое. Он всецело коренится в фаллических культах Древнего Востока, начиная с «глубин сатанинских» (Откр. 2, 24) и темных бездн разврата в честь Ваала, Астарты и прочих и кончая классическими наследниками библейского Хама. Причем порок этот и какое-то тайное странное тяготение к нему находятся в прямой зависимости от того, насколько близко стоит человек к Богу. И если он отодвигается от Божества, то тотчас же начинает входить в область сатанинскую и приобретать эту скверную привычку — призывать вместо Бога имя лу-

-137-

кавого и вместо божественных вещей поминать срамные. И удивительнее всего то, что человек, повторяя в XX веке по Рождестве Христовом некоторые бесстыдные слова и действия, и не догадывается, кому и чему он этим обязан из такого же по счету столетия, но только до Рождества Христова.

Для примера возьму времена более близкие, классические, именно укажу на суеверные обычаи и средства у греков и римлян. Чтобы оградить себя от враждебных демонов и дурного глаза, они с детства уже — о, коварство тех же демонов! — навешивали на себя изображение божества (fascinus*)(*фаллический амулет (лат.)), культ которого был возложен на девственниц-весталок (!), а состоял в непристойных словах, действиях и в изображении того, от познания чего девица превращается в женщину (отсюда ведет начало неприличие в показывании кукиша). Рекомендовалось также «сплюнуть на сторону» или три раза к себе в пазуху или выразиться крепко с упоминанием этого срамного божества. Так было более 2000 лет тому назад.

Но вот восклицание распропагандированных деревенских парней, рабочих, когда они толпой встречаются с духовным лицом, слышимое так часто у нас теперь: «Держись за пуговицу, поп идет!» Из обычно употребляющихся грубых выражений привожу единственно допустимый здесь вариант. Откуда это? Кто их

выучил верить в предохранительную силу половых органов против злого влияния, которое в данном случае якобы распространяется — о ужас и кощунство! — священником? Дьявол. Это пережиток только что упомянутых классических языческих времен, до сих пор сохранившийся в неприкосновенной чистоте и неизменности и неведомыми для науки путями переброшенный демонами из полуденных стран Эллады и Рима в нашу деревню, занесенную снегами, под 55° северной широты в Московской губернии, и в шалаши австралийцев, под субтропическое солнце, на другой конец земного шара. Или наоборот, что все равно.

Профессор В. Богораз (Тан) сообщает почерпнутые из австралийских рассказов дикарей сведения, как надо поступать при подобных же встречах с Баррота (некими существами духовного порядка): «Как только услышишь крики Баррота, надо тотчас остановиться и молча пере-

-138-

ждать, все время потирая рукою свои детородные части». Как у Церкви есть Священное Предание, так и у цивилизации есть тоже свое предание, передатчики и охранители которого — бесы.

Таким образом, эти скверные чудовищные выражения суть на самом деле «священные» «молитвенные» формулы, обращенные к срамным демонам. Христианин! Употребляя их, подумай, кому ты служишь вместо Бога, кому молишься, что ты делаешь. Ты не просто совершаешь легкомысленное дело, не простую грубую шутку допускаешь, слова твои не простое колебание воздушных волн. Но ты произносишь — хотя, несчастный, и не веришь в это — страшные заклинания, ты накликаешь и привлекаешь гнуснейших бесов, ты в это время сатане приносишь противоестественную словесную жертву. Ты делаешься, посредством самых смрадных приемов, колдуном, магом, чародеем, быть может не зная и не хотя того. Однако дело остается делом — и бесы тебя окружают и рукоплещут...

Сквернословие встречается не только в устной речи, но и печатном виде — у писателей, а в среде малограмотных порождает так называемую «заборную литературу». И этот вид порока — не только отличительная особенность нашего времени, но существовал всегда и везде. Это и понятно, если принять во внимание, что было сказано выше о происхождении сквернословия.

В древнем мире «заборная литература» была распространена не меньше (по качеству и по количеству), чем у нас. Порча стен красивых, побеленных известью или беломраморных домов древних Эллады и Рима, стен, представлявших такой удобный материал для письма, приводила часто хозяев в отчаяние и заставляла их вывешивать следующие объявления: «Прошу здесь ничего не писать». Подобные же предупреждения красовались в общественных местах, потому что и они не были застрахованы от похабников⁶. Бесстыдными надписями прохожие иногда исчерчивали всю стену дома, так что из самих проходящих уже некоторые возмущались до глубины своей языческой души и сами в свою очередь прибавляли новую надпись, изливая в ней свое негодование. Одну из таких помпеянских надписей (в стихотворной форме даже), где автор удивляется, как еще вся исписанная каменная стена одной базилики от стыда не разрушится, я приведу здесь:

-139-

Admiror, paries, te non cecidisse [ruinis?]

*Qui tot scriptorum taedia sustineas**.

(*Я удивляюсь, стена, что ты не разрушилась, выдерживая мерзости стольких писак (лат.))

То же самое двестише читается на стенах большого театра и амфитеатра Помпей⁷. Если принять во внимание еще «кое-что», показываемое в последней «любителям» -туристам в закрытых шкафах, то никто из добрых христиан не удивится, что население развратных городов Геркуланума и Помпей, которое, предупрежденное сперва страшным землетрясением (5 февраля 63 года до Р. Х.) о необходимости покаяться, не вняло этому, но, обстроившись едва ли не красивее прежнего, зажило еще хуже и было окончательно истреблено, подобно Содому и Гоморре, гневом Божиим⁸ чрез извержение Везувия и навсегда погребено под его пеплом и лавою⁹.

С принятием человечеством христианства, или, вернее сказать, с того времени, когда христианство сделалось господствующей религией и когда люди стали принимать его уже не по убеждению, а по выгоде, порок срамословия от язычников перешел к этим двоеверным христианам¹⁰.

В настоящее время сквернословие — повсеместный порок (а не только русских, как слишком пристрастно судит С. Венгеров, см. дальше). Даже в так называемой «изящной» литературе, и притом иностранной, авторы не могут обойти его: «...Послышались крепкие слова и брань с упоминанием о родителях», — живописует в одном из своих главных романов известный американский писатель Джек Лондон¹¹.

Но особенно поразительны и омерзительны факты из личной жизни «вождей» человечества и культурной мысли, разных Гете, Шопенгауэров, Пушкиных, Лермонтовых, языковых, салтыковых-щедриных и множества прочих. Они особенно поучительны для внимательных к своей внутренней жизни и заботящихся о чистоте своего сердца. При виде того, как гении и таланты никнут от этой страсти, подобно цветам перед жаром раскаленной печки, при виде того, как у них с души зараза переходит иногда и на тело, и оно начинает гнить, и как ничтожной, «бросовой» вещью делается весь их громадный талант, бессильный, жалкий, никуда не годный, как не восплакаться простым людям и

-140-

не обратиться за помощью к Богу, Единому Защитнику!.. Если наука и искусство, устанавливающие как законы прекрасного, так и границы дозволенного в изображении дисгармонии и несовершенства, наряду с аристократическим воспитанием не застраховывают от безобразия и безумия сей гнусности, то к чему они? Надо искать других путей... Спросят: где же искать? — *В христианстве*. А пока я приведу факты.

1. Известно, что когда Гете приходилось бывать вне придворного круга, то он очень любил употреблять площадные словечки и выражения. Об этом говорит Шопенгауэр на основании своего личного опыта.

Вот подлинная цитата из книги «Разговоры и размышления Шопенгауэра» по рукописи, изданной Грисбахом¹²:

«...Als ich (т. е. Фрауэнштедт. — Еп. Варнава) darauf wieder zu Schopenhauer kam, citierte ich ihm diese Stelle und sagte: "Gothe, der feine Hofmann, scheint doch ausserhalb des Hofes, cynische Ausdrücke sehr geliebt zu haben". "Ja", erwiederte Schopenhauer, "es hat gar Vieles neben einander Platz im Menschen", und er bestätigte mir aus eigener Erfahrung, dass Goethe derbe Ausdrücke geliebt»*. (*«...Когда я снова пришел к Шопенгауэру, я процитировал ему это место и сказал: "Гете, этот изысканный царедворец, когда был не при дворе, кажется, очень любил употреблять циничные выражения". "Да, — возразил Шопенгауэр, — такие вещи часто уживаются в одном человеке". И он подтвердил из собственного опыта, что Гете любил крепкие словечки» (нем.))

2. Любил «крепкие словечки» и сам Шопенгауэр¹³.

3. У нас в России этот порок свил себе прочное гнездо. Уже знаменитый Козьма Прутков, будучи патриотом, не иначе представляет себе «Родное»¹⁴, как только в следующих чертах:

Люблю я слушать русским ухом

На сходках родственную брань...

И, приведя несколько крылатых, как выражался Гомер, словечек, заканчивает:

И так друг друга, с криком вящим,

Язвят в колене восходящем...

Такова «общественная» самодеятельность в деревенском парламенте.

-141-

Если перейти к настоящим общественным деятелям, увидим то же.

4. Стоит только бегло полистать, например, переписку нашего первоклассного таланта и поэта А. С. Пушкина, чтобы натолкнуться на множество матерных выражений — «русских титулов», как острил насчет них сам Пушкин. (См. postscriptum в письме к князю П. А. Вяземскому¹⁵, в котором он посылает ему свою знаменитую нецензурную «Телегу жизни». Характерно, что само это письмо он начинает с первого же слова площадным ругательством, подобранным в рифму.)

Я освобождаю себя от лишнего и неприятного занятия проставлять страницы с подобными «титулами», которые желающие могут без труда найти в упомянутом академическом издании. Да это и всем известно. В пресловутые «пушкинские» анекдоты и стихи товарищи считают за удаństwo посвятить (то есть развратить) с первых же дней поступления в школу каждого школьника.

5. Вот новые данные к биографии другого корифея русской поэзии — М. Лермонтова:

«Немецкий писатель Фридрих Боденштедт, поклонник и переводчик Лермонтова, встретил впервые нашего поэта незадолго до его смерти в одном из петербургских ресторанов в обществе двух молодых людей. Он оставил любопытное описание внешности, приемов и разговоров Лермонтова. Как ни старается Боденштедт смягчить резкость впечатлений, в рассказе его обрисовывается во весь рост пошловатый и заносчивый офицер, дерзкий и невоздержный на язык, употребляющий постоянно в разговоре неприличные слова. Язвительные шутки Лермонтова в ушах сентиментального и благовоспитанного немца все время звучали так, как будто кто-нибудь "скреб по стеклу"».

6. Очень даровитый поэт Н. Языков, про которого сам Пушкин говорил: «Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать... Он всех нас, стариков, за

пояс заткнет!»¹⁴ (но не заткнул по той же причине, по какой сгинуло в больницах и на постели большинство наших талантов), — итак, Языков тоже не только не избежал этой страсти, но усугубил ее еще и кощунственными «слово-вывертами». Образцы его матерщины можно найти у С. Боброва¹⁵, который не связывает себя необходимостью соблюдать приличия.

-142-

7. Вообще же об исключительном процветании порока срамословия на русской почве основательно и вполне откровенно говорил известный критик и литератор С. А. Венгеров¹⁶:

«Современный русский интеллигент, самого добродетельного и скромного образа жизни, сплошь и рядом отпускает такие шутки и выражается такими словами, которые привели бы в краску немецкого сапожника. В какой другой стране, кроме России, можно встретить ту заборную литературу, благодаря которой вы, гуляя с детьми вашими, то и дело должны чем-нибудь отвлекать внимание их от пристального рассматривания стенных надписей. А излюбленное трехэтажное словечко наше, которое составляет такую прочную "катеорию" русской общественной жизни?.. Щедрин в свою поездку по Волге только и слышал, что это слово, которое стоном стояло в воздухе. Сам же покойник, как известно, несмотря на крайне целомудренный¹⁷ образ жизни своей, тоже был до последней степени не воздержан в выражениях — очень уж крепко сидела в нем пошехонская закваска».

В заключение этого отдела прибавлю еще несколько слов о том мнении (распространенном даже среди порядочных и умных людей), которое оправдывает существование скверной привычки чисто практической выгодой. Приведу изложение этой точки зрения в рассказе знаменитого американского юмориста Марка Твена «Наброски праздного путешественника».

Капитан Джонс, сообщается здесь, «был глубоко и искренно религиозен, но клялся и ругался, как рыбная торговка. Он считал это вполне извинительным, так как матросы не поняли бы (?! — Еп. Варнава) приказаний, не приправленных ругательствами».

А Джек Лондон, сам прошедший, как известно, головокружительный *curriculum vitae**, (*жизненный путь (лат.)) выражается еще циничнее: «Хорошее ругательство, употребляемое изредка и в нужный момент, — вещь действительная» («Сын Солнца», гл. VI). Хотя и он замечает, что в брани должна быть мера: «Слишком часто ругаться — значит лишать ругательства свойственного им воздействия» (там же). Это уже правила из учебника какой-то сатанинской нравственности.

-143-

Но как же смотрит христианство на все это? Говорит ли оно что-либо о матерной брани? Есть ли определенный взгляд, прямая заповедь церковная относительно нее? — Все есть.

Святой апостол Павел повелевает:

«Блуд и всякая нечистота... не должны *даже именоваться* — *μηδε ονομαζεσθαι* — у вас, как прилично святым. Также *сквернословие* — *αισχροτης* — и пустословие и смехотворство не приличны вам, а напротив благодарение; ибо

знайте, что никакой блудник, или нечистый... не имеет наследия в Царстве Христа и Бога» (Еф. 5, 3-5).

Еще яснее (по греческому тексту) апостол Павел говорит в Послании к Колоссянам (3, 8):

«...А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие — *αἰσχρολογία*¹⁸ — уст ваших».

О том же, о хранении языка и о заразе, которая распространяется от срамословия на все окружающее, говорит и св. апостол Иаков (3, 6-12).

Святые отцы и учителя Церкви в первые века христианства, когда христиане постоянно сталкивались с развратными язычниками, были вынуждены непрестанно напоминать верующим об их высоком звании, чтобы они охраняли себя и опасались, как бы не заразиться самим тою же смрадною привычкой, которой больны язычники. Вместе с тем они разъясняли, в чем состоит истинное существо порока.

Так, Климент Александрийский²² еще в конце II века по Рождестве Христовом на своих лекциях поучал слушателей катехизаторской школы в Александрии, готовившихся к принятию крещения:

«От неблагопристойных речей мы не только сами должны воздерживаться, но строгостью своего взгляда, отворачиванием головы, так называемым морщением носа, а часто и жестким словом намордник набрасывать на уста и тем, кто вдается в такие речи. Ибо *исходящее из уст*, говорится, *оскверняет человека* (Мф. 15, 18)...

Не менее ревниво мы должны охранять себя от приражения к нам неблагопристойных речей; слух верующих во Христа должен быть защищен от этого».

Все дело в употреблении и цели. Ведь, в сущности говоря, «ни в словах, коими в нас нравственный стыд вызывается за некоторые органы, ни в самых этих частях тела, ни в половом совокуплении брачной четы... нет ничего такого,

-144-

чем обозначалось бы в собственном смысле неприличное. Колено, икры и подобные члены не представляют собою чего-либо неприличного ни по наименованиям своим, ни по деятельности; половые же части человека составляют предметы стыда, а не позора. Непристойно, достойно стыда и срама и потому достойно наказания только противозаконное приведение в действие, потому что истинно непристоен лишь грех и его дела. Соответственно этому под речами неблагопристойными в собственном смысле можно разуметь говорение лишь о вещах греховных, например о любодеянии, педерастии и тому подобном. Однако же нужно и праздной болтовни избегать».

Выпишу еще цитату из св. Иоанна Златоуста²³.

«Хочешь ли знать, сколь великое зло — говорить срамное и постыдное? Всмотрись, как краснеют от твоего бесстыдства те, которые тебя слушают. В самом деле, что может быть хуже и презреннее человека, бесстыдно срамословящего?.. Как же ты можешь научить целомудрию жену, когда бесстыдными глазами возбуждаешь ее идти в распутство? Лучше извергать гнилость изо рта, нежели сквернословие. Если у тебя дурно пахнет изо рта, то ты не прикасаешься к общей трапезе; но когда в душе твоей такой смрад, скажи мне,

как ты дерзаешь приступать к Тайнам Господним? Если бы кто, взяв нечистый сосуд, положил его на твоей трапезе, такого ты, избив палками, прогнал бы; скажи теперь, ужели ты не думаешь прогневать Бога, когда на трапезу Его (а уста наши и есть трапеза Божия, когда мы приобщаемся таинства евхаристии) приносишь слова, гнуснейшие всякого нечистого сосуда? Да и как может быть иначе? Ничто так не прогневляет Его, Святейшего и Чистейшего, как такие слова; ничто не делает людей столь наглыми и бесстыдными, как когда они говорят и слушают подобные слова; ничто так легко не расстраивает нервы целомудрия, как возгорающийся от таких слов пламень. Бог вложил в уста твои благовоние, а ты влагаешь в них слова, зловоннее всякого трупа, убиваешь самую душу и соделываешь ее нечувствительною».

Грех этот настолько немаловажен и требует столь большого внимания для своего искоренения, как со стороны повинного в нем, так и со стороны пастырей, что Церковь даже выносила данный вопрос на обсуждение своих соборов, считая необходимым обращаться к содействию и

-145-

государственной власти, особенно в тех случаях, когда язычники позволяли себе срамно выражаться в священных для христиан местах, вводя в этот соблазн и самих христиан, так что с глубокою скорбью говорил некогда Карфагенский собор (318 г.)²⁴: «И изрещи стыд есть... непотребными словами оскорбляют честь матерей семейств и целомудрие других бесчисленных благочестивых жен... так что от прибежища самая святая веры почти убежать нужно бывает».

Как же христианину вести себя в присутствии сквернословов?

Тут же, во-первых, *обратиться умом к Богу, вооружиться Иисусовой молитвой и, во-вторых, если нельзя убежать, то переносить брань с терпением и осуждением себя самого.*

Вот примеры: два из времен древних пустынников IV века, третий — из времен нынешних.

В *Патерике* рассказывается, как братия посетили одного святого старца, живущего в пустом месте. Они нашли вне монастыря его²⁵ отроков, пасущих и говорящих непристойные слова. После того как они открыли ему свои мысли и получили пользу от знания его, говорят ему:

— Авва, как ты терпишь таких отроков и не запрещаешь им, чтобы они не баловали?

— По немощной природе, братия, — отвечал со смирением старец. — Я нахожу иногда дни, когда желал бы запретить им, и однако же, упрекая самого себя, говорю: если сего малого не переносу, то как могу перенести, если пошлется мне великое искушение? Поэтому-то я ничего не говорю им, чтобы получить привычку переносить случающееся²⁶.

А в терпении — как старец знал — заключается заповедь и обетование спасения Самого Господа (Мф. 10, 22).

Еще сказывал авва Пафнутий (известный египетский пустынный): «Однажды путешествуя, я по причине тумана сбился с дороги и очутился близ одного селения. Там встретил я некоторых срамно говоривших. Устранившись, я пал перед лицом Бога, осуждая себя самого [в некоторых рукописях: "молясь о грехах своих"]. И вот ангел идет ко мне с мечом и говорит: "Пафнутий! Все осуждающие

братии своих погибнут от меча сего. Но ты хорошо сделал, что не осудил их, а смирил себя пред Богом, как будто бы ты совершил грех их. Посему имя твое вписано в книгу жизни"»²⁷.

-146-

Хотя ангелы не являются нам с такими поучениями, но невидимо мечом действуют несомненно — чрез болезни, внезапную смерть, удары и прочее — хотя бы и не в момент совершения греха, как и о тех срамословивших не сказано, что они были погублены во время своей беседы.

Рассказывает еще о своем духовном отце и старце, иеросхимонахе Александре, затворнике Гефсиманского скита (близ Свято-Троицкой Сергиевой Лавры), его ученик, тоже известный старец, почивший недавно, (схи)игумен Зосимовой пустыни, о. Герман²⁸:

«Однажды к о. Александру пришел мирской человек и начал говорить различные мерзости и про себя, и про других. В то время в келий старца был келейник его; он не вытерпел того, что пришлось ему слышать от рассказчика и, не желая долее слушать, вышел. После келейник, пришедши к старцу, спросил его:

— Батюшка, простите, я соблазнился, слыша слова, которые говорил вам тот мирянин. Я думал, и вам слушать это мерзостно?

О. Александр на это отвечал ему:

— Я не слыхал ни слова, — в это время ум старца был занят молитвою, — и ты хорошо сделал, что ушел; не нужно бы совсем слушать с самого начала: немощные духом бегают от этого...»

Как прекрасна добродетель блаженного старца!.. Этот душистый мед целомудрия и чистоты в его устах и в сердце по сравнению со зловонной сукровицей, истекающей изо рта еще при жизни у разных знаменитых гениев и вождей человечества!..

-147-

§ 4. Любовь «первая» и любовь «мистическая».

Я сперва буду говорить о первой из них. В быту и литературе принято считать эту

любовь за столь невинную и даже «святую» вещь, что об этом периоде своей жизни вспоминают, как о чем-то таком, о чем можно отзываться только с «благоговением» и к чему нужно относиться как к «таинству». Тут, говорят, и женщина-то не при чем¹, следовательно, и никакой страсти нет. Я знал многих, в общем скромных, юношей и девушек, которые *искренно скорбели и печалились* о том, что они «несчастливы в любви». Девушки всеми силами ищут себе «идеала» и «героя», для которого хотели бы стать «чистой подругой» и которого могли бы полюбить за его «светлую душу», а юноши ищут «чистую девушку», которой могли бы «посвятить» всю свою жизнь, не требуя взамен «ничего»; но и те и другие не находят желаемого². Одним словом, первая любовь — вещь только добродетельная, и ничего чувственного и постыдного в ней нет. Первая краска на щеках влюбленных, скорее, возбуждает, даже со стороны старших, желание

подтрунить над ними, чем опасение или печаль за осквернение и потемнение непорочных доселе душ.

Но люди, конечно, понимают дело по-своему, очень грубо, и забывают слова нашего Спасителя, что *всякий — πας, — кто смотрит только — οβλεπων — на женщину с вожделением, уже — ηδη — прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). (Понятно, и к женщинам это относится. Господь, как говорит св. Иоанн Златоуст, «везде полагает общие законы и, говоря в назидание главе, то есть мужу, вместе дает наставление и всему телу, то есть и жене. Ибо Он знает, что муж и жена суть единое существо, поему нигде и не различает пола»³.)

Что же касается самого *вожделения*, то вовсе не значит, что если оно не будет иметь крайней цели — плотского совокупления, то потеряет от этого свой «страстный» (в святоотеческом смысле) характер. Не только поцелуи, но и простые мечты о любимом лице, без всякого физического возбуждения, есть уже страсть.

«Не забывайся, юноша! — говорит св. Иоанн, равноангельный отец горы Синайской. — Я видел, что некоторые от

-148-

души молились о своих возлюбленных, будучи движимы духом блуда, и думали, что они исполняют долг памяти и закон любви»⁴. (Речь идет о молодых монахах, уже распроставшихся с миром и полагавших, что в сердце у них не осталось никакого пристрастия к нему, ибо не чувствовали этого пристрастия; а не понимали они, что враг с ними, но только притаился и явно не видим.)

И у нас во скольких поминаниях записаны у людей, начавших спасаться, имена их прежних возлюбленных под предлогом обязанности молиться за всех в силу Христовой любви! Много можно бы, если не должно, говорить по этому вопросу. Но кто стяжал чувство человека, положенного после своей смерти в передний угол, — пусть у его ног бьется в истерике и его возлюбленная, допустим и это, — кто стяжал, говорю, это *чувство мертвости по отношению к миру, выражающее истинное направление и состояние нелицемерно подвижающегося*, тот поймет меня и без этих слов. А кто не имеет подобного чувства, тот — увы! — далек от чистоты сердечной, далек от надежды спасения, далек от того, чтобы надлежало понимать и понять когда-нибудь прекрасные слова Евангелия, требующие сокрушения сердечного, а не остроты ума!.. Все это — кощунство и издевательство над словами Христа и Евангелием, а не исполнение Его заповедей, и требует, с точки зрения правильного спасения и истинно христианской чистоты, уврачевания и горьких покаянных слез.

В миру — возвращаюсь к прежней мысли — говорят, что первая любовь чиста и невинна.

Да и по существу дела, в силу естественного развития душевно-телесных чувств и самой жизненной практики, благодаря козням невидимых врагов, должно ожидать известной последовательности в развитии этого порока. Не сразу, конечно, демон блуда посылает человека к публичным женщинам, но соблюдает тоже своего рода воздержание и постепенность. Ее мы и наблюдаем. Само выражение «первая» (любовь), показывает, что в запасе у него их много.

Шила в мешке не утаишь — говорит пословица. Как ни прикрашивай дело и ни нахваливай, оно себя само покажет, какое оно есть. И если мы обратимся к тем

же писателям и ученым, которые на словах внушают обществу мысли о чистоте и невинности первой любви, которой нечего-де опасаться, потому что здесь и женщина ни при чем, и это

-149-

чувство скорее «дружбой» назвать должно, чем любовью (отсюда так называемая «платоническая» любовь начало берет), и что, наконец, здесь половое чувство в прямом смысле всегда отсутствует и так далее, то на деле увидим у них совсем другое. Все действия, слова и помыслы влюбленных в их произведениях носят явно чувственную окраску. Еще Сапфо⁵ так описывала свое состояние первой любви:

*Милая матушка,
Прясть не могу я,
Мне не сидится:
Ноя, тоскуя,
Сердце томится
Здесь взаперти!
Ниточки рвутся,
Руки трясутся,
— Милая матушка,
Дай мне уйти!..*⁶

Известно чувство грусти у юношества, усиливающееся при наступлении весны и с пробуждением природы от зимнего сна. Пресловутые «лунные ночи», «душистая сирень», «соловьи» доводят его иногда до настоящей скорби. Психолог профессор И. Сикорский не считает нужным скрывать своего мнения на сей счет и говорит, что это «зависит от стыдливого сознания в себе физической природы». «Этого вида грусть, — добавляет он, — нередко усиливается появлением сновидений, раскрывающих чувственную сторону грядущих событий»⁷. Здесь уже слишком много сказано для охранителя интересов цивилизации.

Содержание романа «Греза» (Le Rkve)* (Название книги и нижеследующие цитаты из нее епископ Варнава дает в собственном переводе. — Прим, составителя.) Эмиля Золя показывает ясно, какая неудобоваримая вещь эта первая любовь, когда писатели хотят ее идеализировать. Но приведу несколько строк из истории этого произведения, чтобы стало понятнее, о чем идет речь, и чтобы лучше можно было уразуметь, как сама-то мысль о чистых отношениях между мужчиной и женщиной могла прийти в голову такому писателю, как Золя.

Дело в том, что натурализм сего учителя нравственности с появлением на свет романа «Земля» (La Terre) — кста-

-150-

ти сказать, подвергшегося запрету и цензурным урезкам во всех культурных странах и даже на родине автора — достиг высшей степени своего развития. Дальше идти было уже некуда. Реальная правда известных сторон жизни теряла черты художественности и, нарушая принятые в искусстве границы, переходила в порнографию. Казалось, сам Золя испугался той пропасти, которая разверзлась у него под ногами, готовая увлечь его самого и тех, кто за ним следовал. И он написал для успокоения общества новый роман под названием «Греза», совершенно отличный от всех ему предшествовавших, скромный,

целомудренный. Золя обещал, что его «Грезу» смогут безбоязненно читать даже барышни, и свое обещание исполнил. Но что, в действительности, содержит эта книга?

Скажу только, что, несмотря на все старания Золя изобразить чистую, прямо-таки неземную, любовь между молодой девушкой и юношей, получается во всех их отношениях — один грех. Сам автор наконец запутывается в теме и психологии своих героев, когда говорит, что «она [героиня] до того была чиста нравственно, ее девственно непорочная душа до того *надежно* [!] *защищена* *броней неведения добра и зла*, что сама она даже не знала, что и ей когда-то *волновали* душу греховные желания, что она *всем существом своим изнывала под давлением и от жажды любви*, что та *лихорадочная дрожь*, в которую ее порою *бросало по ночам* [хорошенькое неведение добра и зла!] могла быть преступна» (глава XIII). И это было с «Грезой», с «видением, явившимся из незримого мира», с «непорочной», «совершенной праведницей», как называет свою героиню Золя!

Какого же целомудрия после этого требовать «по ночам» у вдов и замужних женщин?⁸ — Горе, если христиане будут жить и руководствоваться по книжкам писателей! Ибо даже в то время, когда они насильно, за уши, притягивают к себе добродетель, стараясь изобразить ее как можно прекраснее, получается все тот же блуд, но в виде «повапленного» снаружи гроба с вонючими, смердящими костями внутри (Мф. 23, 27).

...Понятна теперь запальчивость Э. Фукса, когда по поводу постоянно слышимых разговоров о всяких «дружбах» между женщиной и мужчиной, о «невинных» отношениях юношей и девушек в период полового созревания он наконец не выдерживает и говорит: «"Тесная дружба" между

-151-

зрелыми в половом отношении людьми, гордящаяся отсутствием какой бы то ни было чувственности, в девяноста случаях из ста — несомненная *ерунда* и *иллюзия*. Иллюзия, создаваемая частью из трусости, частью умышленно; в наиболее невинных случаях это самообман»⁹.

Хорошо описывает зарождение этой болезни — разумею «первую любовь», — ее течение, исход и вместе с тем врачевства против нее епископ Феофан (Затворник):

«Самый верх опасностей для юноши, — говорит он в своей «Аскетике»¹⁰, — от обращения с другим полом... В первом своем пробуждении дело это смешивается с потребностью прекрасного, которая со времени пробуждения своего заставляет юношу искать себе удовлетворения. Между тем прекрасное мало-помалу начинает в душе его принимать образ, и обыкновенно человеческий, потому что мы не находим ничего краше его... Созданный образ носится в голове юноши. С этого времени он ищет будто бы прекрасного, т. е. идеального, неземного, а между тем встречается с дочерью человеческою и ею уязвляется. Этого-то уязвления больше всего надлежит избегать юноше, потому что это есть болезнь, и болезнь тем опаснейшая, что больному хочется болеть до безумия.

Как отвратить эту язву? Не ходи тем путем, которым доходят до уязвления.

Этот путь вот как изображен в одной психологии. Он имеет три поворота.

1) Сначала пробуждается у юноши какое-то горестное чувство, неизвестно о чем и отчего, отзывающееся, однако ж, тем особенно, что он будто один. Это —

чувство одиночества. Из этого чувства тотчас отражается другое — некоторая жалость, нежность и внимание к себе. Прежде он жил, как бы не замечая сам себя. Теперь он обращается к себе, осматривает себя и всегда находит, что он не худ, не из последних, есть лицо стоящее: начинает чувствовать свою красоту, приятность форм своего тела, или — нравиться себе. Этим оканчивается первое движение соблазна к себе. С этих пор юноша обращается к внешнему миру.

2) Это вступление во внешний мир воодушевляется уверенностью, что он должен нравиться другим. В этой уверенности он смело и как бы победительно выходит на поприще действия и, может быть, впервые ставляет себе законом опрятность, чистоту, нарядность до щегольства; начинает

-152-

бродить или искать знакомств, как будто без определенной цели, по тайному, однако ж, влечению чего-то ищущего сердца, и при этом старается блистать умом, приятностию в обращении, предупредительным вниманием, вообще всем, чем надеется нравиться. Вместе с тем он дает всю волю преимущественному органу душеобщения — глазу.

3) В этом настроении он похож на порох, подставленный под искры, и скоро встречается с своею болезнью. Взором очей или голосом особенно приятным, как стрелою пораженный или подстреленный, стоит он сначала несколько в исступлении, от которого пришедши в себя и опомнившись, находит, что его внимание и сердце обращены к одному предмету и влекутся к нему с непреодолимою силою. С этой поры сердце начинает снестись тоскою; юноша уныл, погружен в себя, занят чем-то важным, ищет, как будто что потерял, и что ни делает, делает для одного лица и как бы в присутствии его. Он точно потерянный, сон и еда не идут ему на ум, обычные дела забыты и приходят в расстройство; ему ничто не дорого. Он болен лютою болезнью, которая щемит сердце, стесняет дыхание, сушит самые источники жизни. Вот постепенный ход уязвлений!

И само собою видно, чего должно опасаться юноше, чтобы не впасть в эту беду. Не ходи этою дорогою! Прогоняй предвестников — неопределенную грусть и чувство одиночества. Делай им наперекор: стало грустно — не мечтай, а начни делать что-нибудь серьезное со вниманием — и пройдет. Стала зарождаться жалость к себе или чувство своего хорошества — поспеши отрезвить себя и отогнать эту блажь какою-нибудь суровостью и жестокостью к себе, особенно выяснением здравого понятия о ничтожности того, что лезет в голову. Случайное или намеренное унижение в этом случае было бы как вода на огонь... Подавить и прогнать это чувство надобно озаботиться особенно потому, что тут начало движения. Остановись тут — дальше не пойдешь: не родится ни желание нравиться, ни искание нарядов и щегольства, ни охоты на посещения. Прорвутся эти — и с ними борись. Какая надежная в этом случае ограда — строгая дисциплина во всем, труд телесный и еще более головной! Усижь занятия, сиди дома, не развлекайся. Нужно выйти — храни чувства, бегай другого пола, главное же — молись».

-153-

Двумя сходными способами искушает демон блуда, когда хочет действовать более или менее тонко. Один вид искушений направлен против мирян, а другой — против иноков или подражающих их жизни мирян.

Юношам и девушкам, не познавшим еще греха, внушает сперва нежелание плотской сласти на деле, а поддерживает их внимание на туманной мечте, «идеале», заставляет пробавляться только «намекami» на свои чувства, а не выражать их в «признании»; само признание кажется в одно и то же время и желанным, и невозможным, так что когда этот миг начинает приближаться, то влюбленные убегают от него. Не доводить дело до «объяснения», а между тем всеми другими способами, по-видимому самыми невинными (например дозволением себе оказать услугу никому иному из присутствующих, как только любимому человеку, особой внимательностью, предупредительностью, задерживанием глаз, руки при прощанье и прочее и прочее), показывать, что известный человек симпатичен, — в этом находят особую прелесть. И всякие другие бесчисленные изобретения существуют у демонов на этот счет, внушением которых они стараются, повторяю, не сосредотачивать внимания на страстных чувствах и в то же время постоянно *подогревать* их тонко и легонько *волновать*. Отсюда и влечение, и боязнь первого поцелуя, и прочее. Конечно, и побочные причины здесь действуют: естественная стыдливость, внушения ангела-хранителя и другое.

В общем, это состояние влюбленных есть полный блуд, настоящий, но тонкий, в помыслах и в сердце только совершаемый, а не осуществляемый в грубой форме. Все обольщения его заключаются в том особенно, что участвующие в нем сами не сознают, что делают грех (отсюда им ничего не стоит назначить свидание в церкви, здесь же передать записочку и прочее), и думают, наоборот, что они его боятся и избегают...

С искренно подвизающимися монахами и желающими спастись мирянами и мирянками диавол поступает несколько по-иному. Им нечего уже внушать, чтобы они не стремились к плотской сласти, они и сами это знают и хорошо помнят, для того и пошли на подвиг. Как же их взбудоражить и увлечь в блуд? Внушить помыслы срамные? «Это грубо. Подвижник, а также усердный, скромный мирянин на это не пойдут добровольно; значит, если демону на

-154-

них напасть и наполнить их души срамными и нелепыми мечтаниями, то этим он только окажет подвизающимся услугу и предоставит возможность получить несколько новых венцов (при условии, конечно, борьбы и сопротивления блудным помыслам со стороны спасающихся).

И вот враг пользуется более тонким способом. Он лишь примешивает блудную страсть к «идеалу», теперь уже религиозному, но сильно ее не возбуждает. И получается то, о чем выше говорит св. Иоанн Лествичник, — человек как будто молится, а на самом деле совершает блуд, как будто в духовнике видит своего спасителя и единственную в мире духовную опору, а в действительности интересуется и увлекается его личностью. На высших степенях подвига демоны пробуждают мечтательность в человеке, подделывая ее под «озарения Св. Духа», под «божественную любовь», которою горели истинно духоносные отцы¹¹ и преподобные матери. Таким образом возникает любовь, которую я назову «мистической».

В чем же она выражается, в каких действиях и поступках?

Разберем сначала чувства духовных дочерей к своим духовным отцам, а также взаимоотношения братьев и сестер по вере и старческому окормлению. Другие случаи каждый может потом сам разобрать.

Великое дело — духовное руководство. Без него преуспеть человеку невозможно, хотя вообще спастись есть надежда. Посему надо как зеницу ока беречь его чистоту, ибо, зная его ценность, бесы прежде всего направляют свои мины и фугасы под эту крепость. Взять ее — значит взять в плен всего человека. Всякие средства демоны употребляют, чтобы уничтожить или ослабить старческое руководство,¹² в данном случае они стараются осквернить его самой смрадной из страстей. И когда духовные дети (дочери, конечно, в большей степени, чем сыновья, хотя и те, по-своему, страдают той же болезнью) поддаются этому искушению, мы наблюдаем следующую картину.

Прежде всего, центр внимания у них *с плача о собственных грехах и сознания своего недостойнства* даже дышать одним воздухом с какими-нибудь прокаженными и самыми последними, презируемыми в обществе людьми переносится на радость общения с известными наставниками и на *восторги* от их благодатных даров, прозорливости и чудотворения...¹³

-155-

В этом еще блуда, о котором я хочу говорить, нет, но пути ему уже приуготовляются. Вскоре диавол уводит внимание еще дальше от той черты, на которой оно должно стоять, а именно — на *личность* духовного отца. И все под предлогом изыскания благодати. Удобство для врага доставляет то обстоятельство, что благодать неотделима в данном случае от личности, ибо именно чрез последнюю проявляется и изливается на окружающих.

И вот — начинают эту благодать отыскивать везде и во всем и, найдя, интересуются уже не ею, а тем телесным органом, через который они ее получают. Я не отрицаю того, что, действительно, у святых все тело благодатно¹⁴, но внимание *новоначальных* не должно останавливаться на внешнем облике подвижника. Действительно, очи прозорливцев полны небесного огня, но смотреть на них бесстыдно, во все глаза, есть *дерзость*. Руки их при благословении источают для верующих чудотворные токи, но при этом некоторые обращают слишком большое внимание на форму рук благословляющего. А это опять-таки грех.

Если же почитаемый учитель, хотя бы и имеющий высокий сан, не является духоносной личностью, то греха еще больше, потому что развиваться ему ничто не препятствует. Тогда, немного спустя, *всё* начинает «нравиться»: голос (при возгласах), походка, манеры, обращение. Созданный образ заслоняет наконец подлинное лицо духовного отца. Тех, кто не верит в «святость» нашего избранника, мы начинаем *ненавидеть*; кого старец приближает к себе, к тому *ревнуем* и тому *завидуем*. Если есть возможность оттереть этого человека, всячески постараемся сделать это, а недавно пришедших — не допустить к обожаемому духовнику. Если, придя в церковь, не застают почитаемую особу, уходят, *забыв даже перекреститься*.

Но разве благодати в храме не стало, разве Христос ушел из него? Как не вспомнить слова св. апостола Павла: *еси бо своих си ищут, а не яже Христа Иисуса* (Флп. 2, 21). Грустно это у него звучит — «все ищут своего»... Какое им

дело до Христа, им нужно «батюшку» или владыку такого-то!.. Я знаю, конечно, что при батюшке, особенно духоносном, и епископе, легче молиться, ну и будем благодарны за это Богу, а не щекотать свои чувства и не предаваться прелестным восторгам в их присутствии. Не того надо желать, чтобы «светло», «уютно», «тепло» на душе за молитвой бы-

-156-

ло, а чтобы душа наша обрела чувство собственного недостойнства перед Богом и чтобы от сознания своих грехов не осталось места желанию искать утешения и восторгов на земле.

Но в исключительных случаях нездоровое отношение к своему духовнику принимает столь ужасную форму, что требует от человека самого пристального внимания к своим поступкам и перемен в поведении. Ибо неистовствовать, встречая выходящее из храма духовенство, откусывать пальцы (как это пыталась сделать одна из психопаток, позволю себе так назвать этих несчастных, у о. Иоанна Кронштадтского), рвать «на память» рясы, «вынимать след» и тому подобное — всему этому Божественное Писание не учит. Напротив, из Евангелия мы узнаем, что жены, шедшие за Христом, находясь даже в великой скорби, кричали лишь *вслед* — *οπισθεν* — *Ему* (Мф. 15, 23), смотрели на Господа, но *издали* — *απο μακροθεν* (Мц. 27, 55), и если прикасались, то лишь *к краю одежды Его* — *του κρασπεδου του ιματιου αυτου* (Мц. 9, 20). Самое большее, на что дерзали некоторые, испытывая святейшее покаяние и трепещущую от страха благодарность за свое спасение, — это облобызать стопы Его Пречистых ног или только прикоснуться к ним, да и этого иногда не удостаивались, даже несравненная по своей любви к Богу равноапостольная Мария Магдалина (Мф. 28, 9; Лк. 7, 38; Ин. 20, 17).

Я описал только отдельные черты из обстановки, окружающей некоторых, даже духоносных, старцев. Если же подобное происходит вокруг неопытных духовников, что случается часто, то остается лишь прийти в великий плач о душах человеческих, искавших спасения и нашедших вместо этого одну лишь погибель.

Пусть они глубоко подумают над словами аввы Исидора¹⁵, древнего египетского подвижника, сказавшего:

«Ученики должны и любить своих наставников, как отцов, и бояться, как начальников. Ни любовь не должна изгонять страха, ни страх не должен погашать любви».

Святой отец понимает здесь страх Божий, а не человеческий, не тот, который происходит от боязни, что духовник «прогонит» и около него другой это место займет.

Еще большим страхом Божиим должны быть проникнуты взаимоотношения духовных детей. Если ты привязан к старцу, ему вреда не будет, и тебе, если он духоносен, боль-

-157-

ше этого никакой беды не грозит¹⁶, но духовная дружба и братско-сестринские отношения между молодыми людьми не имеют в себе той же нравственной крепости.

Итак, пусть всякий, будучи в духовной овчарне старца, ходит в ней со страхом Божиим, боясь каждый час и каждую минуту пришествия мысленного волка. Пусть наблюдает и то, страхом ли Божиим и любовью ли *ради Христа* мы привязаны к своему пастырю. Мы должны твердо помнить, что испытывание всяких «восторгов», «нервных подъемов» и «оживлений» принадлежит не к истиннохристианскому духовному деланию, но — к прелестному, бесовскому. И так как подобные переживания часто связаны с лицом другого пола, то ощущение «духовной радости» при молитве, безусловно, имеет чувственную подоплеку¹⁷

Нужно во всем ограждать себя страхом Божиим, контролировать каждую мысль. Враг не упускает ни одного случая, чтобы не попробовать, не может ли он соблазнить какой-либо вещью, сколь бы невероятным это дело ни казалось. Таким образом, он не удерживается и от того, чтобы осквернить наше отношение даже к святым небожителям. К последнему искушению я и перейду.

Встречается этот род искушений исключительно на высших степенях подвига или вообще на почве нездоровой мистики и, в частности, у неправославных. У православных же, если спасаются своим чередом, «не борзяся», мне кажется, проявляется разве только в хульных помыслах, но сам человек здесь ни в чем не повинен. Когда же упоминают о том, будто монахини любят молиться преимущественно Спасителю, а монахи — Богоматери, то такие примеры ничего худого не показывают. Если монахиня есть невеста, обрученная пред всею Церковью святым Крестом и Евангелием своему Небесному Жениху, то как же ей Ему не молиться и не иметь в келье на первом месте Его образа? А что касается иноков, то если они и прибегают к заступничеству Царицы Небесной, то не иначе, как потому, что считают себя недостойными обращаться непосредственно ко Господу. Они исполняют волю и желание Его Самого, вручившего Свою Пречистую Матерь любимому ученику, а чрез него и всему роду человеческому, как Ходатаицу о людских грехах и Матерь для сирот. А монах не есть ли сирота, повторяющий на всякий час с пророком Давидом: *Отец мой и мати моя остависта мя,*

-158-

Господь же восприят мя (Пс. 26, 10)? И сам Бог покрывает малых сих... На высших же ступенях совершенства демоны, как от огня, бегут от православных подвижников, разумеющих добро и зло и то, *как* надо молиться.

Что же касается инославных, уклонившихся далеко от чистоты веры (различных сектантов, хлыстов и прочих), или даже и православных, но начинающих не по разуму, «дуром» что называется, «на небо лезть», то демоны здесь жестоко издеваются над гордыми и сластолюбивыми людьми. Особенно много душевных крушений на этой почве происходит в католических монастырях. Несколько примеров такого рода искушений бесполезно будет привести, чтобы показать, как тонко диавол преобразуется во *ангела света* и даже в Самого Христа и чистейшее существо Божественной Любви подменяет человеческой чувственностью.

1. Про католическую святую Маргариту-Марию Алакоквийскую ее биограф говорит, что она физически «изнемогала от любви» при мысли, что любима не простым человеком, а Христом Богом, то есть «превыше всякой меры»¹⁸. Здесь налицо гордость, тщеславие и страстное волнение крови.

2. Про другую, тоже святую, монахиню Бенедиктинского ордена Гертруд (XIII в.) рассказывается:

«Страдая от головной боли (не мешает и это принять к сведению. — Еп. Варнава), она старалась во славу Господа облегчить свои страдания, *держа во рту некоторые пахучие вещества* (наркотики! — Еп. Варнава). Ей *показалось* (тоже замечательное выражение жития! — Еп. Варнава), что Господь милостиво склонился к ней и *Сам находил утешение* в этом запахе. Вдохнув в Себя аромат, Он поднялся и с *довольным* видом сказал святым: "Посмотрите на *новый подарок*, который сделала Мне Моя невеста!"»¹⁹

По поводу этого можно только одно сказать, вместе с В.Джемсом: «Нелепый и ребяческий тон нежных излияний в любви, приписываемых Христу в этом рассказе, свидетельствует об умственном убожестве автора»²⁰. В чем же тут «богословие», спрошу еще я от себя, если у человека дурно изо рта пахнет? Не всякие любовники это у своих возлюбленных терпят...²¹ Впрочем, всю кощунственную безнравственность этого отрывка из «жития» нельзя и измерить...

3. Но с Гертрудой случались еще и не такие вещи. «Однажды во время молитвы в часовне она услышала пение:

-159-

Sanctus, sanctus, sanctus!* (*«Свят, свят, свят...» — литургическое песнопение. — Прим. еп. Варнавы.)

Сын Божий *склонился над ней, подобно самому нежному возлюбленному и, запечатлевая на ее душе сладостный поцелуй*, сказал ей при втором Sanctus'e: "При этом Sanctus'e, прославляющем Меня, *прими в Моем поцелуе всю святость Моей Божественности*"» и прочее, и прочее.

Продолжение сего в следующее воскресение было еще более сладостным и в одинаковой степени отзывающим богохульством (кто хочет, тот сам может ознакомиться с этим местом²²).

4. У католической святой Терезы (была такая же мечтательница), — говорит не без основания цитированный уже мною В. Джемс, — «представление о религии сводилось, если можно так выразиться, к бесконечному любовному флирту между поклонником и его божеством»²³ (никогда не нужно забывать, что во всех случаях «божество» это с маленькой буквы писать должно. — Еп. Варнава).

5. После всего этого не удивительно, что «блаженный» Вентурий не нашел ничего лучшего, как избрать для переписки с монахиней Маргаритой следующий стиль:

«Своей избранной во Христе, дражайшей деве Марии-Маргарите, рабыне Кротчайшего Распятого, — Вентурий шлет привет, сгорая от желания вкусить сладчайший плод ее девственной груди» (начало одного письма)²⁴.

Вот плод расшатанной (иногда даже искусственно, как мы видели выше) нервной и половой систем! Головные боли, обмороки, систематически²⁵ доведенная до иллюзий, галлюцинаций и прямых бесовских явлений мечтательность и неудержимо-бешеная фантазия, истеричные восторги на половой почве — вот результат неправильного духовного делания, результат тем более губительный и плачевный, что считается множеством людей истинным состоянием пришедшего в бесстрастие человека, достигшего полноты меры в созерцании Божественного²⁶.

Прославим Бога за то, что Он сподобил нас стать членами Церкви, где нет подобных явлений и где они бичуются как прелестные и срамные. Не знаю, можно ли вне нее спастись, но всячески уверен: достигнуть вне нее совершенства — немыслимое дело.

-160-

§ 5. Страстная (плотская) любовь. Блуд в собственном и широком смысле.

Люди обычно не ограничиваются мысленно-сердечно-словесным развратом, о котором говорено выше. Они стараются осквернить еще и тело. К этому, собственно, и клонится все дело. Этою любовью переполнены все романы, ею заканчиваются «платонические» отношения и «поэтическая» любовь юношества. На эту любовь люди, не задумываясь, меняют свое спасение и сравнивают ее кощунственно и богохульно с той страшной и непостижимой Божественной Любовью, ради которой Господь принес Себя в жертву за грехи мира, чтобы очистить его от скверны (Ин. 3, 16).

Сравните у Лермонтова:

Что мне сиянье Божьей власти

И рай святой?

Я перенес земные страсти

Туда с собой...

(«Любовь мертвеца»).

О необходимости похоти и блуда для создания великих шедевров искусства и для «духовного» прогресса культуры сам мир так говорит¹:

«Поэт и художник нуждаются в божественном образе... Естественно, что этот идеал воплощается в женских формах, так как одна возвышенная любовь способна зажечь все лучшие мощные силы гения. Чем была Беатриче для Данте, тем же была Лаура для Петрарки, Виктория Колонна для Анджелло Буонаротти*(*Микеланджело Буонарроти), Клара Виск для Роберта Шумана, Матильда Вэзсидон**(** Матильда Ведендонк.) для Рихарда Вагнера. Не будь прекрасных живых женских образцов, мы не имели бы тех произведений, которые они пробудили в умах художников, "которых божественной рукой взлелеяли и создали любовь и дружба"».

Коротко можно сказать о нашем веке словами преподобнейшего — *οσιωτατος*² — Климента, знаменитого в древности пресвитера Александрийской Церкви:

-161-

«В настоящее время, — писал он в конце второго века по Рождестве Христовом о языческом, окружавшем первых христиан, обществе, — жизнь людская отличается крайней разнузданностью нравов. Грех разросся чрезвычайно. По городам разлилась всякого рода безнравственность и уже стала обычной. При домах терпимости стоят женщины и торгуют пред любострастием своим телом... Мужчины противоестественно принимают на себя роль женщин, женщины — мужчин. Есть женщины замуж выходящие, но есть и женящиеся. Все пути к любострастию открыты...

Жалкое зрелище! О, возмутительный образ жизни! Столь прекрасные плоды производит общественная жизнь наших больших городов: мерзости, непотребства, уличных женщин. О, жизнь беззаконная!»³

Как святая Церковь смотрит на все это?

Уже в Ветхом Завете было сказано: «Не прелюбодействуй» (Исх. 20, 14; Втор. 5, 18). В Новом же — Господь заповедует: «*Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*» (Мф. 5, 28).

И если в Ветхом Завете нарушение заповеди о целомудрии вызывало страшные наказания и горькие последствия (Быт. 6, 2-7, 13; Числ. 25, 1 и след.; Суд. 16, 4; 1 Цар. 2, 22 и след.)⁴, то в Новом — казнь еще страшнее (Евр. 6, 4-8; 12, 14-29; Откр. 22, 15).

Столпы и светила Церкви всегда старались выяснить всю тяжесть душевно-телесного падения⁵ и в то же время стремились всеми способами — лаской, убеждением, прещением, угрозами, отлучениями — отвести от блуда своих духовных чад.

Бессловесное, срамное похотение, говорит св. Симеон Новый Богослов⁶, «воистину есть самый злой враг действительности Святого Духа. Избежим осквернения души, причиняемого такого рода страстными движениями, избежим... и самого отвержения и гнева Божия...»

А св. Иоанн Златоуст своим огненным словом так уязвлял совесть молодых людей своего времени, ходивших к публичным женщинам. (Слова его относятся, конечно, и к нашим, так называемым честным женщинам, удовлетворяющим похоть свою и чужую вне законного церковного брака. Ибо «любовница» от проститутки, даже по строгому людскому мнению, отличается только степенью позора.)

-162-

«Одежду, которую носит раб, конечно, ты не согласишься когда-либо надеть, гнушаясь ею по причине нечистоты, но лучше согласишься быть нагим, нежели пользоваться ею, а тело нечистое и скверное, — дерзновенно гремит глас великого учителя⁷, — которым пользуется не только раб твой, но и другие без числа, ты будешь употреблять во зло и не будешь им гнушаться? Вам стыдно стало слышать это. Стыдитесь дел, а не слов. Я умалчиваю о всем остальном... Скажи мне, не к одной ли и той же ходишь и ты, и раб твой? И, о, если бы только раб, — но ведь и палач! Ты не решился бы взять палача за руку; между тем ту, которая была с ним одно тело, обнимаешь и целуешь — и не трепещешь, не боишься? Не стыдишься? Не краснеешь? Не смущаешься? Говорил я вашим отцам, что скорее надобно вас женить. Впрочем, и вы не изъяты от наказания. Если бы не было много других юношей, целомудренно живущих и прежде и ныне, то, может быть, нашлось бы для вас какое-нибудь оправдание; но так как они существуют, то как можете сказать, что мы не были в силах подавить пламя вожделения? Те, которые могли преодолеть, будут вашими обвинителями, потому что они одной с вами природы. Послушайте, что говорит Павел: *Мир имейте и святыню*, без которой никтоже узрит Господа (Евр. 12, 14). Ужели эта угроза не может утешить вас? Видишь, что другие всю жизнь хранят целомудрие и живут в чистоте; а ты до юношеских лет не хочешь потерпеть? Видишь, что другие

тысячекратно препобеждали похоть; а ты и однажды не устоял? Если хотите, я скажу причину. Не молодость тому причиною, потому что тогда все юноши были бы невоздержны; но мы сами себя повергаем на костер. В самом деле, когда ты войдешь в театр и сядешь там, услаждая взор свой обнаженными членами женщин, то, конечно, сначала будешь чувствовать удовольствие, но потом сильный воспламенишь в себе жар. Когда видишь женщин, являющихся как бы в образе обнаженного тела; когда и зрелище, и песни не что иное выражают, как только одну гнусную любовь, именно: такая-то, говорят, полюбила такого-то и не имела успеха и удавилась; когда предаются даже преступной любви к матерям; когда все это принимаешь в себя и чрез слух, и чрез женщин, и чрез образы, и даже чрез стариков-мужчин... то как, скажи мне, можешь ты после этого быть целомудренным, когда такие рассказы, такие зрелища, такие слухи об-

-163-

держат твою душу и потом уступят место таким же сновидениям, потому что душе прирождено видеть во сне призраки многих таких вещей, которых она днем ищет и желает?

Итак, если там и дела видишь срамные, и речи слышишь еще срамнейшие, если раны получаешь, а лекарства не принимаешь, то как, в самом деле, не увеличиться гнилости?..»

«Мы хуже язычников, — заключает святой отец, — и потому должны стыдиться. Проводить жизнь в целомудрии легко, если захотим, если будем удаляться от того, что вредит».

Из всего вышесказанного необходимо следует, что и в *дисциплинарно-каноническом* отношении блуд должен расцениваться очень строго.

Нужно сказать несколько слов о самом термине «блуд», который обычно понимается у нас в общежитии (и дальше у меня во второй половине параграфа) в широком смысле, именно в значении правонарушений, относящихся вообще к плотской страсти. Но на церковно-юридическом языке блудом называется не просто удовлетворение похоти с кем-либо, а лишь такое, которое происходит между мужчиной и свободной от брака женщиною, то есть при котором не наносится обиды и ущерба третьему заинтересованному лицу⁸.

Таким образом, этим кладется существенное различие между *блудом* и *прелюбодеянием*. В последнем случае наносится оскорбление чужому брачному союзу. Следовательно, блуд содержит одну вину, а прелюбодеяние — две: отсюда, как увидим ниже, и время покаяния и епитимий разнятся: за блуд полагается отлучение от Св. Тайн на одно число лет, а за прелюбодеяние — на вдвое большее⁹.

Также должно рассуждать и о скотоложестве и мужеложестве. Пороки эти составляют вид прелюбодеяния, а не блуда, ибо в них также двойная вина, а именно: «...причиняется обида чуждому роду, и притом вопреки естеству»¹⁰.

Епитимия блудникам положена, в зависимости от степени раскаяния¹¹ и общественного положения согрешившего¹² и самого состава преступления, разная, именно: отлучение от Св. Тайн на срок от трех до десяти лет. В частности, за растление своей собственной жены до брака полагается четырехлетнее наказание.

Монашествующие и давшие обет девства несут более строгое наказание. Они судятся как прелюбодейцы, то есть в *двойной* мере, ибо обручились Христу¹³.
Духовное

-164-

лицо, обличенное в блуде, в каком бы сани ни находилось,
лишается его¹⁴.

* * *

Выясним теперь внутреннюю, психологическую, основу и действие блудной страсти, независимо от того, на кого она направлена: на себя ли, на окружающие предметы, на людей или животных...

«Все бесы покушаются сначала помрачить наш ум, а потом уже внушают то, что хотят; ибо если ум не смежит очей своих, то сокровище наше не будет похищено. *Но блудный бес гораздо больше всех употребляет это средство.* Часто, помрачив ум, сего владыку, он побуждает и заставляет нас и пред людьми делать то, что одни только сумасшедшие делают. Когда же, спустя несколько времени, ум истрезвится, тогда мы стыдимся не только видевших наши бесчинные действия, но и самих себя за непристойные наши поступки, разговоры и движения и ужасаемся о прежнем нашем ослеплении; почему некоторые, рассуждая о сем, нередко отставали от этого зла»¹⁵. Некоторые святые отцы утверждают, напротив, что срамные помыслы и похоть рождаются от *телесных чувств*.

«Весьма часто, — говорят они, — худые помыслы получают вход в сердце от приятного взгляда, или от осязания руки, или от обоняния благовония, или от слышания приятного голоса»¹⁶.

Вот свидетельство от противоположной стороны, со стороны человека, который проходил «науку страсти нежной» под руководством самого блудного беса.

Овидий¹⁷, не пропустивший в своем знаменитом *Ars amatoria* («Искусство любить») ни одной мелочи, которую бы нельзя было так или иначе пустить в дело в целях оболыщения и обладания женщиною, между прочим, говорит, что часто «пустяки действуют на легкий ум. Многим [ухаживателям] бывало полезно лишь поправить подушку [на которой сидела дама]¹⁸ ловко рукою», чтобы подвинуть блудное намерение на добрую половину ближе к желаемой цели.

Parva levis capiunt animos. Fuit utile multis,

*Pulvinum facili composuisse manu**¹⁹

(*«Глупеньких можно завлечь пустяками. Так, например, многие выигрывали оттого, что любезно поправляли рукой подушку». (Перевод В. Алексеева. СПб., 1914.) — Прим составителя.)

-165-

Но в общем, лучше не рассуждать о сокровенных движениях страстей, ибо, с одной стороны, не всегда соответствующий порядок у демонов соблюдается (Притч. 14, 6), а с другой — и бесполезна для многих эта тонкоразборчивость помыслов. Гораздо безопаснее пребывать им в блаженной простоте, охраняемой смирением. Важнее исследовать ближайшие и непосредственные причины блудной страсти.

«С новоначальными телесные падения, — говорит св. Иоанн в своей «Лествице»²⁰, — случаются обыкновенно от наслаждения снедами; со средними они бывают от высокоумия и от той же причины, как и с новоначальными; но с приближающимися к совершенству они случаются только от осуждения ближних».

Из последнего видно, куда должно быть направлено внимание человека, чтобы не впасть в ров бесчестных страстей. Прежде всего, *особенно новоначальному* нужно не давать потачки сластолюбивой плоти. Пусть он вспомнит, что святые угодники Божий даже в старости не попускали себе услаждаться чревоугодием, избегали мягкого ложа и спали на голых досках, одевались в худые ризы. А они уже давно очистились от страстей и могли бы позволить себе и менее жесткие условия жизни. Только в случае необходимости, для того чтобы не соблазнять собою немощных, но желающих спасения людей из высшего класса, они вместо грязной, дырявой одежды надевали роскошное платье (как, например, Иоанн Кронштадтский²¹ и другие).

Но одного не нужно забывать: как целомудрие выше естества человеческого, так и окончательная победа над блудом зависит не от нас, но есть дарование Божие. Дарования же Божий вмещаются только в одних смиренных, посему *без смирения избавиться от блудной страсти невозможно*.

Итак, вот *главные средства против сего беса* в порядке их легкости, действенности и могущества.

«Кто телесными трудами и потами ведет брань с этим соперником, тот подобен связавшему врага своего слабой веревкой. Кто воюет против него воздержанием и бдением, тот подобен обложившему врага своего железными оковами. А кто вооружается *смирennemудрием, безгневием и жаждою*, тот подобен убившему своего супостата и скрывшему его в песке [Исх. 2, 12]. Под именем песка разумей смирение, потому что оно не произращает пажити для страстей, но есть *земля и пепел* [Быт. 18, 27]»²².

-166-

Нельзя не упомянуть еще о том, что некоторые пытаются иногда победить в себе страсть увещаниями и рассуждениями. Но, конечно, это напрасная попытка. Ибо кого хотят они убедить, что совершаемое ими худо? Себя или демонов? Если демонов, так их не проймешь, а если себя, то пусть таковые не забудут, что силы в этой мысленной борьбе слишком неравны. На нашей стороне один немощный голый ум, или рассудок, а на противной — бесы, то есть не просто *умы*²³, но *умы* могущественные, и затем наша же плоть, предательница и пособница бесам²⁴.

Светская литература — это зеркало людских пороков и неисчерпаемая сокровищница человеческой глупости — предоставляет в распоряжение изучающего страсти обильный материал. И, в данном случае, я почерпну из нее несколько примеров и фактов, наглядно иллюстрирующих вышеуказанные положения.

Как бес блуда смеется над всеми естественными средствами борьбы с ним человека и не боится никаких логических доводов²⁵, видно из дневника Роберта Грелу (из романа «Ученик» П. Бурже)²⁶.

Вот с сокращениями это место.

«Я употреблял все усилия, — пишет он, — для того, чтобы философ убил во мне влюбленного. Я рассуждал: "Я знаю законы душевной жизни. Я не могу применить их к Шарlotte, потому что ее нет здесь. Но я могу применить их к самому себе..." Я обдумывал: "Есть ли средства против любви?" И отвечал: "Да, есть; я их найду"²⁷. Я обсуждал проект выздоровления, применяя метод математического анализа. Я разлагал эту проблему на составные элементы, сообразно с приемами геометров. Я спрашивал: "Что такое любовь?" И грубо отвечал: "Любовь — это половая потребность"²⁸. Чем ее убить? — Физической усталостью, которая ослабит работу воображения».

Далее описываются «подвиги» этого философа, когда он «стал много ходить», когда его «будили к двум часам» утра и он шел, «куда глаза глядят, шагая почти с бешенством»²⁹, выбирая самые крутые тропинки, взбираясь на почти недоступные вершины», где он «рисковал сломать себе шею». Но все было напрасно. *Физическая усталость сменялась упадком сил, но страсть не проходила.*

«Я страдаю от мыслей о ней, — сказал я однажды. — *Попробуем побороть мысль мыслью*», — читаем дальше в дневнике.

-167-

И Грелу теперь «стал стараться переместить центр своего мышления». «Погрузился в научные занятия и меньше, чем в 15 дней, проштудировал с пером в руке 200 страниц "Физиологии" Бонн, и притом самых трудных [для него], трактующих о химии живых тел». Но эти занятия обессилили только его ум, сделав Грелу еще менее способным сопротивляться навязчивым идеям. «Я понял, — говорит он, — что все было напрасно».

Ошибка нынешних людей заключается в том, что они думают, что страдают только «от мыслей», а на самом деле еще и от бесов. Последнее они чувствуют, но не хотят признавать. Так, когда пытаются победить мысль мыслью, то видят, что противные мысли — не просто мысли, но мысли «навязчивые», то есть с которыми сладу нет и перед которыми человек бессилен, которые не связаны никакой логикой и для него чужды, посторонни и ненавистны³⁰.

А отсюда что следует? Разберу сперва с христианской точки зрения.

Тело бессильно победить мысль, внушаемую демоном, ибо мысль не зависит от тела, хотя и действует на него. Ум победить блудную мысль сам по себе тоже не может, потому что, во-первых, ему противостоит более сильный ум — бесовский и, во-вторых, блудная мысль рождается, собственно, на почве сердца (Мф. 15, 19)³¹ и, следовательно, находится вне пределов досягаемости ума. И сколько бы последний ни грозил, ни пытался посредством логики убедить блудную мысль, что она не имеет права входить без его разрешения в сердце, та (то есть вызвавший ее бес) не боится. Что же остается человеку делать? — Одно: *вооружить самое сердце*, снабдить его оружием борьбы, непобедимым и неприступным для врага. Что же это за вооружение? — *Добродетели* (Еф. 6, 13-18). Тогда демон, не находя для себя места в сердце человека и никакой почвы, чтобы сеять на ней свои плевелы, поневоле должен будет отойти и, если будет действовать, то только *внешне, со стороны*. Вот почему некоторые из святых *десятки лет* горели огнем блудной страсти (преп. Иоанн Многострадальный³², Пахон³³ и другие), но не были им побеждены и были сердцем чужды его, страдали как бы в чужом теле³⁴.

-168-

добродетели смирения и с нею от всех прочих, приходят демоны и делают с умом и телом человека, что хотят (Мф. 12, 43-45).

Но как в обыкновенной войне бывает, что, если откупиться чем-нибудь от неприятеля, тот прекращает брань, так и в духовной войне: если демонам дают взятки и уступки, они отступают. Однако душе человека это мало доставляет утешения, ибо и в обычной войне контрибуция ложится тяжелым бременем на завоеванный народ. На примерах все это будет виднее.

Продолжаю выписку из дневника того же Грелу.

«Не уничтожится ли зуд желаний с удовлетворением их?» — думалось ему. И вот, «под предлогом семейных дел, — говорит он, — я поехал на восемь дней в Клермон с твердым решением предаться самому бешеному разврату». Циничные подробности я опускаю, но скажу, что средство, как увидим ниже, испытанное и ценимое цивилизованным миром, на этот раз мало помогло: «В результате [одержимый бесом блуда] вернулся домой, переполненный горечью». Взятка была мала и принесла только лишний убыток.

Такие примеры можно бы приводить без конца³⁵.

Напомню еще, как те же средства, что и Грелу, против любви применял, например, герой романа О. Мирбо «Голгофа», кощунственного уже по одному заглавию. Как всегда у этого автора, блудные дела изображены здесь крайне откровенно и с неудобными для передачи подробностями. Разница между положениями названных двух героев та, что господину Минтье (у Мирбо) был указан сторонним лицом совершенно правильный выход из его плачевного состояния³⁶.

Совет дает *простая деревенская женщина*.

«Господин Минтье, — говорит она, — почему вы не помолитесь Милосердному Господу? Это бы вас облегчило».

Коротко, ясно и просто.

Но столь действенное средство, предложенное барину верующей крестьянкой, на практике только и применяется что крестьянками. Такой хотя бы тип, как Лиза из «Дворянского гнезда», — явление единичное. А обычно у господ в «дворянских гнездах» были в употреблении иные средства для утишения и погашения возникающих блудных вожделений: они следовали советам Оскара Уайльда и практике Грелу.

-169-

Так, помещик Жадовский (Оренбургской губернии) установил у себя в имении *jus primae noctis*, так называемое «право первой ночи», а иногда и просто брал девушек для растления, если к тому приключалась ему охота³⁷. Таким же образом врачевал свою страсть помещик Страшинский, который в этом отношении зашел даже дальше, так как имел более утонченные и развращенные вкусы³⁸. Деяния же Ветвицкого, управляющего имениями князя Кочубея в Саратовской губернии³⁹, «Карлы», управляющего в имении И. С. Гонецкого⁴⁰, помещицы Кашкаровой, которая не только не запрещала мужу пользоваться *jus primae noctis*, но в случае сопротивления приводимых иногда «малолетних девочек сама помогала ему»⁴¹, и множество других этого же рода⁴² заставляют разумного человека глубоко задуматься над таинственной сущностью нашей души, способной подниматься до

божественной высоты (у святых) и опускаться до *глубин сатанинских* (Откр. 2, 24).

Но если кто скажет, что это преступные, а не нормальные типы, я могу привести подобные примеры и из высококультурной среды. Ведь нормальность цивилизованных людей заключается не в избегании известных вещей, с христианской точки зрения запретных, а лишь в совершении их более приличным образом и под благовидным предлогом.

Так, из записок графа Льва Толстого мы узнаем, что отца его уже «около» шестнадцати лет родители соединили «для здоровья» с одной из дворовых девушек⁴³.

Многие врачи и светила современной медицинской науки тоже придерживаются последнего способа врачевания половой возбудимости, и так как теперь крепостного права нет, то проповедуют *эмансипацию* и *проституцию*. Но нельзя не признать, что это все-таки крайние и исключительные взгляды⁴⁴. «Я еще не видал, — полемизирует с ними известный цюрихский психиатр Форель⁴⁵, — чтобы подобное лечение излечивало нервных больных; но видел зато, что пользовавшиеся этим лечением заболевали в конце концов еще и венерическими болезнями».

Но, конечно, даже и такие ученые, предлагающие средства от блудной брани, не могут подняться выше тех внешних приемов, которыми думал помочь себе Грелу⁴⁶. А посему и блудная страсть остается в миру не поддающейся излечению. И нечего удивляться, что в обществе бытует взгляд,

-170-

что молодым людям невозможно удержаться от блуда, а монашество есть противоестественное состояние... Где же человеку удержаться, когда в миру все кругом направлено не на подавление блудной страсти, а на ее развитие, и когда средства, почитаемые за самые действенные, на самом деле только вспомогательные, а не главные? Когда же Церковь предлагает миру реальные врачевства, он поднимает их на смех...

Скажу теперь о некоторых тонких бесовских кознях, о которых святые отцы предупреждают спасающихся.

1. Перед тем как соблазнить человека, невидимый наставник блуда обыкновенно внушает ему, что Бог человеколюбив и простит за страсть, которая *естественна* для человека. А когда ввергнет в ров греха, этот коварный начинает шептать нам в уши совершенно противоположное: «Ты погиб; Бог — неумолимый Судия, скоро умрешь и не успеешь покаяться, да и сил у тебя нет, чтобы умолить Бога за свои грехопадения». Делают же это для того, чтобы в первом случае легче было вовлечь нас в скверну, а во втором — чтобы привести в отчаяние⁴⁷.

Примеров сколько угодно. Мнение, что «будто страсть, неодолимо влекущая к половым отношениям, представляет нечто вполне *естественное* даже для благородных натур»⁴⁸, довольно широко распространено в культурном обществе⁴⁹, хотя и находит еще противников⁵⁰. Что же касается до обычая демонов приводить человека, уступившего срамной страсти, к потере веры в милосердного Бога или (если павший и так был не совсем верующим) в подавленное состояние с безнадежным взглядом на мир, в котором не может быть

счастья, а есть только одни страдания, то действие этого обычая можно видеть на примере Шопенгауэра. Пессимизм его философии объясняется очень просто. Жизнерадостный дотоле философ настолько беззаботно предавался *естественным* потребностям, что получил наконец сифилис⁵¹. После этого все его мирозерцание демоны затянули черным флером и мировую жизнь представили в виде страшной бессмыслицы.

2. Хотя в состоянии печали и уныния мы и не грешим, но демон доволен, потому что в это время мы не можем приносить как следует покаяния, не можем «ни окаивать себя, ни укорять». А когда несколько успокоимся и острота отчаяния пройдет, тогда наш искушитель подходит и

-171-

снова внушает мысль о милосердии Божиим, чтобы мы опять пали⁵².

3. Иногда блудный бес подступает к нам в церкви и дома, когда видит, что мы особенно расположены усердно помолиться и получить благодатное умиление, вместо этого тонко соблазняет душу принять блудную сладость. Результатом обольщения является самоуслаждение и довольство слезами, самою молитвою, в более грубом виде — пением (сравните наши певческие хоры). Мы забываем — я не говорю про тех, которые и не знали этого никогда, — что слезы, молитва, пение и прочее — только средства для спасения, а не цель, не само спасение. С их помощью нам надо привлечь благодать Св. Духа и построить чудное здание души. А когда оно будет построено, леса (слезы, произнесение молитвенных слов и прочее) будут убраны⁵³. А если благодати Св. Духа мы не получаем, значит, и дом души у нас не строится; тогда что толку и в приспособлениях этих, и в этих вещах, по существу хороших? Плакать можно и сидя над луком, и «Херувимскую» Архангельского может спеть граммофонная пластинка... Итак, христианину нужно следить, не больше ли он хочет доставлять удовольствия себе, чем угождать Богу? Не уподобляется ли он страстному соловью или глухарю на току при своем пении или молитве?..⁵⁴

4. Что видим во сне, того мы никогда не должны стараться припоминать, «ибо и то есть в намерении бесов», чтобы посредством ночных сновидений возмущать и осквернять днем⁵⁵ чистоту наших помыслов.

5. Иногда человек, пребывая в шумном обществе, не испытывает никакого искушения, а когда остается один, то ощущает сильную блудную страсть. С особенной лютостью бесы блуда нападают на монахов, а из них — на безмолвников и пустынников, внушая и первым, и вторым, и последним, что они никакой пользы не получают от своего уединения. Когда человек поверит им и соприкоснется с миром, они сперва, для доказательства внушаемой мысли, отходят от человека, а потом внезапно налетают на него и повергают его в такой глубокий ров бесчестных страстей, о котором он раньше никогда и не думал. «Итак, где мы терпим нападения от врагов, там, без сомнения, и сами сильно боремся с ними» и представляем ценность для них ненавистную; «а кто этой брани не чувствует, тот оказывается в дружбе с врагами» и любезен им⁵⁶.

-172-

6. Должно упомянуть еще об одной разновидности бесовских козней. Эта напасть бывает обычно с монахами или с мирянами, сильно ревнующими о спасении. В этом случае бес блуда надевает на себя совершенно несвойственную

ему личину целомудрия и внушает спасающемуся плач о своей будущей страшной участи. Он наводит на искушаемого им человека «крайнее благоговение и производит в нем источники слез» на молитве и при беседе с женщинами подстрекает учить их памятованию о смерти, о последнем суде и даже хранению целомудрия...⁵⁷ И все это затем, чтобы «эти окаянные, — говорит св. Иоанн Ле-ствичник⁵⁸, — прельстившись его словами и притворным благоговением, прибегнули к этому волку как к пастырю; но окаянейший оный, от близкого знакомства получив дерзновение, наконец подвергается падению»⁵⁹.

7. Не всегда блудные демоны уходят от человека с той целью, чтобы позднее низложить его блудом. Бывает и другое у них намерение — оставить при нем *беса гордости, который один заменяет собою всех прочих*. Последнее мы должны хорошо уразуметь, и если захотим поискать примеры в миру, особенно среди лиц талантливых и ученых, то найдем их более, чем в достаточном количестве. Со спасающимися бывает, что и Господь охраняет их от блудной страсти, когда им приходится замедлить в миру, среди его суетной обстановки. Быть может, их спасает и молитва духовных отцов. Но случается некоторое омертвление в человеке и оттого, что уже прежде он пресытился тем виденным и слышанным, а потому не чувствует остроты брани⁶⁰.

8. В плотской брани между духами злобы есть один бес, быстрее и неприметнее которого нет ни одного. Святые отцы называют движимый им помысл «набегом мысли».

О нем подробно говорилось мною уже раньше⁶¹.

В заключение нужно сказать словами преп. Серафима Саровского⁶²: «Лет до тридцати пяти, то есть до преполовления земной жизни, велик подвиг бывает человеку в сохранении себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям».

«Многие, собрав в молодости многое, — говорит также св. Василий Великий⁶³, — когда достигли они середины жизни и духами злобы воздвигнуты были на них искуше-

-173-

ния, не перенесли тяготы сей непогоды... и подверглись ущербу во всем ими собранном».

Особенно этот «опасный возраст»⁶⁴ середины жизни человека сказывается разрушительным образом на женщине. Жизнь дает каждому наглядные тому примеры. Светская литература тоже уделяет много внимания этой теме. Достаточно упомянуть здесь, кроме Эльзы Линднер, героини книги Михаэлис, еще о несчастной Жермине Ласарте, кошмарную историю которой изобразили братья Гонкуры. Здесь и погружение в нездоровую атмосферу ложной религиозной мистики, основанной на половом влечении к целибатному священнику⁶⁵, и истерические припадки, в сущности на той же почве неудовлетворенного желания, и ее трагический конец, когда она падает «ниже самой природы»⁶⁶.

Можно еще указать на подобные типы у Мирбо («Цветы жизни»), Герцена («Кто виноват?») и у многих других.

Наука знает случаи, когда блудная страсть не переставала мучить даже стариков, и не простых, а гениальных философов и художников. Так, например,

Гете, семидесяти двух лет от роду, сделал предложение девятнадцатилетней девице!⁶⁷

Но унывать не нужно⁶⁸. Там, в миру и у светских авторов в романах, дело действительно безнадежное. Там человек *ходит в ночи* неведения и вне света Христовой Истины и Церкви и посему неминуемо *наткнется, яко несть света в нем* (Ин. 11, 10). А *кто ходит во дни*, то есть поучается во Священном Писании и святоотеческих творениях, а главное, приобщается таинствам церковным и в особенности таинству св. причащения, тот *не поткнется* (Ин. 11, 9). И как бы враг ни старался затмить ему ум и увлечь соблазнами мирскими, *ничтоже успеет... и сын беззакония не приложит озлобити его* (Пс. 88, 23). Нужно лишь терпение. Рассказывали о великой подвижнице Древнего Востока, матери Сарре: тринадцать лет она находилась в сильной борьбе с демоном блуда — и никогда не просила Бога о том, чтобы избавиться от сей борьбы, но только взывала: «Боже мой, помоги мне!» И Господь помог. В последний раз, перед уходом, дух блуда, надеясь запнуть ее хоть тщеславием и гордостью, явился ей телесным образом, когда она вошла в уединенную келью свою помолиться, и сказал: «Победила ты меня, Сарра!» «Не я победила тебя, — отвечала смиренная подвижница, — но Господь Христос»⁶⁹.

-174-

В житиях святых и патериках много приводится случаев, показывающих, что, как бы низко человек ни пал, ему никогда не должно отчаиваться не только в своем общем спасении, но и в возможности преуспевания в духовной жизни⁷⁰. А неверующие и дерзкие, читая эти повести и легкомысленно относясь к ним, сами являются виновниками своей гибели и тем оружием, которое дается им Богом для сражения с противником, закаляют самих себя⁷¹.

-175-

§ 6. Противоестественные пороки (рукоблудие, женолюбство, мужеложство, скотоложство).

Пишущий об этих вещах попадает, как говорит св. Иоанн Златоуст¹, в положение очень затруднительное, даже невозможное: «Выразившись благопристойно, нельзя тронуть слушателя; а чтобы сильнее поразить его, надлежит представить дело яснее во всей его наготы».

Я буду здесь говорить лишь о тех видах и формах противоестественного разврата, о которых говорит само Священное Писание², обо всем же остальном умолчу по заповеди (Еф. 5, 3, 12). Но совсем молчать тоже нельзя, когда не молчат Сам Бог и Его уста — пророки и апостолы. Наступило такое время, подобно самым мрачным и беспросветным эпохам древнего языческого мира, когда стало больше порочных, чем целомудренных, когда вот и цвет общества — молодежь гибнет повально, как мухи осенью, от этих страстей, так что разглагольствовать о каком-то ложном стыде, неприличии, щепетильности или опасности научить пороку незнающих не приходится. Теперь не только «всё» каждому мальчишке и девчонке известно, но они сами являются часто учителями

других, и даже взрослых (стоит вспомнить только детскую проституцию и предлагающих услуги семи-восемилетних девочек).

На Писание, святых отцов и постановления Церкви я буду опираться по следующим основаниям:

1. Все мы обязаны знать и исполнять их слова как *заповеди*, и если так не поступаем, то на Страшном Суде получим вечное наказание вместе с демонами в аду.

2. В них, в этих словах божественных пророков и апостолов и Самого Христа, сказывается наш *приговор* за нарушение заповедей. Как же относиться к нему безучастно?

3. Но мало только знать, что это мерзостнейший грех. Ведь если за него положено наказание, то кто будет настолько безумен, чтобы не справиться, пока еще не пришла казнь, какова же его *мера*? Если в миру этим интересуются прежде всего и в случае ее чрезмерной суровости подают, как говорят, на кассацию, то тем более так следует поступать в духовной области. Правда, здесь нельзя заявить Богу протест, но зато можно и нужно смириться, плакать, просить и умолять Его о помиловании ради любви Его к людям. А соответственно с величиною греха и наказания за него мы должны сораз-

-176-

мерить и *меру* своего раскаяния, своих слез, своей *епитимий*.

4. Только у Церкви мы должны просить лекарств для уврачевания наших страстей и только этими средствами пользоваться как безвредными и совершенно исцеляющими. Обращаться же, *минуя Церковь*, к знахарям, какие бы высокие клички они ни носили — профессоров ли, ученых, докторов медицины и так далее, христианину, особенно в настоящее время, становится прямо-таки вредным³ и во всяком случае *недостаточным*. Ведь дело не в том только, чтобы не совершать греха на деле, но в том, чтобы уничтожить саму страсть и изгладить будущее за нес наказание. Сделать, конечно, это врачи не могут. Итак, нужно знать церковные средства врачевания пороков.

5. Так как больший вред терпит во всем этом все-таки душа, а не тело, то обыкновенно бывает, что по своем обращении от тьмы к свету покаяния она, ужасаясь сделанного, приходит в уныние и отчаяние. Необходимо, следовательно, показать *примеры* того, как люди, подобным же образом впадшие чрез козни диавольские в ров незаконных страстей, не только выходили из него, но и получали совершенное прощение и водворялись в прежнем своем чине духовном, иногда очень высоком.

6. Наконец, знать надо и самые *козни бесов*, посредством которых они искушают нас противоестественными страстями, и ведать, можно ли когда-либо, хотя бы мы и святости достигли, не бояться их.

Малакия, рукоблудие (онанизм, мастурбация *, хиромания, ипсация ** и прочее)

Не льстите себе... — говорит апостол, — *ни сквернителе, ни малакии* — *малакои* — *..Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 9).

* Сокращенное от *мануступрация*: *manus* (лат.) — рука и *stuprare* (лат.) — осквернять, делать блуд.

** Этот термин в недавнее время (1921 г.) был предложен польским врачом из Кракова, доктором Куркевичем. Он понравился и другим врачам (Гиршфельду, Присману), так как более точно определяет существо порока, не всегда совершаемого посредством рук. Ипсация — от латинского *ipse* — «сам»: автор термина хотел отметить, что такой акт совершается человеком над самим собой. (Присман М. Ипсация (онанизм) в освещении современной науки. Берлин: Врач, 1922. С. VIII.)

-177-

Вот приговор рукоблудникам. Отца же их — ветхозаветного Онана — Бог наказал смертью за совершение этого греха (Быт. 38,9-10). *Зло было перед очами Господа то, что он делал*, — говорит Библия про Онана, — *и Он (Бог) умертвил его*⁴. И в настоящее время Церковь, по правилу Иоанна Постника, назначает совершившему грех (мужчине и женщине одинаково) сухоядение и до 100 поклонов на день в продолжение 40 дней.

«Аще же не может сухо ясти, да удержится от причастия (имело значение, когда люди причащались если не ежедневно, то очень часто. См.: "Основы". Отдел III. Гл. 7. § 5. Таинство св. причащения. — Еп. Варнава) одно лето (то есть год. — Еп. В.) и поклонов 50 на всяк день»⁵.

Взаимное рукоблудие наказывается вдвое, то есть восемьюдесятью днями сухоядения (или двумя годами отлучения от Св. Тайн) и пятьюдесятью поклонами на день⁶. С духовных лиц взыскивается еще, конечно, строже⁷.

Бегайте блудодеяния, — повторяет апостол Павел (1 Кор. 6,18), — *всяк бо грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть; а блудяй во свое тело согрешает* — *εἰς τὸ ἰδίον* — собственный организм расшатывает.

«Уже с давних пор половым излишеством приписывали очень серьезное значение, в смысле влияния на центральную нервную систему, — говорит известный психиатр профессор П. Ковалевский⁸. — Дурное влияние этого деяния тем сильнее, чем в более молодом возрасте началось злоупотребление и упорнее продолжалось упражнение. Это влияние злоупотребления отражается как на физической, так и на нравственной и умственной жизни человека. С физической стороны является слабость, разбитость, истощение. В характере — раздражительность, вспыльчивость, скрытность, склонность к отчуждению и уединению, подозрительность и т. п. В умственном отношении — притупление памяти, ограничение сообразительности и вообще умственная отсталость...

Некоторые авторы описывают случаи сумасшествия, обязанные своим происхождением онанизму и мастурбации. Sbitzka говорит, что мастурбаторное сумасшествие является преимущественно у мужчин между 13-20 годами жизни. Пациенты эти слабы, анемичны, с холодными конечностями... Очень часто у таких больных являются затылочные боли... Из психических признаков, крайне из-

-178-

менчивых, можно указать на отсутствие внимания, рассеянность, отсутствие выдержки при какой-либо работе, умственную лень и слабость, боязнь, чтобы по лицу не узнали о пороке, — вообще всякие страхи. В дальнейшем течении является: ребячество, собирание ненужных вещей, писанье глупых дневников и т.

п. Иногда проявляется склонность к самоубийству. В менее выраженных случаях является упадок и ослабление нравственности...

Дгарег говорит, что при онанизме появляется напряжение деятельности фантазии, отвращение от противоположного пола» и так далее.

Дрэпер совершенно верно подметил дело — диавол может довести человека до падения не иначе, как через громадный наплыв блудных помыслов до полного опьянения и отуманивания ими⁹. Причину избегания рукоблудниками женского пола вскрывает ниже преп. Иоанн Лествичник.

«Бесы... ни о чем другом столько не веселятся, как о злосмрадии блуда, и никакой страсти не любят так, как оскверняющую тело»¹⁰. И понятно — почему: «Чистота нас усвояет Богу и, сколько возможно, делает Ему подобными»¹¹.

Но ввергнуть только вообще в блуд им мало. И чем человек чище хочет быть и святее, тем, наоборот, более гнусными страстями бывает искушаем. Таким образом «диавол все усилие, старание, ухищрение, коварство и все свои козни устремляет к тому, — говорит св. Иоанн Лествичник¹², — чтобы проходящие монашеское житие и подвижающиеся на сем поприще, исполненном искушений, были боримы *противоестественными* страстями. Посему часто, находясь в одном месте с женским полом и не будучи боримы плотской похотью, или помыслами, некоторые ублажают себя; а того не разумеют несчастные, что где *большая* пагуба, там в меньшей нет нужды».

«Думаю, что всеокаянные убийцы, — продолжает святой отец, — по двум причинам обыкновенно низвергают нас, бедных, в противоестественные падения: потому что мы везде имеем удобность для таких согрешений и потому что они подвергают нас *большой* муке. Узнал сказанное тот, кто прежде повелевал дикими ослами, а потом сам был поруган и поработен адскими ослами. И питавшийся некогда хлебом небесным после лишился сего блага. Всего же удивительнее то, что и после его покаяния наставник наш

-179-

Антоний с горькой скорбью сказал: "Великий столп пал!" Но образ падения скрыл премудрый муж, ибо знал, что бывает телесный блуд и без участия иного тела»¹³.

Случай, на который ссылается св. Иоанн Лествичник, следующий.

Авва Антоний Великий услышал о некоем молодом монахе, что тот сотворил на пути такое чудо: увидев некоторых старцев, которые путешествовали и от пути утомились, он велел диким ослам подойти и на себе нести старцев, пока дойдут до Антония. Старцы рассказали об этом авве Антонию. А он отвечал им:

— Монах этот, как мне кажется, есть корабль, полный груза. Но не знаю, взойдет ли он в пристань.

Спустя несколько времени, авва Антоний вдруг начал плакать, рвать на себе волосы и рыдать. Ученики спросили его:

— О чем плачешь, авва?

— Сейчас пал великий столп Церкви! — отвечал им старец. Это он говорил о молодом монахе. — Но пойдите сами к нему, — продолжал он, — и посмотрите, что случилось!

Ученики идут и находят монаха сидящим на рогоже и оплакивающим сделанный грех. Увидев учеников Антония, монах говорит им:

— Скажите старцу, чтобы он умолил Бога дать мне только десять дней жизни, и я надеюсь очистить грех свой.

Но не прошло и пяти дней, как он скончался¹⁴.

Видя такую злобу и коварство врагов и зная, что никто не застрахован от падения, мы должны быть крайне осторожны.

«Возлегши на постель, — предупреждает преп. Иоанн в своей «Лестнице»¹⁵, — мы наиболее должны бодрствовать и трезвиться, потому что тогда ум наш один без тела борется с бесами; и если он бывает сластолюбив или исполнен сладострастных мечтаний, то охотно делается предателем».

Поэтому —

«Память смерти да засыпает и да восстает с тобою, и вместе с нею *Иисусова молитва* единопомышляемая; ибо ничто не может тебе доставить столь сильное заступление во время сна, как сии делания»¹⁶.

Вообще же в то время, когда восстают на нас бесы, окружив тучею скверных помыслов и влекуще на грех, «великою помощью служат нам: худая одежда, пепел¹⁷, стояние

-180-

всенощное, голод, жажда, палящая язык и немногими каплями прохлаждаемая, пребывание при гробах¹⁸, а *прежде всего смирение сердца* и, если есть возможность, *отец духовный* или усердный брат, скорый на помощь и *старый разумом*. Ибо я почитаю за чудо, чтобы *кто-нибудь мог один сам собою спасти корабль свой от сей пучины*»¹⁹.

Итак, пусть каждый хорошо помнит, что главное — в *смирении и молитве*. «Представь Господу немощь своего естества, сознавая во всем свое бессилие, и неощутительным образом получишь дарование целомудрия»²⁰.

В заключение упомяну еще вкратце об одном молодом монахе древних времен, впавшем в грех с самим собою и чрез покаяние вчиненном со святыми отцами.

«Назад тому десять лет, — передавал преп. Иоанн, игумен Раифской пустыни, св. Иоанну, писателю «Лестницы», — я имел здесь брата весьма ревностного и такого подвижника, что видя его горящего духом, трепетал и боялся за него дьявольской зависти, чтобы он в быстром течении как-нибудь не преткнул о камень ногу свою, что часто бывает с поспешно ходящими. Так и случилось. В глубокий вечер он приходит ко мне, показывает обнаженную язву, требует пластыря, просит прижигания и изъявляет великое смущение духа. Но видя, что врач хочет употребить не весьма жестокое резание (потому что он достоин был милосердия), повергает себя на землю, хватается за ноги врача, орошает их обильными слезами, просит заключения в Темницу²¹, которую ты видел. "Невозможно мне, — взывал он, — не пойти туда". Наконец он убеждает врача изменить милосердие на жестокость, что в недугующих редко и удивительно. Немедленно поспешает он к тем кающимся и делается сообщником и сострадателем их. От любви Божией уязвленный в сердце печалью, как мечом, он в восьмой день отошел ко Господу и просил, чтобы ему не делали погребения; но я вынес его сюда и *положил с отцами, как достойного*, потому что он, после семи дней рабства, в восьмой разрешился и получил свободу. Некто же [из святых] *достоверно* узнал, что он не прежде встал от худых и скверных ног моих,

как умилолюбив Богa. И не удивительно: потому что, восприяв в сердце веру евангельской блудницы, с таким же упованием, как и она, омочил слезами он смиренные мои ноги, а Господь сказал, что *верующему все возможно* (Мф. 9, 23)»²².

-181-

**Женолюбство (трибадия,* (*От τριβειον — тереть (греч.))
лесбийская или сапфическая любовь,²³ филогиния)²⁴**

Разобранной выше страстью открылся ряд *противоестественных* пороков. Онанизм, такой «невинный», «скромный» порок, как думают многие, по сравнению с открытым блудом с женщинами, является, с евангельской точки зрения, совсем не невинным, а напротив, противоестественным, чудовищным. Что же говорить о прочих извращениях? — Вся хитрость и намерение бесов состоит в том, чтобы так или иначе отвратить человека от другого пола и обратить его вожделение и похоть или на самого себя, или на свой собственный пол (таких лиц в специальных книжках называют гомосексуалистами, уркиндами), или, наконец, на животных и на что угодно другое, *лишь бы была нарушена заповедь, данная Самим Богом* (Быт. 2, 24; Мф. 19, 5-6).

«Смотри, какое большое замешательство произошло с обеих сторон (в мужчинах и женщинах), — говорит св. Иоанн Златоуст. — Люди сделались врагами себе самим и друг другу. Открыта жестокая брань в разных видах и с разных сторон — брань, которая беззаконнее всякого междоусобия; она разделена на четыре рода, которые все суетны и преступны. Так, не двух и трех, но четырех родов происходила у них брань. Рассуди сам. Двоим, разумею жену и мужа, надлежало составлять одно, как сказано: *будете два в плоть едину* (Быт. 2, 24). А это производилось склонностью жить не поодиночке (не особо друг от друга), но взаимно сопрягались оба пола. Дьявол, истребив сию склонность и дав ей иное направление, разделил между собою помыслы и вопреки закону Божию из одного целого сделал две части. Хотя Бог сказал: *будете два в плоть едину*, но дьявол единую разделяет на две. Вот первая брань! Опять каждая из этих двух частей начала брань, как одна с другою, так и сама с собою. Ибо женщины наносили [речь идет здесь о классическом, языческом, мире — Рим. 1, 26-27] поругание не только мужчинам, но и женщинам, а мужчины восставали друг на друга и на женский пол, как бывает в военной суматохе ночью. Видишь ли вторую и третью брань, четвертую и пятую? Но вот и еще брань! Они сверх сказанно

-182-

го восстали на самую природу. Дьявол видел, что самое вожделение всего более соединяет помыслы; посему старался разорвать сей узел, дабы не только противозаконным расточением семени пресечь род человеческий, но истребить, вооружив людей друг против друга»²⁵.

Итак, вопиют к небу и привлекают на себя мщение свыше эти пороки потому, что идут упорно против заповеди Божией. И женолюбство направлено в сторону от природы, повелевающей женщине стремиться к мужчине, а не к женщине.

...*Предаде их Бог в страсти безчестия*, — говорит апостол Павел, — *и жены бо их измениша естественную подобу — χρῆσιν (пользование, употребление) — в презестественную — παρὰ φύσιν (против природы, вопреки естеству) — в противоестественное употребление* (Рим. 1, 26).

Гомосексуальные наклонности проявились у женщин очень рано (разумею *историческую* постановку и датировку вопроса); гораздо раньше, конечно, выступления на историческую сцену пресловутой Сапфо. По крайней мере, известное место у пророка Иезекииля (16, 17-18) свидетельствует об этом. צלמיזכר "цалмей захар, — «мужские изображения» из золота или серебра, о которых идет здесь речь, очень ясно намекают на извращенные склонности женщин того времени. Арабский перевод, назвавший евр. זל прямо собственным именем «membrum virile»*, (*мужской член (лат.)) не оставляет в этом никакого сомнения. Что же касается до «обертывания» и «одевания» этих «цалмей захар» «узорчатыми платьями» (ст. 18), то это может относиться к ритуальным церемониям фаллического культа²⁶, когда женщины дошли до такой степени безумия, что стали обоготворять своих идольчиков и совершать целое богослужение перед ними.

Но если у евреев встречались половые извращения, то тем более они встречались у финикиян, их учителей в то время. У последних они, конечно, распускались махровым цветом, ибо к этому неминуемо приводил их культ, весь пропитанный нездоровой эротикой. А финикияне были первыми «культурными» учителями греков. И вот мы видим, что греческий Милет, в свою очередь, получает в древности пальму первенства за свои изобретения в этой области²⁷. Выражаясь современным языком, Милет взял

-183-

патент на производство искусственных механических приспособлений для удовлетворения извращенных потребностей женщин²⁸.

Таким образом, зараза эта, уже по тем данным, которые дала нам в руки история, древнего происхождения. Возможно, она берет начало еще со времен Содомы и Гомор-ры²⁹. В настоящее время гнусность эта свирепствует между женщинами с меньшей силой³⁰.

Церковь строго взыскивает за этот порок. И если привести здесь соответствующие церковные правила, то женщины (имею в виду, конечно, тех, кто считает себя христианками), может быть, хоть несколько устроятся той муки в аду, которая их ожидает, если они не покаются. Вполне законно и естественно порок этот приравнять к мужеложеству; по правилу св. Василия Великого, Церковь отлучает таковых на 15 лет от таинства св. причащения, что для настоящего христианина есть предание сатане и та же геенна³¹.

Мужеложество (педерастия)

...Такожде и мужие, — глаголет божественный апостол, — оставльше естественную подобу женска пола, разжего-шася похотию своею друг на друга, мужие на мужех студ содевающе, и возмездие, еже подобаше прелести их, в себе восприимлюще (Рим. 1, 27).

Посему —

...мужеложницы — артевокоитал — Царствия Божия не наследят (1 Кор. 6, 9-10; ср.: 1 Тим. 1, 10).

Таких лиц Священное Писание, или, вернее, Бог, называет *псами*, कुवेस (ср.: Мф. 7, 6; Откр. 22, 15).

Со всею определенностью было высказано это положение Богом в Ветхом Завете (Втор. 23, 17-18). Из терминологии еврейского подлинника ясно, что речь идет не о собаках в буквальном смысле, а об извративших свое естество мужчинах. Чудовищность их греха усугубляется тем, что они свой разврат возвели в богослужение³² (как наши *хлысты*).

Хотя последнее исчезло, потому что ни в какого Бога люди теперь не верят, но и в настоящее время мы видим очень странные вещи. Цивилизованные ученые XX века, наряду с осуждением «легких» грехов (в силу минимальной нравственности, присущей каждому человеку), тут же

-184-

стараятся всеми силами обелить и узаконить самый отвратительный разврат. Понятно, конечно, почему — чтобы им не сказали: *врачу, изцелися сам* (Лк. 4, 23).

На одной странице мы читаем у них, что, например, музыкой Вагнера «следует пользоваться с осторожностью» (потому что может возбудить чувственность), а на следующей: «Государство не имеет никакого права обрушиваться своими карами на извращенных в половом отношении субъектов»³³.

Еще пример. Идеализация известных платоновских взглядов на любовь, которую некоторые философы хотят во что бы то ни стало найти даже там, где ее и быть не может, — яснее я не хочу говорить, — всем уже оскомину набила, до того похвальными песнями ей переполнены разные научные книжки. А на самом деле, «король» древнегреческой философии — «голый», говоря словами известной сказки Андерсена. И нам, христианам, нечего бояться* (*Как не боялся и св. Григорий Богослов, когда клеймил всяких Платонов, Сократов, Диогенов и других прямо с церковной кафедры. Восхваляя истинное подвижничество и божественную любовь иноков к добродетели, он говорит, что она, конечно, «уважительнее, чем Сократова любовь к красоте (стыжусь сказать — к отрокам, хотя она прикрывается честным наименованием)» (Творения. Ч. 1. М., 1889. С. 103. Слово первое обличительное на царя Юлиана)) оценивать известные поступки, как они того стоят, хотя бы в них повинны были такие корифеи общечеловеческой мысли, как Сократ и Платон, Софокл и Эсхил. Грязь всегда будет грязь, и никакие хитроумные старания зафилософствовавшегося разума здесь не помогут. И Бэтэ был прав, не побоявшись сказать в лицо ученым, что столпы античной философии и литературы, действительно, голы от всякой добродетели или хотя бы самой общедоступной нравственности и что в основе всех этих «высоких» рассуждений лежит самая гнусная страсть³⁴. Страсть владела даже стариками, и «величайший» Пиндар, будучи уже на склоне лет, сознается, что «при виде юношески прекрасных тел мальчиков он тает, как воск от огня»³⁵.

...Церковь правилом 62 св. Василия Великого в Третьем каноническом послании (к Амфилохию) о мужеложниках постановляет: «Кто показал бесстыдство на мужчинах, тому пусть будет распределено время наказания, как и впад-

-185-

шему в грех прелюбодеяния», то есть должен быть отлучен от таинства св. причащения на *пятнадцать лет*³⁶.

Скотоложество

В Ветхом Завете Бог прямо повелевал предавать смерти повинных в этом грехе.

«Ни с каким скотом не ложись, чтобы излить семя и оскверниться от него; и женщина не должна становиться пред скотом для совокупления с ним. Это гнусно» (Лев. 18, 23).

«Кто смесится со скотиною, того предать смерти, и скотину убейте. Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину; да будут они преданы смерти, кровь их на них» (Лев. 20, 15-16).

В Новом Завете святые первоверховные апостолы Петр и Павел грозят худшим и более грозным прещением — вечной мукой (1 Петр. 4, 3-5; 1 Тим. 1, 1).

Такое строгое наказание в Ветхом Завете было необходимо в особенности потому, что в Ханаанской земле, куда Бог направлял евреев, да и вообще у окружающих народов, распущенность царствовала в ужасающих размерах. Египтянки, например, удержу не знали как в поименованном пороке³⁷, так и вообще в блудодеянии (Быт. 39, 7).

Но нельзя сказать, чтобы и наш век отличался особенной чистотой в этом отношении.

Ибо, как мы видели, в то время как Церковь хочет, чтобы ее члены даже не догадывались о существовании подобных пороков, цивилизация смакует их, доставляет потихоньку средства для питания этих страстей и притом имеет дерзость вслух заявлять, что надо уничтожить проституцию. Каким же образом? — Любовь сделать «свободной», брак «раскрепостить», женщину извлечь из домашней обстановки и поместить в среду холостых мужчин и так далее. Это значит, воспользуясь сравнением преп. Иоанна Лествичника³⁸, в голодного пса бросать мясом, чтобы тот отстал: как будто человек его отгоняет, а на самом деле привлекает к себе. Так и здесь.

В настоящее время *св. Церковь скотоложников принимает в общение после пятнадцатилетней епитимий*³⁹ или более,⁴⁰ *а иногда только при исходе жизни, смотря по возрасту и другим обстоятельствам.*⁴¹

-186-

На этом можно и окончить описание противоестественных страстей⁴². Приведу в заключение слова ангелов, сопровождавших на мытарствах душу блаженной Феодоры после ее смерти. Когда они миновали беспрепятственно блудные заставы, то ангелы сказали ей:

— Знай, что редкая душа минует их свободно: весь мир погружен во зло соблазнов и скверн, все люди сластолюбивы и блудолюбивы... Хвалятся власти блудных мытарств, что они одни более всех прочих мытарств наполняют огненное родство во аде⁴³.

Да сохранит нас от всего этого Бог!

-187-

§ 7. Сребролюбие.

«Большая часть премудрых учителей после описанного нами сладострастного мучителя полагают обыкновенно сего тмоглавного беса сребролюбия. Чтобы и нам, немудрым, не изменить порядка премудрых, восхотели и мы последовать тому же распределению и правилу. Итак, если угодно, поговорим немного о сем недуге, а потом скажем вкратце и о врачевании»¹.

1. Что такое сребролюбие? — Его свойства

По апостолу, сребролюбие есть *идолослужение*. И не раз он произносит эти страшные для христианина слова. *Любостяжание... есть идолослужение, умертвите его*, — пишет он к колоссянам (Кол. 3, 5). *Знайте*, — предупреждает ученик Спасов ефесян (Еф. 5, 5), — *что никакой... любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога*.

Хотя, повторяю, и жестоки эти слова, но нрав сребролюбца, действительно, есть нрав идолослужителя. Он уже не Богу работает, а мамоне, не евангельские заповеди исполняет, а то, что велит мамона².

Бог повелевает: *Прсящему у тебе дай* (Мф. 5,42), мамона: «Что имеет, возьми». Бог повелевает: *Алчущаго напитай* (Мф. 25, 35, 41-42), мамона: «Оставь его». Бог глаголет: *Нагого одей* (Мф. 25, 36, 43), мамона, напротив: «И последнее с него сними». Бог глаголет: *Продаждь имение твое и дождь нищим* (Мф. 19, 21); мамона говорит: «Копи деньги, береги про себя, на черный день...» Бог глаголет: *Не укради* (Мф. 19, 18); мамона, наоборот: «Доставай, как можешь...»³

И, таким образом, скупой и корыстолюбивый во всем отвергает Бога и Его повеления и слушает диавола. Поэтому святые отцы не находят достаточно слов, чтобы заклеить всю мерзость и отвратительность этого порока.

«Сребролюбие есть поклонение идолам, — говорит св. Иоанн Лествичник⁴, — дочь неверия, извинение себя своими немощами... Сребролюбец есть хулитель Евангелия и добровольный отступник».

Бес сребролюбия весьма изворотлив и научает такими же быть и своих последователей. Поэтому можно часто видеть, как страсть эта облекается в самую благовидную фор-

-188-

му и как сребролюбец сам не верит тому, что он отчаянный скупец и любостяжатель.

Обыкновенно у монахов и у подвижающихся в миру скопление в своих руках каких-либо вещей или денег начинается под предлогом благотворения и помощи нищим⁵. А затем, когда человек, имея постоянно под руками те или иные суммы или вещи, от которых раз и навсегда отрекся, постепенно и незаметно пристрастится к ним, демон тотчас же изменяет тактику нападения — «сжимает руку» человека⁶, делает немилостивым его сердце⁷ и доводит своего пленника нередко даже до преступления⁸.

Иногда — как мы видели (и еще увидим) — происходит перепродажа человека одним бесом другому. Так, «есть бес сребролюбия, который часто принимает лицемерный образ смирения; и есть бес тщеславия, который побуждает к раздаянию милостыни; то же делает и бес сластолюбия»⁹. На эти тонкие замечания святого Иоанна Лествичника можно всегда найти достаточно примеров в окружающей жизни, надо быть только внимательным.

Вот один из многих. Поэт А. Фет рассказывает о писателе И. Тургеневе, что когда однажды они ехали вместе из Полесья и речь зашла о материальных средствах (о которых Тургенев «обыкновенно говорил, что он о них и не думает»), то последний «внезапно самым внушительным образом пропищал¹⁰:

— Да вы дайте мне за все мои имения семьдесят тысяч рублей, и я *сейчас же вылезу из тарантаса и стану у вас в пыли у ног* валяться...»¹¹

Но как бы отвратительны и разнообразны ни были свойства сребролюбия, его никак не должно смешивать с обладанием богатством, которое само по себе не делает человека отвратительным и не имеет никакого отношения к спасению, но, употребленное на исполнение евангельских заповедей, может принести человеку большую духовную пользу, ибо, если он не способен ни к каким подвижническим трудам, может легко возместить их делами милосердия.

Что, действительно, все дело не в богатстве, а в пристрастии к богатству, об этом говорится во многих местах Священного Писания. Я приведу только одно выражение Иисуса Христа из притчи о *сеятеле*, которое с первого раза можно оставить без внимания, хотя оно имеет большой смысл. (И, кстати сказать, всегда у нас так: надо бы в Еван-

-189-

гелии каждое слово, каждую букву рассматривать со всех сторон, почему именно так сказано, а не по-другому; ведь ожидалось лучше вот таким-то образом сказать, а мы без внимания пропускаем целые фразы. А если начнем исследовать, то непременно дойдем до сомнения и даже до настоящего богохульства: «Почему здесь так сказано, *теперь* так не делают, это неправильно, это невозможно, это подделано, и этого никогда Христос не говорил, а если говорил, какой же Он Бог...»

Объясняя эту притчу Своим ученикам, Господь между прочим сказал, что одной из причин, по которой люди, слыша слово Божие, не принимают его к сердцу и к делу, является *лесть богатства* (Мф. 13, 22). Не сказал *богатство*, но *лесть* — η αλατῆ (обольщение, обманное действие) — богатства. Как и выше не сказал Господь, что *век сей* подавляет в душе человека благие порывы и пробуждающее их слово Божие, а выразился: *печаль века сего* — η μερῖνα (дума, чрезмерная забота, ломанье головы над всякими непредвиденными обстоятельствами — «как-де проживем, трудно, некогда в церковь ходить, работать надо, сам не достанешь, а с неба не свалится» и прочие безумные вещи...). Вот Христос все это и врачует. Век тут ничем не виноват, и мир не может насильно погубить человека. Можно и в миру жить, и сыном века сего числиться, а заботами его не обременяться и помощи ждать не от него, а от Единого Истинного Отца Небесного. Также обстоит дело и с богатством. Не богатство само по себе бывает причиной гибели человека, а пристрастие к нему. И как точно, метко охарактеризовал Господь это состояние обольщения, назвав его «лестью»! Действительно, что такое удовольствия, слава, роскошь? — Одна только пустота, призрак, мираж в пустыне, прелесть в подвижническом смысле. Говорит пророк-псалмопевец: ...*уснуша сном своим*, «предавшись нерадению и беспечности в жизни», и *ничтоже обретоша еси мужие*, «во время Божественного суда», *богатства в руках своих*, «хотя и были богаты прежде в смертной жизни»¹² (Пс. 75, 6).

Из всего вышесказанного следует, что можно быть очень и очень богатым человеком и в то же время не сребролюбом и можно не иметь лишнего гроша за душою и быть величайшим скрягой, ибо, как говорит св. Иоанн Лествичник¹³, «любостязательный за иглу готов состязаться до

-190-

смерти». В первом случае и богатый может быть величайшим святым (Авраам, Иов и другие), во втором — полная нищета легко сводит в ад. Потому-то и Господь ублажает не вообще нищих, а только *нищих духом* (Мф. 5, 3).

II. В каких формах сребролюбие проявляется?

В начале этого параграфа св. Иоанн Лествичник, назвал демона сей страсти *тмоглавнѣи*. В данном случае блистательный светильник рассуждения следует божественному апостолу, который сказал, что *сребролюбие* — *корень всем злым* (1 Тим. 6, 10). Действительно, существует целая тьма разновидностей страсти любостязания¹⁴. Поэтому я ограничусь разбором наиболее главных и примечательных, находящихся у всех перед глазами, то есть свойственных преимущественно мирским, а не подвижникам. Я буду рассматривать различные проявления этой страсти в зависимости от *количества* или *качества* вождедеваемых вещей или от *напряженности* (интенсивности) влечения человека к ним.

У святых отцов находятся более сложные и тонкие принципы деления и различения разновидностей разбираемой страсти. Так, например, преп. Иоанн Кассиан¹⁵ в болезни сребролюбия различает следующие три недуга (формы): 1) «один тот... который, обольщая бедных, внушает собирать то, чего они и прежде не имели, когда жили в мире» (пример: Гиезий — 4 Цар. 5, 20); 2) «второй тот, который побуждает опять желать и возратить то, что оставили в начале своего отречения от мира» (пример: Иуда — Мф. 26, 15-16; Ин. 12, 6); 3) «третий тот, когда кто в начале отречения от мира по страху бедности и беспомощности не отвергает богатства мира, но сберегает у себя и деньги и имущество, которые должно бы было отвергнуть в начале самоотвержения». Так поступили Анания и Сапфира (Деян. 5, 1-10).

Но, конечно, в той или иной степени и мирские с новоначальными могут извлечь пользу из этих уроков.

1. Сребролюбие в собственном смысле

Святые отцы и великие церковные витии оставили множество блестящих страниц и слов с обличением этой страсти. У Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и других мы найдем тонкое описание любостяз-

-191-

жательных настроений, и потому мне достаточно здесь упомянуть только о главном, основном движении и проявлении сребролюбия. Оно характеризуется тем, что ему «все мало». Любостязатель и сребролюбец — для простоты я буду говорить здесь о них вместе — ненасытны в своих стремлениях. Обладание всеми вещами мира не сможет дать им покой. Рана души сребролюбивой постоянно расстраивается к тому же непрестанной заботой и опасением, как бы какая-либо малость ее добра не попала в руки посторонних и не сделалась источником добра для нуждающихся. И невероятное дело — что веселит других, от того самого сохнет любостязательный, и нет радости ему от того, что дом его — полная

чаша: ведь от всего один убыток, сальную свечку и то нельзя зажечь, сгорит — и нет ее («сало — дело тонкое», как говорит Плюшкин у Гоголя). И в таком душевном устройении пребывает сребролюбец в отношении всех вещей — и дорогих, и дешевых, и нужных, и ненужных, и многих, и немногих. Остальные разновидности этой страсти, о которых скажем ниже, будут, собственно, являться составной частью или следствием сего главного и общего вида.

Болезнь эта так распространена и в то же время отвратительна, что и многие светские авторы дали прекрасное ее описание (Мольер, Пушкин, Гоголь, Крылов и другие).

О силе ее дает понятие, например, то обстоятельство, что даже великие, по признанию культурного мира, философы и моралисты, нарочито проповедовавшие отказ от имущества и «опрошение» до мужицких лаптей, на деле были осквернены сей страстью. Характерна в этом смысле обмолвка графа Льва Толстого в письме к поэту Фету (из Уфимской губернии, «с кумыса», от 18 июля 1871 года)¹⁶: «Край здесь прекрасный... Я, как и везде, примериваюсь, не купить ли имение».

Но мир и не делает попыток освободиться от власти демона сребролюбия, а наоборот, всячески того поощряет. И оправдывает это самыми благовидными предложениями. Так, вопиющая, с точки зрения Священного Писания, несправедливость — прием денег под проценты, в рост, — в культурном быту получила законное право, обставлена до мелочей всякими правилами и обоснована даже наукой: существуют целые факультеты и специальные учебные заведения для поддержания и процветания банковского

-192-

дела. Что пользоваться банком — грех, не приходит в голову самому благонамеренному христианину. Но Слово Божие говорит противное. «В займы давайте, не ожидая ничего», — сказал Господь Иисус Христос (Лк. 6, 35). Дух Святой, чрез Своего пророка, ублажает человека, который *сребра своего не даде в лихву* (Псал. 14, 5)¹⁷.

2. Стремление к роскоши и комфорту

Если человек обладает хоть в какой-либо ничтожнейшей степени художественным вкусом, то начинает искать не просто многих вещей, но дорогих и выдающихся *по своим качествам*. Впрочем, это и от тщеславия может происходить, когда какая-нибудь купчиха, родом из деревни, рядится напоказ в аляповатые, но дорогие платья или полунищая конторщица покупает себе дешевых колец и браслетов из «нового» золота ишивает из плохого ситца кофточек, но непременно «по моде, как у богатых».

На почве этой страсти льется много слез и крови человеческих, но ослепленные грехом не хотят об этом и подумать. Прекрасные представительницы женского пола, не могущие переносить, когда у какой-либо их Мими придавят хвост, совершенно спокойно, без всяких упреков совести носят на себе рубины и бриллианты, которые без преувеличения можно назвать сгустками пота, слез и крови подобных им людей.

На почве этой страсти создается вся та жуткая атмосфера, какую мы видим, например, среди американских миллиардеров. Туалеты, приемы, выезды, курьеры с жалованьем высокопоставленного лица, целый штат прислуги, лакеев,

горничных, дворецких, экономок, секретарей, управляющих, директоров, а также конюшни, оранжереи, яхты, картинные галереи, путешествия и прочее и прочее, — поглощают всю душу человека и составляют весь смысл его существования. Ничему богоподобному, ничему духовному, ничему истинно прекрасному, даже художественному, в мирском смысле этого слова, здесь уже не остается никакого места.

Человек искусственно старается насадить вокруг себя земной рай (оранжереи Гульда, известные всему миру, поглотили, например, целые миллионы) — а рай нет. Шестьсот рабочих и шестьдесят скульпторов, привезенных из Европы, работают в продолжение двух лет, под руководством искуснейших архитекторов, над сооружением дворца

-193-

Вандербильтов (на углу 5-й аллеи и 51-й улицы в Нью-Йорке), дворца, стоившего больше десяти миллионов рублей (за одни бронзовые двери, приобретенные на распродаже в Сан-Донато, заплачено было сто тысяч франков!), но все же от него веет холодом и жутью, — а убогая деревянная келья преподобного Серафима Саровского обвеваает душу теплом и умиротворяет тысячи верующих людей.

Отвратительность сей страсти всегда претила здравомыслящим людям и вызывала с их стороны в той или иной форме порицание. Оригинальную форму такового избрал один философ, о котором рассказывает св. Иоанн Златоуст¹⁸.

Философ этот был как-то приглашен в дом к одной из современных знаменитостей. Дом блистал обильным золотом и сиял красотой мраморов и колонн, пол был устлан коврами. Гость, войдя в чертоги, вдруг плюнул в лицо хозяина. На вопрос последнего о причине наглого поступка он отвечал, что имел необходимость исполнить естественную нужду и, найдя в доме повсюду изящество, был вынужден избрать лицо хозяина...

Впрочем, область сей страсти неисчерпаема, и я на этих немногих строках о ней кончаю.

3. Страсть к старинным и редким вещам (коллекционерство)

Так как предметы страсти в данном случае представляют собой исключительную ценность, то в случае их утраты страсть в особенности болезненно терзает сердце своего обладателя. Иногда доходит она до смешных, хотя и очень грустных и достойных великого плача, границ. Собирают коллекции из марок, чубуков, старых (кому угодно, старинных) детских свивальников, бабочек и даже блох. Можно говорить об этом очень много, потому что здесь и археология как страсть должна быть обличена, когда не только светские ученые, но и люди с богословским образованием и в высоком сане смотрят на каждую икону и священную вещь только с точки зрения археологии, а не благочестия. Таким образом, иконы у них превращаются в настоящих идолов, и, если обстановка храма не «стильна», они не могут молиться.

Страсть коллекционирования настолько иногда сильна, что вконец поработывает человека и делает его сумасшедшим, маньяком. Потому она заслуженно попала в круг

-194-

исследований психиатров. В их трудах можно встретить довольно подробные описания ее разновидностей, но, конечно, как всегда, без всяких даже попыток оказать действительную помощь страждущему человеку.

Так, «Mingazzini¹⁹ разделяет коллекционизм на следующие группы: *моноколлекционизм* — собирание одних и тех же предметов; *поликоллекционизм* — собирание различных предметов без разбора; *моноклептоколлекционизм* — когда крадутся и хранятся определенные предметы» и так далее.

4. Неудержимое стремление к воровству (клептомания)

Страсть эта, прежде всего, хорошо известна психиатрам²⁰, окормляющим, так сказать, мирское светское общество, но можно находить исключительные случаи ее проявления и в истории аскетизма.

Приводимый ниже пример является назидательным еще и со следующей стороны: он показывает, как легко и в то же время пагубно обращать всякую страсть в навык. Начнет человек с пустяков, пристрастится и уже не может отстать. Понимает, что делает гадость, что совершает грех, плачет, мучается, скорбит, старается выкарабкаться из ямы, в которую спустился незаметно для себя и — сделать этого не в силах...

«Хотите ли, я расскажу вам об одном брате, у которого страсть обратилась в навык? — так начал преп. авва Дорофей одну из своих бесед с братьями. — Вы услышите дело, достойное многого плача... Однажды пришел ко мне²¹ некто из братии и сказал мне:

— Прости меня, отче, и помолись о мне, — я краду и ем.

— Зачем же? Разве ты голоден? — спросил я его.

— Да, я не насыщаюсь за братской трапезой, — отвечал он, — и не могу просить.

Я сказал ему:

— Отчего же ты не пойдешь и не скажешь игумену? Он отвечал мне:

— Стыжусь. Говорю ему:

— Хочешь ли, чтобы я пошел и сказал ему? Он говорит:

— Как тебе угодно, господин.

Итак, я пошел и объявил о сем игумену. Он сказал мне:

— Окажи любовь и позаботься о нем как знаешь.

-195-

Тогда я взял его и сказал келарю при нем:

— Окажи любовь и, когда придет к тебе этот брат, давай ему, сколько он хочет, и ни в чем не отказывай ему.

Услышав это, келарь отвечал мне:

— Как ты приказал, так и исполню».

Не могу удержаться, чтобы не прервать рассказ. Сколько действительной любви в этих словах преподобных подвижников: «Окажи любовь»!.. Не забудем, что дело происходило на переломе VI и VII веков, когда монашество и подвижничество еще имело в своей среде величайших святых и аскетов и когда поразительные подвиги самоумерщвления находились у всех перед глазами. В обители преп. Серида спасались в это время такие славные отцы, как Варсонофий Великий и Иоанн, называемый Пророком. Сам настоятель обители был известный во всей Палестине подвижник. И однако, несмотря на все это, какая у них

мягкость, отзывчивость, сколько ласки и снисходительности по отношению к немощным братьям, при суровой строгости к себе! Они не каждый день и помалу ели черствый хлеб, а для других: «Окажи любовь... бери сколько хочешь и чего хочешь». Не наелся на трапезе, ешь после... И — «сколько желаешь»... Не поставляли, значит, особой добродетели в морении других голодом, хотя бы и в целях подвижничества, и не осуждали, если человек не мог вынести тяжести монастырского искуса. Но всячески облегчали ему путь спасения. Лишь бы он не отчаивался и не падал совершенно.

«Проведя таким образом несколько дней, брат этот опять приходит и говорит мне:

— Прости меня, отче, я снова начал красть. Говорю ему:

— Зачем же? Разве келарь не дает тебе, чего ты хочешь?

— Да, прости меня, он дает мне, чего я желаю, но я стыжусь его.

— Что же, ты и меня стыдишься? -Нет.

— Итак, когда хочешь, приходи и бери у меня, но не кради, — сказал ему, ибо у меня тогда была должность в больнице. И он приходил и брал, что хотел.

Но через несколько дней он опять начал красть и пришел со скорбью и сказал мне:

— Вот я опять краду.

-196-

Я спросил его:

— Зачем, брат мой? Разве я не даю тебе, чего ты хочешь?

— Нет, даешь, — отвечал он.

— Что же, ты стыдишься брать у меня? -Нет.

— Так зачем же ты крадешь?

— Прости меня, сам не знаю, зачем, но так просто краду. Тогда я сказал ему:

— Скажи мне, по крайней мере по правде, что ты делаешь с тем, что крадешь?

— Я отдаю это ослу, — отвечал он.

И действительно, оказалось, что этот брат крал куски хлеба, финики, смоквы, лук и вообще все, что он ни находил, и прятал это — одно под свою постель, другое на ином месте, и наконец не зная, куда это употребить, и видя, что оно портится, он выносил это вон и выбрасывал или отдавал бессловесным животным.

Вот видите ли, что значит обратить страсть в навык? Видите ли, какого это достойно сожаления, какое это страдание?.. И хорошо сказал авва Нистерой: "Если кто увлекается страстью, то он будет рабом страсти. Благий Бог да избавит нас от злого навыка..."»

III. Вред, наносимый человеку сребролюбием Уже из предыдущего можно видеть, насколько пагубна эта страсть. Она влечет за собою множество иных страстей, которые совершенно не позволяют душе воспрянуть от дольного к горнему. «Как пес привязан цепью, так и многостязательный, — по выражению преп. Нила Синайского²², — связан попечениями».

Страсти, которыми связывает человека сребролюбие, самые злые. Так, неизменными спутниками всякого корыстолюбца являются *гнев* и *печаль*²³. Как ему не гневаться, ведь у него отнимают любимую или «собственную» вещь? И как не печалиться при ее потере, когда с нею связаны живо все его

воспоминания? Возвыситься до той мысли, что все вещи — Божьи, а не наши, и даны Богом нам во временное пользование для оказания помощи нищим и бедным, чтобы чрез это получить нам вечную жизнь, любостязательный не может. И поэтому при всяком прикосании кого-либо к его вещам у него сразу загорается сердце — «не разбили бы», «не испортили бы», «ведь денег стоит»... Бы-

-197-

вает даже так, что человек, отказавшийся в миру от целого состояния, после, в монашестве, дрожит над ничтожным карандашом, английской грошевой булавкой, не понимая, что впадает в еще более гнусное состояние, чем было прежде (ибо предмет-то пристрастия несравненно презреннее), и совершенно забывая ту высокую цель, ради которой он вышел из мира и посвятил себя Христу.

Отсюда же происходят споры, прекословия, ненависть, хищения, зависть, разлучения, вражды, смущения, злопамятство, жестокость и убийства²⁴.

IV. Как избавиться от сребролюбия?

Читатель должен вдуматься в эту фразу. Ему предлежит труд — а заповедует его Бог — избавиться от *сребролюбия*, а не непременно от стяжаний и богатства. Ибо можно, как я сказал, при богатстве быть не сребролюбивым и, будучи нищим, все время думать о деньгах и мечтать, как бы мы устроили себе жизнь, если бы были сказочными принцами или миллиардерами. Поэтому мы не должны завидовать чужому счастью и зариться на жизнь богатых, как равно и презирать их и негодовать на них, каким бы путем они его ни нажили, хотя бы посредством нашего кровавого пота. А если не так, то в чем будет заключаться высота смирения христианина? Месть — это дело не христианского, а сатанинского учения. В ней нет любви, основного признака евангельского учения, а только — ненависть. Если мы нищи деньгами, но богаты духом, то ничего не теряем, а если наоборот, то, безусловно, сами разжигаем для себя геенну. Богатство не постыдно, а постыдно пристрастие к нему. Итак, прежде всего, устремим свое внимание и все силы на устранение этого недостатка, а впоследствии, если Господь благословит, откажемся и от самого богатства и, наконец, от самих помыслов и желания даже незначительных вещей.

Легко заметить, что существует четыре группы возможных состояний: 1) сребролюбие при богатстве; 2) корыстолюбие при нищенстве; 3) беспристрастие при богатстве; 4) нестяжательность при нищенстве.

О первых двух уже сказано, что они влекут человека на дно адово. Но как стяжать беспристрастие при богатстве?

Для сего нужны²⁵:

Вера. Все заботы о «черном дне» начинаются с забвения Промысла Божия и Самого Бога. На все напоминания о

-198-

Нем у сребролюбцев один ответ: «Сам не будь плох», «под лежащий камень вода не течет». И только тогда успокаиваются, когда припрячут «малу толику», «капитальчик». Впрочем, и тогда не успокаиваются. Кстати, еще одна интересная подробность: сребролюбцы очень трудолюбивы и чужды лени. Если это верующий человек, — впрочем, постоянно можно подобное слышать даже и от

неверующих, — то «он ежечасно воспоминает слово апостола: *праздный да не яст* (2 Фес. 3, 10); и другое: *руце сии послужисте мне и сущим со мною* (Деян. 20, 34)»²⁶. Говорят ему, что в праздник работать грех или что служба в храме идет, а он на это: «Бог труды любит» — и продолжает работать. И, таким образом, верит и надеется на свои силы, а не на помощь Божию. Поэтому, кто одержим сей страстью, должен начинать с обратного, то есть с веры в неусыпный над нами Промысл Божий, никогда не оставляющий истинно работающих Господу.

Память смерти. Кто постоянно помнит о том страшном ответе, который придется ему дать на мытарствах и на Страшном Суде за свои грехи и пристрастия, тот не будет уже привязываться к тленным, ничтожным вещам мира сего, хотя бы они по оценке последнего стоили и колоссальные суммы. Ибо это чистое безумие — прилеплять помысл к вещам, которые погибнут и от которых придется всенепременно каждому отказаться.

Опытное ведение Божественной помощи. Кто приблизился к Богу с помощью двух предыдущих добродетелей, тот скоро начинает на опыте познавать силу Божию и видеть воочию помогающую нам во всем Десницу Господню. И от сего еще более укрепляется в беспристрастии к вещам.

Творение милостыни. Приобретя беспристрастие к вещам, христианин привлекает к себе на помощь против сребролюбивого беса еще более сильное и радикальное средство — он начинает творить милостыню и раздавать свое имущество направо и налево. Он только приставлен к своему имению, так зачем же ему и хранить его и властвовать над ним?

Удаление от мира и нестяжательность. Совершив подвиг милосердия и освободившись с помощью Божией от скорогибнущего, непостоянного богатства, христианин поступает в славное число нищих Христа ради. Он не только отказывается от страсти сребролюбия, но и от

-199-

предметов, возбуждающих последнее. Но нищенство славно, повторяю, только ради Христа, то есть когда соединяется с нищенством (смирением) помыслов. Если же мы деньги свои отбросим, а привязанность и воспоминания о них в сердце своем оставим, то ничего не сделаем дельного. И потому, как ни велик предыдущий подвиг, но ему не хватает еще послушания.

Послушание. Вот последнее и наилучшее средство против корыстолюбия. Ибо как может человек пристращаться к чему-либо, когда он отдал в распоряжение другого не только имущество, но и тело свое?²⁷ И даже помышления.

Но «отсечение своей воли есть кровопролитие, и для достижения сего человек должен потрудиться до смерти и отвергать волю свою»²⁸. Тогда только он может, как и апостолы, сказать Христу: *Се, мы оставихом вся*, — то есть действительно все, не только свои имения, в чем бы они ни заключались, но и свою волю и свои хотения, — и *вслед Тебе идохом* (Мф. 19, 27).

Это уже есть совершенство.

-200-

Глава 3. Душевные страсти (с противоядиями).

§ 1. Гнев.

1. Что такое гнев?

Гнев в своей основе есть законная и нужная человеку способность «раздражительной»¹ части души, которую он как и все прочие, по падении, извратил и сделал, вместо добродетели, страстью. Гнев, по первоначальному плану Творца, должен был быть *энергией, ревностью, рвением*, которое бы «раздражало», то есть приводило в напряжение, «вождевательную»² силу души (пожелание, вожделение, обратившееся теперь <после грехопадения>, подобно гневу, в страсть, именно в похоть) и заставляло последнюю усиленно устремляться горе, к Богу³.

Следовательно, как гнев в состоянии добродетели, то есть в форме божественного рвения, непорочно и законно направлялся до падения³ Адама на Бога (что теперь встречается только у святых), так должно теперь, когда гнев принял вид страсти, направить его на диавола, а следовательно, чрез это и на пороки. Только в таком случае он дозволителен.

«Гнев питай на одного только змия, чрез которого ты пал», — говорит св. Григорий Богослов⁴.

«Памятозлобствуя, памятозлобствуй на бесов и, враждуя, враждуй против твоей плоти непрестанно», — учит другой светильник рассуждения, преп. Иоанн Лествичник⁵.

Однако бывают и исключения⁶, которыми пользоваться ни новонаначальному монаху, ни мирскому человеку не подобает, и потому я их здесь опускаю.

II. Внешняя картина гнева

Прежде чем перейти к описанию внутреннего состояния гневающегося человека, приведу описание внешней картины гнева, чему многие святые отцы уделяют немало внимания, желая изобразить всю гнусность и отвратительность этого порока.

«У желающих за оскорбление воздать оскорблением, — начинает описание одержимого гневом в одной из своих бе-

-201-

сед Василий Великий⁷, — кровь в сердце кипит, бурля и клокоча, как на сильном огне: устремившись на поверхность тела, показывает она разгневанного в ином виде, обыкновенные и всем известные черты его заменив как бы личиной, употребляемой на позорище. У них не узнаешь тех глаз, какие им свойственны и обычны; напротив того, взор блуждает и сверкает огнем. У них зубы скрипят, как у вепрей, когда точат зуб о зуб. Лицо мрачно и налито кровью; все тело надуту, жилы готовы лопнуть, оттого что дух взволнован внутреннею бурей. Голос напряжен и жесток, речь несвязна, вдается в излишества, течет нераздельно, не в порядке, невразумительно» и прочее.

Святой отец нарисовал удивительно точный портрет гневающегося человека. Кому эта картина кажется преувеличенной, тому я приведу для удостоверения еще несколько описаний гнева, расположив их в порядке постепенного нарастания его силы. Примеры эти взяты из научно-медицинской и

художественной литературы нового времени и, несомненно, далеко оставляют за собой случай, описанный Василием Великим.

1. Сперва, однако, укажу на зарисовку этой отвратительной страсти, сделанную еще Гомером, когда он говорит о Зевсе:

*Гневом пылая, он Ату поймал за блестящие кудри,
...рукой завертел и со звездного неба Ринул богиню...*⁸

Картина!

2. «Смуглое, бронзовое лицо его, — пишет Джек Лондон (о Вольфе Ларсене) в своем «Морском волке», — почернело, глаза гневно засверкали. В них не было ни ясности, ни ума — ничего, кроме дикого бешенства сумасшедшего»*. (*Лондон Дж. Морской волк. М., 1915. С. 98.)

3. Descuret⁹ рассказывает об одной 64-летней старухе, которую он видел в припадке гнева, несомненно граничившим уже с беснованием.

«Ее маленькие глазки сверкали, — говорит он, — лицо было налитое, вены на шее широко растянуты; при этом случился сильный припадок кашля, заставивший ее вы-

-202-

плюнуть багрового цвета кровь». Ей помогли тем, что сделали кровопускание.

4. Тот же врач Descuret «приводит случай, когда в продолжение четырех лет одна молодая женщина внезапно потеряла своих *двух детей* и *одного* грудного, потому что кормила их грудью немедленно после припадков сильного гнева»¹⁰.

Пусть над всем этим подумают люди и не удивляются, когда увидят проявления гнева уже в младенческом возрасте: не отравляют ли своих детей (иногда до смерти) этой страстью вместе с молоком сами матери?

5. Гнев бывает иногда так силен, что может привести к смерти самого гневающегося. Так, Вольтер в своих мемуарах говорит, что фаворитка Людовика XV герцогиня де-Шатору «скоропостижно умерла от последствий бешеной вспышки гнева, вызванной ее отставкой»¹¹.

III. Развитие гневной страсти

Теперь вкратце укажу те стадии, через которые проходит гневная страсть при своем развитии.

• Огорчение

Это неприятное чувство, гнездящееся в душе. Например, оскорбили кого-либо, сказали колкое слово и вот, человеку стало больно, к сердцу подкатило, «защипало».

«Кто разводит огонь, — картинно сравнивает дело авва Дорофей, — тот берет сначала малый уголек: это — слово брата, нанесшего оскорбление. Вот это пока еще только малый уголек: ибо что такое слово брата твоего. Если ты его перенесешь, то ты и погасил уголек»¹². *Смятохся*, то есть сразу дух захватило от гнева, — говорит пророк Давид, — *и не глаголах*, смолчал, — и все прошло (Пс. 76, 5).

• Смушение

«Если же будешь думать, — продолжает сравнение авва Дорофей, — "зачем он мне это сказал, и я ему скажу то и то, и если бы он не хотел оскорбить меня, он не сказал бы этого, и я непременно оскорблю его", — вот ты и подложил лучинки или что-либо другое, подобно разводящему огонь, и произвел дым, который есть

смущение... Однако же и его, если хочешь, можешь удобно погасить, пока оно еще не велико, молчанием, молитвою, одним поклоном от сердца».

-203-

• *Раздражительность*

То чувство, которое кратко и в слабой степени (хотя и остро) испытываешь при *огорчении*, теперь начинает бурлить и klokотать в сердце. Сердце, словно от чадающих лучинок, наполняется «дымом» и как будто хочет выскочить из груди. Мысли сталкиваются друг с другом, ввергая ум в смятение: «Зачем он мне это сказал? Да как он смеет? Да я ему покажу!..» Но все же человек и в этом случае еще имеет запас сил для борьбы с собой, хотя ему уже и трудно удерживаться от греха. И пока не поздно, пусть воззовет из глубины души к Тому, Кто некогда запретил буре, после чего мгновенно сделалась тишина (Лк. 8, 24; Мк. 4, 39). — И тогда Бог его помилует. Если же не так, то ты (по авве Дорофею) «уподобляешься человеку, подкладывающему дрова в огонь и еще более разжигающему его, отчего образуется много горящего угля, и это есть уже гнев».

• *Гнев*

Он есть открыто выраженное желание зла ближнему. Гнев может быть как долгим, так и кратким. Преп. Иоанн Лествичник рассказывает, на основании собственных наблюдений, про случай длительного ярко выраженного гнева даже при отсутствии лиц, его возбуждающих. Так как дело происходило со старцами-отшельниками и в то время, когда святые въявь творили чудеса, то восплачут о своем состоянии те, кто для избавления от этой страсти еще не приложил никаких усилий.

«Сидя, по некоторой нужде, близ келий безмолвствующих мужей, — говорит святой отец, — я слышал, как они от досады и гнева наедине злились, как куропатки в клетках, и на огорчивших их, как будто на присутствующих там, на-скакивали...» «И я благочестно советовал им не жить в уединении, — прибавляет великий источник рассуждения преп. Иоанн, — чтобы из людей не сделаться бесами»¹³.

Это и в миру каждый может испытать на себе. Если он наложит на себя на некоторое время подвиг молчания (одновременно с молитвой), то сейчас же демоны начнут искушать его гневом. Такова их практика.

Длительный гнев (даже наедине) описывается и светскими писателями. Так, прислуга в одном из юмористических рассказов Джерома К. Джерома («Миссис Корнер берет свои слова обратно»), по словам автора¹⁴, «постоянно

-204-

находилась в состоянии негодования. Можно было даже слышать, как утром и вечером она молилась с негодованием». К сожалению, писатель-юморист, захотев дать шарж, отразил только истину.

Но не всегда вышеописанные состояния происходят в такой постепенности и с известной продолжительностью. Иногда человек сразу, как порох, вспыхивает сильным жестоким гневом, который, подобно какому-нибудь пожирающему пламени, раздуваемому сильным ветром сопутствующих страстей, сжигает в одну минуту всю душевную ниву. Это новое состояние есть вспыльчивость.

• *Вспыльчивость*

«Не должно быть от нас сокрыто, о друзья, и то, — предупреждает упомянутый блаженный Иоанн Лествичник¹⁵, — что иногда во время гнева лукавые бесы скоро отходят от нас с тою целью, чтобы мы о великих страстях вознерадели, как бы о маловажных, и наконец сделали болезнь свою неисцельною».

Это то, о чем у нас в миру выражаются так: «Он, правда, вспыльчивый человек, но отходчивый». И последним словом хотят извинить, умалить страсть гнева, убавить ее значение. На эту уловку демонскую и надо обратить особое внимание, чтобы не убаюкать себя льстивыми мыслями: мы, мол, и не желали обижать; после ведь и обласкать можно того, кто, по несчастью, под руку попался. Действительно, если причиненную обиду загладить подарками, то обиженные (по крайней мере некоторые) могут этим, в конечном счете, удовлетвориться. Однако подобное положение вещей чревато для самого обидчика опасностью навек погрязнуть в трясине этой страсти, чрез что и подпасть Божьему Суду.

Примером сильной вспыльчивости может служить исправник мелкопоместный барин Михаил Михайлович Поленин у С. Атавы (С. Н. Терпигорева). В обычное время это был «очень добрый и до тошноты *радушный хозяин*». Когда же просили его «усмирить» кого-либо, то он, «ничего не расспрашивая, ничего не узнавая, с ужасным сквернословием накидывался на виновника своего беспокойства, вышибал ему несколько зубов, в кровь разбивал нос и сам чуть не замертво падал тут же». Затем его вносили в кабинет, ставили куда-то горчичники, он надевал чистое белье,

-205-

«и через полчаса Михаил Михайлович уже совершенно спокойно сидел и пил чай с лимоном, немилосердно дымя трубкой»*. (*<Атава С. (Терпигорев С. Я.) Оскудение. «Благородные». Т. 1: Отцы. СПб.-М., 1882. С. 268. Гл. IV. Отхожие промыслы.> -Прим составителя.)

Это темное состояние души граничит уже со следующим, еще худшим — бешенством.

• Бешенство

Самое название уже («бешенство» — от слова «бес») показывает, что человек в этом состоянии уподобляется бесу.

«Душу, приведенную в бешенство гневом, — говорит св. Василий Великий¹⁶, — ни острие меча, ни огонь, ни другое что страшное не сильны удержать почти так же, как и человека, одержимого бесом, от которого разгневанный не отличается ни наружным видом, ни душевным расположением».

Историческим примером может служить жена помещика Ч. из времен крепостного права, засекшая насмерть не одного крестьянина. Помещица эта «была тоже ягода! — Иногда она разозлится, шлепнется на стул, протянет ногу, — пишет в своих воспоминаниях очевидец¹⁷, — и кричит <дворовой бабе>: "Разувай, дай башмак, становись на колени, заложь руки назад!" И начнет башмаком хлестать по лицу! Вид крови приводил ее в совершенное бешенство: как только увидит, что из носу, изо рта или ушей полила кровь, — она вскочит и, уже без памяти, рвет щеки, и губы, и волосы; повалит и, как зверь, начнет и мять, и рвать все, что под ней: щиплет, хлещет, рвет; сама растреплется, раскосматится,

в возне разорвет все и на себе, у рта пена, слюни брызжут — полнейшее бешенство! Оторвется уж только тогда, когда сама выбьется из сил и упадет на стул, совсем обессилив. Откинется на стул, а сама только: "А-а! Б-а! А-а!.."»

• *Злопамятность*

Продолжу цитату из аввы Дорофея, в которой он сравнивает гнев с огнем и углями.

«Как горящее уголье, — говорит он, — когда оно угаснет и будет собрано, может лежать несколько лет без повреждения, и даже, если кто польет его водою, оно не подвергается гниению, так и гнев, если закоснеет, обращается в злопамятность, от которой человек не освободится, *если не прольет крови своей*»¹⁸.

-206-

Под последним святой отец понимает великие подвиги — сердечные воздыхания к Богу и телесные труды до пределов возможного, но более всего молитву от всего сердца о своих врагах: *Боже, помоги брату моему и мне, ради молитв его*.

«Таким образом человек и молится за брата своего, — а это есть знак сострадания и любви, — и смиряется, прося себе помощи, ради молитв его. А где сострадание, любовь и смирение, что может там успеть раздражительность, или злопамятность, или другая страсть?»¹⁹.

В качестве иллюстрации много можно почерпнуть материала из письма знаменитого «непротивленца» графа Льва Толстого к графине А. А. Толстой от 1862 года, августа месяца. Письмо вызвано тем обстоятельством, что в его отсутствие был произведен обыск в Ясной Поляне. И вот граф пишет:

«...Дела этого оставить никак не хочу и не могу. Вся моя деятельность, в которой я нашел счастье и успокоение, испорчена... Народ смотрит на меня уж не как на честного человека, мнение которого я заслуживал годами, а как на преступника, поджигателя или делателя фальшивой монеты, который только по плутоватости увернулся.

— Что, брат? Попался? Будет тебе толковать нам о честности, справедливости, — самого чуть не заковали. О помещиках — что и говорить: это стон восторга. Напишите мне, пожалуйста, поскорей... как мне написать и как передать письмо Государю. Выхода мне нет другого, как получить такое же гласное удовлетворение, как и оскорбление (поправить дело уже невозможно), или экспатрироваться, на что я твердо решился... Я и прятаться не стану, а громко объявлю, что продаю имение, чтобы уехать из России, где нельзя узнать минутой вперед, что тебя ожидает.

Я часто говорю себе — какое огромное счастье, что меня не было дома: ежели бы я был, то теперь наверно бы уже судился, как убийца...»²⁰

Трудно представить, чтобы можно было втиснуть в пространство маленького почтового листка еще больший букет «цветов зла»*. (*Намек на сборник стихов Ш.Бодлера «Цветы зла». — Прим, составителя.)

Тут все: *памятозлобие*, то есть страсть, о которой я сейчас говорю («никак не хочу и не могу»), отчаяние («поправить невозможно», «выхода нет»), сластолюбие (все «счастье и успокоение испорчено»), тще-

-207-

славие («гласное удовлетворение»), уязвленная гордость («народ смотрит, как на...»), честолюбие («заслуживал», да еще целыми «годами»), месть и желание крови врагов («наверно судился бы уже, как убийца»).

Ничего не нужно прибавлять более²¹. *По плодам их*, говорит Господь, *узнаете их* (Мф. 7, 15-16).

• *Еще одно исчадие гнева — ненависть*

«Где оскудевает любовь, там непременно на место ее входит ненависть, — говорит св. Василий Великий²². — А если, как говорит Иоанн, *Бог любви есть* (1 Ин. 4,16), то, по всей необходимости, ненависть есть диавол. Посему, как имеющий любовь имеет в себе Бога, так имеющий ненависть питает в себе диавола».

Эти чувства противоположны: следовательно, любя Бога, я должен ненавидеть диавола. Это — ясно, и подобное уже сказано выше. И по сказанному же следует, что не людей мы должны ненавидеть, а их грехи, на которые наталкивает человека диавол. А если не так, то «не напрасен ли гнев, когда один бывает причиной действия, а ты раздражаешься на другого? — говорит в ином месте тот же божественный Василий²³. — Не то же ли делаешь, что и псы, которые грызут камень, а не трогают бросившего камень? Жалок, кто служит орудием действия, но ненавистен, кто действует. Против него обрати свою раздражительность — против человекоубийцы, отца лжи, делателя греха; но будь сострадателен к брату, который, если пребудет во грехе, то вместе с диаволом предан будет вечному огню».

Отсюда понятными становятся и слова Христа: *Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего, и мать, и жену и чад*, и прочее (Лк. 14, 26). Речь здесь не о том, чтобы Господь — поставивший заповедь о любви во главу всего евангельского закона (Мф. 22,37-40; Ин. 13,34 и др.) — повелевал теперь (противореча Себе Самому) ненавидеть своих близких, а о том, что человек, любя и почитая по достоинству всех людей, должен *возненавидеть смрад их грехов*. И если страсти эти, отторгающие почему-либо человека от Бога, принадлежат его кровным родственникам, то таковых должно оставить²⁴, но при этом усердно молиться за них²⁵.

Классическим примером человеконенавистника, представляющим загадку для светской научной психологии, или, вернее, психопатологии, является знаменитый Тимон

-208-

(родился около 440 г. до Р. Х.)²⁶. Он жил в эпоху Пелопонесской войны, и от ненависти к невероятно испорченному афинскому обществу, среди которого обитал, перешел к ненависти ко всем людям. Внешним поводом к укреплению в нем этой страсти послужило, говорят, разочарование в «друзьях», которые его бросили после того, как он истратил на них все свое состояние. Про жизнь этого мизантропа существуют многочисленные рассказы, из которых я приведу здесь следующий.

«Однажды, во время народного собрания в Афинах, Тимон взошел на кафедру. Настала тишина. Вследствие необыкновенного поведения Тимона все ждали на этот раз чего-либо серьезного. "У меня, афиняне, — начал мизантроп, — есть рядом с домом небольшое пустопорожнее место. На нем растет смоковница, на

которой удавилось уже немало граждан. Я хочу выстроить здесь дом и решил поэтому предварительно объявить публично: кому из вас угодно удавиться, пусть он удавится теперь, пока я не срубил смоковницы"».

На его гробнице находилась надпись, сочиненная, говорят, самим покойным:

Здесь покоится жалкое тело,

Разлученное с жалкой душой.

Не старайся узнать мое имя,

Пусть задавит всех плутов чумой!

Другая, очень известная, эпитафия Тимону приписывается Каллимаху:

Здесь лежу я — Тимон, — что при жизни

Ненавидел живущих людей.

Проклинай, сколько хочешь, прохожий,

*Только мимо иди поскорей!*²⁷

Мне кажется очевидным, что в упомянутых словах Христа речь шла о божественной любви²⁸, но, так как истинное понятие о ней теперь утеряно, укажу еще на проявления ненависти в плотской любви, чтобы стала ясна разница между ними. Тем более вопрос этот в повседневном быту занимает гораздо более места, чем первый: газетная хроника и окружающая жизнь постоянно преподносят нам примеры ненависти на почве половой страсти с самыми страшными последствиями, убийствами, отравлениями и прочим.

-209-

Порок этот был уже известен в глубокой древности. Библия рассказывает, как за полторы тысячи лет до Рождества Христова он действовал со всей силой. Я имею в виду известный случай, передаваемый во Второй книге Царств (глава 13), об обещании Амномом, сыном Давида, своей сестры Фамари, к которой он вдруг воспылил величайшей страстной любовью. Пропуская подробности, выпишу два стиха (14-15): «Но он не хотел слушать слов ее, и преодолел ее, и изнасиловал ее, и лежал с нею. *Потом возненавидел ее Аммон величайшею ненавистью, так что ненависть, какую он возненавидел ее, была сильнее любви, какую имел к ней*». Эта ненависть сказывалась и в поступках. Аммон обратился с чувством злобного омерзения к сестре, которую он, очевидно, одну только обвинял в своем падении: «Встань, уйди». И когда она возмутилась его грубым обращением с нею, он позвал слугу: «Прогони эту от меня вон...» Он не мог спокойно выговорить ее имя и едва сдержался, чтобы не назвать ее непотребным словом, задыхаясь от гнева и ненависти²⁹.

Искусный духовный врач даже и такое запутанное состояние сумеет использовать в добрых целях.

Великий во святых преп. Иоанн Лествичник³⁰ пишет:

«Видал я, что ненависть расторгала долговременные узы блудной любви; а потом памятозлобие чудным образом не попускало им вновь соединиться. Дивное зрелище! Бес беса врачует; но может быть, это дело не бесов, но Провидения Божия».

В другом месте он передает подобный же случай:

«Блажени миротворцы (Мф. 5,9), и никто не может этому противоречить; впрочем, я видел и враждотворцев блаженных. Два человека имели нечистую любовь между собою. Некто же, искуснейший из рассудительных, желая

прекратить это зло, поссорил их между собою, сказав тому и другому особо, что друг его худо говорит о нем между людьми. Так сей премудрый успел человеческою хитростию отразить злобу бесов и произвести ненависть, которая уничтожила предосудительную любовь»³¹.

Бывает, нечто подобное и в миру делают — например, одна соперница, желая поссорить своего возлюбленного с другой, наговаривает ему на нее (или наоборот). Но все это делается не ради Христа, не для спасения их душ, а ради дьявола, из-за ревности, для того чтобы самому изобретате-

-210-

лю этого бесовского стравливания иметь выгоду и удовольствие в их ссоре и ненависти.

Бесы часто оспаривают друг у друга право на бедного грешника. Как можно одержимому блудной страстью перепродать себя³² демону ненависти, так гнев можно, вместо трудного подвига смирения и кротости, легко изгнать страстью презрения и возношения. Авва Дорофей рассказывает:

«В общежитии [где он полагал начало] был один брат, которого я никогда не видал смутившимся, или скорбящим, или разгневанным на кого-либо, тогда как я замечал, что многие из братии часто досаждали ему и оскорбляли его. А этот юноша так переносил оскорбления от каждого из них, как будто никто вовсе не смущал его. Я же всегда удивлялся чрезвычайному незлобию его и желал узнать, как он приобрел сию добродетель. Однажды отвел я его в сторону, и, поклонившись ему, просил его сказать мне, какой помысл он всегда имеет в сердце своем, что, подвергаясь оскорблениям или перенося от кого-либо обиду, он показывает такое долготерпение. Он отвечал мне презрительно без всякого смущения: "Мне ли обращать внимание на их недостатки или принимать от них обиды, как от людей? Это — лающие псы". Услышав это, я преклонил голову и сказал себе: "Нашел путь брат сей", и, перекрестясь, удалился от него, моля Бога, чтобы Он покрыл меня и его»³³.

Подобно вышеупомянутому молодому монаху, учит преодолевать страсть злобы и неистовства наша учительница жизни — литература. «Духовный отец»³⁴ ее и «властитель дум»³⁵ сороковых годов <прошлого столетия>, Белинский, заставляет своего Сурского в драматической повести «Димитрий Калинин» рассуждать следующим образом (в ответ на признание его собеседника, что тот весь превращается в злобу и неистовство и часто готов предаться влечению своей вспыльчивости, если бы мысль, что он может оскорбить своего благодетеля, не обезоруживала его³⁶):

«Да, это немного досадно; но гораздо благоразумнее презирать скотами, нежели сердиться на них. Я бы, на твоём месте, просто сказал им, что они глупцы и что сердиться на них — значит делать им честь...»

Положим и мы, читатель, как авва Дорофей, на себе крестное знамение и пойдем прочь от этих господ.

-211-

IV. Проявление гневной страсти на различных ступенях духовной жизни

В заключение сделаю несколько замечаний касательно проявлений страсти гнева на различных ступенях духовной жизни, а также укажу средства для ее окончательного уничтожения.

Плохо, конечно, что человек гневается, но хуже, когда он, разгневавшись на что-либо и спохватившись внутренне, от гордости снова впадает в гнев — уже на себя — за то, что рассердился. Было одно падение, стало два. Таково коварство бесов, предлагающих нам нож, чтобы мы вонзили его себе в сердце собственными руками!

Когда же после искреннего плача о своих грехах забрезжит в сердце свет кротости и безгневия, то прежде всего это сказывается в том, что человек получает силу сносить бесчестия, хотя с огорчением и не без скорби душевной. В середине своего пути он пребывает посреди оскорблений беспечально. Состояние же совершенных мужей состоит в восприятии поношений, подобно лестным похвалам. «Я видел трех иноков, в одно время потерпевших бесчестие, — говорит св. Иоанн Лествичник. — Один из них оскорбился, но смолчал; другой порадовался ради себя, но опечалился об укорившем его; третий же, воображая вред ближнего, пролил теплые слезы. Так можно было видеть здесь делателей страха, мздовоздаяния и любви»³⁷.

V. Противоядия против гнева

Как победить в себе эту темную и безумную страсть? Св. Иоанн Златоуст говорил некогда с кафедры не монахам, а мирянам, своим духовным детям³⁸:

«Хочешь ли знать, какое великое зло — гневаться? Стань возле дерущихся на площади. В себе самом, когда ты омрачен и упоен гневом, ты нелегко можешь видеть безобразие, но когда освободишься от страсти, тогда скорее увидишь свое положение. Гнев кипит и клокочет в груди, уста дышат огнем, глаза испускают пламя, все лицо искажается, беспорядочно вытягиваются руки, ноги смешно скачут и топчут удерживающих, и люди ничем не отличаются не только от беснующихся, но даже и диких ослов, лягая и кусая других, — так непристоен человек в гнев. Но, скажешь, сердце

-212-

кипит и терзается от обиды. Знаю и я; потому-то высоко уважаю тех, кто побеждает гнев. Действительно, если мы захотим, нам можно удержаться от этой страсти. Почему, в самом деле, когда нас оскорбляют начальники, мы не испытываем ее? Потому, что перед нами стоит равносильный этой страсти страх. Равным образом, почему слуги, которых мы без конца оскорбляем, сносят все молчаливо? Таким образом, ради людей мы и невыносимое сносим, и оскорбляющим нас говорим: "Такой-то оскорбил меня, не ты", а в отношении к Богу не будем иметь и такого почтения? Скажем же и нашей душе: оскорбляет нас теперь Бог, повелевающий молчать; не станем отвечать бранью, и пусть не будет Бог презреннее людей. Итак, когда кто-нибудь огорчит тебя, подумай о своих прегрешениях против Бога, а также о том, что своим смирением пред Ним ты сделаешь более милостивым суд, когда должен будешь давать ответ за них. *Отпущайте, сказано, и отпустят вам* (Лк. 6, 37)».

Но если кто хочет совершенно избавиться от гнева и сопутствующих ему страстей: возношения, вспыльчивости, лукавства, вражды, самооправдания и прочих, — то пусть поступит в монастырь и притом такой, где бы насельники его отличались самым суровым характером³⁹. И там, подвергаемый досаждениям, унижениям и потрясениям от братьев или сестер, ударяемый и ногами попираемый, в прямом и переносном смысле, пусть непрестанно молчит и служит

добровольно всем, как купленный раб, безропотно, терпеливо, подавляя в себе всякий малейший помысл самооправдания и обвинения в чем-либо ближнего⁴⁰. Хотя бы с грязью смешали наше доброе имя⁴¹ (кроме обвинения в ереси⁴²) — и совершенно неповинно, то и в этом случае пусть он не унывает, но лучше веселится (Мф. 5, 11; Иак. 1, 2). И если после такого тернистого пути, на котором — никто не спорит — сердце, может быть, сотни раз будет истекать кровью, мы встретимся с этим человеком, то несомненно увидим, как он без вреда может брать в руки свирепых гадюк и скорпионов, ходить посреди кровожадных тигров, как среди щенков, и приводить к Богу самые закоренелые в злобе сердца.

Пусть и в миру возьмет, кто желает, на себя этот подвиг, не боясь гонений и сумасшедшего дома, и получит тот же результат и награду.

-213-

Из сказанного видно, что гнев побеждается *смирением*, потому что указанный путь есть не что иное, как приобретение сей божественной добродетели. Приведу и пример, как смирение разрушает все козни диавольские.

В Древнем Египте жили два монаха, родные братья по плоти и братья по духу. Против них давно вел борьбу демон, желая каким бы то ни было образом разлучить их друг с другом. Однажды к вечеру, по их обычаю, младший брат зажег светильник и поставил его на подсвечнике. По действию беса тот упал, и светильник погас. Повод к ссоре таким образом демоном был устроен. Старший брат вскочил и в ярости начал бить младшего. Этот упал ему в ноги и уговаривал его: «Успокойся, владыко мой, я снова зажгу светильник». И так как он не отвечал гневными словами, но со смирением обвинил сам себя во всем, лукавый дух, будучи посрамлен, тотчас отступил от них. В ту же самую ночь бес этот отправился к своему князю и известил его, что он ничего не мог поделать с этими монахами, по причине смирения того монаха, который поклонился в ноги брату и просил у него прощения. «Бог, видя его смирение, — продолжал демон, — излил на него Свою благодать, и я чувствую, что жестоко мучаюсь и терзаюсь, не успев разлучить их друг от друга»⁴³.

Все эти слова слышал, по смотрению Божию, идольский жрец, живший там. Страх Божий и любовь к Иисусу Христу объяли его. Он оставил мир, скверное свое занятие и поспешно пришел в монастырь к святым отцам. Рассказав им все, что говорили между собою злобные демоны, и, будучи наставлен истинам святой веры, он принял крещение. Впоследствии он сделался искуснейшим монахом, потому что всеми силами старался насаждать в себе добродетель, которую так не взлюбили демоны и которая разрушила все козни упомянутого беса, то есть смирение⁴⁴. А эта добродетель одна способна без тяжких подвигов возвести человека на небо, хотя и медленно⁴⁵.

-214-

§ 2. Осуждение (злословие). Злорадство. Жестокость.

Эти страсти представляют собой исчадия гнева, ненависти, злопамятности. Если среди спасающихся последние пороки встречаются сравнительно реже, то первый из них (осуждение), поистине, бич не только всякого собрания, начиная с

двух человек, но и каждого человека в отдельности. Языкоболие — самый распространенный недуг. Как будто язва какая у каждого на языке сидит, мешающая молчать и не говорить зло про ближнего. Иному легче, кажется, раскаленный уголь на языке продержат, чем худое слово не высказать¹. Что касается собственно духовной жизни, то страсть эта производит великие опустошения и лишает человека возможности приобрести основные добродетели спасительного делания, разумею плач и любовь.

Приведу несколько положений на эту тему из «Лестницы» преп. Иоанна².

- «Услышав, что некоторые злословят ближних, — говорит святой отец, — я запретил им; делатели же сего зла в извинение отвечали, что они делают это из любви и попечения о злословимом. Но я сказал им: "Оставьте такую любовь, чтобы не оказалось ложным сказанное: *оклеветающего тай искренняго своего, сего изгонях* (Пс. 100, 5). Если ты истинно любишь ближнего, как говоришь, то не осмеивай его, а молись о нем втайне; ибо сей образ любви приятен Богу"».

- «Кто хочет победить духа злословия, тот пусть приписывает вину не согрешающему, но подушающему его бесу. Ибо никто не желает грешить против Бога, хотя каждый из нас согрешает не по принуждению».

- «Никогда не стыдись того, кто пред тобою злословит ближнего; но лучше скажи ему: "Перестань, брат, я ежедневно впадаю в лютейшие грехи, и как могу его осуждать?"».

- «Это один из самых кратких путей к получению прощения грехов, то есть чтобы никого не осуждать. Ибо сказано: *не судите, и не судят вам* (Лк. 6, 37)».

- «Если бы ты увидел кого-либо согрешающего даже при самом исходе души из тела, то и тогда не осуждай его;

-215-

ибо суд Божий неизвестен людям. Некоторые явно впадали в великие согрешения, но большие добродетели совершали втайне; и те, которые любили осмеивать их, обманулись, гоняясь за дымом и не видя солнца».

Осуждение имеет свои степени.

«Иное дело злословить или порицать, иное осуждать, и иное уничивать, — говорит авва Дорофей³. — Порицать — значит сказать о ком-нибудь: такой-то солгал, или разгневался, или впал в блуд, или сделал что-либо подобное. Вот такой злословил брата, то есть сказал пристрастно о его согрешении. А осуждать — значит сказать: такой-то лгун, гневлив, блудник. Вот этот осудил самое расположение души его, произнес приговор о всей его жизни, говоря, что он таков-то, и осудил его, как такого; а это тяжкий грех. Ибо иное сказать: "Он разгневался", и иное сказать: "Он гневлив", и, как я сказал, произнести таким образом приговор о всей его жизни. А грех осуждения столько тяжелее всякого другого греха, что Сам Христос сказал: *Лицемере, изми первое бревно из очесе твоего, и тогда прозриши изъятые сучец из очесе брата твоего* (Лк. 6, 42), и грех ближнего уподобил сучку, а осуждение — бревну. Так-то тяжело осуждение, превосходящее всякий грех».

Приведу несколько случаев, показывающих, как грешно осуждать, какой мы терпим вред от этого и как поступали святые, когда видели согрешающих, и какие враг строит козни, чтобы ввести людей в сей грех, ибо два занятия у демонов, как говорит св. Иоанн Лествичник⁴: «Человекоубийцы бесы побуждают

нас или согрешить, или, когда не грешим, осуждать согрешающих, чтобы вторым осквернить первое».

- «К некоему отшельнику ходил один пресвитер, совершая для него приношение Св. Тайн. Пришедши некто к сему отшельнику, наговорил на пресвитера, что тот грешник. Когда пресвитер пришел по обычаю совершать приношение, отшельник, соблазнившись, не отворил ему двери. Пресвитер ушел. И вот был глас от Бога, говорящий отшельнику: «Люди взяли суд Мой!» Отшельник пришел как бы в исступление [экстаз] — и видит кладезь золотой, и бадью золотую, и веревку золотую, и воду весьма хорошую; видит и некоторого прокаженного, черпающего и наливающего в сосуд. Он, томясь жаждою, не хотел пить — потому

-216-

что черпал прокаженный. И вот опять был глас к нему: «Почему ты не пьешь от воды сей? Какую вину имеет черпающий? Он черпает только и наливает». Когда пришел в себя отшельник и размыслил о смысле видения, то призвал пресвитера и просил его по-прежнему совершать для него приношение Св. Тайн»⁵.

Пример этот особенно необходимо помнить в наше время, когда постоянно слышатся нарекания на духовенство и высказывается нежелание принимать участие в таинствах и богослужении из-за их-де порочной жизни. «Ну вот — стану я у него руку целовать» (при благословении) — и так далее в таком же роде. Как будто сила благословения от этого портится, умаляется и не действует. Пока пастырь находится в канонической связи с Православной Церковью, всякие очерняющие его уста да заградятся, как хульные.

- Некоторые из отцов спросили авву Пимена:

— Если мы увидим согрешающего брата, позволишь ли обличить его?

— А когда мне нужно бывает проходить по тому месту, где могу я видеть его в грехе, — ответил им святой, — прохожу мимо и не обличаю его⁶.

- Еще некоторые старцы пришли к тому же авве Пимену Великому и сказали ему:

— Если мы увидим братии, дремлющих во время службы, позволишь ли толкать их, чтобы они проснулись и бодрствовали?

Святой отвечал:

— Если я увижу брата дремлющего, то положу голову его на колена мои и успокою его⁷.

Вообще нужно заметить, чем выше человек по подвигам своим, тем снисходительнее к ближним, потому что знает на себе, чего стоит борьба с дьяволом. А ничтожества в духовной жизни — те обычно топорщатся, шумят о себе, всех унижают, со всех взыскивают вдесятеро. Приведу еще несколько примеров из жизни и слов сего равноангельного мужа, подвигам которого и в древности все удивлялись⁸.

- Брат исповедовался авве Пимену:

— Если увижу брата, о падении коего слышал я, то мне не хочется принимать его в свою келью; если же увижу брата доброго, то принимаю с радостью.

-217-

Великий ответил:

— Если ты делаешь немного добра для брата доброго, то для *падшего* сделай вдвое более, ибо он слаб⁹.

• Однажды пришли к авве Пимену какие-то еретики и начали клеветать на архиепископа Александрийского, будто бы он принял рукоположение от священников. Старец молчал. Потом позвал брата своего и сказал:

— Предложи им трапезу, накорми их и отпусти с миром¹⁰.

• Некоторые из отцов спросили авву Пимена:

— Как авва Нистерой мог терпеть ученика своего?

— Если бы я был на его месте, то и подушку клал бы тому под голову, — отвечал святой.

— Что ж бы ты стал отвечать Богу? — спросил его тогда авва Анувий¹¹.

— Я скажу Ему: «Ты Сам повелел: *изми переев бервно из очесе твоего, и тогда узриши изъяты сучец из очесе брата твоего*» (Мф. 7, 5).

• Сей божественный муж говорил:

«В Писании сказано: *яже видеста очи твои, глаголи* (Притч. 25,8); а я советую вам не говорить даже и о том, что осязали вы своими руками. Один брат обманулся таким образом. Представилось ему, будто брат его грешит с женщиною. Долго боролся он сам с собою, потом подошел с тою мыслию, какую имел, и толкнул их ногою, говоря: «Перестаньте наконец!» Но оказалось, что то были пшеничные снопы. *Потому-то я и сказал вам: не обличайте, если даже и будете осязать своими руками*»¹².

Чтобы несколько усмирить свои помыслы и привести себя в страх Божий, припомним и будем держать всегда пред очами слова нашего Господа: *Имже бо судом судите, судят и вам; и в тоже меру мерите, возмерится вам* (Мф. 7, 1-2). И это еще здесь, на земле. Таким образом, кто кого в каком грехе осуждает, тот непременно, рано или поздно, но попадет в тот же самый грех, хотя бы ему и казалось, что он очень далек от него¹³.

Все до сих пор сказанное относится к рядовым христианам, которые не являются начальниками, подчиненных не имеют, инспекторских обязанностей следить за поведением других не несут, которым ни до чего нет дела, кроме своих грехов да прямого послушания по своей службе.

-218-

Но бывают случаи, когда и им, не только пастырям, учителям, отцам и матерям семейств и так далее, приходится рассказывать и говорить о дурных поступках своих близких или дальних. На эти случаи можно дать следующие основные руководственные правила (в вопросах и ответах)¹⁴:

1. «Если я вижу, что кто-либо делает какое-нибудь дело, и рассказываю о сем другому, говоря, что я не осуждаю его, но мы только разговариваем, нет ли при этом злословия в моем помысле?

— Когда человек, говоря, чувствует при сем страстное движение, это уже злословие. Если же он свободен от страсти, это не есть злословие, а говорится для того, чтобы не возросло зло»¹⁵.

2. «Если я говорю авве [игумену] ради других и догадываюсь, что брат смущается этим, как мне поступить? Также, когда он оскорбляет и других, и меня, сказать ли мне ради других или промолчать, потому что это и меня

беспокоит? Если же знаю, что брат не скорбит об этом, сказать ли и себя ради, или принудить себя промолчать?¹⁶

— Если ты скажешь авве, а брат смутится этим, то тебе нет до того дела. Когда нужно будет сказать ради других, и это тебя озабочивает, скажи ради их, себя же ради принудь себя не говорить.

3. Но помысл говорит мне, что если брат смутится на меня, он сделается мне врагом, полагая, что я его оклеветал перед аввою.

— Это злой помысл, возбраняющий исправлению брата. Не удерживайся, но говори авве *только по Богу, а не по страсти*. Ибо и на врачей ропщут больные, которых они лечат, но врачи пренебрегают сим, зная, что после они их будут благодарить.

4. Когда вижу, что помысл побуждает меня сказать не для пользы брата, но для того, чтобы оклеветать [то есть сказать истину со смущением в сердце, с пристрастием],— сказать ли мне или промолчать?

— Вразуми свой помысл сказать по Богу, а не по страсти. Если же побеждаешься желанием оговорить брата, скажи авве [игумену], исповедуя ему клевету свою, чтобы обоим вам получить исцеление: брату от греха, а тебе от клеветы.

-219-

5. Если же помысл не допустит меня исповедать авве, что я говорю с намерением оклеветать брата*, (*Другими словами, это будет уже простое наущничество, злостная страсть. — Прим. еп. Варнавы.)

что мне делать, сказать ли или нет?

— Не говори ничего, и Господь попечется о сем. Тебе не должно говорить со вредом душевным. Господь исправит брата, как ему угодно.

6. Если кто-нибудь увидит, что брат согрешил, и скажет о сем авве; тот, о котором сказано, как должен быть расположен к сказавшему на него?

— Если согрешивший верный (то есть истинный христианин) и живет по Богу, то, *хотя бы кто-нибудь и по вражде сказал на него авве*, он должен подумать: «Брат сказал это, желая доставить мне пользу». И так исполнится на нем слово Писания: *Благий человек от блага сокровища сердца своего износит благая* (Мф. 12, 35). Помышляя это, он скорее должен возлюбить того брата, чем ненавидеть. *Кто всегда таким образом поступает, тот преуспевает о*

Боге».

* * *

Осуждение, злословие — великий грех, но все же человеческий. В отношении ближнего мы ведем себя дурно, не можем не видеть зла в нем, сердцем источаем сукровицу памятозлбия, но все-таки на этом и останавливаемся, самого зла ему не желаем, наоборот, даже и осудительные разговоры имеют личину добра и затеваются как бы ради пользы ближнего. Но *злорадство* является уже делом демонским¹⁷. Только бесы могут радоваться падению и гибели человека. У *ангелов Божиих*, по словам Христа, наоборот, *бывает радость и об одном грешнике кающемся* (Лк. 15, 10).

Не следовало бы тебе, говорит Господь, злорадно смотреть на день брата твоего... не следовало бы радоваться о сынах Иуды в день гибели их и расширять рот в день бедствия... Ибо... как ты поступал, так поступлено будет и с тобою;

воздаяние твое обратится на голову твою (Авд. 1, 12, 15. Ср.: Притч. 24, 19; Пс. 34, 26).

Таков приговор злорадству. Если за осуждение, как я выше сказал, грешащий подвергается закону возмездия,

-220-

ему грозит участь испытать и впасть в те же самые грехи, то здесь тем более.

В чем заключается злорадство?

Злорадство состоит в том, что человек радуется расширению, распространению, победе зла¹⁸, а духовное радование — в том, что верный веселится о низвержении зла, прекращении его и победе над ним Христа и Церкви. (Зло понимать должно, конечно, всегда с евангельской, церковной точки зрения.) Радость демонская состоит в том, что человек радуется самой беде, в какую попал его ближний¹⁹, а радость Христова, христианская, смотрит на начало и конец всякого дела, на его цель и следствия. И христианин иногда радуется гибели нечестивого человека, и Церковь на веки вечные устанавливает дни памяти и богослужebные чины в честь низвержения еретиков, но не самому их несчастью злорадствует, об этом можно только жалеть и плакать, а духовно торжествует радостью великою о победе добра; не о том злорадствует, что люди злые погибли, а радуется оттого, что жизнь вокруг очистилась от зловония *страстей*, злочестия и богохульства. Таким образом, когда дело касается славы Церкви, или Христа, или вообще спасения, злорадство нечестивых и духовная радость благочестивых могут по внешности казаться одинаковыми, ибо те и другие радуются, когда какое-либо лицо падает под ударами наказывающего бича Божия. Но по *внутреннему* смыслу между ними лежит пропасть. Апостол пишет к коринфянам (2 Кор. 7, 9): *Ныне радуюся, не яко скорбны бысте, но яко оскорбистесь в покаяние*. «Я радуюсь, — как бы так сказал, — видя не собственно печаль, но плод печали; потому что печаль эта произрастила похвальное покаяние» (блаж. Феодорит). «Когда отец видит, что сыну делают надрез, радуется не тому, что сын терпит боль, но тому, что он исцеляется», — говорит св. Иоанн Златоуст²⁰. Еще пример. Злорадствовала Иродиада, видя мертвую главу св. Иоанна Предтечи, считая его за своего врага, и духовно радовалась Церковь Божия, когда позорной смертельной болезнью, не от рук человеческих, погиб Арий, злейший враг Церкви, — дело как будто одинаковое по внешности, а по существу — большая разница. Одно настроение души (у христиан) естественно, а другое выращено человеком в себе посредством страстей и — противоестественно. Одно чувство при виде греха и гибели нечестивых поучает

-221-

путям Промысла Божьего²¹, а другое наслаждается самой этой гибелью и кричит: «Мало еще!..»²²

Таково различие между радостью святой и радостью грешной в отношении происходящего зла.

Если же говорить о злорадстве, взяв его обособленно, то оно порочно и недопустимо ни в каком случае, далее и в отношении вышеупомянутых врагов Церкви. Последняя всегда молилась, по заповеди Христа (Мф. 5, 44), за врагов своих — Неронов, Диоклетианов и прочих, и до сих пор еще в помяннике, после

окончания вечернего правила²³, молится от лица всех верных: «Отступившия от православныя веры и погибельными ересьми ослепленныя, светом Твоего познания просвети и Святой Твоей Апостольстей Соборной Церкви причти». Даже следующие слова: «Мерзкое и богохульное агарянское²⁴ царство вскоре ниспровержи» и прочее — не зложелательство показывают, а только моление об отъятии и отведении от нас зла, потому что надо твердо помнить, что Бог врачует и ниспровергает зло не посредством зла (Рим. 12, 21), не с помощью разных танков, ядовитых газов и всех прочих изобретений сатаны, а посредством добра²⁵. Поэтому дальше (после прерванных мною слов) Церковь молится: «...правоверие же утверди, и воздвигни рог христианский, и ниспосли на нас милости Твоя богатая». Действительно, если дух православия будет жив и крепок в народе, то лежащие вокруг него «агарянские» царства будут ему не страшны, ибо подушают на зло демоны, а те будут связаны благочестием. Таким образом, святостью жизни верных — вот чем ниспровергается зло²⁰. Итак, зложелательства у Церкви нет к врагам и быть не может, и если бы встретились кому выражения в церковных книгах, похожие на призывы к брани, то должно понимать их соответственно учению самой Церкви, всегда заповедающей христианам любовь (ср.: 1 Кор. 13, 6).

Должно еще упомянуть об одной хитрости бесовской частного характера, которой демоны обольщают начинающих жить духовной жизнью. Иногда такой человек ни за что ни про что, как говорится, получает головомойку от своих ближних. И вот он, зная уже, как надо себя вести в данном случае (то есть должно поклониться смиряющему если не в ноги, что, может быть, не под силу еще гордому, самолюбиво-тщеславному нашему сердцу, то, по крайней мере, простым поклоном), начинает кланяться и просить на словах прощения, и как будто искренно.

-222-

Но если он прилежно и зорко посмотрит в глубину своего сердца, то увидит притаившегося в темном его углу демона, который шепчет ему едва слышно и заставляет за собой повторять следующее: «Ну что ж, я-то потерплю, а ты все-таки на том свете ответишь. Вот и еще поклонюсь, тебе же больше ответственности будет...»

И назло начинает иногда бить поклоны, со злорадством, не сам смиряясь, а смиряя того человека и наслаждаясь его смущением... Обычно к этому примешивается и тонкое чувство тщеславия, потому что не иначе можно совершить эту «духовную эквилибристику», как высоко вознесшись наперед душою над своим обидчиком и всем видом показывая и подчеркивая ему, что вот, мол, я не виноват перед тобою, а кланяюсь тебе и прошу прощения, так чувствуй, мол...

И происходит какое-то неуловимое сочетание — совершенно противоестественное — покаянного смирения с гордостным чувством злорадства и смрадного возношения. Таковой человек не достиг еще истинного плача и поруган бесами, вместо благодатного смирения принимая в себя ди-авольское. В результате получается действие, обратное ожидаемому: тот, кому кланяются, в особенности когда сам горд, не успокаивается, а напротив, приходит в еще боль-

шее бешенство, и если это происходит на людях, то считает себя оскорбленным, словно ему в лицо при всех плюнули... Да это, может быть, и так.

Но иногда человек не останавливается на перечисленных грехах. И хотя, кажется, выбор страстей для души велик — и памятозлобие, и ненависть, и клевета, и злословие, злорадство, — и чем только она не тешит беса, но и этого ей мало. Человеку хочется самому лично нанести вред ближнему, насытиться его муками и страданиями, напиться его крови. До сих пор он стоял и наблюдал хищным оком своего ближнего со стороны, а теперь он хочет сам участвовать в его томлении и быть виновником его скорбей, и чем больших, тем более для него сладостных. При всем этом выискиваются всякие доводы и предлоги, чтобы удовлетворение страсти носило вид исполнения законной справедливости и имело характер вынужденных, однако необходимых мер врачевания. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что самооправдание есть дочь гнева и, следовательно, *жестокости*²⁷.

-223-

Примеров слишком много, чтобы было нужно их искать, приведу первый попавшийся²⁸.

«Сильное и здоровое тело Петра любило хотя и временные, но частые «отмены», и вот, при дворе Катерины одна за другой являются красавицы в различных званиях, более или менее опасные, особенно в первое время. Таким образом на сцене появилась и Мария Гамильтон. Шутовские игры, маскарадные процессии, совершаемые членами «всешутейшего и всепьянейшего собора», не обходились без участия красавицы Гамильтон, с которой Петр открыто шел в первой паре уличного маскарада... Петр I не скрывал своей связи, да скоро и результаты «царской потехи» стали очевидны... Начиная с 1715 года Гамильтон должна была несколько раз прибегать к помощи врачей, чтобы не утратить «расположения» Петра. Но переменчивая натура Петра искала и вскоре нашла заместительницу. Гамильтон впала в немилость, была обвинена в задушении новорожденного и после года кандалной тюрьмы, после пытки и наказания батожем была казнена.

Это было 17 марта 1719 года... Площадь перед Петропавловской была наполнена народом, привыкшим к казням... Кое-где валялись полусгнившие головы заговорщиков, казненных еще в декабре. Наконец приехал Петр, в ожидании «преступницы». Вот и она. Еще не утратившая своей редкой красоты, в белой шелковой рубахе, с черными лентами, она вызывала чувство жалости и сострадания... Но царь был неумолим. Прочитали указ: «Петр Алексеевич... самодержец, указал на твои, Марья, вины, что ты жила блудно и была от того брюхата трижды, и двух ребенков лекарством из себя вытравила, а третьего родила и удавила... За такое твое душегубство — казись смертью».

Фрейлина упала на колени перед Петром и умоляла о пощаде... Петр не тронулся, только сказал шепотом палачу несколько слов. Думали, что это слова пощады. Она взшла на эшафот, склонила голову... Сверкнул топор — и голова упала прямо на руки Петру... Палач исполнил требование Петра и не «осквернил» тело красавицы своим прикосновением...

Удовлетворенный казнью Петр поцеловал голову в неостывшие губы и, сохраняя спокойствие, стал сообщать приближенным некоторые сведения из анатомии... (Это, кажется, замечательнее всего здесь, в этом рассказе. Как

-224-

будто речь идет о куске валансьенских кружев, отрезанных от белья любовницы. Посмотрите, мол, какая работа... — Еп. Варнава.) Затем он еще раз поцеловал неостывшие уста и уехал с места казни.

Голова казненной красавицы долго хранилась в Академии Наук в спирту, сохраняя черты редкой красоты и как бы служа вечным памятником Петровой жестокости»²⁹.

И странное дело. Жестокость, по признанию самого мира, — гнуснейшая страсть, однако, наблюдая историю, мы видим, что ее проявления умножаются, утончаются, усложняются с ростом и развитием цивилизации. Чем люди делаются цивилизованнее, тем становятся жесточе. Самые войны уже есть продукт цивилизации, а не христианского учения, а если сравнить их в разное время и у разных народов, у дикарей и у культурных европейцев, то, конечно, младенцу даже понятно, что у первых они нравственнее и чище, а у последних кровопролитнее и жесточе. Ядовитые газы, разрывные пули «дум-дум», ослепляющие лучи, шрапнели и гранаты с бактериями и прочее, на чем изошряют свои мозги лучшие умы человечества — разве можно сравнить их с глубиной дикаря или прозаическими мечом и копьем времен «Илиады» Гомера?.. То же нужно сказать относительно эволюции — в ходе истории — пыток³⁰, понятия о «чести» и мести за оскорбление ее³¹, и прочего и прочего.

В рассуждении о «чести» мы, например, *отстали* от язычников, которые ближе к евангельским заветам Христа (Мф. 5, 11, особенно стих 34). Вот несколько примеров.

«Катон, получив плевков в лицо, ограничился лишь тем, что вытер его.

Фемистокл, под угрозой поднятой на него собеседником палки, спокойно сказал: «Ударь, но выслушай».

Сократ, получивший от одного из своих слушателей удар, на совет приятеля подать на оскорбителя жалобу в суд хладнокровно ответил: «Если бы осел ударил меня ногой, заставил бы ты меня жаловаться на него?»

Циник Кратет, получивший от музыканта Никодрома такую пощечину, что все лицо у него вспухло и посинело, отомстил своему оскорбителю только тем, что, отправившись в народное собрание, привесил ко лбу своему дощечку с надписью: «Это мне сделал Никодром». [То же самое рассказывают про Сократа и Антисфена.]

-225-

Когда по приходе северных германских народов в Италию один из тевтонцев вызвал на дуэль римского полководца Мария, последний ответил: "Если ему хочется поскорее окончить жизнь, то пусть повесится"».

Все это, конечно, случаи не из христианской жизни³², но они выше подобных примеров из нашего времени, когда, по понятиям высококультурного³³ общества, требуется не просто стереть плевков или смыть его водою, но необходимо «смыть его кровью». А варвары и язычники, по крайней мере лучшие из них, чужую жизнь ценили и наслаждаться бедой ближнего не желали.

Вот еще образец узаконенной в человеческом обществе жестокости — охота. Благовоспитаннейшие люди Европы называют ее «поистине великолепным зрелищем»³⁴, и гениальные и прославленные таланты черпают в этом занятии величайшее наслаждение.

Лев Толстой, протестовавший так против всякого убийства и проповедовавший (на словах) «скотинную добродетель» Посошкова, пишет в письме Т. Ергольской от 20 октября 1852 года:

«Я *полюбил* ружейную охоту, и так как оказалось, что я стреляю порядочно, то это занятие берет у меня два-три часа в день... В ста шагах от моего дома я нахожу фазанов и за какие-нибудь полчаса я *убиваю* 2-3, 4. Кроме удовольствия, это упражнение *прекрасно для моего здоровья*...»³⁵

Я читал, что в древности для здоровья некоторые властительные люди принимали еще ванну из теплой крови только что зарезанных детей. Говорили им, что это «занятие» прекрасно помогает!...³⁶

И от «святых» и «великих» людей культуры мысль невольно обращается к подлинно святым и великим мужам христианства. Они не только людей, но и тварь, даже неодушевленную, любили от всего сердца и не причиняли ей никакого насилия. Вот, например, как откликается на создание Божие душа одного блаженного (не прославленного, нашего современника), Максима юродивого. Простой этот человек, малограмотный, но Божий — Дух Святой в нем живет, и даже от речи его исходит благодать.

Передаёт о нем архимандрит Спиридон, которому он предсказал *до начала* Великой войны 1914 года и саму войну, и события после нее³⁷.

Автор повстречался с ним в лесу. «Смотри, батюшка, —

-226-

говорит Максим, — все дела Божий дивны, о, дивны! Вот лес, ручейки текут, цветы цветут, травы зеленеют, птички Божий поют, и все это — дела Божий!» «Когда мы вошли в самую глубь леса, — передает автор статьи, — тогда Максим пал на землю, простер свои руки к небу и запел: *Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас*. Когда он запел третий раз, я повалился на землю и лишился сознания. Не знаю, долго ли я находился в таком состоянии, но когда я пришел в себя, то увидел, что Максим стоит на том же самом месте с воздетыми к небу руками. Он что-то шептал, но что, разобрать я не мог. Начал и я с ним молиться. О, эти минуты никогда не изгладятся из моей памяти! Когда молитва была закончена, Максим взглянул на меня и опять сделал несколько поклонов. После этого мы сели, помолчали, а затем начал говорить Максим: "Без молитвы все добродетели — точно без почвы деревья. Ныне нет молитвы в жизни христиан, а если есть, то жизни в себе она не имеет. Христос Сам молился и молился больше всего в горах, на горных вершинах, где, кроме Него одного, никого не было. Христианин, друже, есть человек молитвы. Его отец, его мать, его жена, его дети, его жизнь есть один Христос. Ученик Христа должен жить только одним Христом. Когда он так будет любить Христа, тогда он обязательно будет любить и все творение Божие. Люди думают, что нужно прежде любить людей, а потом и Бога. Я и сам так делал, но все было бесполезно. Когда же начал прежде любить Бога, тогда в этой любви к Богу я нашел и своего ближнего, и в этой же самой любви к Богу всякий мой враг делался мне другом и

человеком Божиим (курсив везде мой. — Еп. Варнава). Первая самая форма любви к Богу есть молитва. В настоящее время повсеместно христиане настроили множество храмов, стали грамотными и учеными, а живой молитвы нет. Вот в чем великая беда. Если бы христиане знали *силу* молитвы, то они были бы перерождены. Я ведь мало знаю грамоты, а молитва *учит* меня, *как мыслить, говорить и делать...* Но этого мало, чтобы только молиться. Нужно за Христа ежедневно умирать, и в этой смерти — жизнь христианина. Так Дух во мне говорит: нужно за Христа умирать (Ср. у апостола: 1 Кор. 15, 31. — Еп. Варнава). Мы еще живем, и эта жизнь наша есть точно младенческое еще состояние души. Зрелость ее — смерть, и смерть ради Христа. Когда мученики умирали за Христа,

-227-

тогда они вкушали настоящую жизнь, и эта жизнь для них так сладка, что они забывали страдания и самую смерть! Я, юродивый Максим, и говорю, что *без юродства нельзя Царства Божьего наследовать...* Ах, дивны дела Божий! *Говорят, что я сумасшедший, а ведь без сумасшествия, батюшка, не взойдешь в Царств о- то Божие* (Ср. у апостола: 1 Кор. 3, 18 и след. — Еп. Варнава)... Ах, Боже мой, Боже мой! Вот беда, нет теперь христиан; вот горе, все почти стали врагами Христовыми (сам плачет)... *Вот будут дни, когда, батюшка, будет страшная война, весь мир будет воевать, а ты из Сибири* (автор и в Сибири тогда еще не был. — Еп. Варнава) *поедешь туда и будешь на войне. Война— это суд Божий. Это еще не последний суд Божий.* Суд этот над христианами за то, друже мой, что попрали Святое Евангелие. Христиане ныне отвергли Святое Евангелие (Максим рыдает). А что будет после войны, я пока, батюшка, тебе не скажу..." *После этих слов Максим сразу загрустил и ушел в себя. Минут двадцать он совершенно молчал, а я не сводил с него своего взора...* Затем снова стал говорить о том, что Евангелие Святое попрано христианами. "Жить по Евангелию, — говорил он, — надо быть сумасшедшим. Доколе люди будут умны и разумны, Царства Божия на земле не будет... Георгий! Молись и люби Бога и всю Его вселенную и все Его создание. Чего себе не желаешь, того и самому дьяволу не желай..."³⁸

Я выписал слишком длинную цитату, в которой много говорится о молитве и о прочем, что не относится непосредственно к трактуемой мною здесь теме. Но слишком благоуханны и прозорливы слова блаженного Максима, слишком они напоминают речь другого великого нашего святого последних времен, горевшего серафической любовью к Богу, к ближним и ко всей твари, преп. Серафима, Саровского чудотворца. Та же простота, та же благостыня, та же бездна щедрот, все говорит за то, что в них действует один и тот же Дух, хотя дары Его и различны (1 Кор. 12, И).

«Гнев [а следовательно, и жестокость, как его исчадие] происходит от различных причин, и особенно от саслолюбия. О сем упоминает и Евагрий, повествуя, что некоторый святой говорил: "Для того и отвергаю наслаждения, чтобы отречь причины раздражительности"»³⁹.

Переходя к изображению страсти жестокосердия, действующей в человеке, эти слова преп. аввы Дорофея прихо-

дится поставить во главу угла. Действительно, если человек рассердился, памятозлобствует, срывает на ком-нибудь зло, то ищи причину сего в том, что он в чем-нибудь не смог успокоить свою плоть. Но особенно часто эта страсть находится в связи с блудной⁴⁰.

Я не буду в подробности разбирать данный вопрос, в настоящее время психиатры написали о нем гору книг. У них можно найти множество и смраднейших примеров из повседневной амбулаторной практики и клинического лечения сих страстей, ибо они и за это берутся, хотя и не признают существования бесов и души. Я укажу только две главные формы проявления жестокости, в которых продолжается сочетание страстей жестокости и блуда.

В первом случае мужчина, одержимый блудной страстью, не иначе может чувствовать удовлетворение, как только причиняя своей жертве жесточайшие мучения (садизм).

Поэт А. Полежаев так описывает одно из собственных походов в доме греха:

*Как лютый волк, стремится Саша
На деву бледную одну,
И распростерлася Дуняша,
Облившись кровью, на полу.
Какое страшное смятенье,
И дикий вопль, и крик, и рев,
И стон, и жалкое моление
Нещадно избитых дев\..*

(«Сашка»)* (*Полежаев А. И. Стихотворения. СПб., 1889. С. 458. — Прим, составителя.)

Таким образом, если всего этого не будет, то и наслаждения не появится.

В другом случае, мужчина, наоборот, чувствует удовлетворение только тогда, когда не он женщине, а она ему причиняет страдания (так называемый мазохизм). Наш писатель И. С. Тургенев, наблюдая у себя эту извращенную склонность, так говорил однажды поэту А. Фету: «Я только тогда блаженствую, когда женщина каблуком наступит мне на шею и вдавит мое лицо носом в грязь»⁴¹.

Стоит только вспомнить, с какой легкостью Тургенев променял родину, свое положение известного писателя, бо-

-229-

гатого помещика, пренебрег своим самолюбием и достоинством человека, которого так почитало культурное общество на положение всеми пренебрегаемого приживальщика в доме известной Виардо, чтобы понять, что эта страсть не так мала, как может показаться с первого раза.

В заключение приведу слова Лафкадио Херна⁴², атеиста, отрицавшего христианство, погружившегося в синтоизм и буддизм и пришедшего, независимо от какой бы то ни было «мистики», но только посредством биокосмического метода, к следующему выводу в конце своих размышлений над природою и ее законами:

«Но разве эти факты из биологии насекомых [о которых он рассуждал], дающие нам возможность многое предвидеть в будущей человеческой эволюции, не дают нам права делать очень важные заключения об отношении этики к

космическому закону? Очевидно, *высшее развитие недоступно тем, кто еще не освободился от пут эгоизма, осужденного нравственным опытом всех времен. Очевидно, величайшая сила — сила самоотвержения. И никогда не достигнут высшей власти сладострастие и жестокость*».

Это — приговор злу цивилизации от воспитанника самой цивилизации. Здесь можно было бы и закончить наши рассуждения. Впрочем, прибавим следующее.

Христианин, после всего этого, имеет полное право отрясти от ног своих прах, насевший от культуры, сделаться «сумасшедшим» и — бежать. Бежать ко Христу, Его кротости, милосердию, любви. Откликнуться на Его призыв:

Приидите ко Мне еси труждающиеся и обремененнии... научитесь от Мене, и ни от кого другого, потому что никто и не способен научить, яко кроток есмь и смирен сердцем... и Аз упокою вы (Мф. И, 28-29).

-230-

§ 3. Уныние и лень.

Уныние, тоска, скука, нерадение, лень, праздность (апатия, сплин — в ученых книжках¹ и «культурном» обществе) — все страсти одного и того же порядка и различаются между собою только по степени и виду расслабления, вызываемого демоном в человеке: иногда он давит на сердце, иногда на тело, один раз сильнее, а другой — слабее.

Поэтому я скажу только о двух главных страстях этого рода, с преимущественным воздействием одной на душу, а другой на тело. Говорю с «преимущественным», потому что в действительности обе страсти тесно переплетаются друг с другом. Посему есть возможность сразу говорить о них обеих вместе.

«...Из всех восьми предводителей злобы дух уныния есть тягчайший», — говорит св. Иоанн Лествичник². Действительно, против каждой страсти служит врачевством противоположная добродетель (например, против чревоугодия — воздержание, против сребролюбия — нестяжание, гордость смирением побеждается и т. д.), против уныния же нет такой специальной добродетели. Вот почему у святых отцов она называется иногда «всепоражающей смертью», ибо для своего уврачевания требует многих сил и ведет за собою все пороки и тысячи зол, вплоть до отвержения мирянами самой идеи личного спасения, а у монахов — до снятия мантий и возвращения в мир. Но зато и *ни одна страсть не доставляет подвижнику столько венцов, как уныние*³. В борении с этой-то страстью и познается, как кто служит Богу — нелицемерно или лукаво и нерадиво; соответственно этому и награждается.

Когда, где и как нападает на человека бес уныния?

Об *определённом* времени нападения можно говорить разве только относительно монахов-отшельников.

Во времена древних отцов-пустынников⁴ враг искушал их обычно около полудня, когда солнце стояло в зените и от жара, которым начинала дышать пустыня, тело и ум естественным образом слабели. Особенно после бессонной ночи, проведенной на молитве. А до подкрепления себя пищею было еще далеко,

ибо ее вкушали только к вечеру или по заходе солнца. Тогда бес наводил на них уныние, страх,

-231-

что труды твои бесполезны⁵, боязнь, что захвораешь и помочь на старости лет некому будет⁶, и просто омерзение к давно облагоуханному молитвой месту, от которого якобы пользы нет. Не бояться именно этого демона и убеждает Господь, когда через пророка говорит подвижнику: *Не убоишия от страха нощнаго, от стрелы летящая во дни... и беса полуденного* — מִקֶּטֶב צַחְחָרַיִם «миккетев цакхарайм», LXX: δαίμονιον μεσημβρινού)⁷ (Пс. 90, 6).

Что же касается грешных мирян, живущих по своей воле и как вздумается, хорошо высыпавшихся, с утра наедающихся, в полдень подкрепляющихся, то демон уныния нападает на них в разное время и в связи с другими обстоятельствами. Но бывают случаи, когда демон действует не менее прилежно и с той строгой аккуратностью во времени, что и в предыдущем случае.

Приведу пример.

В письме к своей жене от 18 июня 1871 года Лев Толстой пишет: «С тех пор как я приехал сюда*, (*В степь, на кумыс, где, понятно, ни развлечений не было, ни вечного приема гостей, какие бывают в барской усадьбе, в которой для разнообразия то покосить немножко можно человеку, чтобы застоя благородной крови не было от долгого сиденья, то верхом проехаться и тому подобное. — Еп. Варнава.)

каждый день в шесть часов вечера начинается тоска, как лихорадка, тоска физическая, ощущение которой я не могу лучше передать, как то, что душа с телом расстаётся»⁸.

Небезынтересно отметить при этом некоторую подробность. «Врач посещает больных поутру, — говорит св. Иоанн Лествичник, — а уныние находит на подвижников около полудня»⁹. Так как Толстой далек был от христианского подвига¹⁰, то бес выбрал для визита к нему другое время: *соответственный*¹¹ час, но вечерний.

Нужно еще и то сказать, что мирские жилища и селения он не очень часто посещает, ибо делать ему там нечего. Жизнь общественная так усложнена разнообразными развлечениями и удовольствиями, что при приближении сего беса люди заранее от него баррикадируются всевозможными способами. Самое большее, что ему остается, это искушать людей скукой в промежутках между *двумя увеселениями*.

Но увидев келью отшельника или человека, желающего посреди людей жить, как в пустыне, то есть мало говоряще-

-232-

го, себе внимающего, знакомств не ведущего, демон уныния, — говорит преп. Иоанн, славный досточудный игумен Синайский¹², — «улыбается и, приблизившись к нему, вселяется подле него».

Раз напав на человека, бес уныния истощит на нем все свои средства, чтобы отвлечь от добродетели. Действует же в указанных в начале этой статьи направлениях.

Святые отцы живописно рисуют картину искушения этим бесом подвижающихся¹³. Но нужно быть большим подвижником, чтобы заметить на

себе, как справедливы их слова. *Каждый* из начавших спастись, после известного промежутка времени, когда ему все удается легко, молится в охотку, в церкви стоит нетягостно (хотя бы службы были ежедневны и очень продолжительны), все вокруг наполнено благодатью, спасение совершается быстро и так далее, — после этого периода благодати¹⁴ каждый испытывает приступы реакции, то есть отвращения от всего, чем человек доселе только и жил, восхищался и упоевался.

К домашней своей обстановке, к самой комнате, начинает искушаемый чувствовать омерзение, то же и к братьям и сестрам по духу. Почему? — «Нерадиво» и «недуховно» живут. Раньше любил такой человек побыть наедине, почитать душеспасительную книгу, помолиться, теперь делается ему тошно, «бежал бы куда глаза глядят», только бы не оставаться в скучной домашней обстановке, где окружающие «не думают нисколько о спасении» сами и другим не дают спастись. Стонет, вздыхает, ропщет, что «ничего у него не выходит» и не выйдет, пока будет находиться в этом обществе, а вот если бы уйти в другое место, все стало бы опять хорошо. А если это человек, уже несколько поработавший над собою и кое-что приобретший, то демон уныния внушает ему новый помысл: «Не ценят твоих трудов... Можешь уже управлять другими, существенную пользу людям приносить, а здесь таланты даром пропадают, и никто не назидается от тебя...» И начинает ему нахваливать другие монастыри, иные места, якобы «очень удобные» для спасения. «Лучше не сыскать...» А здесь — «невозможно, никак невозможно спастись...» Там и люди не те, и «греха меньше», и «тише», и все прочее...

Монаху внушает бес, что жизнь в его монастыре трудна, пропитание скудно, трапеза плоха, а работы много, только здоровье губишь... Иногда про келью помыслы враг внуша-

-233-

ет — сыра, холодна, про начальника или начальницу — строга, не за дело взыскивает, пристрастно относится к подчиненным... Итак, никаким делом духовным заняться ему не дает, но внушает, что одно спасение — это сходить куда-нибудь или уснуть. И снова демон целую вереницу помыслов приводит: того надо поздравить с праздником или по поводу какого-либо события личной его жизни, другого посетить, потому что он болен, там требует якобы нашего утешения одинокая вдова, подруга или несчастный, находящийся в горе, нужде. «Все лучше, чем без толку сидеть в келье». Дело ведь это «святое», внушает дальше бес, «не Христос ли Сам сказал: *Болен бех, и посетисте Мене...*» (Мф. 25, 36). И окаянный этот, будучи сам на краю гибели, идет «спасать» от нее других!..

Благочестивыми предложениями враг и искушает, конечно, только благочестивых, что же касается мирян, ведущих так называемую светскую жизнь, то их он прямо подушает на различные удовольствия. «Сходи в театр, в кинематограф, в гости...» «Давно в картишки не играл, не позвать ли кого...» и так далее.

Если бы такой человек попытался понудить себя на молитву или стать на обычное правило, хотя бы прочесть утренние или вечерние молитвы, лукавый сейчас же напоминает об откуда-то сразу взявшихся «неотложных» делах. То человек сидел часами, сложа руки, не зная, как время убить, а то вдруг там «необходимо» что-то сделать, того предупредить о чем-либо, здесь не забыть.

Каждая спичка, брошенная на пол, незамечаемая дотоле бумажка разрастается теперь в целое бревно, мешающее кланяться и нарушающее порядок комнаты. Кругом все вещи, оказывается, тоже лежат «не как надо» и требуют перестановки. И вот, одним глазом человек смотрит в книжку, другим — по сторонам. Целый день (воскресенье, например) человек свободен, пришло время сходить к обедне, но является «непременно» «неотложное» дело, которого «никак нельзя оставить». И человек — вот бесовское обольщение! — «ясно» видит, что «действительно» надо и то, и это, и пятое, и десятое сделать. Но прошло время, когда нужно было идти в церковь, или, еще лучше, пренебрег человек этими помыслами — и вот уже сам не надивится, каким образом все ему казалось таким сложным и настолько необходимым, что если-де он чего не сделает, беда будет. В действитель-

-234-

ности же, не только ничего такого не случилось, но и дело-то само выеденного яйца не стоит (или стоит — кому как угодно).

И само тело расслабляет этот жестокий, невидимый мучитель. Особенно это бывает тогда, когда врагу не удастся выманить человека из кельи на люди, на развлечения, на рассеяние. В этом случае нагоняет на такового сон и немочь. «Как будто, — говорит преп. Иоанн Кассиан, — он утомлен и расслаблен был долгим путем и самым тяжелым трудом или будто проводил два или три дня в посте, без подкрепления пищею»¹⁵. И в самом деле, человек начинает испытывать как будто «голод», приходит мысль: «Чего бы съесть?..» А между тем «глаз преданного унынию непрестанно устремлен на двери», — живописует св. Нил Синайский¹⁶, — не придет ли, мол, кто? «Скрипнула дверь, и он вскакивает; послышался голос, и он выглядывает в окно, не отходит от него, пока не оцепенеет сидя. Преданный унынию, читая, часто зевает и скоро склоняется ко сну, потирает лицо, вытягивает руки и, отворотив глаза от книги, пристально смотрит на стену; обратившись снова к книге, почитает немного, полистает страницы, полюбопытствует, что в конце говорится... Охуждает печать и украшения, а напоследок, согнув книгу, кладет ее под голову и засыпает».

Если вздумает такой человек помолиться, особенно когда стоит в церкви за долгой службой, где-нибудь в углу, где «ничего не видать» (как будто бы Бога когда-нибудь можно видеть; а если не Его хотят смотреть, то что же? Помпу, блестящие выходы духовенства, облачение на них? Но ведь саккос — не сюртук, по моде сшитый, и архиерейская мантия — не бальное платье со шлейфом!) и где плохо слышно (словно мы артистов или солисток хотим слышать, а не слов евангельских), если, повторяю, придет на сердце мысль от ангела такому человеку помолиться, то, как говорит св. Иоанн Лествичник, «наблюдай и увидишь... тех, которые стоят на ногах, [уныние] склоняет к тому, чтобы они сели, а сидящих увещевает приклониться к стене». Но «когда нет псалмопения, тогда и уныние не является, и глаза, которые закрывались от дремоты во время правила, открываются, как только оно кончилось»¹⁷.

А у нас в храмах стараются завести хоры, «торжественное» богослужение, диаконов, ревущих наподобие быков при возвращении стада; композиторы, как повара к завтра-

-235-

ку, каждый день готовят новые деликатесы, и думают люди, что всего этого требует «благолепие» церковное, «радение» о Церкви Божией, Сам Бог. Какое странное понятие о Боге! Мне кажется, что не только Богу, но и всякому, даже страстно любящему пение, хозяину не понравится, если его прислуга, испортив все добро, которое он поручил ей, придет к нему просить прощения и станет распевать свои извинения на мотив оперетки «Веселая вдова». Не выгонит ли он ее за это безумие? А в наших церквях происходит еще более непередаваемое и чудовищное. Диакон «распевают», как оперные солисты, — и что же? — *просительную* ектению, эти страшные слова о том, чтобы Господь даровал нам, великим грешникам, которым грозит геенна и мука вечная, «прощение и оставление грехов», чтобы сподобил нас «прочее время живота... в покаянии скончати», чтобы самую кончину и мучительное, ужасное разлучение души с телом соделал «безболезненны, непостыдны, мирны»; наконец, чтобы «на страшном судищи Христове» сподобил «доброго ответа» (καλὴν ἀπολογίαν, буквально «прекрасного», безукоризненно-непорочного оправдания в своих грехах) — и все это с замиранием, страстными модуляциями голоса; а голова откинута назад, одна нога вперед, рука в сторону!...¹⁸ Увы, куда мы зашли! Не гнев ли Божий возбуждают наши молитвы, если только не кощунственно будет назвать их таковыми? И хватает же у нас после всего этого дерзости говорить: «Я хорошо помолился» или, наоборот, «я ходил в церковь, но Бог не слушает, не помогает...» Нет, не Богу мы служим, а бесу уныния.

«Расслабление и тягота телесная, прибывающие в душу от лености и нерадения, — говорит св. Симеон Новый Богослов¹⁹, — отбивают от обычного правила и производят омрачение ума и малодушие. Отсюда почасту появляться начинают в сердце *помыслы страхования* и хулы, и искушаемый демоном расслабления и уныния нередко *от робости не может войти в обычное место молитвы и предается лености*, а нередко испытывает нападки неуместных помышлений о Творце всяческих».

Картинно, и вместе «смеха достойно, лучше же сказать слез», как выражались в подобных случаях древние отцы-подвижники (например, Исаак Сирин)²⁰, описывает «гениальный философ и моралист» Л. Толстой, как он, подобно пугливой девчонке, *тамо*, скажу с Псалмопевцем,

-236-

убояшася страха, идеже не бе страх (Пс. 13, 5).

В письме к своей жене (сентябрь 1869 года) сей серьезный и проповедующий всем «здравое» мышление муж пишет:

«Третьего дни в ночь я ночевал в Арзамасе*, (*Где Толстой рассчитывал купить еще новое имение, но покупка не состоялась. — Прим. еп. Варнавы.) и со мной было что-то необыкновенное. Было два часа ночи, я устал страшно, хотелось спать, и ничего не болело**. (**Культурным людям бес при своем приходе всегда внушает щупать голову и живот, в порядке ли они, и тем сваливает вину с себя на болезнь. В данном случае, как свидетельствует Толстой, все было в норме, и на галлюцинации и нездоровье рассчитывать не приходилось. — Прим. еп. Варнавы.)

Но вдруг на меня напала *тоска, страх, ужас*, такие, какие я никогда не испытывал. Подробности этого чувства я тебе расскажу впоследствии, но

подобного мучительного чувства я не испытывал никогда и *никому не дай Бог испытать. Я вскочил, велел закладывать...* Вчера это чувство... возвратилось во время езды»²¹.

Вот уж поистине, *«нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним [то есть гонит-то его бес, но ведь он в него не верит²²]; а праведник смел, как лев»* (Притч. 28, 1), ему демон — то же, что ничто.

Хорошо об этом говорит св. Симеон Новый Богослов: «Боящийся Бога не боится устремления против него бесов, ни их немощных нападений, но будучи весь, как пламень некий и огонь палящий [разумеется от внутренней непрестанной Иисусовой молитвы], когда даже проходит по скрытым и неосвященным местам, обращает в бегство демонов, которые больше, чем он от них, бегут от него, чтобы не быть опаленными от исходящего от него пламеневидного луча божественного огня. Кто проникнут страхом Божиим, тот не боится обращаться среди злых людей... Он ходит среди них как гигант среди обезьянок, уповая на Господа»²³.

Выше я указал, как давит демон уныния на душу и тело человека в обычном порядке — иногда больше, иногда меньше. Но порой, попусшением Божиим, диавол настолько сильно омрачает ум и сердце человека, что состояние это можно не иначе назвать, как «вкусением геенны» (св. Исаак Сирий)²⁴. Случается подобное состояние исключительно с *гордыми* душами²⁵, которые в этом припадке черной меланхолии кончают нередко жизнь самоубийством. Что все-

-237-

го страннее, последнее не редкость там, где, казалось бы, людям и унывать не нужно; я разумею английских миллионеров, среди полной роскоши насильственно умерщвляющих себя в состоянии «сплина»²⁶.

Психиатры тоже стараются что-то тут понять. Образчик их умствований можно видеть в исследовании бесовской одержимости Саула, первого царя израильского (1095-1055 гг. до Р. Х.), и в тех выводах, к которым они приходят. В Библии просто говорится об этом событии: «И было на другой день: напал *злой дух* — רַעַל רוּחַ (руах ра'а) — от Бога на Саула, и он *бесновался* — חֲבַלָּה — в доме своем» (1 Цар. 18, 10). Ученые же думают, что дело будет понятнее, если находить здесь «нейралгию серого вещества головного мозга» (Mendel) или «нарушение питания головного мозга» (П. Ковалевский). Отсюда «предсказание» (как они выражаются, присваивая себе чужие вещи), при этом сатанинском состоянии, «благоприятного исхода, особенно в тех случаях, где *общее питание* организма может быть легко поправимо»²⁷.

У подвижников высшая степень уныния бывает только по *причине зависти* к ним демонов. И обыкновенно «скоро посещает душу благодать Божия», как говорит авва Дорофей, сам испытавший это страшное бесовское нашествие и подробно описавший его в своих «Душеполезных поучениях»²⁸ (с присоединением видения, которым утешил его Бог).

Преп. Исаак Сирий говорит²⁹:

«Взглянем, возлюбленные, в душу свою во время молитвы, есть ли в нас при чтении стихов внимательное молитвенное созерцание. Оно бывает следствием истинного безмолвия. И в то время, как бываем в омрачении, не будем смущаться, особенно если не в нас тому причина. Приписывай же это Промыслу Божию, действующему по причинам, известным единому Богу. Ибо в иное время

душа наша смертно томится и бывает как бы среди волн; и читает ли человек Писание, или совершает службу, во всяком деле, за какое ни примется, омрачение у него за омрачением. Таковой оставляет дело, и часто не попускается ему даже приблизиться к оному; и вовсе не верит он, что это — временное с ним изменение и что бывает он и в мире. Этот час исполнен отчаяния и страха; надежда на Бога и утешение веры в Него совершенно отменяются ду-

-238-

шою; и вся она всецело исполняется сомнения и страха. Претерпевшие искушение в этой волне часа сего по опыту знают, какое изменение последует при окончании его. Но Бог не оставляет души в таком состоянии на целый день; потому что она утратила бы надежду христианскую. Напротив того, скоро творит и *избытые* (1 Кор. 10, 13). Если же тревожное состояние этого омрачения продолжится более, то вскоре ожидай изменения самой жизни.

А я замечу тебе, человек, и дам совет: если не имеешь силы совладать с собою и пасть на лице свое в молитве, то облеки голову свою мантиею и спи, пока не пройдет для тебя этот час омрачения, но не выходи из своей келий. Сему искушению подвергаются наипаче желающие проводить жизнь умственную и в шествии своем ищущие утешения веры. Поэтому всего более мучит и утомляет их этот час колебанием ума; следует же за сим часто хула, а иногда приходит на человека сомнение в воскресении, и иное нечто, о чем не должно нам и говорить. Все это нередко познавали мы опытом и к утешению многих описали борьбу сию.

Занимающиеся делами телесными совершенно свободны от сих искушений. На них приходит иное уныние, известное всякому, и оно в образе действия своего отлично от сих и подобных сим искушений. Здравие и уврачевание страждущего им исходит безмолвием. Вот утешение для него!

В сообществе же других никогда не приемлет света утешения и беседами человеческими не врачует, а успокаивается на время, и после того уныние сие с большею силою восстает в человеке. И ему необходимо нужен человек просвещенный, имеющий опытность в этом, который бы просветил его и укреплял при всяком случае во время нужды, но не навсегда. Блажен, кто претерпит это, не выходя за дверь. Ибо после этого, как говорят отцы, придет в великую обитель и силу. Впрочем, не в один час и не скоро оканчивается борьба сия; и благодать не вдруг приходит и вселяется в душе, но постепенно, и одно сменяется другим; временем искушение и временем утешение; и в таком состоянии человек пребывает до исшествия своего. А чтоб совершенно стать чуждым сего и совершенно утешиться, не будем на то и надеяться здесь. Ибо Сам Бог благоволил, чтобы так устроилась жизнь наша здесь и шествующие путем терпели это. Богу слава во веки веков! Аминь».

-239-

Уныние нападает на человека по следующим причинам:

от уединенной жизни³⁰, из которой исключены все утешения и общение с людьми;

от чрезмерных тяжелых трудов и подвигов³¹;

от духовной неряшливости, небрежности, нерадения, беспечности, забвения долга своего, то есть необходимости спастись и, наконец, от полного

бесчувствия, окаменения души и забвения вечных небесных благ, которые истинному христианину уготованы³².

Таким образом, как отсутствие всякого отдыха в работе нудит душу, так и постоянная смена впечатлений и ежедневные развлечения наводят на нее скуку и уныние. Отчасти это понимают и миряне, когда «до тошноты» нахватаются всех сластей, но в полной мере могут оценить, с великим плачем раскаяния, только монахи. Я не говорю уже о грубых удовольствиях, о них им запрещается и думать, но даже простое рассеяние и особенно *продолжительные беседы со встречными и приходящими, пустословие, празднословие*, также попускание чревоугодия, открывают душевную дверь для сего демона, сопровождаемого целой ватагой других.

Что сказано мною о мирянах, хорошо подтверждается на примере из жизни того же Л. Толстого. По невежеству своему в духовной жизни, он, конечно, не понимает, почему с ним делается то-то и то-то, но мы не ставим ему это в вину — не наше дело, — а только воспользуемся его душевными переживаниями для примера.

В письме к Т. А. Ергольской из Женевы от 4 апреля 1857 года он между прочим сообщает: «Тем не менее, *несмотря на удовольствие*, доставленное мне жизнью в Париже, на меня *без всякой причины* напала невыразимая тоска...»³³

Нет нужды, кажется, добавлять, что не только со стороны психологии, но и простой здравой логики, фраза построена неправильно. Это все равно, что сказать: «Несмотря на то, что у меня с утра ни капли во рту не было, кроме трех бутылок вина, я каким-то чудом оказался пьян».

Пора уже мне сказать и о том, чем же уврачевать эту страсть? Какие лекарства для нее существуют в аскетике?

Собственно, «врачевство же от всего этого одно, — говорит св. Исаак Сирий³⁴, — при помощи только одного человек находит скорое утешение в душе своей. Какое же это врачевство? — *Смирennemудрие сердца*. Без него никто не воз-

-240-

может разорить преграду [крепость] этих зол; скорее же найдет, что превозмогли над ним бедствия. Не гневайся на меня, что говорю тебе правду. Не взыскал ты смирennemудрия всею душою своею. Но если хочешь, вступи в его область и увидишь, что освободит оно тебя от порока твоего. По мере *смирennemудрия* дается тебе терпение в бедствиях твоих; а по мере терпения *облегчается тяжесть* скорбей твоих, и приемлешь утешение... Щедролюбивый Отец наш у истинных сынов Своих, когда соблаговолит сотворить облегчение их искушений, не отъемлет искушений их, но дает им *терпение* в искушениях. И все эти блага они [то есть святые] приемлют рукою терпения своего к усовершенствованию душ своих».

Вот, попутно, и смысл страданий выяснен. Не только нельзя удивляться, откуда, раз Бог благ, скорби существуют, но *благодарить*, наоборот, Его за них надобно. В том-то благодать и состоит Его, что Он не дает вознерадеть душе и оступеть в сластях и развлечениях, ниспосылая ей скорби.

Если бы не было страданий, не было бы святых, и никто бы не спасся. Но Господь, зная нашу леность и склонность к ропоту, умеряет скорби; как только увидит, что мы мало-мальски исправились и стали помирнее, совсем отнимает

их. Не так, говорит св. Исаак Сирин, Бог поступает со святыми, но для большей славы в будущем и для совершеннейшего очищения от страстей здесь казнит их непрестанно и не только не освобождает от ужасов бесовских, но и больше их попускает, взамен прибавляя любимцам Своим только терпения³⁵.

Итак, *терпение со смирением* — первые врачевства при унынии.

Совершенно оригинальный способ врачевать тоску нашла одна помещица, и, как говорила она после, совершенно «случайно».

Раз, когда она тосковала, одна крепостная девушка принесла неудачную работу. Вместо выговора барыня «дала ей две пощечины и — странное дело! — через несколько минут почувствовала, что ей как-будто сделалось получше». Средство было найдено, и с этих пор барыня, когда была в унынии, отправлялась лечить его в девичью³⁶.

Ясно и без этого «случайно», что все это — происки бесов, заменивших предыдущий способ врачевания своим собственным, противоположным, то есть бес уныния пере-

-241-

продает жалкую душу, им одержимую, другому — демону жестокости³⁷.

Но смирение — это общая добродетель, которая раскрывается — и у новоначальных выражается — в ряде других, более простых и определенных.

Поэтому, кто хочет победить беса уныния, тот должен соблюдать следующее:

воздержание от празднословия,

посильное рукоделие,

чтение Слова Божия,

принудительная, терпеливо-настойчивая молитва,

помышление о смерти и

*о будущих благах в Царстве Небесном*³⁸.

Великий старец, о. Амвросий Оптинский, обычно глубоко рассекавший существо страстей своим острым даром рассуждения, который он часто скрывал от похвал человеческих под шутливо-рифмованной речью, кратко говаривал:

— Скука унынию внука, а лени дочь. Чтобы отогнать ее прочь, в деле потрудись, в молитве не ленись; тогда и скука пройдет, и усердие придет! А если к сему терпения и смирения прибавишь, то от многих зол себя избавишь³⁹.

Как нетрудно заметить, в этом данном простым людям и легко запоминаемом поучении заключены все предыдущие рассуждения о происхождении этих страстей и о средствах к их уврачеванию*.(Для самых немощных Исаак Сирин допускает следующий <способ>: завернись в мантию и спи.)

Вот несколько историй, поощряющих к терпению и мужеству и показывающих, как вели себя в искушениях древние отцы-пустынники и как нам поступать в подобных же случаях.

1. Демон уныния в продолжение 50 (пятидесяти) лет не отступал от аввы Феодора и аввы Лукия Еннатских, внушая им всякие помыслы неприязни к выбранному для спасения месту (в пустыне). И все это время они легко эти помыслы побеждали и обыкновенно говорили: «После этой зимы мы перейдем отсюда». А когда опять наступало лето, говорили: «Как пройдет это лето, мы уйдем отсюда». Так делали незабвенные отцы во всю свою жизнь⁴⁰.

2. Один старец жил в пустыне за две мили (2000 шагов) от воды. Однажды, пойдя почерпнуть воды, впал в уныние и сказал: «Какая польза в этом труде? Пойду, поселюсь

-242-

ближе к воде». Обратившись назад, он вдруг видит кого-то, идущего за ним и считающего шаги его. Старец спросил: «Ты кто?» — «Я — ангел Господень, — отвечал тот, — я послан исчислить шаги твои и воздать тебе награду». После сего святой, воодушевившись, отнес свою келью еще далее — на пять миль от воды⁴¹.

3. Один брат был безмолвником в общежительном монастыре, но постоянно приходил в гнев. Унывая от этого, он говорит сам в себе: «Уйду отсюда в уединенное место, и так как там ни к кому не буду иметь отношения, то оставит меня страсть гнева». И вот, поселился один в пещере. Однажды, почерпнув воды, поставил глиняный сосуд на земле, — и он тотчас повернулся вниз. Он опять налил его и поставил, тот снова опрокинулся. Брат в третий раз наполнил его, вода и в этот раз пролилась. Безмолвник, рассердившись, схватил его и разбил. Придя в себя, понял козни диавола и сказал: «Вот, я удалился и в уединение, и — побежден им! Пойду опять в общежитие; ибо *везде необходимы подвиг, и терпение, и Божья помощь!*» И возвратился на прежнее место⁴².

(*Некоторые люди полагают, что если уйти в уединение, где их ничто не сможет развлечь, то им будет *легче* бороться со страстями. Ничуть. Не будет людей, мешающих нам, — будут бесы, что гораздо хуже. Недаром преп. Серафим Саровский говорил, что «живущие в монастыре борются с противными силами, как с *голубями*, а живущие в пустыне - как со *львами и леопардами*»⁴³. Надо сперва очистить свое сердце от страстей, а потом идти в уединение. Не говоря уже о том, что тогда мы и облегчим себе подвиг, — для которого еще места останется много, — и гнев Божий, возгорающийся на берущихся за дела выше своей меры, отведем от себя!⁴⁴ Поступающий наоборот, согласно своим помыслам,⁴⁵ извращает правильный порядок спасения... Неверующие же соблазняются, ропщут, мешают все в одну кучу — бриллианты с булыжниками, и говорят, что монахи — ту-неядцы, *покою* ищут. Покоя-то покоя, но только не такого, о котором эти хулители понятие себе составили; не освобождения от страданий, мучений, гонений, которыми их награждают эти порицатели, а от собственных страстей. Но новонаначальному для приобретения такого покоя (понятно после всего сказанного) не нужно бежать от людей и из мира, если к тому нет ясно видимой воли Божией. Враг везде с ним будет: и дома, и на людях, и в пустыне. Надо побеждать его каждому на своем месте (1 Кор. 7, 24) вышеуказанными мною средствами.)

-243-

4. Тем, которые приходят в уныние от шума помыслов, внушающих, что грехов и страстей у них — необозримое поле терновника, а сил для подвигов нет, можно привести в назидание следующий рассказ старца о. Амвросия⁴⁷: «Ехал мужик по базару. Вокруг него толпа народу, говор, шум. А он все на свою лошадку: но-но! но-но!.. Так помаленьку, помаленьку и проехал весь базар. Так и ты, что бы ни говорили помыслы, все свое дело делай — молись!»

-244-

§ 4. Печаль.

1. Что есть печаль?

«Печаль — препятствие всему доброму», — говорит св. Нил Синайский¹. «Когда злой дух печали овладевает душою, — читаем описание действия этой страсти у преп. Серафима Саровского, — тогда, наполнив ее горестью и неприятностью, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает заниматься чтением Писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумною и иступленною, не может спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как виновников ее смущения, и не понимает, что причина болезни внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать»².

Отчего происходит печаль?

Печаль обычно есть следствие гневных помыслов или неудачи в удовлетворении какой-либо страсти. Поэтому, кто победит свои пожелания и страсти, тот навсегда изгонит из своего сердца и печаль. Так, не печалится воздержный, что не удался у него обед, и целомудренный, что не успел в неразумно задуманном непотребстве; негневливый не сокрушается, что не пришлось ему отомстить за обиду, а смиренномудрый — что лишен человеческих почестей. Нестязательный, если и последнего лишится, горевать не будет. Почему? Потому, что «они с силою отклонили от себя пожелание всего этого, и, как одетого в броню не пронзает стрела, так бесстрастного не уязвляет печаль»³.

Но со страстными людьми бывает, что иногда, как будто без всяких видимых причин, находит на них печаль. Тогда, говорит преп. Иоанн Кассиан⁴, «по влиянию тонкого врага мы вдруг подвергаемся такой скорби, что не можем с обычной приветливостью принимать посещение даже любезных лиц и родственников наших, и что бы ни было ими сказано в приличном разговоре, нам все кажется неблагоприятным и лишним...»

Однако это доказывает только то, что не всегда печаль имеет свои причины во *внешних* источниках. Нет, внутри

-245-

нас, глубоко в сердце заложены скрытые семена пороков, которые, как только прольется на душу дождь искушений, тотчас производят ростки и плоды. Посему опять должно сказать, что если бы мы были не по внешности только бесстрастны, но на самом деле спокойны в душе, то никакие ухищрения демона печали не смогли бы повлиять на нас. Почва сердца, иссушенная постом, бдениями и молитвами, не смогла бы уже воспринять семена внушаемых бесами страстей⁵.

Отсюда следствие: не нужно бегать от людей с целью уклониться от печали. Правда, нельзя избежать смущения человеку, живущему в миру и постоянно входящему в соприкосновение с людьми, совершенно не родственными ему по духу, одержимыми не только страстями, но, случается, и самими демонами. Но думать, что от простой перемены места будет ему легче, ошибочно. Переменив обстановку, человек переменит только причины возбуждения страстей. Не это ему нужно, а — терпение и другое нечто, о чем пойдет речь ниже. Если у

человека будет терпение и вообще чистота сердца, тогда он в состоянии сказать вместе с пророком Давидом: *с ненавидящими мира бех мирен* (Пс. 119, 6). Тогда не только с людьми, но и с дикими зверями он легко уживется, и те почитать его будут, как сказано в Писании: *зверие бо дивии примирятся тебе*⁶ (Иов. 5, 23).

*Убийцы печали**(См.: Лествица. Слово 26, 195. — Прим, составителя.)

Выше уже говорилось, что печаль питается за счет существования страстей в человеке. Отыми у себя пристрастие к вещам, похоти, чревоугодию, и никакой печали никогда у тебя не будет. Но можно указать и на положительные средства, в корне подсекающие эту страсть. Таковы в особенности *молитва, милосердие и нестяжание*⁷. Много помогает делу направление своего внимания на смерть и умиленное размышление о будущих благах, вечных, нескончаемых, и о тленности и скоропреходящей суете мира сего, обреченного на уничтожение (2 Петр. 3, 10). Беседа с духовно-опытными людьми тоже немало пособляет разгнанию печально-го настроения. Но только не театры, гости и всякое веселие и развлечение. Это называется менять беса на вельзевула, все равно что броситься «из огня да в полымя». Впрочем, погрязшие в пороках и никогда не испытывавшие сладости

-246-

духовной молитвы не понимают, чего они лишаются, предаваясь мирским забавам.

Безрассудная печаль и огорчение при досточестном бесчестии, досаждении и выговоре от начальствующих и старших врачуются тем же способом. Если представим себе в это время тот страшный приговор Судии, который должны мы услышать на Страшном Суде за свои скверные мысли и дела, то умертвим свою печаль и огорчение *терпением и кротостию*, как неким обоюдоострым мечом⁸.

II. Печаль нередко соединяется с отчаянием

«Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастьях, каких бы то ни было... Иуда-предатель был малодушен и неискусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и принудил его удавиться; но Петр — твердый камень, когда впал в великий грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем»⁹.

Но всегда нужно помнить:

Никому не должно отчаиваться Вот что говорит об этом преп. Исаак Сирин: «Если приключится человеку впасть и в многообразные прегрешения, да не перестает радеть о добре, да не останавливается в своем течении. Но и побеждаемый, снова да восстает на борьбу со своими противниками и ежедневно да начинает полагать основание разрушенному зданию, до самого исхода своего из мира сего, имея в устах пророческое слово: *не радуйся о мне, противник мой, яко падох, ибо снова востану... аще сяду во тме, Господь осветит мя* (Мих. 7, 8). И нимало да не прекращает брани до самой смерти, пока есть в нем дыхание, да не предает души своей на одоление, даже и во время самого поражения. Но если и каждый день разбивается ладья его и терпит крушение весь груз, да не перестает заботиться, запасаться, даже брать займы, переходить на другие корабли¹⁰ и плыть с упованием, пока Господь, призрев на подвиг его и умилосердившись над сокрушением его, не ниспослет ему Свою милость и не

даст ему сильных побуждений встретить и вытерпеть разжженные стрелы врага. Такова премудрость, подаваемая от Бога. Таков мудрый больной, не теряющий
-247-

своей надежды. Лучше быть нам осужденными за некоторые дела, а не за оставление всего»¹¹.

Выпишу в утешение страждущим еще несколько цитат из святых отцов, ибо в наше слабое время очень часто можно встретить одержимых сим недугом.

«Да благодушествуют страстные *смирившиеся*, — говорит св. Иоанн Лествичник¹². — Ибо если они и во все ямы впадали, и во всех сетях увязали, и всяким недугом возне-дуговали; но по выздоровлении бывают для всех светилами и врачами, путеводителями и наставниками, объявляя виды и свойства каждого недуга и своею опытностью спасая близких к падению».

Еще он же сказал:

«Не ужасайся, если и каждый день падаешь, и не отступай от пути Божия, но стой мужественно; и без сомнения ангел, который хранит тебя, почитит твое терпение»¹³.

Опять по-иному утешает тех, на которых <и> жития святых, прославившихся некогда великими подвигами, наводят отчаяние:

«Весьма неразумен тот, кто, слыша о сверхъестественных добродетелях святых мужей, отчаивается. Напротив, они преподают тебе одно из двух полезных наставлений: или чрез святое *мужество* возбуждают к ревности, или чрез всесвятое *смирение* приводят тебя к глубокому познанию твоей немощи и к зазрению самого себя»¹⁴.

Почему не должно отчаиваться?

«Нет ничего равного милости Божией; нет ничего больше ее. Посему отчаивающийся сам себя губит. Признак прилежного покаяния заключается в том, что человек почитает себя достойным всех случающихся ему видимых и невидимых скорбей, и еще больших»¹⁵.

«Поэтому ни один человек да не останется в отчаянии!» — развивает дальше эту мысль св. Иоанн Лествичник. Преп. Исаак Сирин советует: «Не будем только нерадеть о молитве и не поленимся просить помощи у Господа. Твердо положим в мысли своей и то, что пока мы в мире сем и оставлены во плоти, то хотя бы вознеслись до небесного свода, не можем оставаться без дел и труда и быть без попечения. Это (то есть покаяние и смирение. — Еп. Варнава) — прости меня в том — есть совершенство, а что паче сего, то глумление без разума»¹⁶.

-248-

Причины отчаяния

У людей, ведущих духовную жизнь, бывает отчаяние двух родов. Отчаяние первого рода происходит от отягчения совести множеством содеянных грехов, когда душа, по причине большого количества этих язв, погружается от тяжести их в глубину безысходного горя и безнадежна. Другого рода отчаяние бывает от гордости, когда человек, впадший в какой-либо грех, никак не хочет смириться и признать, что он заслужил падение. Если кто в это вникнет, тот заметит между ними следующее различие: «первые предаются нерадению, а вторые при безнадежности держатся и подвига, что одно другому противно». Кстати, нужно сказать здесь уж и о лекарстве против сих недугов: от первого вида исцеляют

воздержание и теплая надежда на Бога, а от последнего — «смирение и то, чтобы никого не осуждать»¹⁷.

Основные причины отчаяния остаются для мирян такими же, что и для монахов, только внешние поводы к нему более мелочны. Оскорбленное самолюбие, страх перед общественным позором в случае, если узнают о совершенном преступлении, боязнь наказания, крушение идеалов или задуманных предприятий, безнадежная любовь и прочее — все это доводит людей XX века с их ничтожными душонками даже до самоубийства. В этом отношении они даже ниже дикарей.

«Самоубийство незнакомо океанийцу, — говорит Э. Реклю¹⁸. — Ему непонятен цивилизованный француз, во власти которого наслаждаться красотой мира, знанием, деятельностью и который, однако, всему этому добровольно предпочитает небытие».

В устах автора-анархиста, неверующего в загробную жизнь и воспевающего цивилизацию, это сознание (что культура бессильна помочь своим сыновьям в наслаждении жизнью) ценно.

Вот еще образчик, один из тысячи, из-за чего люди отчаиваются в жизни. Выписываю из газетной хроники:

«Самоубийство мальчика. Вчера в доме Соколова, на Вознесенской улице, отравился цианистым калием 14-летний мальчик П. Кузьмин. В оставленной записке мальчик пишет: "Я отравился и умираю из-за любви к Елене".

Елена — живущая в том же доме 14-летняя девочка»¹⁹.

-249-

III. Печаль по бозе (ката Θεον — ради Бога: 2 Кор. 7, 10)

«Только в одном случае надобно считать печаль полезною для нас, когда она возникает от покаяния в грехах, или от желания совершенства, или от созерцания будущего блаженства»²⁰. И в этом случае она есть драгоценное даяние Божие²¹, и сила ее велика. «Сердце, исполненное печали о немощи и бессилии в делах телесных явных, — удостоверяет св. Исаак Сирин, — заменяет собою все эти телесные дела»²².

Но нужно помнить, что, «кто скорбит сердцем, а чувствам своим дает свободу, тот подобен человеку, который, имея единородного сына, мало-помалу закаляет его собственными своими руками»²³. Это и понятно, потому что сердце печалующееся и умиленное требует охранения, и если человек дает волю своему языку, глазам, ушам и прочему, то этим сам — и никто не будет в этом виноват — уничтожает болезнующую печаль по Бозе в своем сердце. Ибо Господь, по недостойнству человека, отнимает Свой дар. Поэтому-то святые и сказали: «Покаяние и частые сношения с людьми — то же, что разбитая бочка». И еще: «Щедрые подаяния и вместе заушения — все равно что в меду омоченный меч»²⁴.

-250-

§ 5. Тщеславие.

«Некоторые имеют обыкновение писать тщеславии в особенной главе и отделять его от гордости; поэтому и говорят они, что начальных и главных

греховных помыслов *восемь*¹. Но Григорий Богослов² и другие³ насчитывают их *семь*. С ними и я более согласен; ибо кто, победив тщеславие, может быть обладаем гордостью? Между этими страстями такое же различие, как между отроком и мужем, между пшеницею и хлебом; ибо тщеславие есть начало, а гордость конец. Итак, по порядку слова, скажем теперь вкратце о нечестивом возношении — об этом начале и исполнении всех страстей. Ибо кто покусился бы пространно об этом предмете любомудрствовать, тот уподобился бы человеку, который понапрасну старается определить вес ветров»⁴.

Что такое *тщеславие*! — Оно есть страсть тонкая и могущественная, которая никого и ничего не боится; к подвижникам даже сильнее льнет. Там, где все остальные бесы прогнаны и обращены в рабство, дух тщеславия один надеется устоять и низложить мужественного борца. Все остальные бесы, как огня, боятся умножения в человеке добрых дел — демон тщеславия один только веселится, когда видит их умножение⁵. Там, где прочие бесы ничего не могут поделать и выбиваются из сил, трудясь над соблазнением подвижающегося, приходит этот тонкий, легко вздымающийся дух и в одну минуту уничтожает все долговечные поты, слезы, труды спасающегося и обращает их в ничто, лишая всякой награды.

Тщеславие, хотя многовидно и многообразно, однако все его проявления можно свести к двум родам⁶. Первый («мирская гордость») свойствен новоначальным братьям и мирским людям. Монахи в этом случае тщеславятся тем, что их монастырь богаче, славнее, многолюднее, жизнь в нем лучше, одеваются красивее и богаче; в отношении себя тщеславятся какими-либо природными дарованиями: хороший-де канонарх он; к назначенному послушанию ловкость имеет — «горит все в руках у него» и прочее. Об этом же роде тщеславия среди мирян еще преп. Иоанн Лествичник сказал в предупреждение истинно кающимся: «Наблюдай и увидишь, что непотребное тщеславие до самого гроба

-251-

украшается одеждами, благовониями, многочисленною прислугою, ароматами и тому подобным»⁷. Внушениями именно этого беса объясняются поступки молодых людей, в особенности девушек («барышень»): когда они, кажется, *только и знают*, что говорят, какая у кого шляпка — у той красивее, у другой хуже; какие носовые платки, духи; те же самые разговоры идут о кофточках, юбках, ботинках, не оставляется в покое даже нижнее белье; юноши заботятся о воротничках, «клешах», штиблетах, тростях, перстнях и прочем и прочем. Тщеславятся своими волосами, зубами, руками, ногами — всем, чем угодно. В лучшем случае, тщеславятся своими естественными дарованиями: остроумием, находчивостью, умением вести разговор и держать себя, начитанностью, благовоспитанностью, образованием, музыкально-вокальными или художественными способностями, благородностью происхождения и прочим. Это все душевные нечистоты самой первой, низшей степени.

По-иному совершенно демон искушает подвижающихся («гордость монашеская»). Они уже все предыдущее отвергли в душе и оплевали, как срамное и гнусное; поэтому он заставляет их тщеславиться *добродетелями*. Здесь также две степени можно подметить. Первая грубее второй, потому что добродетели у нее главным образом внешние: пост, общая молитва в церкви, общее послушание

и так далее. У затворников и живущих в одиночку дело, конечно, тоньше. Кто спасается на людях, тому бес всячески внушает, чтобы он совершал подвиг подчеркнуто напоказ, даже «с блеском» (окаянный, еще и текст евангельский приводит: Мф. 5, 16). Для сего враг не отказывается даже *помогать* нам и *облегчать* (о, коварство бесов!) наши труды⁸. Безмолвнику же бесы стараются испортить дело тем, что сами тонко нахваливают его и стараются уверить, что высота добродетели дает ему возможность легко побеждать их (демонов)⁹.

Приведу один только пример подобной бесовской брани. Чтобы понятны были вся, так сказать, соль и остроумное противоборство подвижника с врагами, упомяну сперва полностью то место из Псалтири, на поле которого совершилась эта битва. Вот оно: *«Богже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися. Да постыдятся и посрамятся ищущий душу мою, да возвратятся вспять и постыдятся хотящий ми злая. Да возвратятся абие стыдящиеся глаголющий ми: благоже, благоже»* (Пс. 69, 2—4).

-252-

«Некто из прозорливцев, — сообщает блаженный Иоанн Лествичник, — сказал мне виденное им. "Когда я, говорил он, сидел в собрании братии, бес тщеславия и бес гордости пришли и сели при мне, по ту и по другую сторону; и первый толкал меня в бок тщеславным своим перстом, побуждая меня рассказать о каком-нибудь моем видении или делании, которое я совершил в пустыне. Но как только я успел отразить его, сказав: *да возвратятся вспять и постыдятся хотящий ми злая* (Пс. 69, 3), тотчас же, сидевший по левую сторону, говорит мне на ухо: *благоже, благоже* ты сотворил и стал велик, победив бесстыднейшую мать мою. Тогда я, обратившись к нему, произнес слова, следующие по порядку после сказанного мною стиха: *да возвратятся абие стыдящиеся глаголющий ми: благоже, благоже* сотворил еси"».

Хотя то, что происходило далее, относится к существу другой страсти больше, чем к тщеславию, но, чтобы не разрывать целостной ткани рассказа, я приведу и это.

Преп. Иоанн попросил объяснить прозорливца основы тех взаимоотношений бесов, которые они ему сами открыли. «Спросил я того же отца, — продолжает он, — как тщеславие бывает матерью гордости? Он отвечал мне: "Похвалы возвышают и надмевают душу; когда же душа вознесется, тогда объемлет ее гордость, которая возводит до небес и низводит до бездн"»¹⁰.

В общем же надо сказать, что тщеславие многолико. Тщеславие положительно во всем запинаят человека. Если тот хочет попоститься — тщеславится тем, что, вот, он чуть ли не подвижник; начинает скрывать от людей свой пост — опять тщеславится, считая себя мудро поступающим. Сошьет новое красивое платье — и вот уже не может усидеть дома и не оббегать всех знакомых, не посетить и те места, куда уже давно перестал ходить; оденется, желая смириться и подавить страсти, в старое, изношенное — и уже ублажает себя и *гордо благодарит Бога, по внушению беса*, что ему (Бог уж ни при чем у такого человека) удалось победить беса (того самого, что ему это внушил!)...

Кто после этого не восплачет, видя себя со всех сторон опутанным сетями?! В тот момент, когда человек думает, что — слава Богу! — все кончено, враг

низложен и искушение прошло, в это самое время умерщвленная, казалось, на-
смерть ехидна восстает, преследует своего победителя еще

-253-

жесточе, чем раньше. И чем сильнее будет сокрушена, тем сильнее после борет
возношением самую победу. «Как ни брось сей троерожник¹¹, все один рог
станет вверх», — говорит по этому поводу св. Иоанн Лествичник¹².

Из исторических примеров приведу всем известные.

Александр Македонский мог бы еще, по его собственным словам, променять
свои царства (да и то, если бы это случилось как-нибудь само собою) на житье в
бочке, но только в диогеновской, чтобы было чем прославиться.

«Если бы я не был Александром, — сказал он однажды, — то хотел бы быть
Диогеном» (*Cicero. Tusculanae disputationes*, V, 32, 92).

Но сам Диоген, опять-таки, тщеславился своей неряшливостью и презрением к
удобствам и обычаям мира, которых избегал.

Один раз он пришел к знаменитому философу Платону и *грязными* ногами
наступил на роскошный дорогой ковер, лежавший в его помещении, со словами,
что он попирает *высокомерие*.

— Да, *другим высокомерием*, — ответил ему в тон мудрец.

Таким образом, они разменялись одною и тою же монетой.

Покажу еще несколько злоухищрений тщеславного беса.

«Когда мы, на год или на несколько лет удалившись [не непременно телом, а и
по взглядам и переменившимся убеждениям] от своих родных, приобретем малое
некоторое благоговение, или умиление, или воздержание, — говорит светильник
рассуждения авва Иоанн Синайский, — тогда суетные помыслы, приступивши,
побуждают нас опять идти в отечество [или, что то же, опять искать общения с
людьми и знакомыми], для назидания, говорят, и примера, и пользы многих,
видевших некогда наши беззаконные дела; а если мы еще богаты даром слова и
имеем сколько-нибудь духовного разума, тогда уже, как спасителям душ и
учителям, советуют они нам возвратиться в мир». Намерение же их то, «чтобы мы
благополучно собранное в пристанище бедственно расточили в пучине»¹³.

Этому искушению постоянно подвергается молодежь, и даже не имеющая
духовного воспитания. Немножко поучится, нахватается верхов, прочитает
несколько брошюр по специальным вопросам, выучит десятка два-три

-254-

иностранных слов (которыми она без труда хочет прикрыть свое невежество и
пустить пыль в глаза) и выходит с этим запасом — как будто знания Платона,
Шекспира, Гете, Канта и прочих сразу вложились в ее голову, — выходит,
говору, учить всякого, кто попадет под руку, не исключая и старших. С этих пор
молодому человеку или девушке уже не сидится на месте. Забота у них
становится не маленькая: надо послужить благу всего человечества или, по
меньшей уж мере, благу своего народа. Кругом, оказывается, одна «тьма»,
«невежество», люди «прозябают» и живут «мещанскими» интересами. «Никакого
прогресса». «Сидеть дома без пользы и цели, — шепчут бесы, — это эгоизм и
грех, Бог велел любить своих ближних и благотворить им». А глядишь — этот
человек и в Бога-то не верит... И когда душа примет все эти помыслы, то начинает
кружиться, как очумелая муха на полу, повсюду разглагольствуя *de omni re scibili*

et quibusdam aliis* (*обо всех вещах, доступных познанию, и о некоторых других (лат.)) — и ни о чем по существу дела. И не допускает ее враг до простого соображения, что если бы каждый, вместо того чтобы, оставив воспитание и приведение в надлежащий вид своей души, идти «просвещать» других, занялся очищением своего ума и сердца от невежества, себялюбия, гнева, блуда (и мало ли от чего еще наберется), то в целом человечество какой бы приняло прекрасный вид! И главное, успех пришел бы гораздо скорее. А иначе, если мы себя лично на должную высоту поднять не можем и терпения не имеем, то как же хотим с этими же, недостаточными для своего собственного серьезного воспитания силами переродить чужие души, которые тоже имеют свое самолюбие и свои страсти? И вот, если человек, стоя на своем, не сможет одержать верх над инакомыслящими, то начинает мучиться или, вернее, озлобляться, роптать, обвинять их в «отсталости», «мракобесии» и тому подобном, будучи сам окружен со всех сторон бесовским мраком.

Но сознание того, какая великая польза будет человечеству, если оно примет наши идеи и проникнется нашими убеждениями, и какую славу оно должно нам воздать за все это, не только свойственно молодежи, но трогает умилением и сердца стариков. Сами ученые, причастные к «успехам цивилизации», смеются над этой немочью, не понимая, что издеваются тем самым и над самими собой.

-255-

Так, Уорд¹⁵, выясняя развращающее действие эгоизма и самомнения, вскрывает не без отваги, до чего доводит преувеличенное понятие о собственной важности, всегда оберегающей нравственность других и становящейся даже забавной, потому что к ней всегда примешивается напускное смирение. Во имя «научной» истины он без сожаления, с холодным беспристрастием, как говорят, ученого, приводит в пример Огюста Конта, «который, после того как долго придерживался своей "мозговой гигиены", т. е. не читал ничего и не разговаривал ни с кем, а только вырабатывал свою систему из глубины своего самосознания, вообразил себя наконец провозвестником нового откровения и назначил даже время, когда оно будет всеми принято». «А разве не заметны следы такого преувеличения собственного значения, — продолжает дальше Уорд, — у Герберта Спенсера, когда он в предисловии к своим "Data of Ethics"*(«Основания этики» (англ.)) объясняет, что спешит изложить миру свою систему этики из боязни, чтобы от промедления не произошло серьезных бед?»

Нужно ли еще напоминать о том, о чем мы все учили в гимназии, — о всех этих «нерукотворных памятниках» тщеславия, которые поочередно воздвигали сами себе Гораций, Овидий, Пушкин и другие? Я приведу здесь менее известные и более других поучительные слова Овидия, находящиеся в одной из его «Любовных элегий» («Amores»)¹⁶:

...mihi fama perennis

Quaeritur, in toto semper ut orbe canar...

Ergo etiam cum me supremus adederit ignis,

Vivam, parsque mei multa superstes erit.

...я славы вечной

Ищу: во всем мире всегда чтобы пели меня...

И даже в то время, когда будет жечь

Последний огонь меня, — буду я жить

И свой прах лучшей частью себя переживу...

Это упоминание об адском огне, в котором будет гореть поэт в то время, когда его любовными стихотворениями будет зачитываться весь мир, — очень назидательно.

Еще одна бесовская хитрость. Те, которые ведут внимательную жизнь, хорошо поймут, о чем я буду говорить.

-256-

Иногда демон тщеславия, внушив близкому нам человеку помыслы, открывает их в то же время и нам самим и подстрекает, чтобы мы сказали этому человеку, что у него на сердце. И когда мы послушаемся лукавого духа, то он после подходит к нам и бесстыдно начинает ублажать как прозорливцев. Если поддастся на эту удочку, то очень скоро во множестве случаев начнешь подмечать за собою, что ты как бы «предвидел» то или иное событие, тот или иной обращенный к тебе вопрос со стороны других¹⁷.

Приложу и еще одно демонское кознейство. Дух тщеславия, как я сказал, один из самых могущественных, только разве дух гордости превосходит его. Поэтому, куда он приходит, оттуда легко может выгнать и убрать со своей дороги других демонов. Но иногда и уступает им свою победу над несчастной душой. То, как это бывает на практике, описывает, в частности, св. Иоанн Лествичник:

«Видел я, как... один монах рассердился, а между тем пришли мирские; и вдруг сей окаянный, оставив гнев, перепродал себя тщеславию; ибо не мог в одно время служить обеим страстям»¹⁸.

«Видал я плачущих, — передает тот же святой отец, — которые, будучи похвалены, за похвалу воспылали гневом; и как случается в торговле, променяли одну страсть на другую»¹⁹.

В произведениях мирской, или мировой, литературы (кому как угодно) при внимательном чтении можно также найти изображение подобных случаев, когда один бес старается опечалить другого и утащить у своего брата желанную добычу.

У Торквато Тассо, в «Освобожденном Иерусалиме», обольстительная, «нечестивая» (l'empia) Армида, лучше же сказать, сам диавол, поет²⁰:

La fama che invaghisce a un dolce suono

Voi superbi mortali, e par si bella,

E un'eco, un sogno, anzi del sogno un'ombra,

Ch'ad ogni vento si dilegua e sgombra.

Goda il corpo sicuro, e in lieti oggetti

L'alma tranquilla appaghi i sensi frali...*

(*И слава — та, которой ум надменный

Пленяется, причина стольких бед,

— Лишь эхо, сон, тень даже сновиденья,

И с первого исчезнет дуновенья.

Не бойтесь же забав вы самовластья

И неге чувств отдайтеся в тиши! (Перевод В. С. Лихачева. СПб., 1910) — Прим, составителя.)

-257-

«Что такое слава, которая привлекает вас, гордые смертные, чарующей молвой и на вид такая прекрасная? — Эхо, сон, вернее сказать сонная мечта и тень, которая исчезает и разлетается при малейшем ветерке...

Итак, пусть пользуется беззаботно ваше тело радостями жизни и да наслаждается без угрызений совести ваша душа восторгами чувственности».

К вышеуказанному не мешает еще добавить одно замечание. Иногда *новонаначальному* полезнее и выгоднее перепродать себя бесу тщеславия, чем остаться в рабстве у его, хотя бы и меньшего, собрата. Это бывает в тех случаях, когда мы страждем от духа *блуда* или вообще подвергаемся искушениям со стороны *плотских* пороков. Выгода в том, что младенец в духовной жизни все равно не уйдет от демона тщеславия (ибо сколько людей хвалится своими «любовными похождениями» и приключениями! Ср.: Флп. 3, 19), а быть обладаемым, например, блудной похотью — это такая яма, откуда человек обычно уже не в силах выбраться после падения (или с величайшим трудом может выкарабкаться, и то при многих покаянных и просительных слезах к Богу и с помощью благодати)²¹.

Вообще спасающемуся нужно зорко и внимательно следить за всеми своими мыслями и чувствами, чтобы незаметно, под образом благочестия, не уклониться в нечестие и в мысленную свою овчарню не принять в одежде овчей волка, то есть дьявола. Иначе он вскоре наделает таких бед, от которых не оправившись, может быть, и за всю жизнь. Да и беды-то сами обнаружатся только после смерти нашей. Что, конечно, еще плачевнее.

«Не знаю, как это бывает, — говорит св. Иоанн, писатель "Лествицы"²², — что многие из гордых, не зная самих себя, думают, что они достигли бесстрастия, и уже при исходе из сего мира усматривают свое убожество». В том-то и состоит искусство или художество добродетели, чтобы совершать ее не как придется или «вообще», а *как того хочет воля Божия, благая, угодная и совершенная*²³ (Рим. 12, 2). Отсюда следует, сколь ничтожна цена пустым людским

-258-

мнениям и заключениям о якобы «легкости» спасения. «Да в чем ваше спасение, — говорят, — поклоны-то бить да голодом себя морить невелико дело». Но если бы они и это невеликое попробовали не день, не два, не месяц, а в продолжение нескольких лет, то опали бы в теле и — поневоле «одохотворились» бы... Или говорят еще: «В чем дело святых-то было? В огороде покопается, корзинки поплетет немножко, помолится — мы в миру больше делаем... Как ломаем себя! Кровью, вместо пота, истекаем...» И опять отвечаю, что если бы они вместо рук и ног «поломали» голову и волю свою в противоположном своему характеру направлении, и хотя бы не целую уже жизнь, а день или два только, тогда бы не сказали, что их труд велик. А что касается самого телесного труда, то если он не ради Господа совершается — принесет душе не пользу, а только вред (Мф. 12, 30). Это печально и плача достойно — после великих трудов пожать ветер, но это так. То, как в будущем веке нас могут лишить награды за понесенные здесь великие труды, мы видим на примере распутного сына, когда тот после смерти

родителей пускает по ветру скопленное их великими заботами и потами богатство. Подобная угроза заставляла еще древнего мудреца с грустью задумываться над своим положением и с горечью говорить: «...и это — суета!» (Еккл. 2, 17-19).

Итак, нечего обращать внимание на пустословие мирских людей, хотя бы и знаменитых, ибо они ничего не понимают. Святые великое дело совершают, и если мы хотим достигнуть их состояния или хотя бы только подражать им в свою меру, то должны шествовать тем же путем. А путь этот состоит не во *внешнем* творении добрых дел, чтобы их было как можно больше, нет, а чтобы они были как можно ближе к Божественной мысли и воле о них²⁴. Нужно «торговать» добродетелями, и какая в данное время на житейском рынке («на торжище» — *εἰ τῇ αὔρα*: Мф. 20, 3) идет, ту и пускать в дело²⁵. А иначе — значит только кулаками «по воздуху бить»²⁶, чего так старательно избегал апостол (1 Кор. 9, 26). Нет, надо так, чтобы попадать по лицу противника, то есть дьявола. А то измучаемся, измотаемся, великий подвиг понесем, а в конце жизни, при смерти, увидим или нам покажут, что мы били впустую. Еще раз повторяю, не в том спасение и приобретение святости заключается, чтобы наворочать, как камней каких грузных,

-259-

добродетелей, а чтобы «изящно» (в духовном, божественном, а *не* мирском смысле) их совершить. В этом-то целая наука и заключается. К сожалению, этого не понимают часто прославленные философы и, по своему невежеству, хвалятся перед всеми тем, чего надо бы, собственно, стыдиться.

Вот хороший пример. Рассказывают в Оптиной пустыни о Льве Толстом следующее:

«Пришел он в Оптину, кажется, в конце 70-х годов, *пешком, в крестьянской одежде, в лаптях и с котомкой за плечами*. Скоро, впрочем, открылось его графское достоинство. Пришел он купить что-то в монастырскую лавку и начал *при всех* раскрывать свое, *туго набитое* деньгами, портмоне, и потому вскоре узнали, кто он таков. Как по *виду крестьянин*, он приютился в простонародной гостинице. Одного бедного дьячка спросил старец Амвросий, где остановился. "Да там, — отвечал тот, — с графом в простонародной". Этот, *представивший из себя какого-то особенного человека*, лично был у старца и сказал ему, *указав на свою одежду*, как он живет. "Да что ж из этого?" — воскликнул старец, с улыбкою поглядывая на него. Неизвестен подлинный ответ старца графу, но смысл его таков: одна внешность без внутреннего содержания, что тело без души. Все труды и подвиги телесные и даже самоумерщвления, если они не направлены к исполнению заповедей евангельских, к приобретению добродетелей и в особенности *смирения, не только не приносят пользы душе человека, но наоборот, приносят ей величайший вред — совершенно ее губят*²⁷.

Так объюродевшую мирскую мудрость приходится учить уму-разуму тем самым монахам, на которых она нападает как на тунеядцев и ничего не понимающих в жизни.

То, что Л. Толстой в конце жизни старался представить себя кем-то особенным, — собственно, обыкновенная история. Он в этом делании не ушел дальше своих предшественников — бунтовщика Февды и обманщика Симона

Волхва, каждый из которых тоже в свое время удивлял людей, *глаголя некоего быти себе велика* (Деян. 5, 36; 8, 9). История показывает, что и духовный конец их одинаков.

Если мы обратимся к истории светской, то во множестве найдем подобные примеры, в которых мир находит нечто поразительное, но они, в сущности, являются только все

-260-

свойства красивого мыльного пузыря. Ниже я приведу примеры того, до чего может довести человека в этом отношении демон тщеславия, а сейчас скажу, что все святые отцы и учителя Церкви — Климент Александрийский, Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов, даже пустынные и затворники, Нил Синайский, Исаак Сирий и другие, — все в один голос предостерегали своих духовных чад от увлечения внешним блеском философов и мудрецов мира сего, после которого, как и вслед за вспышкой магии, ничего не остается, кроме одного чада.

Они так определяли суть подвижнического «жития» этих «великих людей»:

«Иные из них [т. е. философов и ученых] вовсе *нерадят о деятельной жизни*, занимаются же, как думают, любомудрием умозрительным, вдаются в исследования трудные, толкуют о том, чего и доказать нельзя, хвалятся, что знают величину неба, меру солнца и действенность звезд. А иные покушались иногда и богословствовать, хотя в этом и истина неисследима и догадка опасна, *жили же бесчестнее во грязи валяющихся свиней*.

Если же некоторые вели и *деятельную жизнь, то стали хуже первых, подъяв труды для славы и похвалы*. Ибо не из-за чего иного, как из желания показать себя и из славолубия, предначинали многое эти жалкие, дешевую и ничтожную награду приняв за таковое злострадание; потому что всегда молчать, питаться травой, прикрывать тело худыми рубищами и жить, заключившись в бочке (намек на Диогена. — Еп. Варнава), не ожидая за это никакого воздаяния по смерти, *хуже всякого безумия*»²⁸.

Видишь, как святые смотрели на дело. Если человек при занятиях философией, метафизикой, астрономией и даже богословием не ведет *деятельную жизнь*, то есть не воздерживает свои чрево и подчревенность, на мягком спит, в мягкое одевается, мощну свою не для милостыни раскрывает, а только при людях, чтобы показать, сколько в ней денег, одним словом, живет хуже свиньи, то вся его наука и знания ничего не стоят и только еще большее осуждение принесут. А если несет человек подвиги, но не ради Христа, а надмеваясь дутой славой, то, как принимающий на себя *вдвое больше* мучений (и от науки, которая тоже требует своего труда, и от утеснения тела, и делающий это без надежды на бессмертие), выглядит глупее всякого сумасшед-

-261-

шего. Последний потому может рогожку на тонкое барское белье надеть, что соображения не имеет; а делать это, считая себя в полной памяти и великом разуме, — трудно подыскать и название для определения такого поступка.

Ведь если я *по необходимости*, чтобы смирить свою плоть, и *умерщвляю* ее (υποπιάζω — неточный перевод от υποπιον, «часть лица под глазами»; отсюда υποπιάζειν значит кому-нибудь так лицо избить, чтобы под глазами синяки были,

иначе: «фонарей наставить». Следовательно, мысль апостола, 1 Кор. 9, 27, не та, что он *умерщвлял* плоть, то есть самоубийством занимался, а только та, что он ее так приструнил и расправился с ней — как некоторые мужья с непослушными женами в деревне, — что она у него после этого «как шелковая» была. Отсюда надо выводить и христианское понятие об аскетизме, о подвигах и прочем, которые суть не презрение, не умерщвление в прямом смысле, не самоубийство, как во всем этом хотят обвинить монахов невежественные плотолюбцы из мирян, ссылаясь на не понятое ими учение христианское, а только посильное, «до синяков», усмирение не в меру разыгравшейся, и разбаловавшейся, и переставшей слушаться разума плоти)... Итак, если я ее и умучиваю, томлю, то в надежде, что придет время, когда этой необходимости уже не будет. А если не верить в загробную жизнь, да и тут покоя не знать, не есть ли это, действительно, как говорит Нил Синайский, хуже всякого безумия? Да и для чего тогда графу лапти надевать, ведь не для возбуждения же чувства изящного? И не для того, конечно, чтобы это для него было удобнее, потому что не умеючи лаптей барину не надеть — слугу придется из деревни звать. И не для того, разумеется, чтобы в них самих какую-нибудь цель жизни высшую видеть, ибо такого сумасшествия трудно представить. И не для того, чтобы досадить за что-нибудь телу, ибо оно неразумно и без понятия. Еще менее можно предположить, чтобы этим «положение народное» хотел такой человек облегчить, приблизить к себе, показать, что он сам входит в народ, ибо это достигается другими результатами (милосердием, любовью, раздаянием своего имущества бедным и прочим), а не простой костюмировкой в босяцкое тряпье среди помещичьей гостиной и в кругу высокоименитых людей. Что же остается после всего этого признать? — Одно: *желание славы и похвалы*, о чем и говорит преподобный отец. Трудно освободиться от стрем-

-262-

ления к славе!.. Еще древние это разумели. «Etiam sapientibus cupido gloriae novissima exiit — страсть к славе даже и у мудрецов совлекается последнею», — читаем у них²⁹. Чего только не делали из-за нее эти «бесстыжие», как называет св. Иоанн Златоуст светских философов. Ходили в вычурной одежде, уничтожали собственными руками свое добро, подвергались побоям и даже шли на смерть³⁰. Да и не «мудрецы» так же поступали. Подобные вещи настолько характерны и в то же время не чужды и нашему времени (не дорожащему жизнью и шутящему с нею, как с игрушкой), что их стоит привести.

Вот Агриппина, мать императора Нерона. Как известно, она скончалась от убийц, подосланных собственным ее сыном. Говорят, — передает Тацит³¹, — что «этот свой конец Агриппина знала за много лет вперед, но презирала его. Ибо когда вопрошала халдейских волхвов о Нероне, то они ей ответили, что он будет императором и убьет свою мать. "Ну что ж, — сказала она, — и пусть убьет, лишь бы только был императором (occidat, dum imperet)".».

Второй пример возьму у Сенеки³². «Юлий Кан (Julius Canus) играл в шахматы, когда вошедший (чтобы повести его на казнь) офицер в сопровождении конвоя стал его торопить. По зову офицера, он пересчитал фигуры и сказал своему партнеру: "Смотри, не вздумай хвастаться после моей смерти, что обыграл меня",

— и затем, кивнув головой офицеру, добавил: "Будешь свидетелем, что вся игра была на моей стороне (*uno me antecedere*)"».

Ради тщеславия глупо бравировали в последние минуты своей жизни философ Сократ; известный циник и непревзойденный никем в мире сквернослов, блестящий римский писатель Петроний; не менее известный богохульник поэт Гейне³³ и другие. Из их биографий видно, что такие состояния возможны только тогда, когда люди не верят не только в адские вечные муки, но и вообще в Разумное Божество, способное требовать от человека, да еще известного писателя и философа, более умного и серьезного к себе отношения, чем балагурство паяца. Итак, не тому мы должны удивляться, что в миру люди «подвиги» совершают — как им не совершать, когда диавол вместо того, чтобы противодействовать, помогает им! — а тому, что в христианстве

-263-

подвижники их совершают в больших размерах и в то же время *как должно*, несмотря на величайшие и выше человеческой меры гонения со стороны диавола и его слуг... А быть *православным* и *совершать заповеди по Евангелию* (как его понимает Церковь) — это великое дело, и в нем-то заключается существо всего спасения. Ибо если бы из тех прославленных людей, умирающих так бутофорски и нечистоплотно и за это прославляемых целым миром, попытался кто-либо потерпеть мужественно боль ради Христа и, следовательно, в молчании (Мф. 6, 1 след.), и постарался бы так творить подвиги, как их творили святые отцы, то вскоре увидел бы, как говорит св. пророк Давид, что *сие труд есть... дондеже вниду во святило Божие* (то есть до самого того времени, когда достигну святости и блаженного бесстрастия и когда добродетели обратятся уже в такой же навык, какой человек имел раньше к страстям, Пс. 72, 16-17). Впрочем, оговариваясь, некоторые из «великих» сознавались, что, действительно, камнем преткновения Церковь и Христос для них являются. Дочь Л. Толстого передает слова своего отца перед уходом его из дому³⁴: «*Как жалко, что я не могу поселиться и жить в монастыре, исполняя послушание и всякие монастырские работы, но только не посещая церкви и не исполняя обрядов*». В аскети-ке это состояние называется — *бесоодержимостью*. В жизни его можно наблюдать у кликуш: человек как человек, а к иконе, Евангелию, под благословение подвести нельзя — завопит и оземь...

Что же человеку нужно делать, чтобы избежать этих тонких, но очень крепких демонских сетей?

Прежде всего, нужно здесь заметить, что в брани против бесов тщеславия имеет большое значение *общий* склад характера человека. Лукавые, суемудрые, многознайки более беспомощны против них, чем люди с простым сердцем и душою³⁵. Вместо святоотеческих цитат приведу один случай из жизни римского императора Гая Калигулы. Историк Дион (Cassius Dio) передает, что тот дошел до такого безумия, что из тщеславия становился на возвышенный пьедестал в капище Юпитера и требовал себе поклонения как божеству. Позу при этом он делал ломаную, жеманную, манерную, силясь показаться как можно величественнее и импозантнее. И вот, рассказывает дальше историк, однажды какой-то житель Галатии, увидя его таким образом на

-264-

пьедестале, принимающим поклонение от народа, расхохотался. Император подозвал его и с неподражаемой важностью спросил:

— Ну что, какое я на тебя произвожу впечатление (τί σου δοκῶ εἶναι)?

— Скажу прямо, — отвечал тот, — великой дубины³⁶ [большого дурачества] и, конечно, ничего умопомрачительного я не испытал.

«А он был сапожник», — добавляет Дион Кассий, заканчивая свой рассказ³⁷.

Что же касается частных предписаний, которые святые отцы дают подвижающимся против сей страсти, то все существенное в них я изложу в нижеследующих пунктах.

Прежде всего перечислю средства *профилактические*, как выражаются врачи, то есть выясняющие условия предотвращения самого заболевания этой страстью, — средства, заранее охраняющие человека от впадения в сию проказу.

• «У отцов из древности доселе существует такое изречение, — начинает изложение этих противоядий преп. Иоанн Кассиан³⁸, — которого я не могу и произнести без стыда, так как я не мог ни родственницы удаляться, ни избежать рук епископа (то есть был, по-нашему, иеромонахом. — Еп. Варнава), — именно, что монаху всячески надобно избегать женщин и епископов. Ибо если однажды вовлекут его в знакомство с собою, то ни тот, ни другая уже не допустят ему более иметь покоя в келье или заниматься богомыслием, созерцать чистыми очами святые предметы».

Отсюда вывод: «старческие» окормления женщин *молодым* монахам (ученым, главным образом, потому что прочим это и малоспособно) нужно оставить³⁹, а общение с архиереями, чего нельзя никак избежать, поставить под строгий контроль совести и страха Божьего и крайне внимательно следить за сердцем, чтобы оно не уклонялось в вольное обращение («панибратство», см. § 6. Дерзость) с епископом, не тщеславилось близостью положения, благосклонностью архиерея, личными качествами, вызвавшими это доверие, и тому подобным.

• Не дозволим себе ничего делать с тщеславными намерениями для получения суетной славы.

• То, что сделано нами вначале хорошего, должны всячески стараться охранять с должным вниманием, чтобы после подкравшаяся страсть тщеславия не сделала на-

-265-

прасными всех трудов наших и тем не уничтожила плоды их. Для этого после каждого совершенного дела (да и в начале его) должно внутренне помолиться, а то и перекреститься, прося Бога, чтобы Он покрыл нас Своею благодатью от козней диавола. Ибо *еще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущий. Еще не Господь сохранит град, всеу бде стрегий. Всеу вам есть утревевати и прочее*, говорит пророк Давид (Пс. 126, 1-2).

• Если что не принято делать там, где мы живем, того со всем старанием должны избегать, чтобы не отдать дани демону тщеславия. Также избегать и того, что может отличать нас между другими и приобрести у людей похвалу за то, что будто мы одни это делаем⁴⁰. Ибо этими особенными признаками докажется, что бес на нас уже сел и поехал⁴¹.

Но если мы вовремя не предупредили пожар страсти, то достаточною водою для его потушения являются для нас:

- *Слезы покаяния и страх Божий.*
- *Память смертная.*

Последние три свойства* (*Еще одно пропущено — молчание (Мф. 6, 2: «не воструби пред собою»). Путь Божий — путь *в тайне сокровенный*. Тавениотские монахи (у Иоанна Лествичника) всякую свою добродетель, о которой узнавали люди, *не считали добродетелью*. Пропал, значит, труд, время и все остальное.)

доброе устроения души предполагаются, впрочем, *уже приобретенными человеком, ибо ими начинается созидание самого спасения*. А если не так, то, несомненно, случится с нами то, что бывает и на истинном пожаре у беспечных жителей: «Горим, горим!» — кричат, а хватить — или воды нет, или бочки разошлись, или рукава худые, или насос не действует...

• Но если все-таки у нас этих добродетелей нет, то убоимся, по крайней мере, *стыда*, следующего за тщеславием, потому что *возносясь непременно смирится* (Лк. 14,7-11) еще и здесь, прежде будущего века (ср.: Пс. 52, 6).

В заключение тем, которые хотят во что бы то ни стало прославиться, избежав посрамления, и всячески не желают, чтобы об их грехах знал кто-нибудь, я подам (не от себя) совет — не такой, какой демоны дают, надувая и только обманывая человека, а настоящий, идущий из недр чистых и источника божественного. Святому Духу, глаголавшему в *присных своих* (Еф. 2,19), мы можем довериться, конечно, безопасно.

-266-

Прежде всего, *мы должны покрывать согрешения наших ближних*, если нет нам от того вреда, тогда и нас милость Господня поддержит⁴². Но средство это, как легко заметить, не всеобъемлющее, грехи братьев на глазах у нас не всегда совершаются, а заниматься сыском их — грех и одна из гнуснейших страстей, приводящая к самым плачевным результатам⁴³. Но вот средство, черпающее свою силу из источника, находящегося в нас же самих: «Если хочешь, чтобы Господь покрыв грехи твои, то *не выказывай людям добродетель, если какую имеешь, ибо как мы поступаем в отношении наших добродетелей, так Бог делает с нашими грехами*»⁴⁴, то есть чем больше мы стараемся выставить напоказ свои якобы подвиги и добрые дела, тем в большей еще степени для нашего смирения Бог выставляет после пред глазами целого света мерзость наших тайных грехов и пороков.

-267-

§ 6. Дерзость.

Содержание, которое обычно подразумевается под этим понятием у нас в общежи-

тии, гораздо уже того смысла, который вкладывается в наименование той же страсти у святых отцов. Дерзостью у последних называются не грубые резкие слова, с которыми человек обращается иногда к своим ближним, не наглый

бесстыдный поступок, а особый целокупный *образ поведения*, а именно — вольный (*вольное поведение*).

I. Какой вред от дерзости ?

Ни одна, кажется, страсть не подвергается у святых отцов таким гневным нареканиям, как эта, о существовании которой мир и не знает, несмотря на то, что она составляет главное содержание его жизни¹.

Я приведу здесь первые пришедшие на память цитаты из их творений.

Дерзость губит любовь и рождает ненависть. «Если видим, что некоторые любят нас о Господе, — говорит св. Иоанн Лествичник², — то перед ними мы наиболее должны сохранять скромность; ибо ничто так не разоряет любви и ничто столь скоро не производит ненависти, как вольность в обращении».

«Свобода в обращении с ближними — причина всех зол в человеке», — предостерегает св. Варсонофий Великий³.

Она — «мать всех страстей», — вторит сему великому его ученик и «единодушный сын»⁴, преп. Иоанн Пророк⁵.

«Это совершенная погибель», — вслед за последними двумя отцами постановляет их блестящий и бессмертный ученик и послушник — авва Дорофей⁶.

Посему —

«Уклоняйся от вольности в речах, как от смерти», — заключает духоносный Исаак Сирий⁷.

II. Виды дерзости

«Дерзость бывает многообразна: можно быть дерзким и словом, и осязанием, и взором. От дерзости иной впадает в празднословие, говорит мирское, делает смешное и побуждает других к непристойному смеху. Дерзость и то, когда кто прикоснется другого без нужды. Когда поднимет руку на кого-либо смеющегося, толкает кого-нибудь, вырвет у

-268-

него что-нибудь из рук, бесстыдно смотрит на кого-нибудь, — все это делает дерзость, все это происходит от того, что в душе нет страха Божия, и от сего человек мало-помалу приходит и в совершенное нерадение. Посему-то, когда Бог давал заповеди закона, Он сказал: *благословенны сотворите сыны израилевы* (Лев. 15, 31), ибо без благословения и стыда человек не чтит и Самого Бога и не хранит ни одной заповеди. Поэтому хорошо нам, братья, иметь благословение, бояться вредить себе и другим, почитать друг друга и остерегаться даже смотреть друг другу в лицо, ибо и это, как сказал некто из старцев, есть вид дерзости»⁸.

О некоторых видах дерзости, сильно распространенных в нашем быту, не лишне сказать поподробнее, привлекая к ответу и светские источники.

• «Игра глазами»

Это один из важных элементов *коккетства*, которое у девушек и женщин, в свою очередь, само составляет три четверти всей страсти (дерзости). По внушению диавола, дочери Евы открыли у себя эту способность очень рано. Мы видим ее уже в библейские времена, и пророк Исайя почти за 800 лет до Рождества Христова, обличает современных ему кокеток за то, что они «ходят, подняв шею и *обольщая взорами*» (משקרות עינים — буквально «и кругом поводя глазами, окидывая взором»: Ис. 3,16) — разумеется проходящих мужчин.

Переводя же речь пророка на современный язык, несомненно увидим здесь обвинительный приговор увлечению женщин (как видится, всех наций и времен) «строить глазки молодым людям». Пророк Исайя не одинок в своих обличениях. Ветхозаветный же мудрец, *Приточник*, «зрак прелюбодейничь»* (прелюбодейный взгляд (церк.-слав.)) перечисляет в числе главных приманок жены-блудницы. Картина, нарисованная им с откровенностью, дозволительною лишь для священного автора, очень хорошо показывает, к чему это приводит (Притч. 7,10 и след.).

Страшно наказание Божие, постигающее таких дев и женщин (Ис. 3, 17).

Характерно, что народный эпос, мировая художественная литература, пластические искусства и быт согласно показывают, что порок этот, действительно, свойствен скорее

-269-

женщинам легкого поведения (если не просто публичным), а никак не честным женам и девам строгих правил.

Приведу несколько примеров, расположив их в порядке возрастания описываемых ими гнусностей.

Уже у Гомера женщины в совершенстве обладают тайной «управлять глазами», и даже молоденькие девушки специализируются в этом.

В стихе

Прὶν γὰρ ἀπὸ πατρὶ ἡ ψιλὴ δομεναὶ ἐλκωπίδα κοῦρην*(*«...прежде чем дочь не вернем мы отцу — быстроокую деву...» (Перевод Н. М. Минского. М., 1896.) — Прим, составителя.)

(Илиада I, 98)

слово ἐλκωπίδα означает «с подвижными, весело глядящими глазами»⁹, от глагола ἐλίσσω — «вертеть кругом, вращать, кружить, быстро двигать». Эти значения глагола хорошо говорят о том, в чем состояла неутомимая деятельность обладательницы таких глаз.

В нашем эпосе славились глаза «с *поволокой*», под которой разумеется плавное движение глаз из стороны в сторону, или «призывающее и нежно стремящееся движение взоров» (Буслаев). (Может быть, они заключают в себе и значение, содержащееся в греческом το ὑρὸν — об этом ниже; во всяком случае, это новая разновидность того же самого «искусства».)

Но особенно «грешными», «многообещающими» глазами, по признанию мирских знатоков этого дела (из поэтов и художников), являются таковые с ленивым, «томным», «затуманившимся» (от «знойной» страсти), «влажным» взором.

Торквато Тассо¹⁰ заметил это у своей возлюбленной Армиды:

Qual raggio in onda, le scintilla un riso

Negli umidi occhi tremulo e lascivo...

Stassi l'avarо sguardo in se raccolto,

e i tesori d'Amore e i suovі nasconde**.

(Глаза горят истомой наслажденья;

Так светлый луч в воде кристальной блещет...

Под веками опущенными взор,

Скупясь, дары любви и неги прячет. (Перевод В. С. Лихачева. СПб., 1910.)

«... как луч по волне, искрилась и трепетала роскошная улыбка в влажных очах ее». (Перевод Ф. Буслаева.) — Прим, составителя.)

-270-

То же самое подтверждают и классические скульпторы, придавая указанное выражение очам не кого иного, как богини этого искусства — Афродиты. *Страстность* в выражении *влажных* (то *υγρον*) глаз ее скульптор передает через несколько приподнятое нижнее веко. Подобные же глаза имеет и индийская богиня Срия (равно, как и вообще индийские прелестницы, например Дамаянти). За них ее называют «иаталочана», то есть имеющая продолговатые глаза. Филологический анализ дает, по-видимому, возможность прийти все к тем же, вышеуказанным, результатам. Ибо *иата* — причастие от глагола *иам* — то же, что у нас причастие *ятый* от глагола *им-аю, ем-лю* («хватаю»); *лочана* — «глаза», от глагола *лоч* — «видеть»¹¹. Другими словами, речь идет о глазах, старающихся *поймать* своей госпоже как можно больше тех, кого ей надобно.

Наконец, если обратиться к специальной литературе, например к древней *анакреонтической*¹², то такие выражения, как *υγρον βλεμμα* — «влажный, томный взгляд», *υγρα δελκεσθαι οφθαλμους* — «иметь томный взгляд, смотреть томными глазами» там попадаются довольно часто.

Аристотель и Полемон (в своем «Руководстве по физиогномике», II, 9, 1) согласно считают «бегающие» глаза и «томный» (*υγρον*), притом «вызывающий» (*ιταμος*) взгляд признаками развратного человека. И Петроний — имя которого, несмотря на данный ему титул *arbiter elegantiae**, (*законодатель изящества (лат.)) не заслуживало бы упоминания в этой книге¹³ — подчеркивает «*oculorum mollis petulantia*»** (**дерзость чувственных глаз (лат.)) у таких субъектов.

Смехотворство, шутки, балагурство, болтовня

Господь Иисус сказал: *Глаголю же вам, яко всяко слово праздное — слово, с делом несообразное, ложное, пустое, смехотворное, гнилое, бесстыдное, бесполезное, ненужное, — еже ащерекут человецы, воздадят о нем слово, то есть ответ, в день судный*¹⁴ (Мф. 12, 36).

Поэтому и апостол предупреждает: *Слово ваше да бывает всегда во благодати, солию растворено...* (Кол. 4, 6).

Оно должно быть «не смешливо и шутливо, но разумно и назидательно»¹⁵. Как соль предохраняет пищу от гниения, так и эта назидательность и благоразумие должны застраховывать ваши слова от заразы греха.

-271-

И еще сказал апостол: *Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших... и сквернословие, и бусловие, или кощуны... но паче благодарение* (Еф. 4, 29; 5, 4).

«*Сквернословие* — *αἰσχροτης* — собственно срамотность — срамные приемы, взгляды, движения, одежда, все поведение срамное, или распущенность, свидетельствующая о нечистоте и к ней соблазняющая. Но, конечно, преимущественное проявление этой срамотности есть срамословие — срамные речи, с которых и начинаются обычно срамные дела¹⁶. *Бусловие* — *μωρολογία* — глупые, безумные, пустые речи. *Кощуны* — *εὐτραπέλια* — страсть острить, шутить, смехотворить». «Не пристало нам так поступать, — стыдит епископ Феофан Затворник. — Обещали жить свято, со страхом Божиим со-девая свое спасение. Как могут быть уместны такие речи?!. Пусторечие и смехотворство

стоят в прямой связи с похотью. Св. Иоанн Златоуст говорит: "Не произноси слов, ни шуточных, ни постыдных — и ты угасишь пламя, ибо слова ведут к делам". *...Но паче благодарение*, то есть да выражается в слове и да слышится. Вот чем должна быть полна беседа христиан!.. Из уст наших должно исходить преимущественно благодарение Богу Отцу и Господу нашему Иисусу Христу со Святым Духом за спасение, нам даруемое и действующее в нас, если не мешаем ему своим неразумием»¹⁷.

Действительно, слово — великая вещь. Его надо хранить. «Господствуй над языком, — сказал св. Антоний Великий, — и не умножай слов, чтобы не умножить грехов твоих. Наложь перст на уста твои и узду на язык твой: многоглаголивый человек никогда не оставит в себе места во обители Святого Духа»¹⁸.

Небрежное обращение со словом показывает бедность содержания души. Уже по одним словам легко определить, что за человек — духовный ли, плотской ли, умный или глупый, рассудительный или только притворяющийся благочестивым. Впрочем, последнее различить не всякий может.

Слово — это тот главнейший и существеннейший признак, по которому устанавливается непреодолимая граница между человеком и скотом. Оно — о непостижимое таинство! — одно из имен Самого Бога, Второй Ипостаси Святой Троицы, Господа Иисуса Христа.

И после всего этого — христианин втоптывает его в грязь, поганит, короче говоря, со словом обращается «бессловесно» (употребляю последнее понятие в святоотечес-

-272-

ко-церковном смысле)! В настоящее время можно, пожалуй, уже говорить о настоящей проституции словом как особом виде блуда через извращение цели и существа речи¹⁹, через пристрастие к нелепейшим «слововывертам», особенно срамного характера²⁰; или — в самом невинном случае — можно говорить о расточении духовных сил и богатства чрез преступно легкомысленное обращение с этим божественным даром, роднящим нас с Самим Божеством и данным на святейшее и чистейшее употребление.

В качестве примера продолжу объяснение вышеуказанных апостольских слов*.(«...пустословие и смехотворство не приличны вам» (Еф. 5, 4))

Начну со смехотворства. Пошутить, посмеяться, даже похохотать, как говорят, «здоровым смехом» у нас не считается зазорным. Но не так смотрели на это святые и Сам Господь, Которого плачущим видели часто, а смеющимся никогда.

Св. Антоний Великий, будучи спрошен, позволительно ли иногда смеяться, отвечал:

«— Господь осуждает смеющихся. *Восплачете и возрыдаете* вы, — сказал Он Своим ученикам, — *а мир возрадуется* (Ин. 16, 20). Истинному монаху не должно смеяться, — должно плакать о тех, которые ругаются Богу, преступая Его закон, и о тех, которые проводят всю жизнь в творении грехов. Будем рыдать и плакать, непрестанно умоляя Бога, чтобы не попустил им пребыть в греховной жизни, чтобы не восхитила их смерть прежде, нежели они успеют принести покаяние»²¹.

А вот что говорит златословесный вития Церкви о нашем пристрастии к так называемым невинным шуткам:

«Что пользы сказать шутку? Только возбудишь ею смех. Скажи мне, сапожник возьмется ли за какое-нибудь дело, не принадлежащее к ремеслу его, или станет ли приобретать какой-нибудь ненадлежащий инструмент? Никак — потому что чего мы не употребляем, то ничего для нас не стоит. Пусть не будет ни одного слова праздного, так как от празднословия можно перейти к неприличному разговору. Теперь время не увеселения, но плача, скорбей и рыданий. А ты шутишь? Какой боец, вышедши на арену, оставляет борьбу с противником и произносит шутки? Близ тебя ди-авол ходит вокруг, рыкая, чтобы поглотить тебя, все воз-

-273-

двигает и все обращает на твою голову, замышляет, как бы выгнать тебя из твоего убежища, скрежещет зубами, воет, раздувает огонь против твоего спасения, — а ты сидишь и произносишь шутки, пустословишь и говоришь неприличные речи? Можешь ли ты успешно одолеть его? Мы забавляемся по-детски, возлюбленные! Хочешь узнать образ жизни святых? Послушай, что говорит Павел: *три лета ночь и день не престаях уча со слезами единого когосждо вас* (Деян. 20, 31). Если же он употреблял такое попечение о милетянах и ефесянах, — не шутки говорил, а со слезами преподавал учение, — то что ты скажешь о других? Послушай, что он говорил и к коринфянам: *от печали бо многия и туги сердца написах вам многими слезами* (2 Кор. 2,4)... Послушай, что он говорит еще в другом месте, ежедневно, так сказать, желая переселиться из мира: *ибо и мы, суций в храмине, въздыхаем* (5, 4). А ты смеешься и забавляешься? Время войны — а ты занимаешься тем, что свойственно плясунам?.. Шутишь и забавляешься, говоришь остроты, возбуждаешь смех и нисколько не думаешь о деле? Сколько от шуток происходит клятвопреступлений, сколько вреда, сколько сквернословия! Но, говорят, эти шутки не таковы. Однако, послушай, — апостол изгоняет всякие шутки... В теперешнее время вовсе не может быть места смеху, потому что это — время мира. Послушай, что говорит Христос: *мир возрадуется, вы же печальна будете* (Ин. 16, 20). Христос распялся на кресте из-за твоих злодеяний, а ты смеешься? Он потерпел заушения и столько пострадал из-за твоих бедствий и объявшей тебя бури, а ты веселишься? И разве не тем более ты этим Его раздражаешь? Но так как иным это дело кажется безразличным и таким, от которого трудно уберечься, то рассудим немного об этом и покажем, насколько велико это зло. Это дело диавола — нера-деть о безразличных поступках. И во-первых, если бы это и было безразлично, и в таком случае не должно этим пренебрегать, зная, что от этого происходит много зол, которые возрастают и часто оканчиваются любодеянием. А что это не безразлично, видно из следующего. Посмотрим, откуда этот порок происходит. Или лучше, посмотрим, каков должен быть святой. Он должен быть тихим, кротким, скорбящим, плачущим, сокрушенным. Следовательно, кто говорит шутки, тот не святой, и такой, будь он хотя и эллин, смешон. Это позволительно только играющим на

-274-

сцене. Где гнусность, там и шутки; где безвременный смех, там и остроты. Послушай, что говорит пророк: *работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом* (Пс. 2, 11). Шутливость делает душу слабою, ленивою, вялою; она возбуждает часто ссоры и порождает войны... Играть комедии несвойственно христианину. Притом охотнику до шуток необходимо терпеть сильную вражду со стороны осмеиваемых им, присутствуют ли они при этом или услышат со стороны... Много зол гнездится в пристрастной до шуток душе, большая рассеянность и пустота: расстраивается порядок... отсутствует благочестие. У тебя язык не для того, чтобы передразнивать другого, а чтобы благодарить Бога... Изгоните, умоляю вас, из душ своих это непривлекательное удовольствие: это дело паразитов²², мимических актеров, плясунов и публичных женщин»²³.

Не забудем того, что св. Иоанн Златоуст не монахам эти поучения давал, а обращался с церковной кафедры ко всем православным христианам.

И все-таки это, скажут, очень строго. И, может быть, иной попытается даже оправдать свою распущенность ссылкой на некоторых из великих подвижников, даже *схимонахов*, которые каламбурили, шутили, рассказывали анекдоты и не переставали быть чудотворцами и не теряли свой дар прозорливости. Из нынешних времен я сам укажу на старца Оптиной пустыни, иеросхимонаха Амвросия, который был именно таким человеком. В прошлом столетии, после преп. Серафима Саровского, это был, кажется, следующий великий подвижник земли Русской, и как раз он-то и отличался в обращении шутливыми разговорами²⁴.

Но пусть не дерзает сей дерзкий несмысленный приравнять себя к таким людям. Они десятками лет внутреннего плача, безропотного и непорочного послушания, великих подвигов приобрели себе право беспристрастно повелевать смеху и веселью, и те их слушаются, как покорные рабы.

Когда св. Иоанн, спостник преп. Симеона, Христа ради юродивого, прощался с ним в пустыне, перед уходом последнего в мир, то как друг наказывал ему: «...Храни бережно свое сердце от того, что будешь видеть в мире, и пусть не содействует тому, что будешь ты делать перед людьми телом, вместе и твое душевное расположение. Но когда к чему-нибудь прикоснется рука твоя, душа пусть не прикасается к тому, и в то время, как уста твои заняты едой,

-275-

сердце да не усладится ею, и вместе с ногами да не воспря-шет и внутренний покой... Пусть все, творимое вовне, не ощущается внутри, и ум твой да пребудет безмятежным...»²⁵

И когда человек силен делается на такое житье, то проводит его по повелению Божию, а не сам собою. Ибо где найдется столь безумный человек, да еще схимник и ученик духоносных старцев, чтобы стал растрачивать самочинно в пустых, смехотворных разговорах то, что приобретал с таким трудом в пустыне в продолжение нескольких десятков лет? Допустить, хотя на мгновение, такую мысль — для этого нужно самому превратиться в безумного. Нет, не пустые то речи и не для балагурства говорятся они подобными людьми, а для того, чтобы прикрыть ими тот нестерпимый для грешных и завистливых глаз блеск благодати и величайших даров прозорливости и чудотворения, которыми они обладают.

Этим же объясняется та площадная брань, с которой нередко обращались к приходящим знаменитые дивеев-ские блаженные²⁶, и их неприличные поступки, которыми по невежеству соблазняются люди и описание которых, конечно, они не преминут поместить где-либо в печати. Но величайшие из святых, например Андрей, Христа ради юродивый (память 2 октября), сподобившийся быть при жизни в раю и видеть в храме Пречистую Деву (откуда и берет начало праздник *Покрова*), не терпящую никакой скверны, — сей Андрей блаженный и другие еще и не то делали²⁷. К сожалению, об этом надо читать в подлиннике, ибо у нас в житиях их все соблазнительное для не имеющих духовного разума выпущено. Но так как у меня в «Аскети-ке» вопросы ставятся и разбираются с принципиальной стороны, я не считаю позволительным их замалчивать. Что святые, когда совершают мирские и двусмысленные поступки, совершают их только внешне, как бы надевая маску и являясь хорошими актерами, нисколько не воспринимая их страстно сердцем и делая это во исполнение заповеди апостола и в подражание ему самому (1 Кор. 9, 19-22), не одна вышеприведенная цитата из жития преподобных Иоанна и Симеона доказывает. Из многих свидетельств приведу еще следующие.

Вот что пишет св. Варсонофий Великий о том, каким бывает внутреннее состояние святого, когда он принимает посещающих его:

-276-

«Совершенные бывают и совершенно внимательны к себе, подобно художнику, который в совершенстве знает свое художество; он хотя беседует с кем-нибудь в то время, как занят своим делом, но беседа не мешает ему делать то, что требуется художеством, и тогда как он беседует с теми, которые у него находятся, ум его бывает всецело обращен к подлежащему занятию. Так и беседующий с другими должен показывать им лицо и слово веселое, внутри же себе иметь помысл воздыхающий. О сем писано: *воздыхание сердца моего пред Тобою есть выну*»²⁸.

Всеми предыдущими рассуждениями не исключается, конечно, для немощных умеренная веселость²⁹; причем, понятно, должно принимать во внимание конкретные обстоятельства: время, место беседы, то, с кем мы ее ведем. Об этом будет еще говориться в другом месте³⁰.

Но и простая болтовня наносит не меньший вред духовному здоровью. Если больно сердцу слышать на улице звонкий смех проходящей «барышни» с «кавалером», смех, который открывает пред вашим духовным взором черную бездну душевной ее пустоты, то не менее больно и стыдно за человеческое достоинство, когда, сидя в вагоне трамвая или железной дороги, видишь, как растлеваются молодые души бессодержательной болтовней, отсутствием страха Божьего и стремлением превзойти друг друга в «тонких» намеках, остротах и наборе «изящных комплиментов».

Если наши юноши и девы — христиане, то не должны оправдываться молодостью, а если они готовят себя к *честной женитве и ложу нескверну* (Евр. 13, 4), то должны блюсти себя еще строже тех, что готовятся в монахи, поскольку для последних в будущем открывается постоянное время покаяния. (Прошу читателя из моих слов не выводить обратного заключения — что так как-де последним предстоит «постная», если уж не «постническая» жизнь, то наперед

позволительно им хорошенько «заговориться», да так, чтобы все оставшееся время жизни вспоминалось это «заговенье».)

Такова ли должна быть подготовка к серьезной супружеской жизни? И чему тут удивляться, что через год, месяц, неделю, даже через день (вернее ночь) молодые уже расходятся навсегда! Обычно у нас уже до брака юноши и девы обрывают все цветы и розы невинности в своем саду, и когда приходится им жить вместе, опустошенный преждевременно сад наводит на них только уныние, отвращение

-277-

и ненависть. А нужно бы наоборот — не тайком, наспех и с жадностью воровать яблоки, а срывать их в свое время, не стыдясь людей, как свои собственные...

И неужели нет серьезных тем для разговоров? Неужели, юноша, так трудно отдать себе отчет в том, что, если проведешь время только в «салонной» или «бульварной» болтовне, ты не сможешь узнать, оценить, полюбить, наконец, душу человека? Даже о домашних способностях будущей жены не узнаешь. И если скажешь, что это «проза», то спрошу и я: «Не те ли уж разговоры наших барышень, которые слышишь повсюду, — поэзия?»

Много ли «поэзии» у наших девушек, которые, подобно Леночке (знаменитому «кисейному созданию» Помяловского)*, (*См.: *Помяловский Н. Г.* Полное собрание сочинений. СПб., 1889. Мещанское счастье / Повесть. — Прим составителя.) с замечательным искусством и легкостью могут перебегать от одной темы к другой, без всякой остановки, нигде не зацепляясь? Начнет такая говорить о цветах, перейдет к новому костюму, тут же с увлечением расскажет, что у них новый дьячок — и какой смешной!.. Затем ловко переведет разговор на то, что она любит пенки и духи «Чаруй меня» и совершенно терпеть не может мышей и пауков. Наконец, упомянув мимоходом, как утром чуть не попала под трамвай, вдруг огорошит вас сообщением, что она спала только половину ночи, стараясь уразуметь «Капитал» Маркса!..

Не все, скажут, такие. Я не про всех и говорю. Но много ли не «таких»? Если они «серьезны» по-мирскому, то есть читают «научные» и «ученые» книжки нашего времени, то разница между «серьезной» собеседницей и легкомысленной невелика — она касается только внешней направленности интересов, а не их существа. Взгляды и мысли, которых они набираются в подобных книжках, ложны, а отсюда разговоры на эти темы опять-таки вредны. А если девушки (или юноши) эти взялись за ум от чтения духовных и религиозных книг, то они и вовсе должны избегать разговоров, потому что брать темы для болтовни за чаем из Писания и святых отцов — это явление, для определения которого трудно подобрать слова. Хотя, при руководстве старших, здесь все же можно бы что-нибудь полезное выкроить, по крайней мере для тех, кто не способен к строгой, внутрен-несобранной жизни наедине, к крепкому молчанию и вну-

-278-

треннему плачу. Таким образом, то, что для достигших определенного уровня духовного развития является злом, может принести для любящих развлечения и рассеяние относительно пользу. Но болтовня совершенно не позволительна.

Что я не говорю о каких-либо исключительных вещах и не навязываю какой-либо непосильной морали обществу и что сказанное мною не относится только к молодежи, но и к *зрелым*, и даже *ученым мужам*, и *прославленным художественным талантам*, доказывается легко тем, что наука, литература, фольклор³¹ и даже некоторые факты из истории осуждают болтовню, и однако она так распространена и укоренена в нашем культурном обществе.

И мало того, что не борются с этим злом, но и всячески еще поощряют его, с детства воспитывают в нем человека, в зрелом возрасте хвалятся искусностью в нем, и изредка невольно сами себя обличают.

Кто не знает слов поэта Мея (если не изменяет мне память — к своей будущей жене), в которых он ядовито высмеивает светскую манеру с пеленок учить детей салонным тонкостям и извиняется, что сам он якобы не знает, как приняться за разговор:

С чего начать?

Давно уж в моде

Беседу с дамой заводит

Намеком тонким о погоде,

А уж потом и говорить...

И говорить о всем об этом,

Что говорится целым светом,

На что с самих пеленок мать

*Учила дочку отвечать...**

(*См.: Мей Л. А. Полное собрание сочинений. Т. 1: Стихотворения. СПб., 1911. С. 198. Забытые ямбы. — Прим составителя.)

Поучительно рассуждает также в своей «Диететике духа» доктор Шольц (директор лечебницы для душевнобольных в Берлине). Вот несколько строк из его книги:

«Случаи и формы маниакальной раздражительной слабости могут быть очень разнообразны... Очень часто встречается тип болтуна. Разновидностью такого болтуна... будет фразер».

Шольц подробно разбирает это явление, встречающееся и между людьми общества, а не только среди сумасшедших

-279-

его лечебницы. С другой стороны, некоторые сумасшедшие только тем и отличаются от так называемых здоровых, что не могут сдерживать бешеных проявлений своих страстей.

«Болтуны, — продолжает Шольц, — бывают также и между высокообразованными людьми, учеными и художниками, у которых предмет болтовни всегда интересен и поучителен»³².

Так как у этого ученого примеров не хватает, то я приведу их сам. Рассказывает поэт Полонский в своих «Воспоминаниях» о нашем известном писателе Тургеневе:

«Однажды Тургенев прочел в "Новом времени" известие, что он пишет детские повести, а я у него гощу в деревне.

— А что, — сказал я шутя, — если напечатают, что я дою гвоздь, а ты добиваешься меду из ржавой подковы?

— Нет, — возразил он, хихикнув, — ты доишь гвоздь, а я держу шайку»³³.

...Да, болтовня есть зло, и зло величайшее, так как способна не только рассеивать наши мысли, но и приводить ум в совершенное исступление и бездействие. Да что я говорю про наш ум — дикие звери чумуют от женской болтовни.

Локвуд Киплинг в очерке о ловле дикого гепарда и способе его приручения туземцами Индии между прочим говорит: «Пойманного гепарда сейчас же начинают приручать. Для этого его крепко увязывают... на голову надевают повязку, совершенно скрывающую от него свет... Затем с ним постоянно разговаривают, и женский язык считается, по мнению всех, лучшим средством, чтобы не дать пленнику заснуть. Нет такого животного, которое могло бы противостоять голоду, бессоннице и женской болтовне, и несчастный гепард становится не только ручным, но даже забитым, боязливым»³⁴.

Если, по словам естествоиспытателей, женская болтовня способна укротить хищное дикое животное, чуть ли не тигра, то понятно, что Адаму и его сыновьям «до сего дне» трудно устоять перед болтовней дочерей Евы. Это и святая Церковь отметила в достопамятный день Прощеного воскресения в стихире за вечерней: «Адам изгнан бысть из рая преслушанием, и сладости извержен, женскими глаголы прельщенный, — ὑναίκοσ τοῖς ρήματιν ἀπατῶμενος».

• *Вольные поступки и движения*

Дерзость может сказываться и во всем внешнем поведении и даже виде человека. Сюда относятся: встреча глазами;

-280-

пожатие или задерживать рук при прощании; хождение под руку; разговоры «по душам», на «сердечные темы»; искание случаев быть друг с другом наедине, например в прогулке по лесу, по саду, по дороге, на уроках, то есть когда один бывает учителем, а другая ученицей; пешеходные путешествия куда-либо двух или нескольких лиц мужского и женского пола, с ночлегами в поле; вход в комнату к не одетым или полуодетым лицам другого пола, хотя бы к брату или сестре; служение постороннему больному с прикосновениями к обнаженному телу, когда ухаживающего можно было бы легко заменить лицом того же пола, и, во всяком случае, уход требовалось бы обставить другими средствами; прекращение тотчас знакомства и встреч с таким человеком, к которому уже начинается плотское влечение³⁵; обращение на «ты», называние другого полуименем («Маруся», «Гошка», «Ваня», «Шурочка»), когда люди не имеют на то родственного права, но совершенно чужие по крови; допущение такого поведения в кругу своих знакомых, как будто человек находится среди членов своей семьи, что иные еще и поощряют («будьте как дома», «ведите себя запросто»); позволение себе бранить другого, будто любя; поглаживать по руке, по плечу, по ноге, по голове во время беседы; громкий разговор; крикливые возгласы³⁶; небрежные и неприличные размахивания руками при разговорах, ходьбе и за всяким делом; сидение на стуле или диване, положив одну ногу на другую³⁷; привычка вмешиваться во все со своим мнением; разговор с лицами, занимающими более высокое положение в духе ложной свободы, с развязностью³⁸, о чем вздумается, или старанье безвременно повидаться с ними³⁹, или дозволение себе садиться с ними в обществе рядом (например на один и тот

же диван), как будто с равными (когда знаешь, что они нас любят); особая манерная походка, свойственная ловеласам и кокеткам; кричащая прическа; неряшливость в одежде во время домашней уборки, мытья полов, стирки белья; употребление таких костюмов, которые производят впечатление, что вот-вот спадут с плеч, или каким-либо иным образом напоминают человеку о том, о чем ему не надобно знать и напоминать и прочее, и прочее, чего нельзя ни рассказать, ни перечислить.

III. Как обуздать в себе дерзость?

Без болезни сердечной, без трезвения, плача и молитв за

-281-

нас святых, которых мы должны просить, чтобы помогли они нам своим ходатайством пред Богом, — не можем избавиться от этой злейшей страсти. Окончательно она побеждается смирением, которое спасающийся приобретает трудом. Рассуждение и страх Божий помогут ему и научат, как поступить в каждом отдельном случае⁴⁰.

Таковы советы относительно усмирения в себе дерзости, в свое время данные св. Иоанном Пророком преп. авве Дорофею, когда тот был еще у него молодым послушником.

Несколько примеров из жизни святых научат разумных осторожности в обращении с людьми и покажут, как святые до самой смерти боялись давать себе поблажку даже в малейшем и как высок, почти невероятен для сознания нынешних христиан был их подвиг, подъятый против дерзости, особенно в молодые годы.

Так, авва Агафон, один из великих египетских отцов, отличавшийся и даром рассуждения, и даром божественной любви к людям — чудные доказательства ее читатель пусть сам прочтет в его житии, — говорил: «Если бы я сильно любил кого и узнал бы, что он вводит меня в грех, то отверг бы его от себя»⁴¹. Вот истинный делатель и исполнитель заповеди Спасителя (Мф. 18, 7-9)!

Он же сказал: «Знаю одного брата, который, прожив долгое время в келье, где у него была постель, говорил: "Я оставил бы свою келью, не зная постели сей, если бы другой не сказал мне о ней". Такой человек — истинный делатель и воин Христов!»⁴²

Действительно, прожить долгое время в келье, которую тебе отвели, и не рассмотреть, что в ней находится в двух шагах от тебя, — величайший подвиг! Настолько святые были самособранны, так хранили свои глаза, не позволяя им развлекаться и глядя всегда долу. Ходили, занимаясь внутренней молитвою, как во сне, ничего не видя вокруг и не слыша. (Авва Агафон, очевидно, и не прикасался никогда к постели, но засыпал, побежденный усталостью, на молитве, тут же посреди кельи.)

Таково же было делание и у Пимена Великого.

Однажды у него сидел авва Исаак. В это время запел петух.

— Авва, здесь есть петухи? — спросил он великого.

— Исаак! Зачем ты принуждаешь меня говорить об этом? — отвечал тот. — Ты и подобные тебе слышат петухов, а тому, кто трезвится, нет дела до них⁴³.

-282-

§ 7. Ложь.

«Никто из благоразумных не сочтет ложь за малый грех, — говорит св. Иоанн Лест-вичник¹, — ибо нет порока, против которого Всесвятой Дух произнес бы столь страшное изречение, как против лжи. Если Бог *погубит вся глаголющая лжу* (Пс. 5, 7), то что постраждут те, которые сшивают ложь с клятвами?»* (*Ср.: у Иоанна Златоуста множество бесед против лжи и клятвы.)

Строгость духоносного отца станет вполне понятной, когда этот *благоразумный*, к которому он обращается, вспомнит, что ложь — от лукавого и диавол *есть ложь и отец лжи*, по приговору Самого Иисуса Христа (Ин. 8,44), а Бог, по словам Его же, *есть Истина* (Ин. 14,6). Таким образом, произнося ложь, человек соединяется с демоном и отлучает себя от Бога².

В лице своих ученых, поэтов, художников мир не только не бежит от лжи, но любит ее и даже доходит до того, что отсутствием ее объясняет свои несовершенства.

«Одной из главных причин, которым можно приписать удивительно пошлый характер огромной части литературы нашего века, — говорит Оскар Уайльд³, — без сомнения, является упадок лганья как искусства, как науки, как общественного развлечения».

Ложь, таким образом, возводится в необходимый общественный принцип, долженствующий цементировать собою все срезы социальной культуры. Наука, литература, искусство, то есть все, в чем находит свое лучшее выражение цивилизация, должны, следовательно, растворить в себе без остатка это начало и отдать все лучшие свои силы и соки для его обоснования.

Нельзя сказать, чтобы голос этот был единственный⁴, а уклад общественной жизни говорит за то, что без кричащих объявлений призыв Оскара Уайльда осуществляется уже давно. Да и во имя чего, если люди не верят, что им придется держать ответ на Страшном Суде, обществу удерживаться от лжи? Ради нее самой? Но «в конце концов, что такое тонкая ложь? — издевается тот же Оскар Уайльд. — Это просто суждение, в себе носящее свое доказательство»⁵. Будет ли то общественная жизнь или жизнь частного

-283-

лица, присутствие лжи и лицемерия говорит о том, что в них оскудели *любовь и страх Божий*, а с ними вместе и совесть потеряла уже свою чувствительность и не дает знать человеку всю силу греха и наказания, которое ему предлежит за гробом⁶. Поэтому, кто стяжал слезы покаяния и умиления, тот избавился совершенно от этого искушения, нередко облакающего, как увидим ниже, в обманчивую одежду «доброжелателя».

Три вида лжи различают святые отцы.

Ложь мыслью

Всякий, принимающий за истину свои догадки, лжет мыслью. Например, находится такой человек в обществе, видит, что двое разговаривают, один или оба взглянули на него — и сейчас ему в голову помысл: «Это они обо мне». Подошел к ним, замолчали. «Из-за меня», — думает опять лживый. Если кто скажет что, сейчас он уже прислушивается и раздумывает, не с целью ли оскорбить его это сказали. И так во всяком деле мысли его не содержат истины,

но, как тесто на дрожжах, заквашены ложью. Отсюда — любопытство, злословие, подслушивание, вражда, осуждение.

Не всегда, конечно, так. Бывает, что кто-нибудь заподозрит кого-то и не ошибется. Тогда еще хуже: накатывается дорожка уже к навыку, и лжец начинает за всеми и за всем замечать, и все это с самооправданием — «надобно же мне знать, в чем меня осуждают, чтобы исправиться»... И не понимает, что тут совершаются две вины и ошибки: во-первых, само начало уже от демона, раз оно основано на беспочвенном предположении, во всяком случае, заключающем в себе зерно злословия и осуждения, а *как может древо зло плоды добры творити* (Мф. 7,18)? Во-вторых, если человек этот на самом деле имеет серьезное намерение исправиться, то не должен, когда выговаривают ему за что-нибудь, смущаться — это указывает на присутствие гнева, а следовательно, и гордости в сердце, — но *поклониться и попросить прощения*. Собственно, нужно бы *поблагодарить* своего учителя, но для этого необходимо иметь достаточно того смирения, которым когда-то обладал наш народ; мы же его теперь не имеем. А без смирения слова благодарения будут скорей звучать насмешкой, сознанием собственного превосходства (в умении владеть собой при незаслуженном — если это было — оскорблении и прочем) над своим

-284-

вразумителем. Причем, вместо желания «огрызнуться», то есть гнева, появляется тонкое тщеславие. Таким образом человек лишь перепродает себя другому бесу*. (*Отсюда «коварная улыбка при обличениях», о которой говорит Иоанн Лествичник, см. далее примечание 20.) Но если дело идет не о грубом, гневном выговоре со стороны поучающего, а о простом замечании (например, прислуга нам от души посоветовала что-либо), то благодарить, конечно, непременно надо⁷.

Пример лживого образа мыслей дает поэт Я. Полонский в своих «Воспоминаниях»⁸: «Мне все казалось, — пишет он, — что человек с здравым смыслом непременно осмеет меня как фантазера или психопата».

Если человек вовремя не обратит на это внимания, то сперва ему будет только «казаться» и «думаться», что все кругом относятся к нему «неспроста», а потом дело дойдет и до настоящих галлюцинаций. Святоотеческая литература и современная психиатрия дают столько примеров этого, что мне нет возможности приводить их здесь⁹. Но есть между ними и разница.

Ошибка врачей — а вследствие этого и их бессилие помочь больному — заключается в том, что они принимают за начало болезни то, что есть уже ее добрая половина. Принятие же ими благоприятствующих условий для болезни за сами причины ее вконец портит все дело. Также и лечение у этих эскулапов, скорее, можно принимать за желание показать, что они что-то делают, чем уверенное сознание, что они поступают так, как должны. Об этом говорят их рецепты, возлагающие всю надежду на саму природу («здоровый дух в здоровом теле»). Здесь одну из «важных» статей лечения составляет «гигиена» и «гимнастика», «хорошее питание», даже «мушки на затылок» при «усиленной раздражительности» (!), и тому подобное. Конечно, нельзя отрицать зависимости душевного устройства от состояния телесного организма, но все это очень мало помогает больному — постольку, поскольку душа только связана с телом.

Правильный путь — надо лечить душу непосредственно, а не через тело! (Понятно, почему медицина лечит лишь тело: потому что не признает существования души.) Многие святые, будучи очень болезненными, жили в самой неподходящей обстановке

-285-

для душевного равновесия, а не знали никакой «нервозности». Значит, она не от беспокойной среды, не от плохого питания, не от слабости нервов.

Ложь словом

Обычных примеров подобной лжи я приводить не буду — их множество вокруг нас, упомяну только об ее причинах.

- Происходит она, как и всякий грех, от сластолюбия, сребролюбия и славолубия (1 Ин. 2, 16).

- От многословия и смехотворства.

Это обычное явление в обществе. Но как к нему относиться? Кто хочет спастись, примет совет преп. Иоанна Ле-ствичника¹⁰, еще более тысячи лет тому назад сказавшего:

«Когда бесы увидят, что мы в самом начале стараемся отойти от слушания смехотворных речей вредного рассказчика как от губительной заразы, тогда покушаются обольстить нас двоякими помыслами: "не печаливай", внушают они нам, "повествователя", или: "не выставляй себя человеком более боголюбивым, нежели прочие". Отскочи скоро, не медли; а если не так, то во время молитвы твоей вообразятся помышления о предметах смешных. И не только бегай таких бесед и лукавых собраний, но и разорай их благочестно, предлагая на среду воспоминание о смерти и последнем суде; ибо лучше тебе окропиться в этом случае малым тщеславием (а я прибавлю: и полным изгнанием из общества в наше время. — Еп. Варнава), только бы сделаться виновником общей пользы».

- Собственно от сластолюбия и от сопутствующих сластолюбию страстей — желание расставить сеть ближнему, причинить зло, вред, или из боязни лишиться хорошего положения, места, покоя, из-за страха перед наказанием.

- Человек лжет также иногда с корыстной целью. Пословица: «Не обманешь — не продашь» — отсюда ведет свое происхождение.

- Тщеславие тоже заставляет прибегать работающих ему ко лжи. Как уж извивается иной, лжет через каждое слово, лишь бы о нем не подумали плохое и не уличили в каком-либо неправом деле, которое он старается сохранить в тайне. Тогда как надо бы только поклониться и сказать: «Простите, Христа ради, грешен»...

-286-

В заключение этого отдела приведу несколько практических замечаний и вопросов.

Только ли умышленно солгавший подлежит суду или и тот, кто по неведению сказал нечто несогласное с истиною? И тот и другой виноваты, по слову Господа (Лк. 12,47-48). «Но во всяком случае при достойном покаянии, — уверяет св. Василий Великий¹¹, — есть твердая надежда на отпущение грехов».

«Если кто задумает сделать что-нибудь и не сделает, ужели и он судится как лжец? — Если то, что подумал сделать, требуется заповедью, то осуждается не

только как лжец, но и как непокорный, потому что Бог есть *испытали сердца и утробы* (Пс. 7, 10)»¹².

«Если кто предварительно решится сделать что-либо неугодное Богу, то что для него лучше, отстать ли от худого намерения или свершить грех из опасения стать лжецом? — ...Таковой должен покаяться, во-первых, в том, что осмеливается сам собою решаться на что бы то ни было [2 Кор. 3, 5; Ин. 5,30; 14, 10], потому что и самого хорошего не надобно делать самовольно [Ин. 6, 38], а потом принести еще большее покаяние в том, что не убоился решиться на неугодное Богу. А что надобно оставить дело, противное заповеди Господней, на которое предварительно решился, это ясно показывается в примере апостола Петра, который предварительно решил: *не умыею ногу мою во веки*, а когда услышал приговор Господа: *еще не умыю тебе, не имаша части со Мною*, тотчас переменяет намерение и сказал: *Господи, не нозе мои токмо, но и рuce и главу* (Ин. 13, 8-9)»¹³.

«Надобно ли лгать, имея в виду что-нибудь полезное?» — Нет. Господь «решительно говорит, что ложь от диавола (Ин. 8, 44), не показывая никакого различия во лжи»¹⁴. (Ср.: 2 Тим. 2, 5.)

Но «иногда случается такое дело, — говорит преп. авва Дорофей¹⁵, — что бывает крайность скрыть мало, и если кто не скроет мало, то дело приносит большое смущение и скорбь. Когда встретится такая крайность, и видит кто-либо себя в такой нужде, то может посему изменить слово, для того чтобы не вышло, как я сказал, большего смущения и скорби или обиды. Но когда случится такая великая необходимость уклониться от слова правды, то и тогда человек не должен оставаться беспечальным, а *каяться и плакать перед Богом* и считать такой случай временем искушения. И

-287-

на такое уклонение решаться не часто, а разве однажды из многих случаев... *однажды во много лет*, когда видит, как я сказал, *великую* необходимость, и это самое, допускаемое весьма редко, пусть делает со страхом и трепетом, показывая Богу и произволение свое и необходимость, и тогда он будет прощен, но *вред он все-таки получает*».

Ложь жизнью

«Жизнию своей лжет тот, — говорит тот же авва Дорофей¹⁶, — кто, будучи блудником, притворяется воздержным; или, будучи корыстолюбив, говорит о милостыне и хвалит милосердие; или, будучи надменен, дивится смиренномудрию. И не потому удивляется добродетели, что желает похвалить ее, ибо если бы он говорил с этой мыслью, то он сперва со смирением сознался бы в своей немощи, говоря: "Горе мне, окаянному, я сделался чуждым всякого блага", и тогда уже, по сознании своей немощи, стал бы он хвалить добродетель и удивляться ей. И опять он не с той целью хвалит добродетель, чтобы соблазнить другого, ибо он должен бы был в этом случае думать так: "Поистине я окаянен и страстен, но зачем мне соблазнять других? Зачем наносить вред душе иного и налагать на себя и другого тяжесть?" И тогда, хотя бы он в том, вышеупомянутом, и согрешил, однако же коснулся бы и добра; ибо осуждать себя есть дело смирения, а щадить ближнего есть дело милосердия. Но лжец не по какой-либо из упомянутых причин удивляется, как я сказал, добродетели, но или для того

похищает имя добродетели, чтобы покрыть свой стыд, и говорит о ней, как будто и сам он совершенно таков, или часто для того, чтобы повредить кому-нибудь и обольстить его... Это не простой человек, но двойственный, ибо иной он внутри и иной снаружи, и жизнь его двойственна и лукава».

Пушкин пишет, например, в альбом А. П. Керн стихотворение, обычно помещаемое во всех хрестоматиях как образец тонкого чувства и даже «благоговения»:

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты...

Но вот обратная сторона. Вскоре после этого он пишет о той же Керн своему приятелю С. А. Соболевскому¹⁷, как о

-288-

какой-нибудь публичной девке, по обычаю цинично, хотя не без игривости, с матерными выражениями, кощунственно приправленными для остроты церковными словами (заменяю все это многоточиями):

«Безалаберный! Ты ничего не пишешь мне о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь мне о М-ме Керн, которую... я на днях...» и так далее.

Правда, мы живем в таком веке, когда обольщение девиц, и как можно раньше, является для молодых людей «боевой задачей» и похвальбой, а для самих потерпевших завистливой долей и «честью»¹⁸.

Правда и то, что критика — эта старая блудница, старающаяся казаться целомудренной для большего обольщения публики, — и общественное мнение часто на их стороне¹⁹. Но нам, христианам, до этого нет никакого дела, мы должны вещи называть своими именами, чтобы не дать заблудиться меньшим братьям, и исполнять то, чего требует от нас Евангелие, а не общественное мнение, которое Господь назвал *прелюбодейным* и *грешным*. Иначе грозит нам подпасть под строгий приговор Христа Спасителя на Страшном Суде (Мк. 8, 38).

Наконец упомяну еще об одном устроении души, совершенно погибельном для спасения, которое складывается из всех трех предыдущих и, как рак, глубоко проникает в душу и разъедает ее. Это — тонкое растление всей духовной сущности человека. Оно называется *лукавством*.

По чеканному выражению преподобного Иоанна Лест-вичника, «лукавство есть искусство, или, лучше сказать, безобразие бесовское, которое потеряло истину и думает утаить это от многих»²⁰.

Еще несколько его же определений: «Лукавство есть извращение правоты, обольщенный разум, лживое оправдание себя благонамеренностью, клятвы, повинные муке, двусмысленные слова, скрытность сердца, бездна лести, навыв лгать... личина покаяния... вражда против исповеди... коварная улыбка при обличениях... притворное благоговение; словом, оно есть бесовское житие»²¹.

Посему-то св. Симеон Новый Богослов²² с плачем молился: «Милостиве... Христе мой!.. Очисти сердце мое от всякого лукавства, потому что оно есть корень и источник греха. Лукавство есть семя лукавого сеятеля; а где оно есть, там и произрастает, и поднимается вверх, и производит

-289-

весьма много ветвей лукавства и злобы. Его-то корни из глубины исторгнув, Христе мой, и очистив ниву души и сердца моего, всади в них страх Твой, Милостиве...»

Путь к избавлению от этой страсти лежит через кротость, простоту, незлобие и, кратко сказать, через смирение.

-290-

§ 8. Гордость.

«Гордость, — сказал Иоанн Лествичник¹, — есть... бесовское изобретение... мать осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противница Богу, корень хулы».

Разберем некоторые из этих положений — например, что гордость есть «предтеча умоисступления».

Действительно, поскольку человек заходит в это соленое море страстей, постольку омрачается умом. «Я хочу быть малым, гордым и святым», — вещает Человек в «Тиртее» Пшибышевского. Вот пример. Герой хочет соединить воду с огнем, бесконечное с конечным, диавола с Богом (2 Кор. 6, 15). Но «как овца с волком не сходится для деторождения, — говорит преп. Марк Подвижник², — так и болезнование сердечное [т. е. смирение, почитание себя за малость, за ничто] не соединяется с пресыщением [и гордостью] для зачатия добродетелей». Почему же автор произносит такой умоисступленный вздор устами выведенного им типа? Потому что герои Пшибышевского, как известно, все «сверхчеловеки», то есть гордецы высшей степени, они мыслить и говорить иначе, как сумасбродно, не могут.

Но как ни невероятно это соединение гордости со святостью в устах Пшибышевского, известная шведская писательница Сельма Лагерлёф в «Легенде о птичьем гнезде» пошла еще дальше: она вывела тип деятельно-практический, замечательный тем, что он совмещает в себе вышеупомянутые несовместимые качества. Таким образом, пожелание превращается в дело, хотя только на бумаге. Но важно тут одно, что писателей несколько не задевает невозможность существования даже для мысли таких типов.

Такое же мышление мы находим у художественных критиков, философов, историков и других. Вот, например, отзыв С. Рейнака о «Pietà»* (*Скорбь (итал.); скульптура Микеланджело, известная еще под названием «Оплакивание Христа». — Прим, составителя.) Микеланджело в соборе св. Петра:

-291-

«Микеланджело смело положил тело Христа на колени задрапированной Богоматери и сумел извлечь из этого контраста поразительный эффект. Богоматерь страдает молча; величие и *гордость* [это у Богоматери-то, смиреннее Которой никого нет на свете среди созданных тварей! — Л к. 1, 48] не позволяют Ей плакать»³.

Что все это значит? А то, что помрачение не единичный факт, а явление, общее для писателей. Ведь примеры эти можно бы умножить до любого количества.

Пойдем далее. Поскольку писатели и философы выходят из культурной среды и питаются ее соками (а не церковно-благодатными), постольку они отражают в себе и в своих произведениях общий строй мыслей своей эпохи, то есть *гордый*, а та, в свою очередь, поскольку питается их сочинениями, постольку воспитывается в понятиях и их авторов. Таким образом происходит взаимное растление, выражаясь научным языком, ассимиляция, или некий эндозкзосмос*.(**Эндозкзосмос — авторское словообразование, означающее в данном тексте взаимопроникновение внутреннего и внешнего мира. Образовано от эндосмоса и экзосмоса (греч.), означающих диффузию вовнутрь и вовне (endon, exo — соответственно «внутри», «вовне» и osmos — «толчок, давление, импульс»).* — Прим, составителя.))

Впрочем, о повсеместном торжестве в мире всеобщей безумной гордости и, вследствие этого, затемнении мозгов даже у его светил и «князей века» говорят апостолы (1 Ин. 2, 16; 1 Кор. 2, 8).

Но не так, не так обстоит дело у святых. Им никакая тьма не застилает очи, потому что они — «не от мира» сего (Ин. 17, 16), в котором одно сплошное безумие (1 Кор. 1, 23; 2 Тим. 3, 9), и *не от крове, не от похоти плотския, не от похоти мужеския, но от Бога родишиася* (Ин. 1, 13). Посему все, что они говорят, — здраво, чисто и глубоко.

Можно бы привести еще один пример на слова Иоанна Лествичника о том, что гордость есть «причина беснования». В «Воспоминаниях детства» прославившейся на весь мир своими математическими способностями Софьи Ковалевской приводится один замечательный случай, в высшей степени наглядно рисующий эту истину. Но недостаток места не позволяет его привести⁴.

Начинается гордость с тщеславия. Это — *первая ступень*

сей страсти. На *второй* ступени человек начинает уничижать ближних, «бесстыдно проповедовать свои труды», допускает самохвальство в сердце и пылает ненавистью к обличителям. Дно этой бездны составляет «отвержение Божьей помощи, упование только на свое тщание, бесовский нрав»⁵.

Каждый пусть сам проверит, на какой ступени гибели он находится.

Особенно трудно избежать гордости талантливым людям. Поэтому художники, писатели, ученые, не будучи в силах избежать «бесстыдного проповедания своих трудов» и тому подобных вещей, о которых столько сказано у святых отцов, стали сперва доказывать, что этого и вообще нельзя избежать, не по силам-де человеку, а после спустились и еще ниже — начали говорить, что гордость даже необходима людям: это единственный рычаг, направляющий и движущий культуру, без нее не было бы никакого прогресса и так далее.

Все эти рассуждения не новы. Так, например, уже знаменитый Гораций хвастался, что он — первый представитель эолийской лирики в Италии («*Princeps Aeolium carmen ad Italos deduxisse modos*»*), (*«...первый я на голос Эолийский свел песнь Италии». (К. Гораций Флакк в переводе А. Фета. СПб., 1898.) — Прим, составителя.) — говорит он про себя), за что-де ему нужно дать лавровый венок и

поставить вечный памятник⁶. В своих «Посланиях»⁷ он также говорит, что он первый из римских поэтов показал миру, как надо писать ямбы: «Ego primus jambos ostendi Latio»**. (**«Паросские ямбы я первый Лациуму указал...» (Там же.) — Прим, составителя.)

Если обратиться к нашему времени, то примеров не счесть.

Два вида гордости различаются: *плотская* и *духовная*, мирская и монашеская⁸.

То, что сказано было о тщеславии, можно применить и к данному случаю. Дополнения же не настолько существенны, чтобы составить для новоначального большую потерю, если он о них не узнает, а подвижникам они из личного опыта известны. Поэтому я их опускаю.

Не разграничивая полностью один вид гордости от другого, я приведу общие *признаки*, по которым можно будет каждому проверить, насколько глубоко сидит в нем гордость, и можно будет также знать, чего ему нужно опасать-

-293-

ся и избегать. Отчасти эти признаки гордого устройства сердца послужат дополнением к тем, что были указаны в начале этого параграфа.

Итак, болезнь эта определяется и протекает следующим образом. Начинается она с того, что в разговоре проскальзывает крикливость, в молчании — досада, в веселии — громкий разливающийся смех, в печальных обстоятельствах — неразумная скорбь, при ответах — строптивость, в речах — легкомысленность, слова вырываются без всякого участия сердца, безрассудно.

Если все это у отрока или, например, у юноши имеется, то ясно, что они больны. Надо звать врача (духовного), пока не поздно, и лечиться. Иначе болезнь будет развиваться.

Терпение у человека теряется, любовь пропадает. Он делается дерзким, склонным к оскорблению других. Если нужно сделать что-либо по послушанию, то делает очень неохотно, и то разве только в том случае, если это совпадает с его собственной волей и желанием. Никакие увещания на такого человека уже не действуют, потому что он всегда старается настоять на своем мнении и уступить кому-либо никак не хочет. Таким образом, сделавшись неспособным принимать спасительные советы, он во всем доверяет больше уже своему мнению, а не старших, не исключая и духовного отца.

Если и на этом человек не остановится, то вскоре всякий благочинный порядок становится ему мерзким, и он начинает его бегать как огня. Старчество, духовное руководство, правила Церкви и святых отцов, даже Священное Писание (в церковном понимании) — всего этого он страшится как препятствующего его духовному росту и тормозящего развитие его личности. Ввериться духовному руководству кажется для него тем же, что завязать себе глаза и идти к пропасти. Если это монах, то он начинает желать жить в уединении или, наоборот, окормлять и спасать других. Для этого спешит набрать себе учеников и учениц, пока не поздно и они не лишились сего драгоценного сокровища. Наконец начинает думать и о том, что пора получить ему для сего великого дела спасения людей Божий дарования: прозорливость, дар врачевания болезней и прочие; ожидает эти дары и во всех своих словах и мимоходом брошенных фразах видит глубокий смысл, откровения от Господа и пророчества.

-294-

Я не буду описывать более тяжкие степени падения, потому что и эти уже влекут за собой геенну⁹. Приведу только любопытный пример, когда человек, сам того не желая, свидетельствует о своей гордости:

«Один премудрый старец, — передает Иоанн Лествичник¹⁰, — духовно увещевал гордящегося брата; но сей ослепленный сказал ему: "Прости меня, отче, я не горд". Мудрый же старец возразил: "Чем же ты, сын мой, яснее можешь доказать, что ты горд, как не тем, что говоришь: я не горд?"».

Чтобы понять всю силу этого ответа, нужно знать, как поступали и чувствовали в подобных случаях сами святые.

«Кто истинно смиренномудр, — говорит великий во отцах преп. Исаак Сирин, — тот, будучи обижен, не возмущается и не говорит ничего в свою защиту о том, в чем он обижен, но принимает клеветы, как истину, и не старается уверять людей, что он оклеветан, но просит прощения. Ибо иные добровольно навлекали на себя название блудных, не будучи таковыми¹¹; другие же терпели именование прелюбодеев, будучи далекими от прелюбодеяния, и слезами свидетельствовали, что несут на себе плод греха, которого не делали, и с плачем просили у обидевших прощения в беззаконии, которого не совершали, когда душа их была увенчана всякою чистотою и непорочностью¹². Иные же, чтобы не прославляли их за превосходные правила жизни, соблюдаемые ими втайне, представлялись в образе юродивых, быв растворены божественною солию и непоколебимы в своей тишине, так что на высоте совершенства своего святых ангелов имели провозвестниками своих доблестей¹³. Ты думаешь о себе, что есть в тебе смирение. Но другие сами себя обвиняли; а ты, и другими обвиняемый, не переносишь сего и провозглашаешь себя смиренномудрым. Если хочешь узнать, смиренномудр ли ты, то испытай себя в сказанном: не приходишь ли в смятение, когда тебя обижают?»¹⁴

Вышеуказанный пример с молодым монахом показывает, что последний приходит в смятение при обличении (хотя это и в тонкой форме сказывается, даже как будто смиренной с первого взгляда: «прости меня») и, следовательно, на самом деле горд.

Вот еще примеры болезненного самолюбия, не терпящего обличения, примеры, попавшие уже в курсы психиатрии.

-295-

«Даламбер [известный философ так называемой эпохи Просвещения и вдохновитель французской революции] и Менаж, — говорит Ломброзо¹⁵, — спокойно переносившие самые мучительные операции, плакали от легких уколов критики. Лючио де Лансеваль смеялся, когда ему отрезали ногу, но не мог вынести резкой критики Жофруа».

Мне кажется, после этого уже нельзя говорить, хоть тому же Даламберу или его праправнукам, что монахи никуда негодные люди, ибо настоящие монахи от своих послушников требуют несравненно больше того, чего могут достичь прославленные философы.

После всего вышесказанного понятно, что всякому, кто еще не окончательно ослеп душою, хочется выбраться из этой ямы. Желание тем более законное, что пока гордость будет сидеть, как владычица на троне, в его душе, ему не только не

освободиться от какой-либо страсти, но если бы он имел и какие добродетели, то неминуемо пришлось бы потерять их из-за ее яда.

Какими же *способами* можно задавить в себе эту ехидну? — Для этого предлагаются Иоанном Кассианом¹⁶ следующие средства.

- *Смирение*. Именно, нужно нам с искренним расположением сердца, считая себя хуже всех, изъявлять всем окружающим истинное смирение, заботясь, чтобы ни в чем их не обидеть или не оскорбить. Этого мы никак не возможем исполнить, если из любви ко Христу не будет утверждено в нас истинное самоотвержение.

- *Самоотвержение*. Оно состоит в оставлении пристрастия к своему имуществу и полной нестяжательности.

- *Послушание*. Требуем от нас подчинения с простым сердцем, без всякого притворства, так, чтобы, кроме приказа своего начальника или духовного отца, вовсе не жила в нас *никакая своя* воля. Это может исполнить только тот, кто соблюдает следующие две заповеди:

- *Быть мертвым для мира.*

- *Считать самого себя неразумным, глупым.* Так что все, что ни прикажут ему старцы, он будет исполнять без всякого исследования, считая это священным и вознесенным от Бога.

Это уже залог спасения и непоколебимости душевной

-296-

ни при каких скорбях и оскорблениях. Чтобы легче их было переносить, можно прибавить еще три правила.

- Всегда размышлять о страданиях нашего Господа и Его святых, думая, что наши скорби — ничто в сравнении с их.

- Постоянно помнить, что мы через малое время переселимся из нынешней жизни в мир иной и, если окажемся достойными, «будем соучастниками святых».

- Твердо держаться смирения по отношению к Богу, то есть сознавать, что, как бы ни велики были наши подвиги и добродетели, они — дар Божий, а сами по себе мы бы никак не могли их совершить. Лишь невидимая помощь Божия, постоянно действующая, дала нам возможность получить то, что мы имеем, если только мы действительно что-нибудь имеем, а не пустой то призрак обольщенной духом тщеславия души.

-297-

Глава 4. Крайняя степень падения духовной сущности человека

§ 1. Прелесть у верующего христианина.

Прелестное подвижничество и молитва.

Прелесть — *πλάνη* (от *πλανάω* — сбивать с прямого пути, заставлять блуждать)¹ — есть «обманывание и обольщение других (Мф. 27, 64; Еф. 4, 14) и собственное заблуждение, или самопрельщение» (ср.: 1 Фес. 2, 3, где апостол Павел говорит, что он не таков). «В том и другом смысле оно противоположно истине (Ин. 14, 6) как истиннолюбию и правдивости и как несомненному знанию

действительной истины»². Прелесть — это лживое устроение души, основанное преимущественно на гордости, в то время как человек воображает, что он достиг настоящего *духовного* познания вещей, а все вокруг него ошибаются.

I. Состояние каждого страстного человека, в общем, есть прелестное

Про всякого, кто еще не очистился от страстей, можно сказать, что он, в известной степени, находится в прелести, то есть некоторые вещи понимает не так, как должно, и тонкие внушения и действия врага принимает за благодатные откровения. Например, легкая нервозность и возбуждение во время и после усиленной молитвы; старание обнаружить прозорливость и чудотворство у почитаемых нами людей или даже у самих себя; вещие сны, открытие у себя способности понимать и говорить о духовных вещах; настойчивость в отстаивании собственного мнения; восторженность и восхищение чужими подвигами (например старцев) при полном нежелании исполнять на деле то, чему они учат (хотя постоянно и говорят эти люди про старцев, и берут у них без счета советы); интерес к тому, что выше разума новоначальных; выведывание того, как чувствуют и мыслят духоносные люди, и после передавание этого другим как бы от своего лица; желание напоить всех своей любовью, стремление научить других духовному пути и просвещать падших и заблудших — все это у человека, недавно приступившего работать Господу, иными словами, *не успевшего стяжать хоть сколько-нибудь смиренного чувства и духовной опытности и омыть слезами покаяния*

-298-

свои собственные скверны, но считающего себя достойным этих состояний, есть начатки прелести. Особенно вышеупомянутые качества отличают женщин, окружающих разных «братцев» и «старцев». Свидетельствую бо им, — говорит апостол (Рим. 10, 2), — яко ревность Божию имут, но не по разуму.

Нельзя отрицать того, что и Сам Бог иногда утешает нелицемерных послушников и послушниц за *сердечное сокрушение и отсечение воли*. Но таковые, как правило, хотя и молоды, но не увлекаются этими состояниями и не делятся своими переживаниями с другими. Даже от самих себя они скрывают, если нечто подобное у них и появится. И не доверяют себе, а идут сказать об этом духовному отцу и, что он скажет, прячут на дне своего сердца, как в могиле, подражая в этом Смиреннейшей из благословенных жен и дев (Лк. 2, 19). У таковых огненными буквами начертаны в душе слова досточудного Иоанна Синайского: «Рукою смирения отвергай приходящую радость, как недостойный ее, чтобы не обольститься ею и не принять волка вместо пастыря»³. И еще: «Не стремись к видению не во время видения. Пусть лучше само оно, привлеченное красотой твоего смирения, придет к тебе, обнимет тебя и соединится с тобою чистейшим браком на веки веков»⁴.

II. Источники и виды прелести в собственном смысле

Прелесть потому так широко и глубоко пронизывает всю жизнь человека и его отношение к Богу, людям и самому себе, что основания ее уходят далеко внутрь самого существа нашей души, растленной грехопадением. К тому же, по причине этого грехопадения, диавол получил доступ к человеку, что Бог попускает для того, чтобы последний, как свободное существо, с помощью благодати учился посред-

ством искушений укреплять свою волю в добре и тем освобождался постепенно от зависимости и кабалы у сатаны.

Посему *источники* прелестного состояния можно разделить на два рода: *субъективные*, берущие свое начало и питающиеся за счет падшего естества самого человека, и *объективные*, зависящие от действия демонов. В первом случае *гордость*, которая обычно подпирается с одной стороны *тщеславием*, а с другой — *блудом*, является главным производителем этого пагубного состояния; во втором — непостижимые для человека козни *бесов*.

-299-

Соответственно этому оказываются и *результаты*: одни — естественного происхождения и представляют собой плод расстроенного воображения и чувств самого человека, другие — вызваны сверхъестественными причинами и находятся *вне* его существа. Где кончаются одни и начинаются другие, могут разобраться только *духоносные* люди. Вот почему новоначальным должно руководствоваться вышеприведенным правилом преп. Иоанна Лествичника.

Некоторые из этих результатов, как я говорил, начинают проявляться уже в обычной жизни человека, но другие появляются исключительно от неправильных *подвижничества и молитвы*, то есть осуществляемых *без руководства опытного духовного лица*. Ибо диавол всего более ненавидит молитву и *гласа утверждения* (Притч. 11, 15) рассудительных старцев (которые, собственно, и могут помочь в избавлении от прелести).

III. «Мнение»

Это первый вид серьезной прелести. Основа ее — в извращенном воспитании сердца. Главная страсть, посредством которой она, родившись от гордости, питается, есть блуд, начинаемый с едва уловимого, а иногда и неуловимого для человека тонкого полового и вообще чувственного возбуждения и кончая извращенными формами сладострастия. Таким образом, горячащее действие естественного кровообращения и чувственности принимается здесь легко за благодатные действия Святого Духа. У святых отцов это состояние называется «мнением», потому что «одержимый этой прелестью мнит о себе, что он имеет многие добродетели и достоинства, — даже, что обилует дарами Святого Духа»⁵.

У людей, впавших в это обольщение, постоянно случаются «благодатные озарения»⁶, «божественные откровения»⁷, «неземные переживания»⁸ во время молитвы; «духовные восторги»⁹, «усладительные ощущения благодати» и тому подобное. *Неумеренное подвижничество* и разврат, который очень часто сопутствует таким душевным расстройствам¹⁰, обостряют эти явления. При сильном же действии тщеславия, заставляющего человека постоянно *желать и ожидать* скорых результатов своих «подвигов», бесы незамедлительно приходят на помощь¹¹. И тогда сообщают человеку, что делается в других местах, показывают мысли,

-300-

которые они же внушают другим людям, через что обольщаемого делают «ясновидящим», как принято выражаться в научных книжках, или «прозорливым», как выражаются в церковном обиходе. Иногда бесы, поупущением Божиим, производят разные видения — якобы святых или Самого Христа — или, наоборот, страхования, непонятные и странные явления, чтобы

сбить человека с толку и привести в недоумение, рассеяние*. (*Если Бог есть Свет, то отсюда следует, что лица, принявшие в себя Бога не призрачно, не мечтательно, а на самом деле (см.: "Основы". Отдел III. Гл. 13. § 2), начинают сами излучать свет. Но, как всегда, диавол подражает Истине, чтобы обольстить простых, или наоборот, слишком лукавым сердцем, и сам преобразается в Ангела света (2 Кор. 11, 14) и является в свете (см. жития мученика Потита, преп. Исаакия Печерского)) Иногда блуд вначале не проявляется в явной форме, а только когда бесы окончательно завладеют сердцем человека, выступает наружу во всей силе¹². А бывает и так, что и совсем не проявляется: тогда один *бес гордости* заменяет собою всех прочих. И это в то самое время, когда человек по наружности бывает очень смирен, набожен, святые слова не сходят с его языка, называет себя во всеуслышание великим грешником, и прочее. На самом же деле, в глубине души такой человек очень злобен, мстителен, жесток, является богохульником и ненавистником всего христианства и Самого Бога. В конце концов, яд свой таковые извергают наружу и делаются еретиками, богоотступниками, хулителями и гонителями Церкви, смотря по силе своего развращения, обстоятельствам, месту и времени.

Примеров из области прелестной мистики можно привести без числа: истинных делателей на ниве Христовой мало (Мф. 9, 37), а лживых, прелестных сколько угодно. Если и среди православной пшеницы встречаются плевелы, то что говорить об участках духовной земли, засеянных бурьяном. Стоит только переступить за черту церковной ограды, и мы сталкиваемся с самыми различными типами прелестников; описание — даже краткое — проявлений их нездоровой психики заняло бы громадный том¹³.

Я здесь приведу замечательный случай, происшедший в молодости с преп. Елисеем, учеником блаженного аввы Исаяи, известного египетского отшельника¹⁴.

Рассказывал об этом сам преподобный так.

«В юности моей от болезни я находился при смерти.

-301-

Отец мой ежедневно призывал врачей и прилагал особенное попечение, чтобы они меня исцелили. Врачи, много потрудившись, не могли исцелить меня от болезни и наконец сказали отцу моему: "Этот юноша умрет прежде истечения трех дней". Отец мой, услышав это от врачей, был поражен скорбью. Обливаясь слезами, он поспешил в церковь святого евангелиста Марка¹⁵ и нашел, как после сам сказывал, в храме монаха весьма старого. Увидев моего отца печальным, этот монах сказал ему:

— Что с тобою, господин Прокопий, о чем скорбишь?

— Тот, Кто открыл тебе мое имя, откроет и причину печали, — отвечал мой отец.

Старец сказал:

— Пойдем в дом твой.

Прийдя в наш дом, старец посетил меня и сказал моему отцу:

— Приведи твою супругу.

Мать моя была христоролюбива и монахолюбива; отец же мой крайне ненавидел монахов. Старец сказал моему отцу:

— Исполнения трех заповедей ищет от тебя Бог, и если сохранишь их, то дарует жизнь сыну твоему.

— Свидетельствуюсь святым евангелистом Марком исполнить то, что ты мне заповедуешь, — сказал мой отец.

Старец продолжал:

— Вот пятнадцать уже лет, как ты прелюбодействуешь и блудодействуешь, скверня ложе жены твоей, и за это Бог посек преждевременно смертью пятерых детей твоих¹⁶. Второе: юношу этого не сочетавай браком, но пусть он вступит в монашество. Третье: с арианами и феодосиана-ми¹⁷ более не общайся.

— Сохраню слова твои во все дни жизни моей, — отвечал ему отец мой.

Старец помолился, и я выздоровел на третий день. После этого я прожил три года у моего отца, и отец мой обручил меня с племянницей жены игемона. Когда отец приготавливал все нужное к браку, лютый бес начал тревожить обрученную мне отроковицу и мучить ее немилостиво и жестоко. Родители ее и мой отец в продолжение семнадцати месяцев водили ее везде и всюду по церквам, подавая милостыню, даже приводили ее к волхвам и чародеям, но нисколько не успели: девица пришла в худшее состояние. С общего согласия и совета они приводят ее к отцу Макарию¹⁸. Туда пошел и я с

-302-

нею, и отец мой. Старец, взяв елей и сотворив молитву над ним, повелел матери девицы омыть ее и потом помазать елеем от главы до ног¹⁹. Когда она была помазана, то бес начал взывать: "Горе, горе!.." Вышедши из отроковицы, он напал на меня и в семь крат сильнее мучил меня. Так я провел 30 дней, жестоко мучимый бесом. И вот приходит тот старец, который прежде разговаривал с моим отцом и исцелил меня от болезни. Отец, увидев его, убежал от него. Старец, взяв меня, привел в свою келью. Проведя всю ночь в молитве и коленопреклонениях, он отогнал беса от меня, потом остриг власы главы моей, облек меня в монашеский образ и вручил отцу Исаяе. Сей старец имел другого ученика по имени Петр. Прожил я у старца девять месяцев.

Отец мой, услышав о случившемся со мною, послал четырех слуг с восемью верблюдами, обремененными всякого рода съестными припасами и овощами; при этом послал и письмо ко мне. Взяв письмо и прочитав его, я начал плакать. Отец Исая, увидев в моих руках письмо, встал, отнял его из рук моих и разодрал. Когда я за это вознегодовал, то старец начал меня укорять пред слугами моего отца. С этого часа объял меня бес ненависти, я не мог видеть старца, ни слышать его голоса. Я смотрел на него, как на скомороха; слова его казались мне стрелами, обоюдоострым мечом. Стоя с ним на молитвах и бдениях, я проклинал его, и от большой ненависти и омерзения, которые я питал к нему, несколько раз вставал ночью, чтобы убить его; но боялся и страшился бывшего со мною другого ученика, Петра. Старец не переставал наставлять меня и учить, иногда увещевая, иногда же и угрожая. Когда я шел причаститься Св. Тайн, то он мне возбранял и отгонял с укоризнами; также отлучал от трапезы, говоря: "Не дам тебе пищи, доколе не скажешь: Согрешил я, прости меня"²⁰. Я же делал все напротив: крал и ел тайно; когда он стоял на молитве, я сидел; когда он упражнялся в бдениях, я спал; когда он плакал, я смеялся: столько я был послушлив бесу! Он начал мне показывать в снах неподобные мечтания на старца, а я, окаянный, верил этим

мечтаниям и часто наяву видел то, что прежде представлялось мне во сне. Я начал верить скверным и нечистым помыслам на старца, истекающим из сердца моего и смущающим меня, и стал соглашаться с ними. Итак, помыслы смущали меня внутренне, а бесы извне возбуждали меня на ярость, гнев и огорчение. Бес гор-

-303-

дости, или, лучше сказать, погибели, соделался моим учителем; чему он научал меня тайно и сокровенно, то начал я произносить и говорить пред всеми. Сидя, говорил я себе в горести: "Кто этот льстец и лицемер низкого происхождения, коего я, будучи такого города и такого рода, сын благородных родителей, кипящих богатством, имеющих столько разного скота, соделался учеником?.. Предстою ему, как слуга, подаю воду на руки, приготавливаю трапезу, дрова собираю и как раб ему работаю? Он бы должен мне работать и повиноваться, а не я ему! Сколько горестей, огорчений, скорби и печали, укоризн и бед я потерпел от него! Сколько он принуждал меня голодать, жаждать, не спать и лежать на голой земле! Сколько он меня унижал! Сколько зла он мне сделал!" Когда бес внушал мне это, то я более и более предавался гневу, почитая себя обиженным и много пострадавшим. Помысл говорил мне: уйди от этого проклятого и пребывай наедине в келье, подобно всем отцам: он не монах и не христианин. От таких помышлений я начал снова видеть сны о старце, будто он играет с женщиною и скачет пред кумирами; доверившись снам, утвердился в мысли, что старец есть враг Божий и друг бесам.

Вдали от скита, расстоянием как бы в девяти стадиях²¹, было эллинское капище, среди которого стоял мраморный кумир. Старец имел обычай каждую субботу выходить из скита и, сидя в капище, предаваться плачу. Были там и гробы язычников. И показалось мне во сне не однажды, но несколько раз, что старец приносит жертву и поклоняется идолам, а я почитал сны эти истинными. Однажды, в час, в который старец обыкновенно уходил в капище, упредив его, я вышел из кельи и спрятался внутри капища в кустарнике. Вижу — идет старец и впереди него женщина. Вошла женщина; вижу, она молится и поклоняется идолу; когда она окончила молитву — вижу, старец пришел, поклоняется идолу, целует жену и впадает с нею в любодееяние. Потом старец возвратился в скит, а жена — в луг. Это ясно я видел семь раз и твердо уверился в этом. И когда братия приходили к старцу ради пользы, то я, сидя вне кельи, говорил им: "Братия! Этот отец блудник и идолослужитель. Вы прельщаетесь, приходя к нему!" Таким образом я говорил инокам, приходившим к старцу, в течение четырех месяцев.

Но сколько я ни старался возбранить им приходить к старцу, они, руководимые благодатию Божиею, продолжа-

-304-

ли ходить к нему. Видя это, я, несчастный, сокрушался и воздевал к небу руки, говоря: "Господи! Даруй мне терпение!" Ибо я, окаянный и страстный, думал, что терплю за правду, и, как делающий добродетель, говорил со вздохом: "Слава Тебе, Боже! От какой чести в какое пришел я бесчестие и чем соделался!" И плакал. Старец, видя меня в таком положении, говорил: "Чадо доброе! Очисти свое сердце, *смири твои помышления, возлюби смирение Христово, гнушайся гордости* и внимай себе". Когда он говорил это, я гневался, огорчался и смущался. Слова его казались мне разжженными стрелами, снедающими меня.

Когда я сидел с ним за трапезою, то пища казалась мне смрадом, и я гнушался до того, что не однажды и не дважды, но и много раз отвергал ее.

Помысл внутренне не переставал смущать меня, говоря: "Уйди из кельи старца, а если можно, и из скита: смотря на сего старца, не сможешь спастись". Я говорил сам в себе: "За что я терплю такие страдания? В мире я не впал ни в блуд, ни в прелюбодеяние, ни в воровство, ни в убийство". Помысл, или правильное бес, говорил мне: "Ты достоин сожаления, ты оскорбил отца своего, мать, сродников и друзей; оставил святых отцов, пришел к этому обманщику иночествовать, жительство коего нечестиво, который немилостив и дерзок". Бес, внушая это мне, находил меня готовым к принятию скверных и злых помыслов. Будучи погребен во тьме, я думал, что хожу во свете; будучи сатаною, почитал себя монахом и, вместо того чтобы *охуждать и осуждать себя*, осуждал раба Божия. Когда я находился в такой буре от смущения помыслов, отец мой известил меня письмом, что мать моя умирает: "Приди увидеться с нею прежде, нежели она умрет". Итак, я сказал отцу Петру: "Поистине мне нужно пойти повидаться с моею матерью". Брат пошел и сказал об этом старцу. Старец же, придя ко мне, начал говорить: "Чадо доброе! Пребывай здесь с терпением Бога ради и оставь пристрастие к отцу и матери, ибо мы имеем Отца и Матерь в Боге; промысл Его устроит и нам и родителям твоим полезное. Если же ты прослушаешь меня и пойдешь, то родителям не принесешь никакой пользы, а себе повредишь; впоследствии будешь очень раскаиваться в сем, но поздно. Впрочем, отступление твое накажет тебя". Услышав это от старца и, по действию бесовскому, воспламенившись гневом, я отвечал ему:

-305-

— Обманщик, идолослужитель, блудник и прелюбодей! Хочешь ты сделать меня подобным себе идолослужителем и блудником?

— Благодать Божия в устах твоих, чадо! — отвечал мне старец. А я кричал:

— Обманщик! Идолослужитель!

Так что многие из отцов стеклись на голос мой, и все старцы меня укоряли и проклинали.

Я же, наущаемый бесом, схватив свою одежду, разодрал ее во гнев сверху донизу и, бросив в лицо старцу, вышел нагой из кельи.

Войдя в келию одного из старцев, украл у него праздничную одежду и отправился в Александрию.

Я нашел мать свою уже умершею, а отца больным. По истечении трех дней скончался и мой отец. В то время как я заботился об оставшемся богатом наследстве и раскаивался в том, что принял монашество, приблизился вечер. Я лег на постель и, помышляя о ските и об отце Исаяи, со стенанием говорил:

— Слава Тебе, Христе, Боже мой! Ты избавил меня от обманщика, лживого старца.

Едва я произнес эти слова, как услышал голос, подобный грому:

— Пагуба и вссгубительство дому Прокопиеву! Тотчас поднялся ветер, и дом загорелся с четырех углов.

Я встал в смущении и едва успел со всеми, бывшими в доме, бежать из него, ибо огонь со всех сторон охватил дом. Сбежались все александрийские жители, но никакой помощи не могли подать, ибо огонь поедал и самые камни. Я стоял

посрамленный и стыдился, помышляя о случившемся; от великой печали и уныния пошел и повергся в церкви святого Мины.

Опять бес, приняв подобие мученика, сказал мне:

— Знай, что виною всего случившегося с тобою — отец Исая.

Опомнившись, я сказал:

— Поистине этот обманщик — чародей и послал бесов попалить мой дом.

Утром, встав, пошел я к патриарху и сказал:

— Владыко, отомсти за меня идолослужителю, отцу Исаяе. Ибо он своим волхвованием сжег мой дом и все, что было в доме.

-306-

— *Немы да будут устны лъстивыя, глаголющая на праведного беззаконие* (Пс. 30, 19), — отвечал мне патриарх.

Когда патриарх произнес эти слова, я увидел мурина, который стал бить меня огненным жезлом и облек меня в железную броню. Я упал к ногам патриарха, неистовствуя. Тогда патриарх простер ко мне руку, и узы языка моего разрешились. Но я семь месяцев провел, мучимый лютым велиаром, представляя собою для всех зрелище, достойное сожаления. Нужно было связывать меня железными цепями. Я бил себя и всех меня окружавших; ел человеческие извержения. Христоролюбивые люди, сожалея обо мне, одевали меня, потому что я скитался нагой, терзал свое тело и одежду, мучая себя и толкая встречающихся. От недостатка в пище, от грязи и нечистоты, в которых я лежал и валялся, тело мое покрылось струпьями, подобно чешуе. Христоролюбцы города Александрии, увидев некоторых скитских отцов, привели их ко мне. Но отцы, видя меня, не узнавали. Тогда христоролюбцы сказали:

— Это сын Прокопиев, принявший монашество у аввы Исаяи.

Отцы сказали:

— Окажите любовь, доставьте его в скит. Христоролюбцы приискали проводника с верблюдом, дали ему золотую монету и, связав мне руки и ноги, отправили в скит.

Скитские отцы собрались в великую церковь, совершили всенощное бдение, молились о мне и, помазав все тело мое елеем, отгнали от меня беса. Однако раны и струпья продолжали меня мучить. Тогда я, недостойный и грешный, рассказал им подробно все, случившееся со мною, всем поведал мое бедствие и умолял, чтобы явили мне милость — умолили старца принять меня на покаяние и не допустить ко мне нового искушения от беса. Старцы пошли и привели отца Петра, другого ученика аввы Исаяи, бывшего со мною. Он, увидев меня лежащего и тело мое, сгнившее от ран и струпьев (отцы, желая преклонить старца к милости и сожалению, сняли с меня одежду, в которой я был, и нагого положили на рогоже), повергся на меня, и не было конца слезам его. Я лежал в трепете, не смея и взглянуть на него. Поплакав довольно, отец Петр встал, взял некоторых из отцов, пошел и привел авву Исаяю. Когда я увидел старца, идущего ко мне, то воззвал:

-307-

— Раб Божий, помилуй меня, прельщенного бесом! Не оставь меня в совершенную радость и веселие душегуби-тельному врагу! Довольно я наказан, был мучен по справедливости!

Старец, поплакав довольно, спросил меня:

— Чадо! *Познал ли, что падение бывает наказанием для гордых?*

— Познал, отец мой, — отвечал я, — познал из того, что случилось со мною, и научился из того, чему подвергся! Я уверовал, что Господь правосудно воздает каждому по делам его.

Старец, знаменовав меня крестным знамением, сказал:

— Бог, содетель всякой твари, да простит мимошедшее и да исправит будущее.

Положили меня на одр и отнесли в келью. Через несколько дней я исцелился благодатию Христовою и молитвами старца. Исполнились на мне слова пророка: *браздами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к Тебе*. И еще: *многи раны грешному* (Пс. 31,9-10). Отцы скита, видя, что все случившееся со мною достойно описания, призвали Пиония, искусного краснописца, и приказали мне с точностью и подробностью рассказать ему все. Краснопи-сец, написав повесть, поместил в первой книге, в которой помещены статьи о мечтаниях и искушениях бесовских²². После этого я уже пребывал с отцом моим Исаиею, во всем ему повинуюсь»²³. Сими словами закончил преп. Елисей свой назидательный рассказ.

Таким образом, мы видим, что человек, зараженный «мнением» относительно собственной правоты, готов на любые преступления. История, действительно, показывает многочисленные примеры, когда люди их и совершали, *мняся службу принести Богу* (Ин. 16, 2).

IV. Мечтательность

Этот род прелести есть следствие неуместной деятельности воображения во время молитвы. *Когда мы молимся, то ум должен у нас молчать, а сердце говорить*. Никаких образов не должно быть, как равно, впрочем, и сердце должно содержать себя в благочестии, то есть должно быть *сокрушенно и смиренно* (Пс. 50, 19). Один из величайших делателей сокровенной молитвы, достигший истинного созерцания божественных вещей, преп. Симеон Новый

-308-

Богослов, так описывает мечтательное молитвенное делание прелестников этого типа:

«Отличительные свойства [сего] образа [молитвы] таковы: когда кто, стоя на молитве и воздевая на небо руки свои, и очи свои, и ум свой, держит в уме божественные помышления, воображает блага небесные, чины ангелов и обители святых, и кратко, все, слышанное в Божественных Писаниях, собирает в ум свой и рассуждает о том тогда во время молитвы, зря на небо, и подвигает тем душу свою к вожделению и любви Божией, а иной раз извлекает даже слезы и плачет.

...При этом образе (молитвы, если кто на нем одном останавливается, бывает, что мало-помалу молящийся так) начинает кичиться в своем сердце, сам того не понимая. Ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божией в утешение ему, и он молит Бога сподобить его всегда пребывать в таком делании. А это есть... знак прелести...

Такой человек, если убезмолвится крайним безмолвием (то есть сделается затворником), то ему едва ли можно не сойти с ума... Но если и случится, что не сойдет он с ума, все же невозможно ему будет стяжать добродетели или

бесстрастие. Стоя на этом пути, прельщаются и те, которые видят свет телесными своими очами, обоняют благовония своим обонянием, слышат голоса своими ушами и подобное. Некоторые из таких взбесновались и в безумии ходят с места на место. Другие прельстились, приняв диавола, преобразившегося и явившегося им в виде Ангела света, а они того не распознали и остались неисправимыми до конца, не желая слышать совета ни от какого брата. Иные из таких сами себя лишили жизни, быв подвигнуты на то диаволом; иные бросились в пропасть; иные удавились. И кто может пересказать разные прелести, какими прельщает их диавол, когда они неисчислимы?..

...Если же и случится кому из употребляющих сей образ (мечтательной молитвы. — Еп. Варнава) не пострадать ни от какого из тех зол, о коих мы сказали, по причине сожительства с братьями [потому что им подвергаются особенно те, которые живут уединенно], то все же он всю свою жизнь проведет, не преуспев в духовной жизни»²⁴.

Примером этого прелестного делания являются:

-309-

• *Католическая мистика*

Выше уже были указаны случаи ненормального духовного устройства католических святых²⁵. Здесь я еще укажу на некоторые черты из жизни одного из самых знаменитых подвижников Запада, именно — Франциска Ассизского. В нем соединились вместе указанные крайности: необузданное тщеславие и самомнение, с одной стороны, и чудовищная мечтательность и воспаленное воображение — с другой. (Стоит оговорить здесь, что в действительности часто совмещаются оба вида прелести и разделяют их в аскетике так для удобства описания и для более легкого наблюдения за самим собой.)

Итак, Франциск Ассизский начал свой подвиг со следующих гордых слов²⁶: «Знаете ли, что будет день, когда весь мир преклонится передо мною?» Чем дальше, тем эти страсти (тщеславие и гордость) росли в нем все больше. Через пять приблизительно лет после вступления на стезю, которая должна была привести к его прославлению, 14 сентября 1224 года, на рассвете, находясь около своей кельи, Франциск так уже молится ко Христу: «...я прошу Тебя только о двух милостях... Первая — это, чтобы я... мог душою и телом пережить все те страдания, *которые Ты испытал...* И вторая милость... чтобы... я мог почувствовать *всем существом моим ту неограниченную любовь, которою горел Ты, Сын Божий...*» Если просьба вторгается в мир сказок, то было бы странно, если бы она не исполнилась. Ибо, как в сказках, так и в прелестном состоянии, все желания человека исполняются, ибо там и здесь заправи́лы одни — бесы, всегда охочие угодить страстям и мечтаниям человеческим. И мы видели уже²⁷, что Франциск получил, как ему казалось, то, о чем он молился...

Что касается деятельности его воображения, то в этом отношении Франциск превзошел всех своих предшественников: он мог свободно силою воображения, сосредоточенного на крестных страданиях Спасителя, разгонять свою кровь по соответствующим направлениям, то есть к местам язв Господних на руках, ногах и правой стороне груди; так что кровь наконец пробивалась наружу и образовывала шрамы, получившие названия «стигматов».

Представление в уме событий из жизни Христа привело к тому, что Франциск даже стал внешним образом *копировать*²⁸ их. Что, конечно, есть дело гордостное. Наконец, он

-310-

скончался со словами: «Я исполнил то, что должен был исполнить... Я возвращаюсь к Богу; да умиლოსердится Он над вами»²⁹. А сам как будто бы уже не нуждался в милосердии?..

• *Индийская мистика*

Хотя она не христианская, и даже настроена враждебно по отношению к христианству, но я позволю себе сказать несколько слов по поводу ее учения о способах развития в человеке внутренней силы, потому что всеми подобными учениями, родственными между собою, слишком сейчас увлекаются, а люди времен антихристовых, к которым нам нужно готовиться, едва ли не будут воспитаны целиком на этой мистике оккультистов, представляющей полную противоположность христианской.

У индийских йогов (особенно этому учит Раджа-Йога)³⁰ все дело заключается в развитии воображения и фантазии. «Воображение — это та способность, которая больше всего имеет значения в индийской мистике», — говорит писатель, взявшийся в свое время распространять оккультные идеи в русском обществе³¹. Столь выдающаяся роль воображения с практической стороны объясняется очень просто. При отсутствии идеи Личного, Живого, Любящего Бога, что же остается делать человеку, когда на него надвигаются события, которые он не в силах предотвратить? Верующий христианин поплачет, помолится, и Бог совершит для него, если нужно будет, и чудо. А так как йоги, при всей их близости к демонам (о которой имеющим низшую степень посвящения не сообщается), не в силах изменить определения Божий, зависящие от покаяния человека и наличия у него правой веры, то они измыслили свое «спасение», — именно, — защищаются от несчастий, во-первых, верой в фатализм («что будет, то будет, ничего не поделаешь, нечего заранее посему и волноваться») и, во-вторых, воспитанием своего духа таким образом, чтобы при возможных ударах судьбы (эпидемии, войне, личном несчастье, приближении смерти) не растеряться и постараться замкнуться в своем внутреннем мире, наглухо отгородясь от внешнего. Этот мир фантазии дает йогу, благодаря долгому самовоспитанию, иллюзию внутреннего спокойствия³². Понятно, что на высших степенях посвящения, когда йоги входят в непосредственные отношения с демонами и «активная» или «пассивная» кон-

-311-

центрация³³ переходит в состояние погружения в нирвану, прелесть сообщает человеку полную нечувствительность к миру. И они этим довольны, говоря о сем, как о чем-то великом.

V. Врачевства против прелести

«Никак не прими, — говорит преп. Григорий Синаит, — если увидишь что-либо чувственными очами или умом, вне или внутри тебя, будет ли то образ Христа, или ангела, или какого святого, или если представится тебе свет... Будь внимателен и осторожен! Не позволяй себе довериться чему-либо, не вырази сочувствия и согласия, не вверься поспешно явлению, *хотя бы оно было истинное и благое*. Пребывай холодным к нему и чуждым, постоянно *сохраняя ум*

свой *безвидным*, не составляющим из себя *никакого воображения* и не запечатленным никаким изображением. Видевший что-либо в мысли или чувственно, *хотя бы то было и от Бога*, и принимающий поспешно *удобно впадает в прелесть*, по крайней мере, обнаруживает свою наклонность и способность к прелести, *как принимающий явления скоро и легкомысленно*. Новоначальный должен обращать все внимание на одно сердечное действие, одно это действие признавать не прелестным, — прочего же не принимать до времени вступления в бесстрастие. *Бог не прогневается* на того, кто, опасаясь прелести, с крайней осмотрительностью наблюдает за собою, если он и не примет чего посланного от Бога, не рассмотрев посланное со всей тщательностью; напротив того, Бог похвалит такого за его благоразумие»³⁴.

Итак, действия сердца: чувство покаяния, слезы, сокрушение о своих грехах, самоукорение, память смертная, страх Божий, смирение — вот верная стезя к получению спасения и истинной молитвы и, если то будет угодно Господу, дара видений. Сознание собственных грехов и почитание себя ниже всякой твари и самих бесов³⁵ пусть, как заноза, вратет в наше сердце. Только тогда мы можем надеяться, что прелесть и демоны нас не погубят, а благодать Божия нас воспримет. Иначе конец наш — погибель вечная, и очень легко может быть, что наступит она еще здесь.

-312-

§ 2. Непосредственное общение с духами тьмы и прямое служение сатане.

Есть множество наивных людей на свете, которые думают, что магия, колдовство и тому подобные вещи существуют только в тьме сказках.

В свое время я собрал¹ много книг по белой и черной магии и по всем отраслям сатанизма и, ознакомившись с ними², хотел выступить с обличением тех планов, которые сатана проводит в мир тайно и явно через своих поклонников и намерен проводить и дальше, вплоть до времен антихриста и своего низвержения с ним вместе в *озеро огненно и жупелно*, где будут мучимы день и ночь, во веки веков (Откр. 20, 10). Я, говорю, хотел это сделать, но удержал от писания мою руку тот, кто знал лучше меня и других обо всех этих вещах (2 Фес. 2, 7) и однако не предал сего письменам.

Да христианин должен и сам ясно видеть и понимать, что если существуют бесы, то должны существовать и маги — их поклонники и служители, — и магия, то есть догма и культ бесовские. А «неверного ничем не уверишь», как сказал некогда по этому же поводу одному интеллигенту преп. Серафим Саровский³. Посему я ограничусь здесь только сообщением некоторых соборных правил Православной Церкви, запрещающих занятия магией.

Соборные правила никак не обнимают всех видов волхвования; отсюда вытекает необходимость в дополнительных постановлениях, выражающих отношение Церкви к наиболее важным течениям сатанинской мистики, распространяющейся в обществе (что требует скорейшего рассмотрения, и притом не только со стороны частных лиц, а со стороны самой Церкви или хотя бы ее правящих органов). Но приведу немного из тех постановлений, что имеются⁴.

По правилам церковным:

- Покаявшийся в волшебстве подлежит епитимий, положенной для убийцы⁵, то есть отлучению от Св. Тайн на двадцать лет и более.

- Обаятели⁶, изготовители предохранительных талисманов, колдуны, гадатели подлежат шестилетней епитимии⁷.

- Закосневшие в этих «языческих вымыслах» совершенно извергаются из Церкви⁸.

- Ходящие к чародеям (и к гадалкам) или приводящие их к себе на дом, или выпускающие к себе в квартиру для гадания и волхования подвергаются пятилетней⁹ или шестилетней епитимий¹⁰.

- Приходящие, «презрев исповедание, им вверенное», к колдунам и прорицателям или к обещающим чрез демонов избавить от какого-либо вреда подвергаются осуждению с отступниками от веры, то есть отлучаются на восемь-двенадцать лет и даже на всю жизнь от Св. Тайн, смотря по тяжести обстоятельств, которые вынудили их решиться на такое дело¹¹.

Столь же предосудительны занятия спиритизмом, гипнотизмом, теософией и прочим¹².

По всем этим вопросам можно было бы написать громадный том, но пусть это сделают другие, разумеется, взяв благословение у тех, кому вверены ключи Царства Небесного.

-314-

Комментарий составителя.

Ряд косвенных данных, содержащихся в рукописи «Основ искусства святости»

(создана, в целом, в 1922-1928 гг.) позволяет уточнить время написания некоторых ее частей, вошедших в настоящий том. Так, § 3. Сквернословие (Отдел III. Глава 2) создан не ранее января 1923 года, времени кончины схиигумена Германа Зосимовского (Гомзина), о которой упоминает епископ Варнава. § 4. Печаль (Отдел III. Глава 3) писался между 1916 (не ранее марта) и 1920 годами. § 8. Гордость (Отдел III. Глава 3) написан не позже февраля 1920 года, когда автора хиротонисали во епископа (в материалах к параграфу имеется подпись: «иеромонах Варнава», что и позволяет сделать подобное заключение).

В § 6. Аскетическая физиология тела (Отдел III. Глава 1; в этом томе см. с. 93) имеется позднейшая авторская вставка 1951 года: абзац о физиологических изменениях женского организма, происходящих в результате тяжких работ (по опыту советской жизни). Приложение к § 5. Служение (культ) плоти (Отдел III. Глава 1) сохранилось лишь в рукописной копии, сделанной инокиней Серафимой (Ловзанской) в середине шестидесятых годов.

В четвертом томе данного издания предполагается поместить развернутый комментарий к «Основам». Но сейчас необходимо отметить следующее. В начале XX столетия для церковных апологетов особенно насущной стала борьба с философией прогрессизма и материализма, обожествляющей науку, с аморализмом в литературе и искусстве, с вульгарным социологизмом, господствующим в общественном мировоззрении. Поэтому еще студентом

Московской духовной академии (1910-1915 гг.) о. Варнава по благословению старцев Зосимовской пустыни начал изучать умонастроения различных слоев русского общества с тем, чтобы со временем выступить с защитой церковного миропонимания. Неудивительно, что в своем труде по аскетике он постоянно развенчивает культ «научности», препятствовавший становлению в русском обществе подлинно свободного сознания. Это, конечно, не означает, что автор отвергает науку, напротив, он от вергает невежество, прикрывающееся ее именем. (См., например: *Варнава (Беляев)*, еп. Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики. Т. 1. Нижний Новгород, 1995. С. 355, прим. 5. С. 364, прим. 4.) Уже в пятидесятые годы в своей книге о гомилетике епископ Варнава писал, обращаясь к будущим пастырям Церкви: «В наш безбожный век быть человеком образованным и в то же время верующим, само по себе составляет большую добродетель».

Суждения автора в отношении некоторых известных лиц и явлений видятся иногда как спорные, однако сами по себе эти мнения представляют значительный исторический интерес, помогая уточнять церковные позиции по важнейшим проблемам окружающей жизни. Главное в «Основах» — это описание внутреннего устройства человека, его борений со страстями, живое изображение подвижнического делания, а обличение литературных, научных, общественных явлений современной цивилизации служит автору лишь иллюстрацией того, как проявляются в реальности те или иные законы аскетики.

Указатели ко второму тому составлены Дьяковой И. З. и Проценко П. Г.

Список условных обозначений

< > — уточнения, введенные в текст составителем; <...> — пропуски текста из-за его неразборчивости или стилистической и смысловой неясности; [] — примечания автора в цитатах;

Аω (заменено на "Основы") — авторское обозначение «Основ искусства святости». Пропуски в цитатах отмечены многоточием.

Составитель